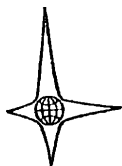
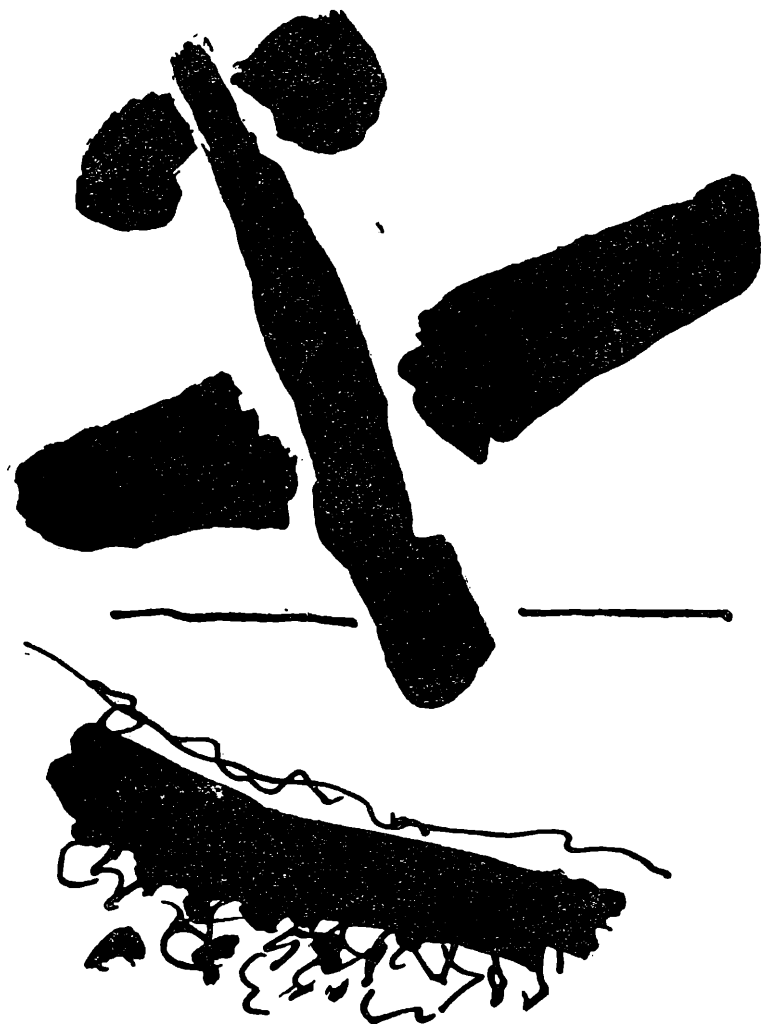

ОГНЕННЫЙ ЦИКЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ОГНЕННЫЙ ЦИКЛ

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Предисловие В. Ревича

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1970

- О 38 **Огненный цикл.** Сборник науч.-фантаст. рассказов. Переводы. Предисл. В. Ревича. М., «Мир», 1970.
440 с. (сер. Зарубежная фантастика)

Сборник посвящен одной из наиболее популярных в фантастике тем — контактам с разумными обитателями иных планет.

Помимо повести Хола Клемента «Огненный цикл», в нем публикуются рассказы известных советскому читателю писателей-фантастов Станислава Лема, Теодора Старджона, Фредрика Брауна и др.

7-3-4
169-70

Сб. 3

ВОЙНА МИРОВ И МИР МИРОВ

Что вам вспомнится, если речь пойдет о встрече с внеземной цивилизацией? Прежде всего, должно быть, жуткие уэллсовские марсиане, полосующие нашу несчастную планету своими тепловыми лучами.

А может, в первую очередь возникнет совсем иной образ — нежная, худенькая марсианка Аэлита, ставшая символом любви, — любви, которая ломает тысячелетние предрассудки и прорывается через космические бездны.

Или же вам припомнится одна из самых грандиозных фантастических идей нового времени — Великое Кольцо из романов И. Ефремова, содружество бесконечного множества обитаемых миров.

...Первый Контакт, Столкновение Цивилизаций, Война Миров, Встреча Разумов — вот чему посвящена значительная часть современной фантастической литературы, а предлагаемый читателю сборник целиком.

Конечно, в серии «Зарубежная фантастика» человечество уже не раз встречалось с «иноземцами». Читателю знакомы, скажем, произведения такого певца Контакта, как Клиффорд Саймак. Американский фантаст поворачивает эту тему самыми разными гранями, изучая, какие моральные, мировоззренческие, политические последствия мог бы иметь Контакт, доросли ли люди до него или нет, полезен он или вреден, что мы можем позаимствовать у пришельцев, а они у нас и т. д. Экспериментирует Саймак и в чисто литературном плане, изобретательно придумывая, как правило, странные, необычные формы, в которые воплощается разум. Крайнего выражения эта тенденция достигает в его романе «Все живое...», где носителями разума оказываются цветы.

Совершенно в другом ключе — горьком, злом и вместе с тем лиричном и глубоко психологичном — написаны «Марсианские хроники» Рэя Бредбери. Главный враг писателя — пошлость, агрессивная, торжествующая пошлость, которой уже тесно в земных границах и потому она захватывает космические рубежи. Р. Бредбери не ищет экстравагантностей — его марсиане во всем похожи на людей, и появляются они исключительно для нравственного поединка с землянами, причем иногда перевес сил и симпатии автора на стороне людей, а иногда — на стороне марсиан.

Не будем увеличивать число примеров, многое читатель почерпнет из настоящего сборника. Однако даже из сказанного ясно, что тема эта в отличие от многих других имеет важную особенность, которая не дает возможности ни одному сборнику произведений о встрече человечества с инопланетным разумом охватить хотя бы главнейшие ее направления. Дело в том, что она безгранична, и искать в ней главные направления — все равно что искать главные направления в литературе вообще. А ведь на первый взгляд сюжет кажется достаточно частным.

Конечно, перспектива встречи с неземными разумными существами не может не волновать человеческий ум сама по себе, без дополнительной литературной обработки. Одиноки ли мы во Вселенной? Можем ли мы связаться и, тем более, свидеться с коллегами из других миров? Какие они, «братья по разуму»? Поймем ли мы друг друга? Все эти вопросы нередко дебатировались на страницах не только научно-популярной, но и общественно-политической прессы. Внимание читателей неизменно привлекают газетные заголовки то о якобы обнаруженных непонятных закономерностях в радиоизлучениях, идущих

от далеких звезд, то о проектах посылки земных сигналов в космическое пространство. Быть может, не самой важной для науки, но, вероятно, самой сенсационной за последние сто лет была гипотеза Скиапарелли — Лоуэлла о том, что каналы на Марсе — результат инженерной деятельности разумных существ. Много толков вызвали в наши дни идеи И. Шкловского относительно искусственного происхождения спутников Марса.

Находятся, разумеется, скептики, которые выливают ушата холодной воды на излишне горячие головы, что, впрочем, иногда не мешает. Хоть какая-нибудь определенность по данному поводу имела бы кардинальные философские последствия, но выдавать желаемое за действительное все же не стоит.

Однако то, к чему выпущдена придирается строгая наука, не только разрешено, но и должно приветствоваться в фантастической литературе. И фантастика не преминула воспользоваться возможностями, которые открывает ей тема встречи с инопланетным разумом.

Самое любопытное, конечно, насколько искомое существо похоже на человека. Один из активных защитников антропоморфной точки зрения, Иван Ефремов, считает, что все разумные существа в процессе эволюции не могут не прийти к человеческому образу. Для писателей такой вариант имеет особую привлекательность; человекоподобны и герои большинства рассказов сборника «Огненный цикл».

Впрочем, с этим согласны далеко не все. Мы уже упоминали о Саймаке. Диаметрально противоположных взглядов придерживается и Станислав Лем. Особенно наглядно они проявились в его романе «Солярис», где повествуется о плазменном сверхорганизме, покрывающем всю планету. Представленный в сбор-

нике рассказ «Крыса в лабиринте» тоже демонстрирует нам некое чудовищное, не укладывающееся в земные представления существо.

Рассказ этот — как бы одна из заготовок к «Солярису», и мысль в нем проведена та же: «среди звезд нас ждет Неизвестное». Попад в «сверхъестественные» условия, человек оказывается в положении подопытного животного, «крысы в лабиринте». Однако в отличие от крысы состояние растерянности у мыслящего человека обычно длится недолго. Как только герои «Соляриса» сумели понять происхождение призраков, столь напугавших их вначале, они стали хозяевами положения. Сумел разумно объяснить невероятные, не имеющие аналогий происшествия в чреве космического Левиафана и герой публикуемого рассказа.

Не согласен с «антропоморфистами» и американский фантаст Фредрик Браун, автор рассказа «Кукольный театр». (Разумеется, речь идет не о прямой полемике.) Он высмеивает необоснованные претензии «господствующих рас», выступает против ксенофобии, ненависти к чужакам, существам иной физической организации, с иным цветом волос, кожи... Конечно, рассказ Ф. Брауна — всего лишь остроумная шутка с ударной концовкой, но очень нетрудно слово «ксенофобия» заменить некоторыми другими терминами из политического словаря современных Соединенных Штатов Америки.

Компромиссные позиции занимает Хол Клемент, автор самого крупного произведения сборника — «Огненный цикл». Раса, описанная в повести, и похожа на людей — немного внешне, немного психологически, и не похожа — по общим принципам жизни, по способу размножения и т. д. Тем не менее народец Клемента придуман не совсем на пустом месте. Из астро-

номии известно, что в солнечных системах с двойными звездами вряд ли может существовать жизнь: слишком неравномерны природные условия, в которые попадали бы планеты, вращающиеся вокруг таких солнц. Автор вполне резонно предполагает, что приспособляемость жизни невероятно велика, и пытается сконструировать сложную биологическую модель, которая приноровилась к чудовищным температурным перепадам на Абьёрмене. Когда наступает кризисный период и отступают моря, раса эта «вымирает», перевоплощаясь в существ иной организации, которые могут перенести «огненный цикл», а когда он заканчивается, наступает возрождение. Просто для живых существ такой генетической преемственности, обеспечивающей сохранность вида, было бы достаточно, но для разумных созданий этого мало. Они должны еще обеспечить передачу информации от поколения к поколению, чтобы не начинать каждый раз с самого начала. Поэтому в их обществе возникает культ Книг, самого драгоценного, что только есть у обитателей планеты, и культ Учителей, которые, переживая циклы в подземных убежищах, служат передатчиками знаний.

Однако как ни соблазнительно фантазировать по поводу внешнего вида и образа жизни инопланетян, главная привлекательность темы «встреча разумов», ее устойчивая популярность объясняется вовсе не этим.

В любом произведении художественной литературы автор в той или иной степени, пристрастно или беспристрастно, но непременно судит своих героев, или скажем так: оценивает их, выясняет, чего они стоят как люди. И трудно придумать лучшую смотровую площадку, трудно придумать более удобную

ситуацию для такой оценки, чем, столкнув человечество с посторонним разумом, дотошно рассмотреть, что из этого получится. В таком столкновении все в человеке подвергается жестокой проверке. И его физические данные — себе мы кажемся красивыми, но так ли уж целесообразно и хорошо мы устроены, нельзя ли найти более удачную «конструкцию»? И его моральные ценности — так ли уж они безусловны, не требуют ли кое-какой корректуры? И уж, конечно, создания его рук и его мозга.

Приемом такой «посторонней» проверки литература пользовалась издавна. Возьмем, к примеру, вольтеровского «Микромегаса». Поместив земных философов под увеличительное стекло, направленное на Землю гигантскими галактическими мыслителями, Вольтер подчеркнул убожество, мизерность своих противников.

Нет такой стороны в жизни людей, которая не могла бы быть затронутой, упомянутой или описанной в произведениях о Контакте. Отсюда бесконечное разнообразие подобного рода произведений.

Я думаю, что именно этой, чисто человеческой, а не только философско-научной стороной объясняется и тот интерес к поискам внеземных цивилизаций, о котором шла речь. Вряд ли кто собирается заполучить от пришельцев научные знания дешевым путем, нет, налицо стремление поглядеть на себя со стороны, выяснить, какое же место в мироздании занимаем мы, люди. Прежде всего мы ищем во Вселенной самих себя. И литература делает то же, только ей в отличие от науки легче завершить эти поиски позитивными результатами. Писателя чаще всего мало заботит, как могут выглядеть внеземные создания, буде таковые окажутся в действительности. Он придумывает

вает всех этих карпиан, гломов, лимбеанцев, дэлов, энейцев или дурдиотов только для того, чтобы ярче, нагляднее провести ту мысль, ради которой он взялся за перо. И перед нами возникают просто-напросто карнавальные маски, за которыми прячется вполне земная суть. А это означает, что возможные научные или наукообразные аспекты отходят в сторону и остаются чисто литературные атрибуты — художественные и идеологические.

Здесь уж все зависит от взглядов и намерений писателя. Можно нарисовать нападение на Землю, чтобы тем самым заклеить тупую, нерассуждающую силу, называемую Агрессией, как это сделал Уэллс в своем романе, но можно и бесчисленное количество раз варьировать сцены космической резни в духе марсианского цикла Эдгара Берроуза для любителей легкого и легчайшего чтения.

Не трудно заметить, что мотив конфликта, тем более вооруженного, между мирами в гораздо большей степени характерен для западной фантастики, чем для нашей. Отнюдь не все произведения, в которых описан такой конфликт, вдохновлены обскурантистскими целями, напротив, многие из них достигают весьма высокого накала социальной критики. Тем не менее социалистическое мировоззрение, видимо, плохо мирится с той мыслью, будто разумные существа, которые достигли столь высокой степени цивилизации, что совершают космические перелеты, не смогут найти общего языка и унижаться до такого варварства, как война.

Впрочем, рассказы этого сборника демонстрируют как раз мирные исходы встреч, хотя в некоторых из них отношения между сапиенсами и несколько натянуты. В большинстве же мы видим не только сотрудничество, но и дружество, полное взаимопонимание.

Если в повести «Огненный цикл» капитан звездолета поначалу опасается передавать научные знания обитателям планеты Абельмен, боясь их экспансии на Землю (космическая угроза — любимый сюжет многих англо-американских фантастов), то, к чести землян, эта точка зрения быстро сменяется другой, люди приходят аборигенам на помощь. Побеждает гуманизм, если только можно придать этому земному слову более широкое звучание, распространить его на всю разумную Вселенную.

Обычно произведения, в которых описываются полеты землян к далеким мирам, масштабны, в них изображается облик целых планет, целых государств, а действие происходит в далеком будущем при самой совершенной технической вооруженности. Гостям же из космоса никто не мешает наносить пач ответные визиты не только в будущем, но и в настоящем, и даже в прошлом. Это позволяет писателю не организовывать глобальных вторжений, все знают, что их не было, а, забросив одиночных представителей иных миров в гущу людей, пристально понаблюдать за тем, как сложатся в дальнейшем их взаимоотношения с населением Земли.

Многие произведения носят критический характер; человечество (не вообще, конечно, а в какой-нибудь вполне конкретной социальной плоскости) осуждается с точки зрения более высокой, более совершенной морали. Так, довольно часто встречается описание встреч инопланетян с обывателями, которые не в состоянии вообразить себе что-либо выходящее за пределы их кругозора и которые скорее согласятся самих себя счесть за сумасшедших, чем отступить от надежного принципа — «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Ясно, что такое событие, как поя-

вление существа из иного мира, дает массу возможностей для обличения ограниченности, и не удивительно, что эти произведения чаще всего решаются в юмористическом или трагикомическом ключе. Примером может служить рассказ писателя и поэта из ГДР Гюнтера Кунерта «Марсианин». Так никто и не поверил бедному, потерпевшему крушение марсианину, что он прибыл с Марса.

Интересно отметить, что рассказ под тем же названием и с примерно схожей идеей был написан в 1889 году Мопассаном, это одно из первых произведений «марсианской» фантастики. Подобная устойчивость темы не случайна — ведь и явление, против которого выступают писатели, не исчезло.

Итак, при встрече с представителями иных миров люди частенько проигрывают. Но отнюдь не всегда. Цена и поддерживая критические направления в западной фантастике, мы должны с не меньшим интересом отнестись к произведениям, написанным в иной тональности. Сейчас одна из самых модных тем в западном искусстве — тема некоммуникабельности, утверждение тезиса о том, что люди органически не способны договориться между собой, понять друг друга, а тем более помочь друг другу. Такие рассказы, как «Ракета Мяуса» Теодора Старджона или «Бетти-Энн» Криса Невила, прямо направлены против этого течения. Они утверждают доброе в людях, как и во всех разумных существах. «Бетти-Энн» мне представляется лучшим произведением сборника — это трогательная история неземной девочки, выросшей среди людей и, подобно «волчонку» Маугли, долгое время не подозревавшей о своем подлинном происхождении. Тонкая реалистическая разработка обстановки провинциального американского городка, школы,

колледжа, своеобразные характеры самой Бетти-Энн, ее приемных родителей, сверстников выделяют этот рассказ среди произведений среднефантастического уровня.

В заключение надо бы упомянуть о двух юморесках Джанни Родари; впрочем, вряд ли они нуждаются в комментариях: не трудно заметить, что здесь-то уж пришельцы совсем не при чем. Известный итальянский писатель воспользовался их услугами лишь для того, чтобы поглубже вонзить сатирическое жало в окружающие его капиталистические будни.

Всеволод Ревич

ОГНЕННЫЙ ЦЫБЛ**1. Логистика**

На первый взгляд, если принять во внимание общий рельеф лавового поля, планер выглядел значительно лучше, чем можно было ожидать. Хвостовое оперение было в порядке; обшивка фюзеляжа пострадала только в нижней части; даже узкие крылья казались невредимыми. Окажись здесь где-нибудь в пределах трех тысяч миль катапульты, можно было бы поддаться соблазну и попробовать снова поднять аппарат в воздух. Даже Дар Лан Ан мог бы обмануться, будь его глаза единственными приемниками информации.

Но полагаться приходилось не только на зрение. Ведь именно он был тем бедолагой, который вел эту машину. Он видел, как изрытая черная поверхность лавового потока ринулась ему навстречу, когда внезапный порыв ветра потащил планер по направлению к безымянному вулкану; он ощутил удар, а затем упругий толчок, когда пружинистая деревянная рама воздушного корабля приняла на себя часть энергии столкновения; и, что самое главное, он услышал, как треснули лонжероны обоих крыльев. Первое, что пришло ему в голову, была мысль не о том, каким образом снова подняться в воздух, а о том, стоит ли перед тем, как покинуть планер, придать ему более явные признаки крушения. Впрочем, дело, конечно, было не в этом. Истинной причиной беспокойства Дара были книги.

Разумеется, книг было не так уж много; Ри Пел Ун был слишком предусмотрителен, чтобы доверить одному пилоту сколько-нибудь значительные сведения

о городе. Но и эти книги не должны были пропасть втуне. Его долг — доставить их в Ледяную Крепость, а восемь сотен лет — срок вполне достаточный для того, чтобы воспитать в себе глубокую преданность долгу. Именно столько прожил на свете Дар Лан Ан.

К счастью, книги оказались не слишком тяжелыми. Он решительно принялся за дело, стараясь уложить все необходимое в компактный узел, который не мешал бы ни при ходьбе, ни в случае, если бы пришлось взяться за оружие. Когда он наконец выпрямился и двинулся в путь, прочь от места катастрофы, он нес на себе книги, весившие примерно половину его собственного веса, в десять раз меньше еды, а также арбалет и стрелы, с которыми не расставался с самых ранних дней. В планере осталась большая часть продовольствия, зато не осталось ни одной книги.

Маршрут он продумал, пока упаковывал ношу. Путь к намеченной цели по большому кругу составлял чуть более двух тысяч миль, из которых половина приходилась на океан. Расстояние, которое он намеревался пролететь, было значительно длиннее — из-за островов, дававших возможность пересечь океан перегонами не более пятидесяти миль каждый. Он решил держаться этого маршрута, потому что уже несколько раз летал таким путем и хорошо знал местность. Разумеется, с грунта ориентиры будут выглядеть иначе, но для его фотографической памяти это не должно представить больших затруднений.

Сначала, конечно, ему пришлось отклониться от избранного направления. Такой путь повел бы его чуть ли не прямо через гору, на подступах к которой он разбился. Благодаря особенностям своего телосложения Дар был гораздо более искусным скалолазом,

нежели любое человеческое существо, однако вершина горы курилась желтоватым дымом, а лава под ногами, как ему показалось, была несколько теплее, чем если бы она просто нагрелась от солнца. И потому, хотя ближайшая точка океанского побережья, к которой он устремлялся, находилась на северо-востоке, а ближайший край лавового поля лежал прямо на севере, он двинулся на северо-запад, так что алое солнце, именовавшееся Тииром, повисло слева и позади него, а маленький голубоватый Аррен — за спиной.

Лавовое поле нелегко пройти пешком, даже без тяжелой ноши. А с грузом, как у Дар Лан Ана, это оказалось настоящей мукой. Подошвы его ног были достаточно крепки, чтобы не бояться острых камешных обломков, которые ему не удавалось обойти, но здесь не было ничего похожего на ровную тропинку. Снова и снова он мысленно увеличивал сроки, необходимые для этого перехода, но так ни разу и не признался себе, что, быть может, не сумеет дойти до цели.

Дважды он ел и пил, если так можно выразиться о символических глотках и крохах, которые он себе позволил. Оба раза он даже не замедлил шаг. От места, где разбился планер, до края лавового щита было менее пятидесяти миль, но если бы он упал и заснул на середине пути, он бы наверняка погиб от жажды. Нигде на лавовом поле, насколько он знал, не было воды; между тем лето приближалось, а он испытывал в воде не менее острую нужду, чем человеческое существо в таком же положении.

Когда он ел в первый раз, гора была уже достаточно далеко, и он повернул на север, так что Тиир теперь светил ему прямо в спину. Аррен догонял красное солнце, но тени все еще были коротки. И хотя Дар Лан Ан был привычен к сиянию двух солнц,

ему было довольно трудно оценивать рельеф на расстояниях более чем в несколько десятков ярдов, и потому он часто избирал далеко не самый прямой и короткий путь.

И все же он двигался вперед. Когда он «принимал пищу» во второй раз, вулкан уже скрылся из виду, а еще через несколько часов ему показалось, что он различает впереди полосу зелени. Разумеется, это мог быть мираж, но Дар Лан Ан понятия не имел о миражах. Это могло быть и более плотное скопление мясистых колючих растений с толстыми, как бочки, стволами, которые росли там и сям прямо из лавы. Но путник был уверен, что это настоящий лес, растительность, а значит, и много воды, в которой он с каждым шагом нуждался все острее. Он облегченно вздохнул, поправил на плечах узел с книгами, допил остатки воды и вновь зашагал к далекому горизонту. Свою ошибку он обнаружил несколько раньше, чем вновь ощутил жажду.

Двигаясь напрямик, он смог бы легко пройти расстояние до леса. Даже со всякого рода зигзагами и обходами, к которым вынуждало его лавовое поле, он сумел бы покрыть это расстояние, прежде чем муки жажды доконали его. Мысль о серьезных препятствиях просто не приходила ему в голову, потому что во время прежних своих полетов он не замечал на лавовом поле ничего, кроме однообразного чередования небольших трещин и незначительных гребней. Как оказалось, его подвела не память, его обманула сама местность.

Тиир уже почти закончил свое движение к западу и заметно поднялся над горизонтом, готовясь к ежегодному скачку назад, к Аррену, когда Дар Лан Ан наткнулся на препятствие. Это была не стена, он пре-

одолеет бы любую стену; это была трещина — трещина, которая образовалась, должно быть, когда лавовая масса почти полностью затвердела, ибо она была слишком глубока и длинна, чтобы ее можно было объяснить простым разрывом застывшей корки под давлением жидких расплавов снизу.

Он не заметил ее с воздуха просто потому, что она не была прямой; она извивалась змеей среди обычных неровностей местного рельефа, и он следовал вдоль нее более часа, прежде чем ему открылось истинное положение вещей. Это случилось, когда трещина повернула назад, по направлению к уже далекому теперь вулкану.

Поняв, что происходит, Дар Лан Ан сразу же остановился и прежде всего поспешил укрыться в тень под нависшей скалистой плитой. Он не стал упрекать себя, хотя сознавал, что поступил неразумно, а немедленно сосредоточился на возникшей перед ним проблеме.

Стены провала были неприступны. Обычно поверхность застывшей лавы шероховатая и грубая, так что любой представитель племени Дар Лан Ана способен, цепляясь когтями, найти опору даже на почти вертикальной поверхности, но тут был разлом в цельной спаянной массе. Правда, в породе было полно пузырьков газа; разлом вскрыл эти пузырьки, и оставшиеся от них лунки были достаточно велики, чтобы можно было цепляться за них, но только вблизи от поверхности. На противоположной стене расселины было видно, как уже на глубине в несколько ярдов лунки уменьшались до размеров булавочной головки, а еще глубже пропадали вовсе. Кроме того, стена была не просто вертикальной. Ее поверхность была волнистой, так что, откуда бы он ни начал спуск, рано или

поздно он бы повис без опоры под ногами. Нет, о спуске нечего было и думать.

Перепрыгнуть расселину тоже было невозможно — почти повсюду она была слишком широка даже для прыжка без груза, а Дар Лан Ану в голову бы не пришло бросить свою ношу.

Веревки у него не было, ремней, которыми он стянул узел, не хватило бы даже на длину его прыжка. И ничто не росло на лавовом поле, из чего можно было бы свить трос или устроить перекидной мостик. Растения здесь были с мясистой мякотью внутри, без всяких признаков древесной структуры, а кожица их оказалась настолько непрочной, что не выдерживала даже нажима его когтей.

Он долго не мог найти правильное решение только потому, что не мыслил себя отдельно от своих книг. Поразительно, сколько времени понадобилось ему, чтобы сообразить: нет никакой необходимости расставаться с книгами навсегда; достаточно сначала перебросить книги через пропасть, а затем перепрыгнуть самому.

Это разрешало почти все проблемы, поскольку он сразу же припомнил несколько мест, где наверняка смог бы перескочить на ту сторону, если бы не ноша. Ему только требовалось найти такое место, где на другой стороне расселины, на расстоянии броска, была бы относительно ровная площадка.

В конце концов он нашел то, что нужно. В тот момент он не думал, сколько времени было потеряно. Он просто свалил узел с плеч на черный грунт, проверил прочность упаковки — не хватало, чтобы узел рассыпался в воздухе! — прикинул вес на одной из своих могучих рук, а затем, раскрутившись на месте, как это делает метатель молота, швырнул узел через

провал. Он не сомневался, что все обойдется благополучно; на самом деле узел пролетел даже дальше, чем рассчитывал Дар Лан Ан, и на секунду он испугался, что узел попадет на изрытое поле за ровной площадкой. Но вот узел перестал катиться, он лежал на виду и был, по-видимому, цел и невредим; и тогда, успокоившись, Дар Лан Ан примерился и перепрыгнул через пропасть сам.

Если бы ему пришлось составлять отчет об этом происшествии, он не стал бы углубляться в детали. Большинству людей было бы трудно удержаться от упоминания о том, что они чувствовали, когда бежали к краю бездны, как, собрав все силы, взвились в воздух, как бросили взгляд в тошнотворную глубину под собой и затем тяжело ударились о твердую и грубую поверхность лавы на той стороне. Впоследствии один человек много рассказывал обо всем этом. Конечно, и Дар Лан Ан испытал все положенные ощущения, но после прыжка он думал уже только о книгах. Он двинулся дальше.

Тирир был заметно выше, когда он наткнулся на новую трещину. Теперь ему понадобилось меньше времени, чтобы переправиться, но все-таки это была новая задержка; и в конце концов, когда красное солнце взошло почти в зенит и сделалось вдвое больше, чем оно казалось с места крушения планера, он был вынужден признать, что лето все-таки захватило его на лавовом поле, а лето — это не такое время года, которое можно провести вдали от больших запасов воды.

Значит, его смерть наступит несколько раньше, чем он ожидал, и надо будет что-то сделать с книгами. Вероятно, когда он не вернется домой в срок, его примутся искать; он еще не слишком удалился от

обычного воздушного маршрута между Кварром и Ледяной Крепостью, и поисковым группам не понадобится напрягать воображение, чтобы понять, где он находится. Нужно только сделать что-то, чтобы его можно было легко заметить с воздуха. Он поразмышлял, не стоит ли вернуться к планеру, но скоро понял, что больше не способен на такое путешествие — хотя бы потому, что слишком ослабеет к тому моменту, когда доберется до трещин, и не сможет перебраться через них. Конечно, если бы он сразу отдал себе отчет, как мало у него надежды пересечь лавовое поле, он оставил бы книги в планере; но тогда ему просто в голову не приходило усомниться в своих силах. И теперь ему предстояло исправить эту ошибку или, по крайней мере, дать возможность исправить ее кому-то другому.

Естественно, никаких следов на голых камнях он не оставил, и поисковым группам, которые найдут планер, не будет от этой находки никакого толку. Они будут знать только, в какую сторону он пошел; но им не известно точно, когда произошло крушение, и ничто не подскажет им, какое расстояние он успел пройти. Они не смогут предположить, как и он сам, что ему не удалось добраться до края лавового поля; никто точно не знает, каковы условия в такой близости от вулкана.

Наблюдатель с воздуха не сможет обнаружить его тело на фоне лавы, ибо ни размеры его, ни цвет ничем не выделяются на этой местности. Все каменные обломки вокруг примерно одинаковой расцветки, и потому бесполезно пытаться выложить из них какой-нибудь заметный узор, который мог бы привлечь внимание поисковых групп. В его узле не было ни материала для достаточно большого флага, ни кра-

ски, которой можно было бы что-нибудь написать на скалах. Единственными предметами, пригодными, по мнению Дар Лан Ана, для решения этой проблемы, были пряжки на его ремнях.

Железные, плоские, хорошо отполированные, они могли служить зеркалами, хотя и были весьма малы. Поскольку другого выхода не оставалось, надо было приспособить эти пряжки. Он все еще продолжал брести к северу, когда пришел к этому выводу.

Теперь оставалось решить, остановиться ли тут же на месте и посвятить оставшееся время выкладыванию из пряжек узора, который с максимальной надежностью привлечет внимание наблюдателя с пролетающего планера, или же продолжать идти до тех пор, пока он не почувствует приближение конца. Последнее решение имело то преимущество, что давало ему надежду добраться до какого-нибудь особенно удобного места, скажем, до пика или до нагромождения лавовых пластов, которое само по себе бросится в глаза поисковой группе. То, что при этом он мог найти воду и спасти собственную жизнь, не играло для него никакой роли; выбирая решение, он уже считал себя мертвым. Единственное преимущество первой альтернативы состояло в том, что остаток жизни он мог бы провести в тени, а это было бы куда приятнее, чем тащиться дальше и дальше под огнем двух солнц. Не удивительно, что он решил продолжать путь.

Он брел, карабкался, взбирался в зависимости от характера местности, а красное солнце все поднималось, все росло. Вот оно уже начало попятное движение к востоку, и только равномерное движение Аррена на запад могло еще служить ориентиром для Дар Лан Ана. Вероятно, поправки, которые Дар

вводил в свой курс, были несколько неопределенные; вероятно, его путь, путь к концу, вообще нельзя было назвать курсом в истинном смысле этого слова, ибо, по мере того как шло время и поднималась температура, его мозг все сильнее одолевали мучительные сигналы жажды, которые слало его тело. Человеческое существо на его месте давно бы уже погибло — умерло и высохло бы до последней капли влаги. Но у Дар Лан Ана не было потовых желез, его нервные ткани выдерживали температуры, близкие к точке кипения воды, и потому он терял драгоценную жидкость не столь быстро, как человек. Правда, с каждым выдохом вода все же понемногу уходила, и дышать становилось все больнее. Он уже не знал, почему так колышется ландшафт впереди: быть может, дрожит горячий воздух, а быть может, у него что-то со зрением; ему то и дело приходилось наводить на один предмет оба глаза, чтобы удостовериться, что видит он правильно. Выступы скал на короткие мгновения принимали облик живых существ; однажды он поймал себя на том, что сворачивает с пути — обследовать лавовый валун. И долгие секунды прошли, прежде чем он смог убедить себя, что за валуном никто не прячется. Здесь никто не жил; никто не мог двигаться. Звуки, достигавшие его ушей, были просто треском разогретой и лопающейся под солнечным светом лавы. Это он слышал и раньше.

И все-таки определенно какое-то движение было. Может, нужно вернуться и посмотреть?..

Вернуться. Это единственное, чего нельзя делать. Из всех возможных действий это — самое бесполезное. По-настоящему бесполезное. И если уж галлюцинации завладели его мозгом настолько, что могут толкать его на такие поступки, значит, он ближе

к концу, чем думал. Пора остановиться и заняться отражателем, пока не утрачен контроль над мышцами.

Он не стал тратить время на бесполезные сожаления, он просто остановился и принялся внимательно оглядываться. В нескольких ярдах от него возвышалась глыба застывшей лавы, выдавленной некогда из коры и поднятой почти вертикально давлением жидких скальных пород снизу. Ее верхний край отстоял от подножия на добрых три ярда, что вдвое превышало рост Дар Лан Ана, но поверхность скалы была достаточно грубая и шершавая, чтобы за нее можно было цепляться когтями, и он не видел, почему бы ему не разложить свои пряжки на вершине.

Он стащил с плеч узел с книгами и прислонил его к горячей скале. Проверил, туго ли затянут узел, и закрепил его у скалы одной из лямок; после лета, вероятно, и здесь пойдут дожди, и Дар не мог позволить, чтобы книги промокло или унесло потоком.

Затем он снял с себя ремни и стал осматривать их одним глазом, в то время как другой глаз был устремлен на верхушку скалы, где он намеревался разложить пряжки. Два или три ремешка оказались лишними, и он положил их возле узла; остальные, с пряжками, он опять затянул на себе, чтобы освободить обе руки.

Как он заметил еще снизу, верхняя поверхность скалы была сильно иззубрена, и ему не составило большого труда закрепить ремни вокруг выступов. Одну пряжку он установил так, чтобы она отражала луч прямо на юг и под небольшим углом к горизонту; другую он предназначил для глаз наблюдателя, пролетающего точно над скалой. Вряд ли, конечно, они смогут привлечь внимание — ведь по-настоящему рассчитывать можно было только на лучи Аррена;

красное солнце до и после лета появляется в небе лишь на очень короткое время, а в самое жаркое время воздушные трассы всегда пусты. Но все же это было лучшее, что мог сделать Дар Лан Ан. Когда кусочки металла были уложены так, как ему хотелось, он, прежде чем спуститься, еще раз оглядел окрестности.

Ландшафт перед его затуманенным взором дрожал и колыхался. Ему снова показалось, будто что-то живое скользнуло за валун — тот самый валун, мимо которого он проходил. Он решил, что это галлюцинации, и начал спускаться, сосредоточив все внимание на поиске опоры для рук и ног; ему вовсе не улыбалось провести последние часы жизни в мучениях от боли в сломанных костях — пусть даже все равно уже нет времени устроиться поудобнее.

Он благополучно достиг грунта и после недолгого размышления перетащил узел с книгами в тень. Затем спокойно улегся, положив голову на узел, скрестил руки на груди, закрыл глаза и расслабился. Делать больше было нечего; быть может, веками взлелеянное чувство долга и не было удовлетворено полностью, но даже это чувство не могло больше поставить перед ним никакой задачи.

Было бы невозможно выразить его мысли словами. Без сомнения, ему было жаль умирать раньше своих соплеменников. Очень может быть, что он обзирал черный ландшафт, простиравшийся перед его глазами, и лениво высчитывал, сколько ему еще надо было бы пройти, чтобы остаться в живых. Но все же Дар Лан Ан не был человеком, и впечатления, формировавшие большую часть его мыслей, строились на свойствах зрения и на опыте, разительно отличавшихся от зрения и опыта человеческого существа, а потому никак не могли быть адекватно переведены

в терминах человека Земли. И даже Нильс Крюгер, юноша в высшей степени восприимчивый и к тому же изучивший психологию Дара как никто другой, даже он отказывался представить себе, что происходило в сознании Дара с той минуты, когда тот лег умирать, и до того момента, когда он, Крюгер, настиг его.

Дар не услышал, как приблизился юноша, хотя в обычных обстоятельствах обладал достаточно острым слухом. Впрочем, он не был в совершенном забытьи, потому что запах воды заставил его не только открыть глаза, но и вскочить на ноги. Всего секунду взгляд его беспорядочно метался по всем направлениям, а затем оба глаза уставились на существо, которое перебиралось через скалистые обломки в десятке ярдов от него.

Никогда до этой минуты не было у Дар Лан Ана причин усомниться в своей памяти или в здравости своего рассудка, но тут он почувствовал, что либо с памятью, либо с рассудком что-то неладно. Общий вид этого существа был более или менее привычный, но размеры... Оно было на добрый фут выше нормального роста, и это было просто невозможно. Остальные признаки уродства были менее заметны — глаза в передней части лица, клювообразный нарост надо ртом, розоватый цвет кожи вместо фиолетово-черного; но именно рост не вязался решительно ни с чем из того, что хранилось в памяти Дара. Его соплеменники, если не считать жертв случайности, которых приходилось переделывать заново, имели рост не более полутора ярдов, Учителя — чуть менее двух с половиной. А кроме них не было никого, кто ходил бы на двух ногах.

Новое обстоятельство заставило его забыть даже о размерах незнакомца. Запах воды, поднявший его,

на ноги, исходил от этого существа; оно было буквально пропитано водой. Едва осознав это, Дар Лан Ан двинулся к прищельцу, но вынужден был остановиться после первого же шага — слишком ослаб. Он пошарил за спиной руками, ища опоры — скалистую плиту, в тени которой лежал. Так он стоял, опираясь на нее, а немыслимое существо все приближалось; запах воды обжигал ноздри, и вдруг все вокруг словно поплыло куда-то. На глаза опустилась завеса, грубый камень больше не причинял боли спине. Он почувствовал, как подкосились ноги, но уже не помнил, как упал, ударившись о лавовую поверхность.

2. Дипломатия

Его привел в сознание вкус воды, как некоторое время назад заставил очнуться ее запах. Несколько долгих секунд он упивался водой, которая струйкой лилась в его рот, не открывая глаз и не замечая ничего особенного в ее вкусе. Он ощущал, как вместе с драгоценной влагой силы вновь вливаются в его организм, и он бездумно наслаждался этим новым ощущением.

Так, конечно, вряд ли будет продолжаться, когда он откроет глаза. И вот Дар открыл глаза. То, что он увидел, почти мгновенно отрезвило его.

Дело было не в том, что человеческое лицо, склонившееся над ним, казалось чудовищным; человеческий облик уже отпечатался в его памяти до того, как он потерял сознание, и более не поражал его. Всего две-три секунды ясного сознания понадобились ему, чтобы понять, что хотя существо это не есть личность в его понимании, оно, очевидно, не является враждебным и не полностью лишено здравого

смысла. В конце концов ведь это оно дало ему воду и вернуло к жизни. И тревога, охватившая сейчас Дар Лан Ана, была вызвана не самим фактом присутствия и не наружностью Крюгера, а источником воды. Оказалось, что это странное существо выжимает ему в рот воду из одного из мясистых растений. И этот поступок положил начало первому недоразумению, которые со временем изрядно осложнили их будущую дружбу.

Дар Лан Ан немедленно заключил, что Крюгер, должно быть, житель этого вулканического района, раз уж он так прекрасно осведомлен о свойствах местной растительности. Это, естественно, заставило его относиться к юноше с изрядной настороженностью. Со своей стороны, Крюгер, следовавший за аборигеном от самого места крушения планера, видел, что тот не обращает никакого внимания на эти растения, столь напоминающие земные кактусы, и лишь с большим трудом смог догадаться и убедить себя, что, очевидно, бедственное положение этого малыша вызвано жаждой.

Крюгер знал, что в положении Дара он был бы глубоко благодарен любому существу, которое напоило бы его водой, будь это человек или же ходячий колодец, но он также отлично сознавал, что благодарность не является универсальной чертой характера даже среди его соотечественников. Поэтому, когда Дар Лан Ан открыл глаза, он положил наполовину выжатый кусок «кактуса» рядом с аборигеном и отступил. Он сделал это не только из соображений собственной безопасности; ему хотелось также показать этому малышу, что опасаться не надо.

Прежде всего Дар Лан Ан разрешил самую насущную проблему. Не спуская одного глаза со своего

диковинного спасителя (он долгое время не подозревал, как неприятно действует такой взгляд на человека), он поискал другим глазом кусок растения, вернувшего ему жизнь, схватил его и поднес ко рту. Он пил и пил в твердой уверенности, что выжмет из него всю воду до последней капли, но тут его осенила новая мысль, заставившая его остановиться.

Крюгер увидел, как его новый знакомый вдруг вынул измочаленное растение изо рта, и с некоторым напряжением стал ждать, что будет дальше. Он не испытывал страха, так как абориген был гораздо меньше его ростом, но был достаточно опытен, вернее, сообразителен, чтобы понимать, что рост и способность причинять вред не всегда связаны между собой. Естественно, он надеялся, что сейчас последует какой-то жест, который можно будет истолковать как явно дружественный, но ему трудно было представить себе, каким должен быть этот жест, чтобы не оставалось никаких сомнений. И все же Дар Лан Ану удалось найти этот жест.

С огромным усилием, которое едва вновь не ввергло его в беспамятство, он поднялся на ноги, осторожно, все еще не спуская одного глаза с Крюгера, выбрался на солнечный свет и проковылял ярдов двадцать от своей скалы. Здесь он остановился и собрался с силами, затем нагнулся, выдрал из грунта еще один кактус, пососал сочащийся корень, чтобы убедиться, что это растение того же вида, вернулся к скале и протянул кактус Крюгеру. Мысленно склонив голову перед существом, соображающим быстрее, чем он сам, юноша принял дар и сделал несколько глотков. Пятью минутами позже они сидели бок о бок, и каждый пытался извлечь смысл из звуков, издаваемых собеседником.

Разумеется, оба они еще не вполне доверяли развивающейся дружбе. Дар Лан Ан не отделался от подозрений, вызванных осведомленностью собеседника о растительности на лавовом поле, Крюгер же пытался увязать очевидное невежество своего нового знакомого относительно той же растительности с его не менее очевидным интеллектом. Ему пришло в голову, что Дар такой же чужак в этом мире, как и он сам, но он же видел крушение планера и даже потратил какое-то время на обследование этого аппарата, когда пилот покинул его. Вряд ли такими устройствами пользовались пришельцы из других миров; пришелец находился бы либо в своем корабле, либо в каком-то не менее сложном вспомогательном аппарате, либо же на ногах, как сам Крюгер. Впрочем, оставалась еще одна возможность. Не исключено, что это маленькое человекообразное существо так же, как и Крюгер, потерпело крушение, но только оказалось более изобретательным и сумело построить планер. Это хорошо согласовывалось с быстротой мышления, которую оно — или она, или он — уже продемонстрировало, пусть даже эта быстрота и вызвала у Нильса некоторое чувство неловкости.

Человеческому существу свойственно цепляться за любую гипотезу, которую оно выдвигает для объяснения непонятной ситуации. И потому, хотя предположение о том, что Дар Лан Ан является представителем расы, чуждой в этом мире и более развитой, нежели его собственная, ранило его гордость, эта мысль прочно засела в мозгу у Крюгера и в течение последующих дней превратилась почти в уверенность.

В этом отношении у Дара было перед ним преимущество. Самые сильные его предрассудки произошли не из его собственных идей и гипотез, а из идей,

внушенных ему Учителями и книгами. Ни Учителя, ни книги никогда не упоминали о чем-нибудь похожем на Нильса Крюгера, и потому Дару открывался широчайший простор для того, чтобы выработать собственную точку зрения относительно природы этого странного существа. Ни одна из них ему не нравилась. Вот почему, пока его мышцы вновь обретали силу, он продолжал думать.

Одно было очевидным: существо это разумно и, видимо, располагает какими-то природными способами общения. Пока неясно, есть ли у него голос, но это нетрудно установить. В порядке эксперимента Дар Лап Ан произнес несколько слов, обращаясь к гиганту.

Крюгер отозвался немедленно, он издал серию звуков, совершенно бессмысленных, с точки зрения Дара, но во всяком случае свидетельствовавших о том, что странное существо обладает речью. Это был один из экспериментов, которые они произвели друг над другом и которые вызвали у обоих одинаковую реакцию; в данном случае оба одновременно пришли к выводу о том, что необходимы уроки языка, и тут же принялись за дело. Все равно было слишком жарко для того, чтобы продолжать путь, да и Дару требовалось время, чтобы окончательно окрепнуть.

По мере того как солнца удалялись друг от друга (частичное затмение произошло в тот момент, когда Дар ожидал смерти), тень от скалы становилась все уже, но все же ее хватало, чтобы укрыть Дара и Крюгера. Крюгер уселся, опершись спиной о скалу; Дар снова лег, подложив узел под голову.

Существует несколько способов учить незнакомый язык. К сожалению, в их положении они могли вос-

пользоваться только одним, да и для этого материала было маловато. Лавовое поле, несколько кактусов, короткие тени и над всем этим — два солнца; более чем скудный демонстрационный материал для существенных, не говоря уже о глаголах. Прилагательных можно было подобрать множество, но как объяснить, какое прилагательное применяется в каждом конкретном случае?

Крюгер подумал о рисунках, но у него не было ни карандаша, ни бумаги, а наброски, которые он попытался сделать на поверхности лавы с помощью обломка скалы, когда он взглянул на них, мало что говорили даже ему самому. И уж, конечно, они ничего не говорили Дару.

Но мало-помалу некоторые звуко сочетания обрели для обоих более или менее одинаковый смысл. Было бы заведомой ложью назвать разговор их обмен мыслями, но доводить собственные мысли до собеседника им все же удавалось. К тому времени, когда красное солнце исчезло за горизонтом на юго-востоке, оба согласно решили, что теперь они вместе двинутся к границе лавового поля и постараются найти там более приятное питье, чем сок кактусовых растений, и более подходящую еду, чем тошнотворная мякоть кактусов.

Вообще-то Крюгера эта затея не очень привлекала. За те месяцы, что он провел на планете, он прошел на север около трех тысяч миль, стремясь уйти от порой невыносимого, палящего жара красного солнца, и только на последних сотнях миль постепенно осознал, что все чаще видит голубое солнце. Причина не вызвала сомнений: голубое солнце было «циркумпольярным» в северной части северного полушария, или, как сказал бы навигатор «Альфарда», его

склонение для этой планеты было плюсовым. Беда в том, что Крюгер понятия не имел, как движется планета относительно голубой звезды; он и предположить не мог, вызывает ли это движение какие-либо заметные сезонные изменения на планете, и если вызывает, то как долго длятся эти сезоны.

Последние несколько недель, перед тем как он увидел в воздухе планер Дара, Крюгер раздумывал, не повернуть ли ему снова на юг. Появление планера послужило первым прямым указанием (если не считать сомнительных случаев наблюдения каких-то огней с борта «Альфарда») на то, что планета населена; Нильс двинулся вслед за планером. Ему просто повезло, что он оказался поблизости и видел, как разбился Дар, вернее, крушение произошло неподалеку от того места, где находился Крюгер. Он шел следом за маленьким пилотом несколько дней; он перепрыгивал через те же провалы, что и Дар, при этом смертельно рискуя, так как весил гораздо больше, а его мускульная сила была пропорционально меньше; но он не мог позволить себе потерять это существо из виду и был потрясен, когда его «проводник» беспомощно свалился посреди лавовой пустыни. Даже тогда он еще надеялся вопреки всякой логике, что ему удастся узнать от этого существа о каком-нибудь убежище на юге, подальше от палящего жара голубого солнца, где он найдет цивилизованное общество. Ведь в конце концов планер направлялся на север, значит, откуда-то он вылетел.

Впрочем, раз пилот намерен продолжать путь к северу, остается только присоединиться к нему. Возможно, он стремится добраться до такого места, где ему будет хорошо; Крюгер сознавал, что сам он не в состоянии определить, что может означать это «хо-

рошо» в смысле температуры, воды и пищи, но, во всяком случае, очевидно одно: лавовая равнина доставляет Дару не больше удовольствия, чем человеческому существу. В этом они, безусловно, сходились, и потому стоило рискнуть и следовать за ним.

Стало гораздо прохладнее, когда красное солнце наконец зашло, и Крюгер по опыту знал, что на этой широте пройдет не менее семи-восьми земных суток, прежде чем оно снова взойдет. Оба путника были голодны, но голодная смерть им не угрожала, и Дар Лан Ан почти полностью оправился за эти шестьдесят или семьдесят часов с момента появления Крюгера. Голубое солнце перекатилось на юго-запад, но пройдет еще немало земных суток, прежде чем оно начнет светить им прямо в лицо.

Они двигались медленнее, чем в свое время Дар. Это в основном объяснялось физическим строением Крюгера: ни одно человеческое существо не могло состязаться в проворстве с маленькими и гибкими аборигенами Абъёрмена. Разница в скорости передвижения чувствовалась, например, во время переходов через скалы, когда когтистые конечности Дара служили ему особенно добрую службу, и не вполне окрепшему еще аборигену приходилось частенько останавливаться, поджидая своего неуклюжего спутника.

Тем не менее продвигались они довольно успешно. Опасные трещины больше не попадались, и спустя несколько десятков часов на застывшей лаве там и сям стали появляться островки плодородной почвы. Растительность становилась гуще, время от времени во впадинах на поверхности лавы можно было заметить лужицы воды. Очевидно, они приближались к краю лавового потока, ибо сама по себе лава была слишком пористой и не могла бы удерживать на себе

жидкость. Лужицы были затянуты пенистой коркой и пленкой каких-то пахучих растений, напоминавших Крюгеру морскую водоросль. Путники согласились еще некоторое время отдавать предпочтение кактусовому соку и не пробовать воду из этих луж; но само появление лужиц изрядно их подбодрило. Дар подтянул узел повыше и, как показалось Нильсу, удвоил скорость. Идти становилось все легче, неровности на поверхности лавы были теперь заполнены почвой, покрытой растительностью. Растения эти поначалу были невелики и напоминали Крюгеру кусты на газонах, но по мере того, как лужи встречались чаще, а участки лавы, видневшиеся из-под слоя дерна, — реже, растения становились крупнее, и вскоре стали попадаться настоящие деревья.

Большинство из этих растений Крюгер знал не хуже Дара — он в изобилии видел их во время своего путешествия по югу; и он на ходу выискивал среди них те, чьи листья и стебли, как он уже твердо усвоил, были съедобны. У него не было ни малейшего желания пробовать какие-нибудь другие. Когда Дар увидел растение, которое он знал, и предложил своему спутнику, тот покачал головой и сказал:

— Не пойдет. Все, что я ел на этой планете, мне пришлось пробовать впервые, не ведая, буду ли я сыт или же умру. После пяти проб у меня дважды болел живот, и я рад, что так дешево отделался. Я лучше подожду, пока не найду что-нибудь знакомое.

Дар не понял из этой тирады ничего, кроме отказа; отказ же он запомнил как еще одну загадку, требующую объяснения. В качестве рабочей гипотезы он принял, что Нильс знает данное растение, но оно ему не нравится. Такое предположение по крайней мере

укладывалось в теорию о том, что Крюгер является обитателем лавового поля.

К тому времени, когда голубое солнце обошло небо и повисло на западе, деревья сделались уже достаточно густыми, чтобы укрывать путников в своей тени, а подлесок пошел такой частый, что серьезно мешал продвижению. Ни у кого из путников не было режущих инструментов, если не считать небольшого ножа в чехле, сохранившегося от комплекта оборудования из скафандра Крюгера, однако ножиком этим нельзя было прорубить путь через заросли.

В результате продвигались они теперь крайне медленно. Нетерпение, которое испытывал Дар, внешне ничем не проявлялось, по крайней мере так казалось Крюгеру, почти не разбиравшемуся в выражении лица аборигена.

Уроки языка продолжались, причем весьма успешно благодаря изобилию и разнообразию объектов, попадавшихся им по дороге. Крюгер чувствовал, что теперь они могли бы обмениваться мыслями совершенно свободно, и не понимал, почему этого не происходит. Оба знали уже множество существительных и порядочное количество глаголов. Постоянно увеличивался и запас прилагательных, поскольку предметов для сравнения было под рукой сколько угодно. Когда то и дело попадают деревья разных размеров, нетрудно усвоить понятия «большой» и «маленький»; другое дело, когда надо сравнивать большую скалу и маленький кактус — неизвестно, идет ли речь о размере, о цвете или о форме или же вообще о чем-то, совершенно не имеющем отношения ни к тому, ни к другому, ни к третьему.

И тем не менее что-то было неладно. Крюгер постепенно начал подозревать, что в языке его спутника

имеются только неправильные глаголы, а склонений в нем столько же, сколько самих существительных. Со своей стороны Дар почти не сомневался, что язык Крюгера в большей, чем это пристало разумному языку, степени изобилует омонимами; звукосочетание «дерево», например, определяет и растение с длинными перистыми пурпурными листьями, и другое растение — с более коротким стволом и почти круглыми листьями, и совсем другое, различные образцы которого отличаются друг от друга размерами.

Конечно, они не могли сосредоточиться только на лингвистических проблемах. Джунгли кишели жизнью, и не все животные были безобидны. Обоняние Дара предупреждало их о близости некоторых плотоядных, но далеко не о всех; несколько раз ему приходилось хвататься за арбалет, а Крюгер стоял рядом, сжимая рукоятку ножа и надеясь на лучшее. Иногда животных, видимо, отпугивал незнакомый запах человека. Крюгеру приходило в голову, что та же причина может помешать зверю пожрать его, но он не горел желанием проверить это предположение на практике.

В первые сто часов путешествия по джунглям Дар подстрелил какое-то небольшое животное и, расчленив его ножом Крюгера, принялся есть с большим удовольствием. Крюгер взял кусок сырого мяса не без колебаний, но все же решил попытать счастья. Это было, разумеется, против всяких правил, но ведь если бы он следовал этим правилам — брать анализ любой пищи, прежде чем принимать ее, — он бы умер от голода еще несколько месяцев назад. На сей раз мясо оказалось вполне съедобным, хотя и не особенно вкусным, и по прошествии восьми-десяти часов Нильс решил, что может добавить еще одно блюдо к своему весьма скудному списку разрешенной еды,

Едва они вступили в джунгли, как Дар изменил курс и повернул на северо-восток. Крюгер попытался выяснить причину и, поскольку запас слов у них увеличился, в конце концов понял, что его спутник стремится достичь не то озера, не то моря — короче говоря, речь шла о каком-то большом водоеме. Неплохое решение, хотя в воде они теперь не испытывали недостатка, так как то и дело переходили через многочисленные ручьи. Крюгер уже знал, что здесь, на севере, дожди идут регулярно в течение примерно ста часов перед восходом красного солнца и около пятидесяти часов после. Там, где он начал свое путешествие, далеко на юге, красное солнце не покидало неба, а голубое всходило и заходило как бы независимо от него; там погоду предсказать было гораздо труднее.

Однако дождя не было, и тут Крюгер заметил, что Дар словно к чему-то прислушивается. Он уже знал, что его спутник обладает острым слухом, хотя где у него уши — непонятно, и потому стал прислушиваться сам. Вначале он слышал лишь обычные лесные шумы — шелест ветвей и листьев на ветру, возню многочисленных живых существ, шорох капель, падающих с листьев, который, казалось, никогда не стихал, сколько бы времени ни прошло с последнего дождя. Но вот Дар несколько изменил направление, несомненно, он что-то услышал. Они прошли еще с полмили, прежде чем Крюгер понял, в чем дело.

Он вскрикнул и остановился. Дар Лан Ан вывернул один глаз назад, в его сторону, и тоже остановился. Он плохо разбирался в человеческой мимике, но сразу заметил, как изменился цвет кожи на лице Крюгера.

— Что? — произнес Дар. Это звуко сочетание было принято у них в качестве обобщенного вопросительного слова.

— Мне кажется, нам лучше держаться подальше от этой штуки.

— Что? — Дар повторил вопрос, и это означало, что слова Крюгера до него не дошли.

— Так ведь это как будто... — Крюгер запнулся; он не находил подходящего слова. Тогда он решил прибегнуть к жестам. К сожалению, начал он с того, что показал рукой назад, в ту сторону, откуда они шли, и Дар понял это так, что Крюгер уже сталкивался с этим явлением, чем бы оно ни было, еще до их встречи. И он не ошибся, но не уловил крайнего нежелания своего спутника вновь столкнуться с этим явлением. Несколько секунд он молча следил за жестикующей юноши, а затем, отказавшись от попыток уразуметь, в чем дело, зашагал вперед.

— Дар, стой! — Это было еще одно слово, которое Дар уже знал, и он повиновался. Он недоумевал. Они были далеко от лавового поля; возможно ли, чтобы это существо знало о джунглях что-то такое, чего не знал сам Дар? Правда, звуки были незнакомы аборигену; именно поэтому он и хотел узнать, в чем дело. Неужели гигант испугался? Тогда следует поразмыслить. Если источник этих звуков мог причинить вред Крюгеру, значит, более чем вероятно, что он может быть опасен и Дару. С другой стороны, возможно, что Крюгер не боится, а просто испытывает отвращение. Тогда Дар упустит случай собрать информацию, которая, возможно, окажется достойной занесения в книгу. Следовательно, он оказался перед выбором: либо он рискует потерять книги, которые были ему доверены, либо упустит случай их пополнить. По-на-

стоящему серьезной была именно эта альтернатива; опасность для жизни не имела значения.

Быть может, более полное представление об опасности удастся получить, если понаблюдать за поведением Крюгера: насколько он будет упорствовать в своих стараниях удержать Дара подальше от источника звуков. С этой мыслью Дар вновь двинулся на глухое перитмичное «плюп, плюп, плюп», теперь уже отчетливо доносившееся из-за деревьев.

Крюгер растерялся. Ему и в голову не приходило силком навязывать Дару свое мнение; он не знал, к чему привела бы попытка такого рода. Ни за что на свете не хотел он совершать поступки, которые могли вызвать враждебность или хотя бы нарушить установившееся между ними доверие. Поэтому ему оставалось лишь одно — подчиниться. Дар, вывернув один глаз назад, увидел, что человек последовал за ним, и спокойно пошел дальше, уверенный, что настоящей опасности нет. Он зашагал быстрее, насколько позволял подлесок. Через несколько минут лес поредел, теперь уже не надо было с трудом продираться сквозь ветви и сплетения лиан. Для Дара это было облегчением; Крюгер же окончательно уверился, что был прав.

— Дар! Стой! — Абориген повиновался, не понимая, в чем дело; затем он с изумлением уставился на Крюгера, который обошел его и зашагал впереди. Сделав движение, соответствующее у людей недоумению пожиманию плечами, он двинулся следом. Человеческое существо шло медленнее, чем ему бы хотелось, но, возможно, на то были особые причины.

Причины действительно были. Через сотню ярдов подлесок кончился, и почти там же кончились деревья.

Перед ними простиралась голая гладкая поляна шириной ярдов в пятьдесят.

Для Дара это было просто место, где легко ходить; он наверняка двинулся бы напрямик, стремясь пересечь поляну и продолжить путь к источнику непонятных звуков. Но его остановили. Впервые за время знакомства Крюгер не только прикоснулся к нему, но и твердо преградил ему путь рукой, в которой по такому случаю силы хватало с избытком. Дар удивленно взглянул на него, затем глаза его обшарили поляну. Он уже не пытался оттолкнуть своего спутника-гиганта. Он уставился на середину открытого пространства обоими глазами.

Источник звуков находился там. Большая часть поверхности была покрыта, казалось, чем-то гладким и твердым, но центр пребывал в постоянном движении — там, словно в огромном котле, кипела клейкая грязь, каждые несколько секунд вспучивался громадный пузырь, лопался со звуком «плюп», который они слышали, и выпускал облако пара, лениво уползавшее в сторону.

Крюгер позволил Дару поглядеть на странную картину минуту-другую, затем повторил слово «Стой!» и отошел на несколько шагов назад. В джунглях нелегко найти камни; но они были все еще достаточно близко от большого лавового потока, и потому глыбы лавы попадались здесь довольно часто. Нильс нашел такую глыбу, с большим трудом отбил здоровенный кусок, вернулся с ним к Дару и швырнул на твердую, казалось бы, поверхность. Корка засохшей грязи проломилась, и лавовый булыжник с плеском исчез.

— Такие места мне не нравятся, — твердо сказал Крюгер, не обращая внимания на то, что Дар его не понимает. — Я сам попался вот так несколько месяцев

назад, и когда выбрался по древесному корню, который не дал мне потонуть, — кстати, именно об этот корень я ударился и надолго потерял сознание, — то увидел, что на дереве вырезано мое имя, а также несколько строчек, повествующих о том, каким славным пареньком я был. Я не виню их за то, что они бросили меня; у них были все основания считать, что я утонул. В тот раз мне удалось вывернуться, но это вовсе не значит, что мне хочется попробовать еще разок; мой скафандр теперь далеко, очень далеко отсюда.

Дар ничего не сказал; он только твердо пообещал себе во всем слушаться своего спутника, пока они не уйдут подальше от вулканической области — родины этого великана. Но какой, однако, материал для книги!

3. Педагогика

Этот грязевой гейзер и еще несколько других остались далеко позади, но выходы лавы еще встречались, и Дар во всем следовал Крюгеру. Они по-прежнему держались направления на северо-восток — Нильс и не пытался изменить курс, — но что-то неуловимо изменилось в их отношениях.

Прежде всего неизбежное взаимное недоверие, которое оба испытывали вначале, столь же неизбежно исчезало. Другая перемена, менее логичная в своей основе, происходила из явно комического недоразумения: Дар был твердо уверен, что Крюгер является аборигеном малоизученных вулканических областей Абьёрмена, тогда как сам Крюгер был так же уверен, что Дар Лан Ан вообще не житель этой планеты. В результате Дар все время обращался к Крюгеру за советами. Если ему удавалось подстрелить животное

нового вида — естественно, нового для него, — он ждал от Нильса указаний, съедобно ли оно. Понятно, немало отменного мяса выбрасывалось, ибо Крюгер отнюдь не спешил рисковать своим здоровьем и своей жизнью, пробуя новые виды пищи.

Однажды Дар подстрелил такое же животное, какое человек попробовал в самом начале их пути через джунгли. На этот раз он не стал задавать вопросов; он просто попросил нож и принялся за дело. Крюгер, получив свою порцию, поглядел на нее с некоторым обращением.

Он не любил сырого мяса, хотя оно ничуть не повредило ему в прошлый раз. Тогда он не делал попыток остановиться и развести огонь, ибо руководителем был Дар, а представление Дара об обеде сводилось, по-видимому, к тому, чтобы съесть как можно больше на месте и остальное дожевать на ходу. Теперь же советы и предложения исходили от Крюгера, и он решил зажарить мясо.

Ему удалось достать из скафандра и захватить с собой все предметы первой необходимости, которые не были слишком обременительны в походе. Зажигалки не входили в комплект оборудования скафандров, и он сам сконструировал зажигалку из миниатюрной солнечной батарейки, катушки и конденсатора рации. И теперь, на глазах у ошеломленного Дара, он пустил ее в ход. Убедившись, что устройство по-прежнему дает хорошую искру, он отправился на поиски сухого топлива.

Это было не так-то просто в сыром от дождей лесу, но у Крюгера был немалый опыт еще с тех времен, когда он шел к лавовому полю. Дар не понимал, чего хочет Нильс; он просто ходил за ним по пятам и смотрел, жуя на ходу. Ему было любопытно, он

чувствовал, что происходящее, возможно, окажется достойным занесения в книгу; хотя утверждать это с полной уверенностью не мог.

Его отвлеченный интерес мигом испарился, едва он ощутил первую волну жара от костра Крюгера. Он выронил кусок мяса, прыгнул к тому месту, где лежал арбалет, и схватил оружие наизготовку. Он не произнес ни слова, и Крюгер, занятый костром, ничего не заметил. За его спиной происходила душевная борьба, от исхода которой в буквальном смысле зависела его жизнь, а он и не подозревал об этом.

Дар уже начал натягивать тетиву, но остановился, глядя одним глазом на оружие в своих руках, а другим на хлопотавшего у огня человека. Томительные мгновения он раздумывал, склоняясь то к одному решению, то к прямо противоположному. Огонь был сущим кошмаром в жизни Дар Лан Ана; Дар был воспитан в смертельном страхе перед огнем. Его народ никогда им не пользовался, но молнии и случайно сконцентрировавшиеся лучи Аррена время от времени вызвали появление пламени. Учителя и книги единодушно заклинали избегать его. Он был концом всякой жизни, он будет концом и собственной жизни Дара, но до этого оставалось еще несколько лет. Добравшись до края лавового поля и вновь оказавшись среди изобилия пищи и воды, Дар выбросил из головы ожидание преждевременной смерти, и было ужасно, что оно так внезапно вернулось вновь.

Но великан, по всей видимости, вовсе не имел в виду Дар Лан Ана. Может, огонь этот вообще был каким-то личным делом Крюгера и не имел к Дару никакого отношения? В конце концов, игра с огнем — вполне подходящее занятие для того, кто живет по соседству с вулканами. При этой мысли Дар несколько

расслабился и даже положил арбалет, хотя и не отважился отойти от него далеко.

Он продолжал наблюдать за человеком, но уже без следа того отвлеченного любопытства, с каким следил за сооружением костра. Мысленно он брал на заметку все; не было никаких сомнений, что Учителя в Ледяной Крепости пожелают занести это в книгу.

Сначала странное существо развело очень сильный огонь, затем дало огню почти угаснуть, так что языки пламени исчезли. Однако жара оставалось еще порядочно, и тогда Крюгер вновь напугал спутника: свою порцию мяса он осторожно положил на раскаленные угли.

Дар знал, что Нильс голоден; у него уже было достаточно четкое представление о том, сколько еды нужно человеку. И перед ним встала непостижимая загадка: почему это странное существо уничтожает свою пищу?

К тому времени, когда, съев мясо, Крюгер завершил свой жуткий ритуал и принялся затапывать костер, Дар уже потерял способность чему-либо удивляться. Увидев, что все кончилось, он поднялся на ноги и снова двинулся в путь, раздраженный и недоумевающий.

На самом деле представление о том, что все кончилось, было в корне ошибочным, хотя ошибку эту разделяли и Дар, и Крюгер. Первые свидетельства ошибки Крюгер ощутил примерно через час после еды, и вскоре приступы боли заставили его беспомощно кататься по земле. Дар, которому приходилось наблюдать подобные симптомы у своих соплеменников, понятия не имел, чем они могли быть вызваны сейчас, и не знал, чем можно помочь. Спазмы продолжались более часа. В промежутках между приступами Крю-

гер размышлял о том, что это, быть может, его последняя ошибка. В конце концов возмущенный желудок извергнул источник раздражения и, наградив своего хозяина в назидание еще несколькими спазмами, успокоился. Но прошло еще некоторое время, прежде чем Крюгер смог собраться с мыслями и задать себе вопрос: почему мясо, совершенно безвредное в сыром виде, при поджаривании приобрело столь зловредные свойства? Может, причиной послужил дым от костра? Что-нибудь вроде креозота, которым дома предохраняют от порчи вяленое мясо... Но для доказательства его гипотез понадобилась бы хорошо оборудованная химическая лаборатория. Сейчас же ему достаточно было самого факта, и даже больше чем достаточно.

Дожди прекратились через положенное время после восхода Тиира над южным горизонтом, и температура вновь повысилась. Всякий раз, когда красное солнце завершало в небе свою очередную странную петлю, Крюгер думал, что в следующий раз он уже не выдержит. Много месяцев назад он понял, что выдержать не сможет, по крайней мере на средних широтах, где он тогда находился. В тех областях планеты петли описывались полностью над горизонтом — Тиир там никогда не заходил. Зато он удивительнейшим образом менял свои видимые размеры; Крюгеру просто не повезло, что Тиир имел максимальный видимый диаметр и, следовательно, поднимал температуру на этой планете-парилке до максимума именно в крайних северных точках своих петель. Дело же заключалось в том, что для той местности, где он тогда находился, петли целиком находились в южном полушарии небесной сферы, и, чтобы оставить их хотя бы частично за горизонтом, лучше всего было бы

двигаться к северу. Но тогда возникал естественный вопрос: а сможет ли он уйти достаточно далеко на север? Его знания географии этой планеты сводились к воспоминаниям о том, что он видел с посадочной орбиты. Немного. Но ему ничего не оставалось, как только пойти на риск.

Они продвинулись еще недостаточно далеко на север, чтобы оказаться вне пределов досягаемости красного солнца, но уже можно было надеяться, что все обойдется благополучно. Если верить часам Крюгера, на этих широтах Тиир находился над горизонтом всего восемь суток из своего восемнадцатисуточного периода. И Крюгер совершенно бы успокоился, если бы не нарастающая с каждым днем угроза со стороны Альциона, который Дар Лан Ап именовал Арреном. Конечно, превосходно, что красный карлик досаждаёт теперь не постоянно, а с большими перерывами, но что в этом толку, когда в это же время голубой гигант превращается из второстепенного и временного противника в основную и смертельную угрозу? Одолеваемый этими мыслями, Крюгер всячески старался ввести в их лексикон понятие температуры, дабы иметь возможность выяснить у своего спутника, есть ли на этой планете место, которое было бы пригодным для человеческого существа.

Медленно, но верно речь Дара в восприятии Крюгера становилась все более осмысленной. И постепенно у Нильса начало складываться общее представление о цели, к которой они стремились.

Очевидно, Дар тоже искал прохладное место. Эту информацию Крюгер воспринял с нескрываемым восторгом. Правда, понятие Дара о «прохладном» могло оказаться и ловушкой, но в сложившейся обстановке он охотно применял прилагательные с противо-

положительными значениями, и одно это казалось обнадеживающим. Другим не менее приметным признаком были постоянные попытки пилота описать нечто, весьма напоминающее лед.

Вначале Крюгер усомнился, правильно ли он понял Дара, и принялся настойчиво теребить своего спутника, требуя более точных описаний. Но Дар упорно держался своей терминологии, и в конце концов Крюгера осенило: видимо, конечной целью их путешествия является космический корабль, который доставил Дара на Абельмен. А уж там лед наверняка имеется, хотя бы и искусственный!

Где-то на их пути лежал океан, о существовании которого Нильс догадывался и раньше. Но он не был уверен, о чем идет речь, — действительно ли об океане или просто о большом озере, и поэтому он спросил, нельзя ли обойти это препятствие. Упорство, с которым Дар пытался выразить несостоятельность такого предположения, убедило его, что имеется в виду именно океан.

И только тут Крюгеру пришла в голову мысль о географических картах. Пусть у него нет никаких способностей к рисованию, но он все же сумеет начертить вполне приличную схему их маршрута от лавового поля до места, где они сейчас находятся. И тогда Дар поймет, что он старается показать, тогда появится понятие «карта», а дальше все будет зависеть от способностей Дара к воспроизведению увиденного.

Им пришлось остановиться, пока он рисовал свою схему, но его усилия увенчались несомненным успехом. Дар не только сразу же усвоил необходимое слово и понял вопрос, который затем последовал; он оказался превосходным картографом — естественное следствие многолетних полетов, ибо карта была для

него чем-то вроде вида на местность с высоты. Он делал чертеж за чертежом, поясняя предстоящий маршрут и обнаруживая великолепное знание географии планеты.

Им предстояло продолжить курс на северо-восток, пока они не дойдут до морского побережья. Это не был кратчайший путь к берегу, но он выводил их к точке, от которой цепь островов протягивалась к другому материку. Переправившись через океан, они двинутся по берегу налево. Как понял Крюгер, это будет поворот к западу, но в действительности это было направление на восток; они были гораздо ближе к северному полюсу Абельсмана, чем он полагал, и должны были миновать его прежде, чем достигнут другого берега. Дар не отметил этого на своей карте. Они пройдут по берегу довольно значительное расстояние, после чего повернут в глубь материка. Затем очень скоро их путешествие закончится. Дар с удовлетворением очертил в этом месте обширное пространство, произнес: «Лед!» — и отодвинулся с видом человека, завершившего титанический труд. Крюгер, однако, был в недоумении. Он показал на очерченный район и спросил:

— Ты хочешь сказать... где-то здесь? Здесь? Или здесь?

— Точно здесь, — Дар ткнул в точку, которой обозначил конец маршрута.

— Но почему ты сказал, что здесь везде лед? Не может у вас быть столько кораблей, чтобы занять полпланеты.

— Я не понимаю «корабли». Здесь всюду лед.

— Все-таки до меня это не доходит.

К тому времени у Дара было уже достаточно недоразумений из-за языка, и непонятливость Крюгера

его не рассердила; он снова принялся вычерчивать карты. На сей раз карты были круглые, и очень скоро Крюгер понял, что это виды планеты в разных ракурсах. Способность Дара к картографии лишь подтверждала теорию Крюгера о его инопланетном происхождении и ничуть не удивила юношу. Но его поразили некоторые детали.

— Ты хочешь сказать, что здесь действительно имеется большая область, покрытая льдом?

— Две области. — Дар указал на свои карты.

Крюгер нахмурился. Полярные шапки обычно хорошо заметны из космоса, а он не видел ничего подобного перед посадкой. Правда, он не был опытным наблюдателем и во время посадки больше следил за действиями пилота. К тому же атмосфера Абельмена не была лишена облачного покрова. Возможно, в силу этого он проглядел полярные шапки. Не может же быть, чтобы обе полярные шапки находились тогда на ночной стороне планеты; во время посадки ее положение относительно красного и голубого солнца было таково, что ночной стороны вообще не было.

Как бы то ни было, наличие области, покрытой льдами, его воодушевило. Разумеется, джунгли в какой-то мере защищали путников от приближающегося Тиира, здесь было терпимее, чем в лавовой пустыне, но высокая влажность сводила это преимущество почти на нет. Крюгер не отваживался снять одежду только из-за ультрафиолетового излучения Аррена.

Оказалось, что им просто необходимо сделать остановку часов на пятьдесят, то есть на период максимального приближения Тиира, — время, для которого в языке Дара имелось специальное название, естественно переведенное Крюгером как «лето». Они расположились лагерем на берегу ручья — оставалось

только надеяться, что он не пересохнет за время их пребывания здесь, построили шалаш с тростниковой крышей, которая должна была давать тень и которую следовало непрерывно увлажнять для прохлады, и принялись ждать. Малиновый диск Тиира, просвечивающий сквозь листву деревьев, постепенно разбухал, передвигаясь к востоку и медленно поднимаясь; продолжая разбухать, он перевалил через высшую точку своего пути и снова направился к горизонту, который Крюгер все еще считал юго-восточным, хотя из-за близости полюса это был скорее северо-восток; достиг максимальных размеров и вновь стал уменьшаться на глазах, пока наконец не скрылся из виду. Всего за пятьдесят часов он проскочил треть своей видимой петли на небосводе, и Крюгер был искренне признателен ему за такую быстроту. Когда Тиир зашел, они снова двинулись в путь.

— А ты уверен, что мы идем к тому месту на берегу, которое ближе всего к цепи островов?

На сей раз Дар понял вопрос.

— Я не знаю точно, но, по-моему, мы идем правильно. Я много раз летал над этими местами.

— Но ты не можешь пользоваться ориентирами; в этих джунглях не видно ничего, что было бы меньше горы, а гор здесь не было. Вдруг мы уклоняемся в сторону?

— Это возможно, но не имеет большого значения. Вдоль берега тянутся низкие холмы — вулканические сопки. Ты можешь забраться на одну из них, если мы не увидим островов с берега.

Крюгер решил пока не уточнять, почему именно он должен будет взбираться на сопку.

— Но предположим, что даже с вершины мы не увидим ни одного острова. Куда мы тогда пойдем?

Не лучше ли будет сейчас двинуться к берегу напрямик, так, чтобы потом у нас не было сомнений, в какую сторону идти?

— Но я не знаю пути, который ты предлагаешь.

— Этого пути ты тоже не знаешь; ты никогда раньше не ходил здесь пешком. Если твои карты правильны, мы не заблудимся и нам не придется попусту тратить время, когда мы выйдем к побережью.

Некоторое время Дар Лан Ан размышлял над этим образчиком мудрости, а затем безоговорочно согласился. Они изменили курс. Все шло, как прежде. Впоследствии Дару пришло в голову, что Крюгер руководствовался стремлением как можно скорее вновь попасть в вулканические районы.

Оставалось пройти еще несколько сотен миль, хотя в этом Крюгер не был уверен — масштабы на картах Дара оставляли много места для сомнений. Для романиста XIX века их путь послужил бы превосходной темой; дорога через джунгли в период дождей неминуемо трудна. Перед ними вставали заросли и болота; им угрожали опасные хищники; время тянулось бесконечно и однообразно. Случайные выходы лавы, изъеденные эрозией, на какое-то время облегчали им продвижение, но затем их снова обступали джунгли.

Очень медленно сокращался путь Тиира над горизонтом — от восьми дней в районе грязевых гейзеров до семи и затем до шести. Одновременно менялся наклон суточного движения Аррена. На лавовом поле голубое солнце стояло над южным горизонтом выше, чем над северным; теперь его высота почти не менялась. Именно это обстоятельство навело Крюгера на мысль о том, что они должны быть сейчас совсем недалеко от северного полюса Абъёрмена. В известном смысле это было даже неплохо, но, с другой стороны,

если они находились практически на полюсе, то где же полярная шапка? Или, раз уж Дар упорно твердит, что она находится за океаном в том направлении, куда они идут, почему она не на полюсе? Крюгер не сомневался, что подготовленному человеку разрешить эту проблему не составило бы никакого труда, но семнадцатилетний паренек, несостоявшийся пилот звездолета, не имел надлежащего образования.

Во всяком случае, он все еще не мог с уверенностью сказать, что полярная шапка интересует его сама по себе; по-видимому, соплеменники Дара просто посадили свой корабль на окраине вечных льдов, и Дар упоминает о полярной шапке только как об ориентире. Нильс еще не знал, что он будет делать, когда доберется до этого корабля, одно ему было ясно — добраться надо во что бы то ни стало.

На протяжении всего долгого пути их общение между собой становилось все более непринужденным. Они говорили на смеси двух языков с большим преобладанием слов из языка Дара. Крюгер шел на это умышленно; при встрече с другими представителями расы Дара он хотел обойтись без посредничества Дара. Они разговаривали совершенно свободно еще до того, как достигли побережья, хотя им по-прежнему приходилось прибегать и к многократным повторениям, и к жестикуляции. Но несмотря на это их основное недоразумение все еще оставалось неразъясненным, и, казалось, разъяснить его теперь было бы еще труднее, чем раньше. Беда в том, что теперь это происходило все чаще; каждый считал, что выражает свои мысли ясно и понимает другого полностью, а между тем бывало и так, что воспринятая мысль весьма отличалась от мысли выраженной. Так случилось, например, когда однажды они обсуждали во-

прос о помощи, которую им могли бы оказать соплеменники Дара.

— Ты говоришь, что многие твои товарищи совершают полеты на планерах тем же курсом, каким летел ты, когда разбился, — заметил Нильс. — В таком случае, может, имеет смысл, когда мы попадем на то место на берегу, над которым проходит ваш регулярный маршрут, разжечь костер, чтобы привлечь их внимание? Это избавило бы нас от долгого и тяжелого пути.

— Боюсь, я не понимаю, каким образом это могло бы нам помочь, в особенности если бы ты развел очень заметный костер.

— Разве тогда они не подобрали бы нас?

— Что ж... Да, я полагаю, что так. Хотя боюсь, что тогда мне не захочется достигнуть Крепости слишком быстро.

Возможно, все тут же и выяснилось бы, продолжи Крюгер хоть чуть-чуть этот разговор, но ему уже приходилось слышать, как Дар говорит о Крепости. У него сложилось впечатление, что когда Дар называет ледяную шапку Крепостью, это слово в его понимании приобретает какой-то религиозный смысл, значение которого маленький пилот явно не желал обсуждать. Короче говоря, Крюгер понял слова Дара так: существует расписание перелетов, и Дар может прибывать на место только в определенные моменты. По-видимому, даже крушения как-то учитываются этим расписанием. Вывод был достаточно произвольный, но он совпадал с другими высказываниями Дара Лан Ана, и Крюгер не хотел обижать своего маленького приятеля. Поэтому разговор перешел на другие темы, и Дар остался в полном убеждении, что он исчерпывающе объяснил Крюгеру, что произойдет, если

по несчастливой случайности какой-нибудь пилот заметит костер и обнаружит рядом его, Дар Лан Ана.

— Что ты будешь делать, когда мы достигнем льдов? — снова спросил Крюгер. Если вопрос окажется скользким, подумал он, Дару ничего не стоит обойти молчанием любую тему, которую он не пожелает обсуждать.

— Осталось еще несколько лет, — ответил тот спокойно. — Двадцать два года, если я правильно помню дату. Если для меня найдется планер, я, наверное, вернусь к своей постоянной работе. Если нет, буду делать то, что укажут Учителя.

Крюгер уже знал, что под словом «год» следует понимать полный цикл красного солнца; значит, время, о котором говорил Дар, составляет примерно тринадцать месяцев. Прежде чем он успел задать новый вопрос, абориген его опередил:

— А что будешь делать ты? Ты действительно пойдешь со мной до ледяной области и предстанешь перед Учителями? Я ведь считал, что ты намерен остаться на побережье, когда мы туда дойдем.

— Я полагаю, мне будет удобнее идти с тобой до тех пор, пока ты мне позволишь. Конечно, это твой народ; если ты не хочешь, чтобы я встретился с ними, твое право.

— Я очень хочу, только я не знал, как ты на это согласишься.

— А чего мне раздумывать? Мне помощь нужна больше, чем тебе, и может, твои Учителя захотят оказать мне поддержку, в которой я нуждаюсь. Я понимаю, вы там очень заняты, раз ты намерен сразу же вернуться к работе, но я могу и подождать. Может быть, когда пройдет то время, о котором ты говорил, они освободятся и примут во мне участие. А я со

своей стороны буду охотно делать для твоих друзей все, что в моих силах.

На сей раз Дар ответил не сразу. К тому времени, когда Крюгер узнал его достаточно хорошо, чтобы понять, как ужасно должны были звучать для аборигена эти слова, он уже забыл подробности разговора. По всей вероятности, он так никогда и не осознал, что чувствовал Дар в тот момент. Ответ был самый уклончивый, какой только удалось придумать маленькому пилоту:

— Я уверен, что все как-нибудь устроится.

Таким образом, основное недоразумение не только не удалось разрешить, напротив, оно еще более усугубилось, по крайней мере для одной из сторон.

Несмотря на это, дружба между ними крепла. Во всяком случае, Крюгер был готов поклясться в этом; он знал свое отношение к Дару и имел достаточно случаев убедиться, что и Дар относится к нему не хуже. Один из таких случаев произошел еще в пути, когда они вышли на побережье — через несколько «лет» они все-таки вышли на побережье.

Джунгли немного поредели, все чаще стали появляться проплешины лавы и вулканического пепла. Очевидно, местные вулканы были действующими еще сравнительно недавно. Карабкаться здесь пришлось чаще. Ни один из склонов не превышал и сотни ярдов, но они подчас были весьма крутыми, ведь угол естественного откоса для рыхлого вулканического пепла составляет около тридцати градусов. Памятуя, о чем в свое время говорил Дар, Крюгер ожидал, что океан может появиться с минуты на минуту, и все же он застиг его врасплох.

Они вскарабкались на гребень одного из холмов, по виду ничем не отличающегося от других, и вышли

на ровное место, с которого перед ними впервые открылся широкий, на много миль, обзор. Их взору предстала удивительная картина.

Впереди, по обе стороны от них, располагались две большие вулканические сопки ярдов по триста высотой. Между ними сверкало и искрилось поле интенсивной синевы, которое могло быть только огромной массой воды. Это был океан, к которому они стремились столь долго и упорно. И все же не он привлекал к себе внимание путешественников. Несколько минут они стояли молча, уставившись на то, что лежало между ними и океаном, — в долине между вулканами и частично на их склонах. Затем оба почти одновременно повернулись друг к другу и задали один и тот же вопрос:

— Это твой народ?

4. Археология

Строго говоря, никакого народа они не увидели, но было явное свидетельство того, что он существует. Города не возводятся сами собой, а то, что лежало между сопками, было городом в понимании как человека, так и обитателя Абьёрмена. Очень высоких зданий не было. От силы три или четыре этажа, если судить по расположению окон. Окна, по-видимому, были довольно большими, иначе их было бы трудно разглядеть на таком расстоянии, но они не были застеклены, так как не отражали света. Это, конечно, могло объясняться и случайностью, но уж слишком мала была вероятность, что из тысяч стекол, озаренных светом двух солнц, ни одно не отражало лучи в сторону путешественников.

Крюгер почти мгновенно сообразил, что если его представления о Даре правильны, такой город вряд ли может быть делом рук соплеменников пилота. И все же он ждал ответа. Молчание продолжалось несколько секунд; Дар также ждал ответа на свой вопрос. Крюгер ответил первым:

— Нет, этот город строил не мой народ. Я никогда раньше не видел его или что-либо, на него похожее.

Дар воспринял это заявление с некоторым недоверием, но в свою очередь заявил, что ничего не знает об этом месте.

— Укрытия на полярной шапке находятся внизу, — сказал он. — Эти же построены на поверхности. Мой город, Кварр, тоже находится на поверхности, но форма и цвет зданий у нас совсем другие. Я тоже никогда не видел чего-либо, похожего на этот город.

Дар надеялся, что слово «тоже» не прозвучало слишком подчеркнуто.

— По-моему, город покинут. Пойдем осмотрим его.

И тут Дар в полной мере продемонстрировал дружеские чувства, которые он питал к человеческому существу. Ведь будь он один, он бы постарался обогнуть этот город так далеко, как только возможно. Слова Крюгера о том, что город покинут, не доставили ему желанного удовлетворения; Учителя хранили в тайне сведения о некоторых фазах существования этого огненного мира. Но несмотря на сомнения, граничившие со страхом, Дар Лан Ан не стал возражать против предложения Крюгера, и они двинулись к городу вниз по склону холма.

Однако прежде им пришлось пройти еще несколько миль через джунгли. Дар с интересом отметил про себя, что даже обычных шорохов лесного зверья не

было слышно в зарослях. Крюгер, если и обратил на это внимание, не проронил ни слова. А может, он и не заметил, подумал Дар; он уже давно понял, что у него слух гораздо острее, чем у его приятеля-великана. Отсутствие диких животных могло, между прочим, означать, что город вовсе не покинут, как полагает Крюгер, и Дар взял арбалет на изготовку.

Впрочем, случая применить оружие так и не представилось. Они вышли из джунглей и остановились на краю пустыря шириной в несколько сотен ярдов, за которым возвышались первые здания. Остановившись, они внимательно оглядели их.

Они не заметили никакого движения, и даже чуткие уши Дара не уловили ничего подозрительного. Выждав несколько минут, Крюгер снова двинулся вперед. Он не оглянулся, не посмотрел, следует ли за ним Дар, но пилот не отставал; мысли, совершенно чуждые человеческому существу, теснились в его мозгу. Он все еще держал арбалет наготове. Если что-нибудь должно случиться, если его необъяснимое доверие к Нильсу Крюгеру будет обмануто, то пусть это случится сейчас, сию минуту. Но к его чести следует сказать, что оружие было направлено не на Крюгера.

Грунт под ногами неожиданно сменился твердой мостовой, и когти Дара слабо царапнули по ней. Как и здания, мостовая была сложена из квадратных, хорошо подогнанных лавовых блоков. Здания были не такие высокие, какими казались Крюгеру на расстоянии, то есть не высокие в абсолютном смысле; они имели по три-четыре этажа, как можно было судить по расположению окон, но высота каждого этажа не превышала полутора ярдов.

Здания эти трудно было назвать домами, по крайней мересточки зрения Крюгера. Для этого они были слишком открыты. Более половины площади стен занимали незастекленные окна, а нижний этаж вообще, казалось, состоял из сплошных дверей. Да, они имели прочные крыши и могли, очевидно, служить известным укрытием от дождей, но этим их удобства в качестве жилья и ограничивались.

Сами двери, если их так можно было называть, производили весьма странное впечатление. Обследовав снаружи несколько зданий, Крюгер обнаружил, что уже не в состоянии определить, то ли двери, по очертаниям похожие на колокол, прорезаны в нижних этажах через каждые два-три фута, то ли наружные стены нижних этажей состоят из колонн необычной формы. Последнее предположение казалось более вероятным, ибо слово «дверь» мало подходило к проходу, ширина которого у основания чуть превышала ярд, высота едва доходила до четырех футов, а форма напоминала гауссову кривую.

Одно путешественники поняли очень скоро: оба говорили чистую правду, когда отрицали какую-либо связь с этим городом. Для Крюгера потолки были слишком низкими, что же касается Дара, то он хоть и мог без труда передвигаться в любом из помещений, однако двери предназначались явно не для таких, как он. Осознав это, Дар уже готов был разрядить арбалет, и все-таки окончательно не успокоился.

Крюгеру хотелось бы обследовать внутренние помещения какого-нибудь здания, но Дар предложил вначале осмотреть город. И они двинулись дальше по улице.

Улица вела к океану, но, по-видимому, не доходила до него. Планировка города отличалась замы-

словатостью; казалось, будто ни одна из улиц не пересекает его из конца в конец. Крюгер держал путь к морю, полагая, что самые большие и интересные здания должны располагаться вдоль набережной.

В какой-то степени он оказался прав. Город действительно простирался до самого океана, и чем дальше, тем внушительнее становились здания. Но самые большие здания находились не на берегу, а... на дне залива.

Крюгер не сразу осознал увиденное. Дар был поражен еще более; он уже склонялся к тому, чтобы поверить, что Крюгер не имеет никакого отношения к строителям города, но был совершенно уверен, что строители, как и Нильс, были огнепоклонниками — об этом свидетельствовало не только расположение самого города, но и строительный материал. Подобная гипотеза не очень-то согласовывалась со зданиями, возведенными, казалось, прямо под водой в полном пренебрежении к различиям между водой и воздухом. Дар знал об огне мало, но даже он понимал, что огонь и вода несовместимы. Он придвинулся ближе к своему приятелю-великану.

— Этот город древнее, чем я думал, — медленно произнес Крюгер. — Чтобы берег опустился или же уровень воды поднялся настолько, чтобы затопить эти здания, должно было пройти немало времени. Вряд ли можно говорить о внезапном толчке, в этом случае город был бы разрушен.

— Что же мы теперь намерены делать?

— Я бы все-таки хотел осмотреть один из домов изнутри. Вдруг удастся отыскать что-нибудь полезное, да и вообще мне любопытно.

Дар обнаружил, что, несмотря на груз восьмивековых традиций, ему тоже любопытно, и без возраже-

ний последовал за Крюгером, когда тот подошел к ближайшему зданию, опустился на четвереньки и прополз внутрь через один из проходов в стене. Внутри Дар смог выпрямиться, и над его макушкой еще оставался значительный просвет; он свободно прошелся по помещению, тогда как Крюгер некоторое время оставался на коленях.

Открытая структура внешней стены имела то преимущество, что пропускала много света, и тем не менее здесь было мало такого, чего бы они уже не видели, заглядывая с улицы. Да и смотреть было почти не на что. Комната — или зал футов пятнадцати шириной — тянулась во всю длину здания параллельно улице; обстановки не было. Во внутренней стене прохода имелись двери по форме и размерам точно такие же, как и те, что вели с улицы; правда, их здесь было не так много. Крюгер выбрал наудачу одну и прополз в нее. Дар последовал за ним.

Помещение, в которое они попали, также узкое и длинное, тянулось наискосок к улице. Дверь находилась в одном его конце, а в другом, примерно на фут от пола, возвышался какой-то помост. На полу в четырех местах весьма хаотично были расставлены куполообразные предметы с желобчатой поверхностью, что делало их похожими на перевернутые формочки для желе высотой примерно пол-ярда и таким же диаметром. Они были выполнены из какого-то светлого камня. Крюгер, упершись ногами в стену, едва смог сдвинуть с места один из них. Каково было их назначение — непонятно. С другими предметами обстановки дело обстояло проще: там было какое-то прямоугольное изделие из металла с выдвижными ящиками и еще зеркально гладкая поверхность из превосходно отполированного обсидиана, вделанная

в одну из стен. Зеркало, если только это было зеркало, по размерам и форме не отличалось от дверей.

Выдвижные ящики бюро или шкафа — или как его там назвать — запирались простыми щеколдами. Верхний ящик был пуст, зато следующий был чуть ли не доверху набит металлическими предметами, из которых половина предназначалась для неизвестных целей, а другая половина вполне могла сойти за чертежные принадлежности. Там были циркуль, пластина с насечками, полукруглый транспортир, размеченный глубоко врезанными в металл штрихами на восемнадцать делений, и несколько инструментов явно для резания и гравирования. Один из них, похожий на обоюдоострый скальпель с довольно длинной рукоятью, Крюгер показал Дару и предложил взять с собой. Дар все время пользовался ножом Крюгера для разрезания мяса, с тех пор как оценил преимущества стального лезвия. Рукоять по форме не совсем подходила для руки Дара, но и у жожа Крюгера она была не лучше, а тут его по крайней мере устраивал размер.

Продолжая осмотр, они наткнулись на торчащую из стены трубку с подобием газовой горелки на конце. Крюгер решил, что это приспособление для газового освещения.

На площадке в глубине комнаты имелось два неглубоких тазообразных углубления около четырех футов в диаметре. Крюгер в первый момент принял их за вазы для цветов либо ванны. Однако, подойдя ближе, он почувствовал жар. Он и так все время с головы до ног был мокрым от пота, поэтому он поначалу решил, что ему показалось, но, коснувшись стены, с испуганным криком отдернул руку: поверхность была обжигающе горяча.

Только огромным усилием воли Дар не впал в панику. Он не желал иметь никакого дела с источниками тепла, искусственными или природными, и он отступил к дверям, так что Крюгеру пришлось закончить осмотр одному. Это потребовало некоторого времени, ибо едва он решил, что смотреть больше нечего, как взгляд его упал на небольшую металлическую пластину, вделанную в пол. Она казалась совершенно гладкой, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что по краям ее имеются два крошечных углубления.

Крюгер вернулся к выдвижному ящику с инструментами, извлек циркуль и, вставив его острия в углубления, ухитрился подцепить и приподнять пластину. Он не слишком осторожничал, но на металлической поверхности не осталось ни царапины. Впрочем, Нильс не сразу обратил на это внимание.

Несколько секунд он молча разглядывал тусклую пластинку с двумя маленькими дырочками, а затем снова принялся за работу, орудуя импровизированным рычагом. Через несколько минут пластинка отскочила. Под ней оказалось именно то, что ожидал увидеть Нильс: две серебристые проволоочки, изолированные черным гибким покрытием и подсоединенные к металлическим трубочкам. Конечно, инопланетная техника могла сильно отличаться от земной, но, по мнению Крюгера, перед ним была обычная щетельная розетка, предназначенная для подачи электрического тока в любую точку по желанию обитателей комнаты.

Немелодично насвистывая, он глядел то на серебряные проволоочки, то на трубку с насадкой, торчащую из стены, то вновь на проволоочки. Затем

вставил пластинку на место и, к огромному облегчению Дара, покинул комнату.

Все увиденное не испугало, но глубоко поразило Крюгера. Отлично сохранившийся город, правда, в настоящее время без единого жителя (он был покинут, очевидно, совсем недавно), и тем не менее в большей своей части погруженный в океан (а это требовало многовекового опускания суши), с домами, оборудованными одновременно и газовым освещением, и электричеством.

Дар тоже был не в состоянии разрешить эту проблему. Он безоговорочно принял аргументацию Нильса по всем пунктам, кроме вопроса о газе и электричестве, — здесь он пожелал получить квалифицированную консультацию. Крюгер как мог объяснил ему, пока они отдыхали в затемненном зале у выхода из здания. Тиир в это время находился в максимальной близости, и продолжать поход все равно было невозможно. Дар с завидной легкостью усвоил, что газовый свет — одна из форм огня, и поспешно перевел разговор на электричество. Крюгер не ожидал, что ему удастся дать сколько-нибудь доступное толкование, и был приятно удивлен, обнаружив, что Дар, по-видимому, вполне его понимает. Разумеется, объяснение длилось долго, но к тому времени, когда Тиир снова опустился за холмы, Нильс был почти убежден, что объяснения его нашли благодатную почву.

Затем, естественно, возник вопрос: что им со всем этим делать? По мнению Крюгера, самое правильное — обследовать по крайней мере еще одно или два здания, чтобы убедиться, насколько они типичны; тогда в их распоряжении будет вполне достоверная информация, которую Дар сможет передать соплеменникам. Надежды Крюгера на то, что ему в свою

очередь удастся поделиться ею с землянами, были куда скромнее, но это вовсе не значило, что он от них отказывался.

Перед Даром стояла более серьезная проблема. Конечно, он тоже был заинтересован; ему бы очень хотелось привести в этот город отряд соплеменников и, быть может, кого-нибудь из Учителей, чтобы они узнали об электричестве, о котором рассказал Крюгер. Но в то же время факт оставался фактом: он нарушил жесткие древние инструкции — не просто приказы Учителей, но и заветы, запечатленные в книгах еще в те времена, когда его народа не было на свете, — запрещающие иметь дело с огнем. Несомненно, строители этого города, кем бы они ни были, никогда не слыхали об этих законах. Что будет, когда он представит в Ледяную Крепость полный отчет обо всем виденном? Пошлют ли сюда экспедицию или накажут его? Разумеется, все это касалось лично его; спросить совета у Крюгера он не мог. Человеческое существо тоже, очевидно, не слыхало об этих законах, но его вряд ли за это можно осуждать; оно воспитано совершенно по-другому.

Впрочем, вопрос о том, что делать с полученной информацией, стоял особо, а пока они, по-видимому, имели возможность узнать еще кое-что. Поэтому Дар последовал за Крюгером и еще несколько часов потратил на доскональный осмотр зданий.

Здесь здания отличались друг от друга примерно так же, как дома в любом земном городе, но различия эти не были особенно заметными. Диковинное сочетание газовых трубок с электропроводкой встречалось везде. Дар отметил, что трубки имелись только во внутренних помещениях, тогда как выходы электросети чаще попадались во внешних залах и даже на

внешних стенах. Можно было подумать, что у жителей города было какое-то предубеждение против использования электричества в целях освещения. Крюгер отверг предположение Дара, что они могли просто не додуматься до электрического света. По его мнению, всякий, кто сумел создать надежные источники электрического тока, питающие целый город, давно бы столкнулся хотя бы с идеей электрической дуги. Возможно, он был прав.

Хотя Тиир зашел не так давно, над городом, пока они занимались осмотром, пролилось несколько грозовых ливней. В тот момент, когда они решили, что насмотрелись достаточно и пора снова отправляться в путь, разразился новый ливень. Конечно, можно было идти и под дождем — Крюгер все равно был вечно мокрым от пота, — но ливень ухудшал видимость, и они решили переждать.

И на этот раз дождь продолжался не слишком долго; вскоре небо стало светлеть. Дар взвалил узел на плечи, и они двинулись в дорогу, хотя дождь еще продолжал хлестать. Струи бились о мостовую с таким шумом, что разговаривать было трудно, и ручьи с клокотанием катились под уклон, к океану, по лишенным сточных канав улицам. Может быть, именно поэтому чуткие уши Дара не предупредили их об опасности. Во всяком случае, впоследствии Дар ссылался именно на это.

Какова бы ни была причина, оба они до последнего момента не подозревали, что в городе есть еще кто-то. Их остановили сразу и словом и делом: им крикнули «Стой!», и арбалетная стрела раскололась о мостовую прямо перед ними. Сообразив, что стрелу, должно быть, пустили откуда-то сверху, Дар и

Крюгер торопливо зашарили глазами по крышам вокруг себя, но ничего не заметили.

Команда была дана на языке Дара, и отвечать взялся пилот. Подавляя желание взять на изготовку свой арбалет, он осведомился:

— Что вам надо?

— Вы пойдете с нами.

— Почему? — Крюгер понял достаточно, чтобы задать свой вопрос.

— Вы город.

Нильс уловил смысл только начала и конца фразы.

— Что им не нравится? — спросил он у Дара.

— Мы им не нравимся. Мы... Нам... Приходить в город было нехорошо.

— Почему?

— Они не говорят. — Дар не стал объяснять, что он, кажется, знает, в чем дело; времени для странных объяснений не было.

— Ты хоть представляешь, кто это может быть?

— Представляю, но точно не знаю.

— Что, по-твоему, мы должны делать?

— Что они скажут. — Дар стоял посреди пустынной мостовой и не имел никакого желания вступать в арбалетную дуэль с хорошо укрывшимся противником, о численности которого он не имел представления. Но его мучил один вопрос:

— Что нам будет за то, что мы проникли в ваш город?

— Что скажут Учителя. Решаем не мы.

— А что делалось раньше?

— Уже много лет никто не оказывал Учителям неповиновения. Вначале, когда народ был молод,

такое случалось; нарушители подвергались наказанию и больше никогда не осмеливались ослушаться.

— Ну, а если мы не знали, что оказываем неповиновение?

— Ты должен был знать; ты являешься личностью. Того, кто с тобой, возможно, простят. Это решат Учителя.

— Но я никогда не слышал об этом городе; мои Учителя никогда не говорили мне о нем, и о нем нет упоминаний в книгах. Откуда же я мог знать?

— У тебя, должно быть, очень глупые Учителя. Может быть, тебя и нельзя за это винить.

Дар был так возмущен, что решился на ответное оскорбление, которое Крюгер непременно бы пресек, если бы успевал следить за разговором.

— Разве я из вашего города?

— Нет.

— Ваши Учителя говорили вам о моем городе?

— Нет.

— Значит, на Абьёрмене две компании глупых Учителей.

Если бы Крюгер понял, о чем идет речь, он бы несколько не удивился, получив в ответ град стрел, но ничего подобного не произошло. Невидимый собеседник просто вернулся к начальной теме разговора.

— Вы пойдете с нами без боя?

— Пойдем. — Дар ответил, более не советуясь с Крюгером. В конце концов Нильс уже спрашивал у Дара, что они должны делать, следовательно, у него не было своего мнения.

Не успел Дар кончить, как из близлежащих зданий высыпало около пятидесяти двуногих существ. Крюгер воспринял их появление без особого удивления, но Дар был безмерно поражен тем обстоятель-

ством, что физически противник ничем не отличался от него самого. Дару пришлось немало путешествовать; во время деловых полетов к Ледяной Крепости и в другие места он встречался с представителями своей расы из десятков городов, разбросанных по всему Абьёрмену, но никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из них жил вне сферы влияния городов, управляемых Учителями (если не считать каких-то непойманных дикарей). Впрочем, против фактов не пойдешь; существа, обступившие его, были точными копиями обитателей любого из городов, где ему пришлось побывать. Даже кожаные ремни у них были такие же, как у него, а что касается арбалетов, которыми было вооружено большинство из них, то они словно бы вышли из мастерской Мерр Кра Лара в родном городе Кварре.

Тот, кто, по-видимому, был начальником, заговорил сразу же, как только подошел:

— Ты только что употребил слово, которое я никогда не слышал прежде. Что такое «книга»?

Крюгер не понял этого вопроса; Дар ни разу не заикнулся о том, что находится в узле, о котором он так заботится. Невежеству своего спутника-человека Дар, возможно, и не удивился бы, но чтобы о книгах никогда не слышал представитель его собственной расы, — это было просто невероятно! Жизнь не может идти своим чередом без записей о прошлой жизни!

Оправившись от изумления, он попробовал объяснить, что такое письменность, но слушатель, как видно, был не способен усвоить и переварить полученные сведения. Силясь внести ясность, Дар извлек из узла одну из книг, раскрыл ее и сделал попытку объяснить значение отдельных букв, но это привело к совершенно неожиданному результату.

— Я не совсем понимаю, — сказал начальник, — зачем вам это, раз вы можете спросить у Учителя обо всем, что вам нужно знать. Возможно, наши Учителя знают, зачем это вам. Мы покажем им твои книги; дай их сюда.

Б. Конфискация

Делать было нечего; один арбалет ничего не стоил против двух десятков. На мгновение у Дара мелькнула мысль попытаться совершить прорыв сквозь окружавший их отряд и засесть в укрытии в ближайшем здании, но он от нее отказался. Пока он жив, еще есть надежда вернуть книги.

— Я предпочел бы нести книги сам и самому показать их вашим Учителям, — произнес он.

— Нет никакой нужды вести тебя к ним, если только они не прикажут, — отозвался начальник. — А вот книги они непременно захотят посмотреть. Я пойду к ним, покажу книги и спрошу, что делать с вами.

— Но я хочу их видеть, мне надо объяснить, почему я не знал, что нарушаю ваш закон.

— Я сам передам им это. Закон ты нарушил, и твое желание не имеет никакого значения.

— А разве они не захотят увидеть моего спутника? Ты ведь сам сказал, что он не такой, как все.

— Да, его я возьму с собой.

— Тогда я тоже тебе понадобится. Он плохо знает настоящую речь, а я выучил некоторые слова из его языка.

— Если Учителя захотят не только видеть его, но и говорить с ним и им понадобится твоя помощь, за тобой пошлют. — Начальник протянул руку, и Дар неохотно передал ему свой бесценный узел.

Прозвучала команда, и отряд двинулся в ту сторону, откуда шли Дар и Крюгер. Однако, выйдя на улицу, по которой путники направлялись к океану, отряд пересек ее и зашагал по направлению к склонам вулкана, обращенным к побережью, — того вулкана, что находился по левую руку, когда путники подходили к городу.

Вот когда Дар пожалел, что в свое время не выучил как следует язык Крюгера. Перед ним стояла задача вернуть книги и вырваться из плена, и чем скорее, тем лучше; если не удастся, то бежать без книг и сообщить в Ледяную Крепость, где они находятся. Сделать это следовало непременно в ближайшие двадцать лет; иного выхода не было. В случае удачи ему помог бы Нильс Крюгер. Однако в данный момент обсуждать с ним это ни в коем случае нельзя — пришлось бы употреблять слишком много слов, понятных противнику. Возможно, позже их оставят одних, если же нет, Дару придется обойтись тем жалким запасом английских слов, которым он владеет. Тут его осенило, и он обратился к Крюгеру по-английски:

— Нильс, говори, пока идем. На твоем языке. Все равно что.

Он не мог выразиться яснее; ему хотелось, чтобы Крюгер говорил обо всем, что им встречается по дороге, он надеялся, что смысл того или иного слова в ряду со словами, уже известными ему, окажется достаточно ясным и он ухватит его. Крюгер не понимал этого, но он видел, что у Дара что-то на уме, и постарался пойти ему навстречу. А как только он заговорил и именно о том, что больше всего интересовало Дара, дело сразу пошло на лад.

Такой метод вряд ли оказался бы плодотворным для человеческих существ, но при необыкновенной памяти Дара он мог кое-что дать. И все же запас слов маленького пилота пополнялся чрезвычайно медленно, и далеко не все слова были поняты им правильно.

А тем временем группа миновала вулкан, следуя по узкой полосе берега, покрытой слежавшимся пеплом. По другую сторону были джунгли, они спускались почти к самому океану отдельными скоплениями растительности, между которыми громоздились груды изверженных камней и блестели лавовые проплешины. Около двух часов отряд пробирался через эти участки, постепенно удаляясь от берега. Местность более не повышалась; они находились примерно на уровне моря, и Крюгер ожидал, что вот-вот перед ними окажется какое-нибудь болото. Вместо этого они вдруг вступили в полосу тумана.

Впервые на Абельермене Крюгер столкнулся с этим явлением, и оно его страшно удивило. Туман при такой жаре? И тем не менее вот они, ползущие клочья водяного пара, и чем дальше уходил отряд, тем их становилось больше и встречались они чаще. Юноша достаточно разбирался в физике, чтобы сообразить: либо что-то охлаждает почти насыщенный воздух, либо где-то поблизости имеется масса воды с температурой более высокой, нежели температура воздуха. И он не очень удивился, когда оправдалось второе предположение. По обеим сторонам тропы появились лужи, а затем отряд вступил на ровную площадку длиной в двести-триста ярдов, испещренную водоемами, над которыми поднимались плотные облака испарений. Некоторые водоемы яростно бурлили, гладкую поверхность других заливал яркий солнеч-

ный свет, но вода была горячая, по-видимому, во всех. Дар заметно нервничал — заметно для аборигенов; Крюгер все еще не разбирался во внешних проявлениях его чувств. Абориген, несший узел с книгами, полюбопытствовал:

— Твой спутник сказал тебе что-то неприятное?

— Нет, — отозвался Дар. — Но если здесь кто-то и нарушает законы, так это ваш отряд.

— Почему? Эти места для нас не запретны; нам указали здесь жить.

— Ваши Учителя?

— Разумеется.

— В этом пару?

— Это водяной пар; он никому не мешает. Гляди, твой приятель его не боится.

Крюгер шагнул к одному из водоемов — охрана насторожилась, но не помешала ему — и теперь внимательно всматривался в воду и в камни вокруг. До этой минуты ему ни разу не приходилось встречать на планете известняк, а здесь лужа была окружена бордюром из известнякового туфа, фута на два возвышавшимся над грунтом.

Закончив осмотр, Крюгер удовлетворенно кивнул. Затем он вернулся к отряду — охрана с поразительным терпением ждала, пока он завершит обследование, — и спросил того, кто нес узел:

— Как часто эти?..

У него не было слова для обозначения нужного глагола, и он просто вскинул вверх и развел в стороны руки, так что его поняли все, кроме Дара. Начальник без малейших колебаний ответил:

— По-разному. Иногда раз в два-три года, иногда двадцать или тридцать раз в год.

— Как высоко?

— Иногда просто выплескивается через край, иногда на высоту дерева. Много шума, много пара.

В том, что в вулканическом районе имеются гейзеры, не было, разумеется, ничего удивительного. Но Крюгер ранее полагал, что дикие и полуцивилизованные народы обычно избегают таких мест. Некоторое время он размышлял, к каким выводам об этих существах он может прийти на основании полученных ответов, пока с сожалением не признал, что никаких практических выводов сделать невозможно.

Путь их близился к концу. Они пересекли полосу гейзеров и по ту сторону джунглей увидели скопление построек, которое и было «городом» этого племени. Строения рассказали о племени гораздо больше, чем любые слова.

Это были примитивные хижины, покрытые тростником, посolidнее шалашей, которые некогда сооружал Крюгер в летнее время, но куда более жалкие, чем африканские краали. На подходе к деревне начальник что-то крикнул, и все население высыпало из хижин встречать отряд.

В свое время Крюгер прочитал немало приключенческих романов и именно из них почерпнул большую долю сведений о жизни примитивных народов. Поэтому вид собравшейся толпы несколько смутил его. Все они были совершенно одинакового роста. В первый момент Нильс решил, что это все воины, а женщинам и детям строго приказано оставаться дома. У него немного отлегло от сердца, когда он заметил, что вооружены только его пленители и Дар. Прошло какое-то время, и его стало угнетать молчание толпы. По логике вещей им следовало забросать отряд вопросами о пленниках; вместо этого они просто таращили на Крюгера глаза.

Первым нарушил молчание Дар, и не потому, что он завидовал вниманию, которое привлек к себе Крюгер, а потому, что его беспокоила судьба книг.

— Так когда же мы увидим этих ваших Учителей? — спросил он.

Глаза того, что нес узел, вывернулись на него.

— Когда они скажут. Прежде всего мы намерены поесть, но пока готовят пищу, я доложу им о нашем возвращении.

Кто-то из толпы вмешался:

— Уже доложили; мы слышали, как вы подходили, и по голосу чужака поняли, что вы сделали свое дело.

Крюгер уловил смысл этой фразы; теперь он понял, почему жители деревни удивлены их появлением меньше, чем можно было ожидать. Отряд, видимо, послали, чтобы захватить чужаков; его и Дара, верно, заметили, когда они шли к городу через поляну. По времени все совпадало.

— Учитель, который отвечал, сказал, что отряду и пленникам можно поесть, а потом велел обоих пленников привести к нему.

Ни Крюгер, ни Дар не возразили, хотя Нильса, как всегда, смутил вопрос о пище.

Часть пищи, та, что подали вначале, оказалась растениями; их внесли в огромных корзинах, которые поставили прямо на землю. Все расселись вокруг корзины и занялись едой, так что Крюгеру было нетрудно выбирать то, что он уже знал и что, по его мнению, было безопасно. Тем временем многие жители деревни отправились к гейзерам с другими корзинами, наполненными кусками мяса. Затем они вернулись и заменили этими корзинами опустевшие вместилища. К своему величайшему изумлению, Крюгер обнару-

жил, что мясо — горячее, такое горячее, что в руки не возьмешь. По-видимому, оно было сварено в одном из гейзеров.

Оба путника все еще были голодны, но, памятуя о неудачном эксперименте Крюгера, ни один из них не осмелился попробовать мясо. Они угрюмо наблюдали, как жители деревни уплетают его за обе щеки, как вдруг Нильса осенило.

— Дар, этот народ — такой же, как ты. Ты видишь, вареное мясо им не вредит; так поешь хотя бы ты. Одному из нас следует поддерживать свои силы.

И хотя Дар испытывал некоторое сомнение по поводу своего сродства с жителями деревни, последнее соображение затронуло его чувство долга. После непродолжительной борьбы с собственной совестью он признал, что Крюгер прав. Смушение, с которым он приступил к трапезе, было сразу же замечено окружающими и вызвало, казалось, не меньшее удивление, нежели внешний вид человека.

В конце концов Дара спросили, в чем дело, и когда он поведал о несчастливом опыте Крюгера с жареным мясом, все с удивлением уставились на юношу.

— Не понимаю, как такое могло случиться, — заявил один из жителей деревни. — Мы всегда готовим мясо; таков обычай. Возможно, твой друг воспользовался водой из отравленного источника.

— Он вообще не пользовался водой. Там была только река с холодной водой, а воду нам было держать не в чем, — во всяком случае, у нас не было вместительных сосудов.

— Как же в таком случае он готовил мясо?

— Держал мясо на огне.

Едва он произнес слово «огонь», как все разом заговорили; Дар уже решил, что ему наконец-то уда-

лось вызвать у этого народа разумную реакцию, но тут же обнаружил, что его просто не поняли.

— Этот огонь был недалеко отсюда? — спросили его. — Учителя приказывают нам сообщать, как только начинают действовать какие-нибудь другие вулканы, помимо тех, что находятся неподалеку от Великого Города.

— Это не вулкан. Он сделал огонь сам.

Все вновь уставились на Крюгера, и воцарилась тишина. Никто не переспросил Дара; средний абьё-менец слишком уверен в собственном слухе и памяти, чтобы вообразить, будто он мог превратно понять столь простую фразу. Но Дар очень ясно почувствовал недоверие собравшихся и готов был биться об заклад на свои драгоценные книги, что знает, каков будет следующий вопрос. И он оказался бы в выигрыше.

— Как он это сделал? На вид он странный, но не могучий.

Последнее слово не обязательно означало физическую мощь; этим обобщающим термином они пользовались, говоря о любых дарованиях.

— У него есть такое приспособление, что, если его потрогать по-особому, появляется маленький огонек. Этим огоньком он зажигает кусочки дерева, а когда они загораются, он использует их для того, чтобы зажечь большие куски.

Спрашивающий усомнился, большинство остальных — тоже. Под одобрительный ропот он произнес:

— Я должен это видеть.

Дар с трудом удержался от того, что люди называют улыбкой.

— А ваши Учителя согласны подождать, пока он вам показывает, или лучше им тоже показать эту штуку?

Этот вопрос вызвал оживленную дискуссию среди жителей деревни. В результате один из них поспешил к маленькой хижине, расположенной на окраине поселка. Дар с интересом следил за тем, как он исчез в хижине, и попытался прислушаться к доносившимся оттуда неясным голосам. Но он ничего не разобрал, и ему оставалось только ждать, пока вернется посыльный.

— Учитель велел принести дерево, сколько требуется чужаку. Он хочет видеть, как разводят огонь.

Аборигены мигом рассыпались по хижинам, а Дар тем временем растолковал Крюгеру, о чем шла речь. К тому моменту, когда он кончил, дерево уже несли отовсюду.

Ни единого сучка не принесли прямо из джунглей; очевидно, оно было нарублено раньше и сохло в хижинах. Судя по форме (а кроме того, учитывая образ мышления аборигенов), собирали это дерево не на дрова, а для каких-то других целей. Впрочем, дерево есть дерево. Крюгер выбрал несколько сучьев, настрогал своим ножом лучины, затем поднял охапку побольше и встал, всем своим видом показывая, что он готов. Дар двинулся было к маленькой хижине, куда бежал посыльный, но его тотчас же остановили.

— Не туда, незнакомец!

— А разве ваши Учителя не там?

— В этом шалашике? Разумеется, нет. Они там говорят, это верно, но они пожелали *видеть* тебя и твоего огнедельца. Ступай за мной.

Говоривший зашагал по тропе, которой они вступили в деревню, и пленники последовали за ним. Все остальные потянулись гуськом.

Утоптанная тропа вилась среди горячих ключей. Она привела их к огромному водоему, расположен-

ному по другую сторону открытого участка. Видимо, этот водоем переполнялся чаще, чем остальные, а может, подземные источники, питавшие его, были богаче минеральными солями, только барьер известняка вокруг него достигал в высоту трех футов. Вода в нем яростно кипела.

Пространство вокруг было ровным, только на краю барьера одиноко возвышалась глыба известняка. Глыба эта, диаметром ярда в полтора, имела форму купола с уплощенной верхушкой и была примерно такой же высоты, что и барьер. Поверхность, весьма гладкую, испещряли глубокие отверстия.

Крюгер не обратил бы никакого внимания на странное сооружение, если бы не то обстоятельство, что именно здесь они остановились, а все население деревни собралось вокруг. Это заставило его приглядеться внимательнее, и он пришел к выводу, что перед ним образец довольно искусной каменной кладки. По-видимому, внутри находились Учителя; отверстия служили для наблюдения и вентиляции. Входа не было видно. Возможно, он находился с внутренней стороны барьера и потому его нельзя было увидеть снаружи, а возможно, вообще был где-то в отдалении и к нему вел туннель. Крюгер не удивился, когда из этого каменного холмика послышался голос.

— Кто ты такой?

Вопрос был задан не в пространство; грамматические особенности языка не оставляли сомнений, что адресован он именно Крюгеру. Мгновение юноша колебался, не очень уверенный, как ему следует отвечать; затем решил говорить правду.

— Я — Нильс Крюгер, ученик пилота с звездолета «Альфард».

Ему пришлось переводить существительные, облекая их смысл в наиболее подходящие известные ему слова абъерменского языка, но он остался весьма доволен собственным переводом. Однако следующий вопрос заставил его усомниться в правильности принятого решения.

— Когда ты умрешь?

Крюгер смешался. По всей видимости, этот простой и естественный вопрос имел своей единственной целью выяснить, как долго ему осталось жить, но он вдруг оказался не в состоянии на него ответить.

— Не знаю, — только и смог он произнести.

Последовало молчание, не менее длительное, чем пауза, вызванная его собственной растерянностью. Затем скрытый за камнем голос заговорил вновь; у Крюгера создалось впечатление, будто Учитель чем-то озадачен, но решил пока отложить разговор на эту тему.

— Говорят, ты умеешь делать огонь. Докажи свое умение.

Крюгер, понятия не имевший, что думает о нем невидимый собеседник, и чрезвычайно этим смущенный, повиновался. Дело оказалось несложным: дрова были сухие, к тому же Аррен давал достаточно света для солнечной батарейки. Сноп искр заставил ближайших к нему аборигенов испуганно попятиться, но Крюгер этого не заметил, как не замечал в свое время арбалета Дара. Стружки занялись мгновенно, и через минуту на скалистом грунте в нескольких ярдах от каменного укрытия Учителей уже пылал вполне приличный костер. Все это время вопросы следовали один за другим, и Крюгер с трудом успевал на них отвечать. Почему куски дерева сначала должны быть маленькими? Почему он отобрал дерево посуше? Откуда берутся искры? Отвечать было необычайно

трудно. Крюгер оказался в положении студента, вынужденного читать институтский курс лекций по физике или химии на французском языке, который он изучал менее года. Костер уже догорал, а он все еще пытался изъясниться — как словами, так и жестами.

Существо в каменном укрытии удовлетворило наконец свой интерес к огню — вернее, к тому, что знал об огне Крюгер, — и перешло к проблеме, которая, по видимому, интересовала его гораздо больше.

— Ты явился к нам из того мира, который движется вокруг Тиира, или из того, что кружит вокруг Аррена?

Дар просто не понял, о чем идет речь, но Крюгер понял отлично. Он был словно громом поражен, как, впрочем, любой другой человек на его месте, чья излюбленная теория в один прекрасный момент оказывается совершенно несостоятельной.

— Провалиться мне на месте, — пробормотал он, не в силах тут же придумать связный ответ.

— Что ты сказал?

Крюгер совершенно упустил из виду, что имеет дело с существами, обладающими отличным слухом.

— Это просто выражение удивления на моем языке, — торопливо ответил он. — Мне кажется, я не понял вашего вопроса.

— А мне кажется, ты понял.

И хотя в голосе вопрошающего не было ничего человеческого, мысленному взору Крюгера вдруг предстал строгий учитель по ту сторону барьера, и он решил по-прежнему быть с ним полностью откровенным.

— Нет, я не с Аррена; я даже не знаю, есть ли у него планеты, а у Тиира нет других планет, кроме этой. — Его собеседник воспринял новое слово без

объяснений; видимо, смысл был понятен ему из контекста. — Мой мир кружится вокруг солнца, гораздо менее яркого, нежели Аррен, но куда более горячего, чем Тиир, а расстояние от него до этой системы я не могу выразить на вашем языке.

— Значит, есть другие солнца?

— Да.

— Зачем ты явился сюда?

— Мы исследовали... узнавали, каковы другие планеты и их солнца.

— Почему ты один?

Крюгер подробно рассказал, как он случайно свалился в скафандре в грязевое озеро, как его друзья пришли к естественному заключению, что он погиб, и как он спасся, зацепившись за случайно подвернувшийся древесный ствол.

— Когда вернется твой народ?

— Я вовсе не жду их назад. У них нет никаких оснований полагать, что этот мир обитаем; городов соплеменников Дара, о которых он мне рассказывал, мы не заметили, а деревню вашего народа вообще не разглядеть. Как бы то ни было, наш корабль находился в разведывательном рейсе, который продолжался довольно долго по вашему летоисчислению, и может пройти еще столько же времени, прежде чем он вернется домой и будут изучены данные об этой системе. Но даже при этом условии я не вижу, к чему бы им сюда возвращаться; найдутся дела и поближе к дому.

— Значит, для твоего народа ты уже умер.

— Да, боюсь, что так.

— Ты знаешь, как действуют ваши летающие корабли?

Крюгер заколебался, но вовремя вспомнил, что уже назвал себя учеником пилота.

— Да, я знаю, какие силы их движут, и знаю их технику.

— Почему же в таком случае ты не построил корабль и не вернулся домой?

— Знание и умение — разные вещи. Я, например, знаю, как возник этот мир, но я бы не смог создать его своими руками.

— Почему тебя сопровождает тот, кого ты зовешь Даром?

— Я встретился с ним. Двоим легче, чем одному. И потом, я искал на этой планете место, где было бы достаточно прохладно для человеческого существа, а он рассказал мне о полярной шапке, к которой направлялся. Для меня этого было достаточно.

— А что ты собирался делать среди его соплеменников, если бы встретился с ними на этой самой полярной шапке?

— Наверное, попытался бы ужиться с ними. В каком-то смысле они были бы для меня единственным народом; если бы они позволили, я бы относился к ним, как к своему народу.

Последовала пауза, словно скрытые под камнем Учителя совещались или раздумывали. Затем вопросы возобновились, но на сей раз они были обращены к Дар Лан Ану.

Он ответил, что является пилотом и обычно совершает рейсы между Кварром и Ледяной Крепостью. Его спросили о местоположении города, и ему пришлось рассказать весьма подробно. Кто знает, то ли Учителя действительно пребывали в неведении, то ли испытывали правдивость Дара.

Ни слова не было сказано о принадлежности Дара к этой планете, и по мере того, как продолжался допрос, недоумение Крюгера все возрастало. Ему и

раньше приходила в голову мысль, что, поскольку Дар совершенно очевидно принадлежит к той же расе, что и пленивший их народец, они тоже, видимо, пришельцы из иного мира. Правда, в таком случае непонятно, почему они живут чуть ли не дикарями, но, возможно, они оказались здесь в результате крушения своего корабля. Эта версия объясняла, почему Учителя интересовались способностью Крюгера построить космический аппарат. По правде говоря, эта версия объясняла вообще все, кроме разве того, почему Учителя сидели в укрытии.

— Что такое «книги», которые ты нес и о которых ты так беспокоишься?

Этот вопрос мгновенно вернул задумавшегося Крюгера к действительности. Он и сам давно хотел спросить об этом.

— Это записи о том, что узнали и сделали за свою жизнь мои соплеменники. Записи, которые оставили нам те, кто жил до нас, давно уже нами изучены и возвращены в хранилища Крепости, однако существует закон, по которому каждый народ должен создавать свои книги, и книги эти тоже должны быть сохранены, как и те, что созданы раньше.

— Понимаю. Интересная мысль; в положенное время мы ее рассмотрим. Теперь о другом: у некоторых наших соплеменников создалось впечатление, будто ты считаешь, что иметь дело с огнем — преступление. Это правда?

— Да.

— Почему?

— Так говорят наши Учителя, да и древние книги свидетельствуют о том же.

— Они говорят, что огонь убьет вас?

— Да, но это еще не все. Быть убитым — это одно, все мы умрем в надлежащее время. Но тут, видимо, что-то похуже. Я понимаю это так: когда умираешь от огня, становишься еще более мертвым. Или что-то в этом роде. Ни Учителя, ни книги не дают ясных указаний.

— И все же ты водишься с этим существом, которое делает огонь, когда только захочет.

— Вначале мне это было неприятно, но я решил, что, поскольку он не настоящая личность, у него должна быть и совсем иная система законов. Я не сомневался, что информация, которую я принесу о нем моему народу в Ледяную Крепость, перевесит любые совершенные мною проступки. А кроме того, я всегда держался от огня как можно дальше.

Вновь наступила продолжительная пауза, а когда Учитель заговорил опять, тон его и слова были исполнены благорасположения.

— Вы оба дали много сведений, говорили охотно и были нам полезны. Мы ценим это и благодарим вас. На некоторое время вы останетесь здесь. За вами присмотрят, напоят, накормят. Боюсь, что сейчас мы еще не имеем возможности предоставить пришельцу прохладу, к которой он так стремится, но со временем можно будет устроить и это. Положите книги и зажигательное устройство на камень, и пусть все уйдут.

6. Исследование

Миновал период, когда частые дожди сменялись солнечным светом, ненадолго вернулся и вновь скрылся Тиир. К этому времени у обоих путников сложилось мнение, что Учителя захватившего их пле-

мени доброжелательны, но весьма упрямы. Их слова не расходились с делом. К несчастью, они сказали, чтобы Нильс Крюгер и Дар Лан Ан всегда находились под рукой для бесед, и жители деревни, слепо им повиновавшиеся, в точности выполняли это указание.

Их трудно было назвать пленниками в полном смысле слова. Они могли бродить где хотели, по деревне и в ее ближайших окрестностях; им запрещалось только заходить в хижину, куда жители ходили разговаривать с Учителями. Более того, когда эти невидимые существа узнали о часах Крюгера (а это случилось во время второй беседы), они весьма любезно согласились, что Дару и Крюгеру незачем оставаться все время поблизости при условии, если они будут возвращаться через определенные интервалы, которые тут же на месте и были определены по взаимному соглашению. Здесь, как понял Крюгер, действовал тонкий психологический расчет. В той же беседе Дару дали понять, что книги вскоре будут ему возвращены, хотя когда именно — оставалось неясным. «В настоящее время мы изучаем их с большим интересом». Любопытно, отметил Крюгер, что при этом от Дара не потребовали уроков азбуки. Но — и это было самым важным — теперь Дар был прикован к деревне этим обещанием надежнее, чем стальными цепями. Он даже решительно отказался обсуждать проекты, которые предусматривали бы уход из деревни без драгоценных книг.

Скорее с точки зрения заимствования опыта, а не почему-либо еще, Крюгер однажды спросил, распространяется ли на пленников закон деревни, запрещающий посещение города. Он ожидал резкой отповеди и был приятно удивлен, когда им разрешили ходить

в город при условии, что они оттуда ничего не возьмут и не сломают. Он умолчал о ноже, в свое время присвоенном Даром, и с легким сердцем дал требуемое обещание.

Дара удивило подобное решение Учителей; ему казалось несколько странным, что пленникам разрешают то, в чем отказывают пленителям. Однако никто из жителей не проявил к ним неприязни, и в конце концов они пришли к заключению, что для этого народа слово Учителей является абсолютным и непрекаемым.

Несколько раз они пользовались полученным решением, но не нашли в городе ничего, что бы заинтересовало их, как при первом осмотре. Крюгер предпринял тщательные поиски силовой установки, питающей городскую электросеть, но так и не нашел. Это его огорчило; ему очень хотелось узнать, какими источниками энергии пользовались строители города.

Учителя никогда не проверяли, точно ли они выполняют поставленное им условие, но однажды, во время очередной беседы, пленникам пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Дар, — произнес Учитель, — из какого материала сделаны пряжки твоих ремней?

Пилота этот вопрос, по-видимому, ничуть не обеспокоил, но Крюгер насторожился и торопливо сказал:

— Они были на нем еще до того, как мы сюда пришли; они не из города.

— Это мы понимаем, — сказал Учитель. — Но мы хотели узнать не об этом. Так как же, Дар?

— Они из железа, — честно ответил тот.

— Так мы и думали. А не можешь ли ты объяснить, откуда могли появиться подобные предметы

у личности, которой запрещено иметь дело с огнем и чей народ живет по тому же закону?

— Я могу сказать, но не могу объяснить, — правил его педантичный Дар. — Я их нашел. Множество вещей из такого же материала мы обнаружили неподалеку от города и в самом городе, когда мы только начали жить. Мы взяли, что нам хотелось, никто не запрещал нам этого. Я и не подозревал, что железо имеет какое-нибудь отношение к огню. — Он смущенно взглянул на пряжки.

На этом разговор закончился, вернее, он был прерван самым неожиданным образом. Один из гейзеров неподалеку от того места, где сидели пленники, избрал именно этот момент, чтобы освободиться от излишков своей энергии, и принялся выбрасывать огромные массы кипящей воды. Дар и Крюгер не стали тратить времени на прощальные приветствия; они кинулись прочь со всей быстротой, какую допускали затянувшие все вокруг облака пара.

Дважды Крюгер падал, споткнувшись о неровности грунта; оба раза он вскакивал на ноги, когда вода уже настигала его. Целую вечность, как им показалось, а на самом деле — менее минуты, они не думали ни о чем, кроме спасения.

Очутившись в безопасности, вне пределов извержения, они остановились. Им обоим пришла в голову одна и та же мысль, но на сей раз уже не о собственной безопасности. И еще долго после того, как рассеялись облака пара, они оставались на месте и выжидали в надежде хоть разок увидеть Учителей, которые, по логике вещей, должны были удирать во все лопатки, как и они. Однако, несмотря на все старания, они не заметили никакого движения и, когда воздух очистился совершенно, увидели, что каменный

купол по-прежнему стоит на месте и поблизости от него никого и ничего нет. Тогда они вернулись назад и обошли водоем, возле которого он находился, стремясь осмотреть купол со всех сторон, ибо сейчас было самое время обнаружить вход, но ничего не нашли.

Когда после этого происшествия они снова явились к куполу, то были несколько удивлены: беседа возобновилась, словно ничего и не произошло. Крюгеру очень хотелось спросить, как Учителям удалось спастись, но он так и не смог заставить себя заговорить на эту тему.

К этому времени он уже немало рассказал о своем народе; Дар — тоже. Крюгер успешно осваивал язык, гораздо успешнее, чем во время своих прежних бесед с Даром.

Что же касается Дара, то, хотя его познания в астрономии были весьма ограничены, он все же понял, что Крюгер не принадлежит к числу жителей вулканических районов. А Нильс так и не разобрался, кто такие Дар и жители деревни — аборигены этой планеты или пришельцы. Учителя всегда ловко уклонялись от прямых ответов на этот вопрос, ничто, казалось бы, не опровергало первоначального предположения юноши о том, что они такие же пришельцы, как и он сам.

Их времяпровождение не ограничивалось только исследованиями и беседами. Несколько раз ровное течение жизни нарушалось. Как-то Крюгер провалился в замаскированную яму, видимо, ловушку для диких зверей; и только то обстоятельство, что она, судя по всему, предназначалась для очень крупной добычи, спасло его от заостренного кола. В другой раз, выходя из здания, расположенного на окраине города довольно высоко на склоне одного из вулканов,

Крюгер и Дар едва не стали жертвами лавины вулканического пепла, подмытого, вероятно, недавними дождями. В последний момент они успели юркнуть обратно в здание, а потом целую вечность — как показалось Крюгеру — блуждали по этому строению в поисках запасного выхода, ибо двери, выходившие на склон, были полностью завалены.

Несколько раз Дар возобновлял свои просьбы о возврате книг; его время истекало — и во многих отношениях. Но Учителя продолжали изучать конфискованные тома и потому никак не могли дать вразумительный ответ, когда смогут вернуть книги.

Не однажды, когда они оставались одни, Крюгер предлагал не возвращаться в деревню, а двинуться к Ледяной Крепости и затем вернуться с достаточным подкреплением, чтобы вынудить Учителей вернуть собственность Дара. Но пилот решительно отказывался. И только под давлением обстоятельств он был вынужден отступить от своего решения.

Они обследовали большую часть города, обращенную к деревне, но почти ничего не знали о дальних его районах. И когда они уже отчаялись найти что-нибудь новенькое, когда даже Крюгеру надоело блуждать среди пустынных зданий, Дар неожиданно заметил, что одна из улиц на дальней окраине тянется вокруг второго вулкана, куда они еще ни разу не доходили. С берега эта улица была незаметна; Дар увидел ее, находясь на склоне первой сопки, неподалеку от того места, где их едва не засыпало. Они решили, не откладывая, обследовать эту улицу.

Потребовалось немало времени, чтобы спуститься с одного вулкана, пересечь равнинную часть города и взобраться на склон другого, к той точке, откуда, как подсказывала память Дара, начиналась заинте-

ресовавшая их улица. Когда они наконец добрались до нее, стало ясно: на очередную беседу с Учителями они наверняка опоздают. Они всегда были очень пунктуальны, ибо сознавали, что от этого в известной степени зависит их свобода, но на сей раз решили рискнуть.

Вначале улица отлого поднималась по склону, обращенному к океану. Снизу невозможно было определить, поднимается ли она к вершине зигзагообразно или вьется вокруг сопки спиралью. Вскоре они убедились в справедливости второго предположения.

Они устремились к вершине в надежде получить более полное представление о рельефе местности. Дар никак не мог понять, какой смысл строить дороги, ведущие к горным вершинам, но решил воздержаться и до поры до времени не высказывать своего мнения.

— Все равно, — заявил он, — если ты действительно хочешь добраться туда, совершенно незачем идти по дороге. Нам не впервые карабкаться по склонам.

— Да, но кто знает, с чем мы можем столкнуться на этом склоне. Вспомни, что произошло на той стороне города. Нам не поздоровится, если начнется новый оползень, а спрятаться будет негде.

— По-моему, бояться нечего. Грунт на этой сопке гораздо прочнее, чем там, и я не заметил здесь никаких признаков недавних обвалов.

— Ну, на той сопке я их тоже не замечал... И потом здесь, наверное, никто еще не пытался лазить. Может, она только и ждет, когда мы ее потревожим.

Они могли бы и не спорить попусту: им так или иначе не удалось добраться до вершины. Когда исчезли из виду последние здания города, дорога

выровнялась, и оба путника двинулись по мощеному пути. Видимость отсюда была превосходная. Обернувшись, они увидели, что рисунок затопленных улиц отчетливо проглядывает сквозь прозрачную воду залива; можно было даже различить границы города, который некогда целиком находился на суше. Впереди на много миль тянулась почти прямая линия побережья.

В глубине материка, насколько хватал глаз, простирались джунгли. Даже с этой высоты невозможно было увидеть лавовое поле, где они встретились впервые. Пока им еще оставалось непонятным, для чего построена эта дорога; казалось, она не ведет никуда. С возрастающим любопытством они поспешили дальше.

Скрылся за склоном сопки залив; они прошли еще с полмили и вдруг оказались на краю кратера. Это было совершенной неожиданностью: только что по обе стороны от дороги под одним и тем же углом поднимался и уходил вниз склон сопки, и вдруг склон внизу исчез, а дорога побежала над жутким обрывом глубиной в добрую сотню ярдов. Ее ограждали тяжелые металлические перила. Путники приблизились к ним и заглянули вниз.

Кратер (если это был кратер) располагался не на вершине сопки, а на ее склоне; дорога проходила по верхнему его краю, и до вершины оставалось несколько сотен ярдов. Это не был кратер в обычном понимании этого слова; внутренние стены его были совершенно отвесные, и Крюгеру вначале показалось, что они очень тонкие. Внимательно приглядевшись, он заметил, что внутренняя стена провала сложена вовсе не из той породы, что склон вулкана, и только тогда до него дошло, что это — искусственное сооружение.

Стены, выполненные из бетона или из какого-то похожего на бетон материала, были обработаны инструментами. Дно в отличие от небольших кратеров не сходилось на конус, но в то же время и не было совершенно плоским. На дне поблескивало озерцо, и почти все пространство вокруг него было покрыто растительностью. Вдоль подножия бетонной стены тянулась неширокая площадка, лишенная растительности. Можно было разглядеть, что в стене на площадку открываются какие-то входы: то ли в пещеры, то ли в туннели. Оба исследователя, осененные единой мыслью, принялись искать спуск.

Однако на внутренних стенах не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало лестницу, поэтому единственно логичным им представлялось идти дальше по дороге: должна же она быть как-то связана с «ямой». И действительно, дорога вскоре пошла под уклон. На самом крутом участке спуска длиной ярдов двести на гладкой до этого мостовой появилось подобие ступенек, очень узких и низеньких; возможно, это вообще была гофрировка, чтобы предотвращать скольжение.

Вскоре они достигли места, где вплотную у дороги, нависая над нею и над ямой, росли деревья. Они-то и помешали путникам разглядеть сверху, куда ведет дорога; как оказалось, из-за них не удалось также разглядеть множество построек, расположенных через равные промежутки внизу, на склоне. По стилю строения не отличались от зданий, которые они уже видели в городе, если не считать того, что все они были одноэтажными. Дар и Крюгер посоветовались, стоит ли, не откладывая, обследовать здания или целесообразнее прежде выяснить, куда ведет дорога,

а уж затем вернуться к зданиям (если будет время). Решили остановиться на втором варианте.

Впрочем, выяснить, куда ведет дорога, оказалось несложно. Еще ярдов двести вниз по склону, и она вывела на мощеную площадку, которую Крюгер сходу мысленно окрестил «автомобильной стоянкой». После более детального осмотра он убедился, что ничего интересного здесь нет, и исследователи вернулись к зданиям. Стоило им войти в первое же здание, как Крюгер сразу забыл о том, что они опоздали на обязательное свидание с Учителями.

Так вот где она, городская силовая установка, подумал он. Все электрические генераторы мало чем отличаются друг от друга независимо от того, кто их строил и что приводит их в движение. Машины в первом здании были электрическими генераторами, в этом не приходилось сомневаться. Они были колоссальные, хотя Крюгер и не мог с уверенностью определить, достаточно ли они велики, чтобы питать целый город. Их огромные якоря были установлены на вертикальных осях, а источник механической энергии располагался, видимо, под грунтом. Сообразив это, Крюгер торопливо принялся искать, и вскоре его поиски увенчались успехом: он нашел наклонный ход, который, как он и ожидал, вел куда-то вниз.

Но ход этот был слишком узкий и низкий. Крюгеру пришлось бы ползти на четвереньках, а уклон был крутой. Даже если бы ему и удалось благополучно спуститься, обратный путь оказался бы очень трудным, а то и вовсе невозможным, ибо скат был покрыт гладким металлом, не дающим почти никакого трения. Дар находился в еще худшем положении; размеры хода мешали ему меньше, зато впервые его когти оказались менее пригодными для передвиже-

ния, чем башмаки Крюгера. В конце концов Крюгер решил, что осторожность — основа доблести, и отложил осмотр подземного этажа напоследок.

Время шло, осмотр прочих зданий оказался захватывающе интересным. В них размещалось самое разнообразное техническое оборудование; к разочарованию Крюгера, вся эта техника была слишком громоздкой, чтобы что-нибудь можно было взять с собой, но сомнений больше не оставалось: строители города принадлежали к необычайно высокоразвитой цивилизации. Генераторы и моторы, краны и механические станки рассказали все самое важное, что нужно было знать об этом народе, за одним, впрочем, исключением: что вынудило его уйти, покинуть свой город и свои машины? Будь это война, здесь все было бы разрушено; после эпидемии должны были остаться хоть какие-то скелеты...если только жители не были существами, подобными моллюскам. Крюгер вырос на Земле в первое десятилетие межзвездных перелетов, он готов был предположить все что угодно, но и ему не по душе была мысль о разумных моллюсках.

А кроме того, все здесь противоречило одно другому: наполовину затонувший город, покинутый, верно, столетия назад, — и в то же время лишь тонкий слой пыли на машинах, мостовые без единой травинки, прямые, без трещин стены с полностью сохранившейся облицовкой, прочная каменная кладка, за которой, видимо, тщательно следили до самого недавнего времени... Да и машины выглядели так, словно стоит их только вычистить и подвести к ним энергию, как они тут же заработают!

Возможно, когда-нибудь эти здания послужат настоящей школой, в которой любой компетентный

археолог сможет узнать об их создателях практически все что угодно; кстати, один из домов почти наверняка был настоящей школой. В нем находился великолепный рельефный макет двух вулканов, города между ними, залива — хотя уровень воды не был обозначен совершенно — и гигантской ямы, возле которой стояло само это здание. Вдобавок имелись и модели многих машин, установленных в других зданиях. Наши исследователи провели бы в этом здании, вероятно, многие часы, если бы не одно обстоятельство.

Здесь тоже оказался ход, ведущий вниз с первого и единственного этажа; на сей раз он был достаточно велик и позволял Дару пройти, не сгибаясь. Уклон здесь тоже был не такой крутой, как в предыдущем случае, и пол оказался шероховатым, так что когти аборигена без труда могли отыскать в нем опору. Наконец, ход этот вел к яме. Сообразив все это, исследователи, не тратя времени попусту, двинулись вперед по отлогому спуску.

Специального освещения не было, но и рассеянного света вполне хватало. Некоторое время туннель тянулся без ответвлений; затем стали попадаться боковые проходы. Судя по эху, они вели в пустые помещения, но там было слишком темно и разглядеть что-нибудь не представлялось возможным. Неожиданно далеко впереди забрезжил слабый свет.

Впрочем, они не успели по-настоящему осознать это явление. В тот самый момент, когда Дар уловил свечение, позади раздался свистящий рев и их настигла внезапная волна жара. Они ринулись вперед — и тотчас рев смолк и жар исчез. Слабый ток воздуха, который они все время ощущали своими спи-

нами, вынес на них облако пара и повлек его дальше по туннелю.

— Что за чертовщина?! — вырвалось у Крюгера.

— Опять гейзер? — Дар скорее спрашивал, чем отвечал.

— Очень уж кратковременный...

И Крюгер осторожно двинулся назад, к источнику рева и жара, готовый в случае необходимости тут же повернуться и бежать по направлению к яме.

Так и случилось. Все повторилось снова. После нескольких попыток им стало ясно, что бьющие поперек туннеля струи раскаленного пара включаются всякий раз в тот момент, когда кто-нибудь давит своим весом на участок пола ярдах в десяти от сопел, извергающих пар.

— Весьма интересно, — заключил Крюгер. — Скажи спасибо, что они установили эту штуку в целях предупреждения. Им ничего бы не стоило поставить реле прямо под этими распроклятыми трубами.

— Мне кажется, они стремились к тому, чтобы никто не мог выйти отсюда наружу, — добавил Дар. — Им было безразлично, попадет ли кто-нибудь или что-нибудь снаружи сюда. Мне чрезвычайно интересно, что может оказаться на выходе из туннеля. Твой нож при тебе, Нильс?

— Разумеется. И я готов следовать за тобою, о Робин Гуд!

Зарядив арбалет и выставив его перед собой, маленький абьёрменец зашагал под уклон, навстречу свету. Крюгер двинулся следом. И хотя оба они понимали, что весь этот шум помешал им проникнуть в кратер незамеченными, никто из них не высказал этого соображения вслух.

7. Техника

Им не стоило беспокоиться. Они были даже разочарованы, когда после часа поисков на дне кратера им пришлось сделать вывод, что на этом ограниченном участке нет ни одного живого существа крупнее белки. Справедливости ради следует отметить, что при этом они ощутили облегчение, но, с другой стороны, назначение ловушки в туннеле представлялось теперь еще более непонятным. Они обсудили этот вопрос, пока отдыхали у водоема и ели дичину, которую добыл Дар.

— То, что мы не нашли здесь ничего живого, по моему, вполне естественно, — заметил Крюгер. — Ведь город-то покинут. Но можно было ожидать, что здесь найдется хотя бы какой-нибудь скелет.

Дар поковырял когтем глинистую почву.

— Не уверен. Долго не держатся даже те кости, с которых начисто объедено все мясо, а уж кости, на которых осталось много мяса, исчезают совсем быстро. И все же можно рассчитывать, что в этих берлогах в стене, которые мы видели сверху, сохранились какие-нибудь следы обитания.

Эти «берлоги» они уже обследовали — в пустых бетонных пещерах не оказалось ни обитателей, ни другого выхода из кратера.

Крюгер был склонен посидеть и порассуждать о том, какое назначение мог иметь кратер в те дни, когда город был обитаем, но Дар подходил к вопросу с сугубо практической стороны.

— Сейчас нам неважно, кого они здесь держали: плохих соплеменников или плохих животных, — произнес он. — Беда в том, что здесь застряли мы. С голоду мы не погибнем: есть и пища, и вода. Но мне

осталось жить не так уж много лет, и я не желаю провести их в этом месте, да и книги мои далеко. Не лучше ли подумать, как нам отсюда выбраться?

— Пожалуй, — признал Крюгер. — Но все же, если бы мы знали, кого здесь держали, мы бы лучше представляли себе, с чего начать... Если бы знать, что это клетка для льва, нам бы по крайней мере было известно, что ее запоры предназначены для львов. А так...

— А так нам известно все про эти запоры, как ты их называешь. Стоит нам подняться по этому туннелю, как становится жарко. Я не очень ясно представляю себе, что случится, если я попаду под этот кипяток, но я склонен полагать, что Учителя не зря предостерегали меня от подобной опасности. И, как я заметил, даже тебе, хотя ты и не боишься огня, не очень-то хочется подставлять себя под эти трубы с паром.

— Ты прав. Я не боюсь огня, которым могу управлять, но тут совсем другое дело. Впрочем, погоди-ка... ты только что сказал... Когда мы шагаем по этому туннелю, мы наступаем на пусковую панель пола... Но ведь она расположена не прямо перед соплами? И она не подходит к ним слишком близко, иначе мы с тобой были бы сейчас в волдырях с головы до ног. Может, стоит попытаться перебежать через участок пола, который включает клапаны?

Дар усомнился.

— Что-то уж слишком просто, — сказал он. — Получается, будто здесь держали кого-то, кто просто боялся шума? Ведь если ты прав, больше бояться ему было нечего.

— А быть может, так оно и было, — возразил Крюгер. — Во всяком случае, рискуем.

На сей раз, когда они ступили на роковую панель пола, рев пара их не испугал. Крюгер, пока мог, двигался вперед, навстречу вихрям горячего газа, но затем вынужден был остановиться. Струи пара извергались из сопел на одной стороне коридора и, как правило, исчезали в более широких отдушинах на противоположной стороне. Ключья дымящегося тумана обволакивали Дара и Крюгера, но воздуха для дыхания хватало, и они стояли окутанные горячими облаками, и минуту за минутой выжидали на краю этого фонтана смерти.

В конце концов Крюгер был вынужден признать, что Дар оказался прав. Они стояли гораздо ближе к месту извержения, чем в тот момент, когда пар забил впервые, но теперь струи пара фонтанами устремлялись ввысь. Видимо, устройство было сложнее, чем полагал Крюгер.

Не исключено было и другое объяснение, но Крюгер не хотел на нем останавливаться. Он не знал, пришло ли оно в голову Дару, и не стал его об этом спрашивать, когда они вернулись на берег водоема.

— Как ты думаешь, годится эта ловушка для небольших животных, которых мы ели? — после долгого молчания спросил Дар.

— Понятия не имею, — сказал Крюгер. — И не вижу, чем это нам поможет, если это и так.

— Я тоже сначала так думал, но потом ты сказал одну вещь, и я стал вычислять, какой нужен вес, чтобы включить этот клапан. Мы уже убедились, что наш общий вес включает клапан; я думаю, твой вес отдельно тоже включает, но мы не знаем, включается ли клапан только от моего веса, и если да, то ка-

кой минимальный вес заставляет устройство срабатывать?

— Если его включает и твой вес, что нам толку знать все остальное?

— Но ведь нет никакой необходимости наваливаться всем весом на одно место. Можно уложить на пол ветки и бревна, так что мы...

Крюгер вскочил; заканчивать эту фразу не было нужды. На сей раз Дар двинулся вверх по туннелю первым, Крюгер следовал за ним на расстоянии нескольких шагов.

Рев пара оповестил их, что реле сработало. Крюгер замер на месте, и Дар, пятясь, вернулся к нему. Рев прекратился. Не оставалось сомнений: клапан включил именно Дар. Определить точное положение спусковой панели в темноте прохода было трудно. Дар долго переступал вперед и назад, пока наконец не нащупал край чувствительного участка с точностью до дюйма. После этого он обратился к своему спутнику:

— Нильс, если ты сходишь обратно на открытое место и отыщешь несколько обломков камня различного веса, мы сможем узнать чувствительность этого реле. Я останусь здесь и отмечу место.

— Ладно. — Крюгер понимал, что на уме у малыша, и повиновался без лишних слов.

Через пять минут он вернулся, держа в руках обломки лавы весом килограммов на двадцать — приблизительно столько же, сколько весил Дар. Они принялись накладывать камень за камнем на чувствительный участок пола и через несколько минут рева и тишины, сменявших друг друга, установили, что механизм действительно приводится в движение тяжестью и что требуется около пяти килограммов,

чтобы открыть клапаны. Далее они выяснили, что эти пять килограммов действуют по всей ширине коридора на участке длиной по крайней мере футов в тридцать. Оказалось также, что простое разбрасывание камней по поверхности участка ни к чему не приводит, но, как только общий вес достигал пяти килограммов, пар начинал бить.

— Можно еще попробовать перебросить мост, — заметил Дар.

— Слишком много возни, — отозвался Крюгер с некоторой безнадежностью. — Ведь у нас всего два ножа, когда мы с этим управимся?

— Если ты сможешь придумать что-нибудь другое, я буду рад. А если нет, давай работать.

Как это нередко случалось, возразить Дару было трудно, и исследователи вернулись под открытое небо искать подходящий материал.

К сожалению, доводы Крюгера тоже были весьма резонны. У них было всего два ножа, и оба не слишком тяжелые. Как и на любой другой планете, деревья на Абъермене самые различные, но среди них нет ни одного с древесиной достаточно мягкой, чтобы его можно было повалить при помощи кинжальчика за полчаса и даже за полдня. Путешественники надеялись найти дерево достаточно толстое, чтобы оно не прогибалось под их тяжестью, и в то же время достаточно тонкое, чтобы его можно было срезать и перетасщить. Роща на дне кратера была не очень велика, и они могли бы удовлетвориться меньшим, чем им хотелось: ни один из них не запомнил подходящего ствола во время осмотра местности накануне — тогда они думали совсем о другом.

Крюгер был по-прежнему настроен скептически. И не то, чтобы он был так уж ленив, но мысль ата-

ковать с ножиком даже не слишком толстый ствол ему не улыбалась. Вероятно, именно подобные ситуации служили толчком к большей части открытий и изобретений за последние полмиллиона лет. Не удивительно, что во время поисков голова юноши была занята совсем другим. И не удивительно также, что некоторые факты, давно уже разложенные по полочкам в кладовой его памяти, вдруг слились воедино. Видимо, так рождаются идеи.

— Послушай, Дар, — сказал он неожиданно. — Раз город покинут и силовые установки, несомненно, выключены, откуда же берется пар? Я могу себе представить, что сохранилось и все еще действует простое устройство из рычага и клапана, но как насчет энергии?

— Пара вокруг много, — отозвался Дар. — Верно, им не пришлось копать слишком глубоко, чтобы добраться до огня, который питает эти вулканы или дает горячую воду жителям деревни.

Лицо Крюгера вытянулось, когда он понял, что до этого он мог бы додуматься и сам.

— Все равно, — сказал он, — по-моему, запас пара там ограничен. Давай наложим на спусковую панель камней и попробуем подождать, пока эта штука не истощится.

— Пару вышло уже довольно много, — сказал Дар с сомнением, — но что-то не видно признаков истощения. А впрочем, можно попытаться. Пусть груз лежит там, это нам не мешает. Пошли.

— Вдвоем идти незачем. Я скоро вернусь.

Крюгер возвратился в туннель и принялся катить один из обломков, которые они оставили на полу, по направлению к ловушке до тех пор, пока рев не

оповестил его, что дело сделано; менее чем через две минуты он вновь присоединился к Дару.

По иронии судьбы, единственное дерево, которое подходило для их целей, оказалось от туннеля дальше всего. Но жаловаться было бесполезно, и они, вооружась своими маленькими ножами, приступили к работе. Древесина была помягче, чем у сосны, но все равно понадобилось немало времени, чтобы перепилить десятидюймовый ствол такими «инструментами». Прежде чем дерево рухнуло, они несколько раз отдыхали и сделали перерыв, чтобы поохотиться и поесть.

Крона дерева напоминала многослойный зонтик, причем каждый слой отстоял от другого на расстояние до четырех-пяти футов. По замыслу друзей, на стволе следовало оставить несколько сучьев из самого нижнего слоя и из слоя, ближайшего к вершине, — они должны были служить «ножками», которые будут удерживать ствол на весу над грунтом. Поначалу Крюгеру казалось, что работа займет целую вечность, но решимость и приобретенные навыки дали свои плоды, и через каких-нибудь двое-трое земных суток мост был готов. Оставалось только перетащить его к туннелю. Все это время рев пара не затихал ни на секунду; чтобы убедиться в том, что устройство действует исправно, не было даже нужды подниматься в туннель. Если звук и ослабевал, то это происходило так постепенно, что они за работой этого не замечали. И вдруг рев прекратился.

Это случилось как раз в тот момент, когда они начали тащить бревно к туннелю. Секунду эхо шипящего рева еще металось между стенами кратера, а затем наступила тишина. Крюгер и Дар поглядели друг на друга, а потом, ни слова не говоря, помчались к входу.

Дар добежал первым, хотя ноги у него были короче; подлесок на пути почти не мешал ему, тогда как Крюгеру с трудом приходилось продираться. По полу туннеля струилась горячая вода, видимо, от пара, который на протяжении последних часов конденсировался на стенах и потолке. Дышать удавалось только благодаря сквозняку в кратере, видимость была слабая — в облаках тумана можно было видеть всего на расстоянии нескольких шагов. С трудом продвигались они вперед, по мере того как ветер разгонял пелену тумана, и наконец дошли до груды камней, оставленных неподалеку от спусковой панели. Дар намеревался двигаться дальше, но Крюгер удержал его.

— Постой минутку, давай-ка посмотрим, на месте ли камень, который я положил на панель. Может, его смыло потоком, он ведь был не очень тяжелый.

Как казалось Дару, чтобы сдвинуть с места шестикилограммовый булыжник, потребовалось бы что-нибудь посильнее этих струек, но он все же послушался Нильса. Через несколько секунд они убедились, что камень по-прежнему лежит на месте; очевидно, реле все еще находилось под давлением и извержение пара прекратилось по какой-то другой причине. Несколько неуверенно Крюгер двинулся вперед и остановился рядом с камнем. Ничего не произошло. Какое-то время Нильс и Дар задумчиво глядели друг на друга, думая об одном и том же.

Никто из них не знал тонкостей устройства, управляющего подачей пара. Оно могло быть оборудовано различными предохранителями, которые выключают его незадолго до полного истощения источника, и эти предохранители, возможно, перекрывались другими реле — на всякий случай. Беда в том, что его создатели

не были ни людьми, ни, насколько можно судить, соплеменниками Дара; просто невозможно было догадаться, какое устройство они могли счесть целесообразным.

— Мне кажется, есть только один способ все выяснить, Дар. Лучше, если я пойду первым; я, вероятно, смогу выдержать небольшую порцию пара, если эта штука заработает, а вот что она сделает с тобой, неизвестно, если судить по тому, что говорили твои Учителя.

— Все это так, но мой вес меньше. Может, лучше, если вперед пойду я?

— А что толку? Если она не сработает от тебя, мы все равно не будем знать, сработает ли она от меня. Нет, ты оставайся и будь готов лететь ко мне со всех ног, если мне удастся пройти.

Дар не стал спорить и только помог своему великану-спутнику убедиться, что немногие вещи, которые тот нес на себе, пригнаны и привязаны достаточно надежно — никому из них не хотелось возвращаться, случись что-нибудь уронить. Когда с этим было покончено, Крюгер не стал терять времени; он бросился бежать вверх по туннелю со всей скоростью, на которую был способен.

Дар смотрел ему вслед, пока не уверился, что Нильс пробежал далеко за линию сопел; тогда побежал и он. Он нагнал Крюгера у выхода из туннеля, но они не остановились до тех пор, пока не выскочили из здания, в котором начинался проход. Ни звука не слышалось позади, как ни прислушивался Крюгер. Постепенно он отдышался и наконец произнес:

— Кажется, все в порядке. Что будем делать дальше? На беседу с этим Учителем там, в деревне, мы опоздали чуть ли не на полгода. Как ты полагаешь,

сумеет мы убедить его, что наше опоздание было случайным, чтобы он не сердился на нас и отдал твои книги?

Дар подумал. Даже ему начали надоедать все эти отговорки на его просьбы вернуть книги. Поэтому слова Крюгера показались ему вполне справедливыми. Дар был достаточно честен, чтобы признаться самому себе: их опоздание не было таким уж случайным, им следовало вернуться в деревню задолго до того, как они попали в западню в кратере.

— Интересно, почему жители деревни не пришли за нами? — спросил он неожиданно. — Они ведь знали, где мы находимся, и, уж конечно, давно могли бы нас отыскать.

— Справедливое замечание, но я пока не знаю, как на него ответить. Вряд ли их испугал пар; они привыкли к гейзерам.

— А вдруг они знали, что мы попались в ловушку, и решили нас там оставить? Понсковый отряд мог слышать шум пара издали, а чтобы проверить, там ли мы, им стоило только заглянуть через край кратера.

— Вполне возможно... Правда, ловушка настолько проста, из нее так легко выбраться, что вряд ли они могли предположить, будто мы останемся в ней навсегда. А если так, здесь кругом должны были бы установить стражу; они бы нас наверняка встретили прямо на выходе.

— Возможно, и был страж, да только один, который не знал, что этот шум может что-то обозначать... Они ведь могут предполагать, что источник пара неистощим; я бы на их месте именно так и думал. И он, видимо, только сейчас кинулся за подкреплением. Как-никак я вооружен, и он, верно, решил, что не стоит пытаться задержать нас в одиночку.

— Все это проверить очень трудно... разве что остаться и посмотреть, не появится ли здесь кто. Так как, будем ждать?

— Я думаю — нет. — Дар отвечал, все еще преодолевая внутреннее сопротивление. — Вероятно, ты во всем прав. Мы и так потеряли много времени, а у меня осталось всего шестнадцать лет. Давай-ка снова двинемся к Ледяной Крепости и будем надеяться, что еще успеем вернуться сюда с подкреплением и отобрать книги.

— Такое решение меня устраивает... и всегда устраивало. Мне надоела эта парилка; готов поклясться, что здесь с каждым годом становится все жарче. Пошли, и побыстрее.

Так они и сделали, и вскоре вулкан и город остались позади.

Идти берегом по плотному, слежавшемуся песку оказалось довольно легко, хотя полоса пляжа была очень узкой: у Абьёрмена не было достаточно массивной луны, которая вызывала бы заметные приливы, а те, что вызывались Тииром, здесь, по соседству с полюсом, можно было не принимать во внимание. Крюгер выразил опасение, не оставляют ли они на песке слишком отчетливые следы, но Дар напомнил ему, что, находясь в плену, они столько о себе порассказали, что их возможным преследователям и без следов известно, куда они направляются. Быстрота, только быстрота может выручить беглецов.

В лесах, подступавших к побережью, было множество зверья, но ни одно животное, казалось, не выказывало перед путешественниками особого страха. Время от времени арбалет Дара сшибал очередную жертву, которую они тут же разделявали и поедали либо на ходу, либо на привалах перед сном.

Раз-другой в глубине материка мелькали верхушки вулканических сопок, но лишь однажды вулкан преградил им дорогу; пришлось затратить несколько часов, чтобы перебраться через небольшое поле лавы, некогда извергнутой в океан.

Побережье позади просматривалось на несколько миль, и время от времени Дар выворачивал назад один глаз, но видел только диких животных, совершенно равнодушных к путникам.

Так они шли и шли. Парная жара чередовалась с теплыми дождями, которые их ничуть не освежали. Изредка Крюгер останавливался, чтобы искупаться; и хотя вода в океане тоже была теплой, ему становилось легче, и он чувствовал, что игра стоила свеч. Впрочем, купался он лишь тогда, когда Дар собирался отдохнуть — сам абыёременец в купаниях не нуждался и вообще, кажется, не думал ни о чем, кроме как о времени, которое они тратят в пути.

У них не было возможности точно измерять пройденное расстояние, и даже Дар не мог с уверенностью сказать, когда же появятся желанные острова, но в конце концов они их увидели. Дар с облегчением вздохнул, когда вдаль на горизонте показался первый маленький горбик.

— Идти пятнадцать лет. Мы еще успеем.

Возможно, его уверенность и была излишне преувеличенной, но Крюгер представления не имел о масштабах карт, которые видел, и потому не знал, что цепь островов, по которой Дар собирался перебраться через океан, тянулась миль на восемьсот, и еще столько же миль отделяли последний из них от точки назначения на краю ледяной шапки. Он принял на веру заявление аборигена и только спросил:

— Как мы будем перебираться по воде?

— Поплывем, — ответил Дар Лан Ан, и он имел в виду именно то, что сказал.

Крюгер встревожился, и последующие часы отнюдь не уменьшили его тревоги. Он уже не сомневался, что Дар намерен совершить путешествие на плоту, ибо плот был единственным средством передвижения, которое они могли соорудить с помощью своих инструментов. Признаться, эта перспектива его не воодушевляла, а ведь он еще не знал, какое расстояние им предстоит покрыть. Материала для парусов не было; впрочем, когда Нильс упомянул о парусах и когда ему наконец удалось объяснить, что это такое, Дар сказал, что ветер все равно будет встречный. Им придется грести.

— А что, ветер никогда не меняется? — в смятении спросил Крюгер. От мысли, что это громоздкое сооружение, которое они возводили собственными руками на берегу, им же и придется двигать, ему стало не по себе.

— Очень редко.

— Откуда ты знаешь?

— Я летал этим маршрутом всю свою жизнь, а тот, кто не знает воздушных течений, не может водить планер.

— Но ты же говорил, что через эту цепь островов ваши планеры обычно держат путь к Ледяной Крепости, — неожиданно заметил Крюгер.

— Да, те, что летят из Кварра.

— Почему же в таком случае мы не видели ни одного планера?

— Просто ты не смотришь вверх. Я уже видел три планера с тех пор, как мы остановились здесь. Вот если бы твои глаза были устроены, как у меня...

— Оставь в покое мои глаза! Почему ты не подад им сигнала?

— Каким образом?

— Собирался же ты пускать зайчика своими пряжками, когда я тебя нашел; а кроме того, можно было развести костер.

— Твое зажигательное устройство осталось у наших друзей, но если бы мы даже разожгли костер, то теперь-то ты знаешь, что мой народ старается избегать огня. Если бы пилот заметил дым, он бы обогнул его стороной и скорее всего принял бы его за вулкан.

— А как же насчет зайчиков? Твои пряжки сияют по-прежнему!

— Разве можно направить в цель луч отраженного света? Я прибегнул к этому методу просто потому, что в то время он был для меня единственно доступным; если бы не ты, я бы сейчас был таким же мертвым, каким буду через пятнадцать лет.

— Ты смог бы заметить луч света, отраженный пряжкой?

— Нет. Однажды мне пришлось видеть столь безупречно плоское зеркало, что отраженный им луч солнечного света был замечен даже при небольшом тумане, но у пряжек поверхность гораздо грубее.

— Но раз они рассеивают луч, тем легче будет попасть им во что-нибудь. Почему бы тебе не попробовать?

— Я думаю, это пустая трата времени, но, если ты можешь придумать, как нацелить луч, попробуй в следующий раз, когда появится планер.

— Дай мне, пожалуйста, взглянуть на твои пряжки.

Дар повиновался с видом человека, уступающего надоедливому ребенку. Крюгер внимательно осмотрел

металлические пластинки. Они оказались более плоскими, чем можно было судить по словам Дара, прямоугольными, размером два на четыре дюйма. В каждой пряжке имелось по два отверстия величиной примерно с квадратный дюйм, а между ними — круглая дырочка, служившая для крепления крючка, которым прижимался ремень, продетый в крупные отверстия. Закончив осмотр, Крюгер улыбнулся, но, возвращая пряжки владельцу, сказал:

— Ловлю тебя на слове; я воспользуюсь твоим предложением. Дай только мне знать, когда появится планер, если я не замечу его сам.

Дар снова принялся за работу; идея Крюгера, что бы он там ни задумал, его не заинтересовала, тем не менее он время от времени послушно обшаривал горизонт одним глазом. Его несколько раздражало, что и Крюгер теперь то и дело задирает голову с той же целью, но он был достаточно великодушен и признавал, что этому несчастному существу при его физических недостатках не остается ничего другого. Однако, когда Крюгер первым заметил приближающийся планер, это его огорчило. Впрочем, он стал с интересом наблюдать, как Нильс собирается сигнализировать пряжками.

Но он увидел только, что Крюгер держит пряжку перед одним из своих маленьких глаз, причем глаз этот, по-видимому, смотрит на приближающийся планер через дырку в центре. Дар решительно не понимал, каким образом это может помочь целиться отраженным лучом. Он видел на лице Крюгера пятнышко света, прошедшего сквозь отверстие, но ему, разумеется, было невдомек, что юноша видит собственное отражение на задней поверхности пряжки и ставит ее так, чтобы отраженный луч света точно совпал с от-

верстием, в которое он наблюдает за планером. Стараясь не шевелиться, Нильс спросил:

— Пользуетесь ли вы какими-нибудь сигналами, составленными из вспышек света... чем-нибудь таким, что было бы сразу понятно пилоту?

— Нет.

— Ну, в таком случае будем надеяться, что пилота заинтересует мелькание луча.

С этими словами Крюгер принялся покачивать пружку.

Дар Лан Ан был поражен — дальнейшие действия пилота недвусмысленно свидетельствовали о том, что он заметил странные вспышки. Дар не в силах был скрыть своего изумления, но Нильс только небрежно отмахнулся. В конце концов, он был еще так молод.

8. Перелет

Планер не стал садиться; для этого пилот был слишком осторожен. Что бы там внизу, на берегу, ни вызывало эти вспышки, ясно было одно: это не стартовая катапульта, и если бы он сел, то не смог бы больше взлететь. А у него на борту были книги, и он не собирался ими рисковать. Тем не менее он снизился настолько, что разглядел фигуры Дара и Крюгера. Внешний вид человека поразил его не менее, чем в свое время Дара.

Одно из достоинств планера заключается в том, что он летит бесшумно. Именно это его преимущество в сочетании со сверхострым слухом абъерменцев позволило Дару перекинуться с пилотом несколькими словами. Разумеется, разговор шел урывками, пока планер проносился над головами путников; он прерывался, когда планер улетап, входил в вертикальный

поток над лесом, набирал утраченную высоту и вновь возвращался. В конце концов Дару удалось сообщить пилоту сведения, которые для него оставались важнейшими: где сейчас находятся его книги.

— Понял! — выкрикнул наконец пилот. — Лечу дальше, разгрузюсь и передам твое сообщение. Оставайся на месте. Что-нибудь еще передать Учителям?

— Да. Расскажи о моем спутнике. Сам видишь, он — не личность. Но он знает многое из того, чего нет в книгах; он должен сам предстать перед Учителями.

— Он может говорить?

— Да, хотя и не очень хорошо. У него есть свои слова, совсем не такие, как у нас, а наши он знает еще не все.

— А ты знаешь его слова?

— Да, некоторые.

— Тогда лучше всего взять вместе с ним и тебя. Это сэкономит время, а времени остается не так уж много.

— Не знаю точно, но у меня такое впечатление, что он не умрет в положенное время; он полагает жить дольше. Может, нужды в спешке и нет.

Разговор прервался, так как в этот момент планер взмыл ввысь, и этот вынужденный перерыв позволил пилоту осмыслить полученные сведения. Вновь пролетая над ними, он крикнул:

— Во всяком случае, оставайся с ним. Я сообщу все, что ты мне сказал, и кто-нибудь вернется сюда, чтобы передать решение Учителей. Если тебе удастся соорудить катапульту для запуска четырехместного планера, это ускорит дело; переносные катапульты, по-видимому, уже разобраны.

Он стал решительно набирать высоту, скользя кругами, а Дар повернулся к Крюгеру, чтобы пояснить

ему те места из разговора, которые Нильс либо не расслышал, либо не понял.

— Я об этом догадывался, но никак не мог поверить, — сказал наконец Крюгер.

— О чем именно?

— Что это «время», о котором ты так часто упоминаешь, означает время твоей жизни. Каким образом тебе известно, когда ты умрешь?

— Мне это известно всю мою жизнь; это часть знания, занесенного в книги. Жизнь начинается, продолжается отмеренное время, а затем кончается. Поэтому-то книги и должны перейти в Ледяную Крепость, чтобы Учителя с их помощью могли обучить тех, кто будет жить после нас.

— Ты хочешь сказать, что все вы умрете в одно время?

— Разумеется. Практически все мы начинаем жить в одно и то же время, за исключением тех немногих, кто по несчастливой случайности начинает с опозданием.

— Как вы умираете?

— Этого мы не знаем, быть может, знают Учителя. Они сказали нам, когда мы умрем, но ни разу не упоминали, каким образом.

— Что это за народ — ваши Учителя?

— Они вовсе не народ. Они... Они — Учителя... То есть они выглядят, как все мы, но они гораздо больше... даже больше, чем ты.

— Значит, они больше похожи на твоих соплеменников, чем на меня? Или они так же отличаются от них, как я от тебя?

— Они совершенно такие же, как я, если не считать размеров... и конечно, они очень много знают.

— И продолжают жить от одного поколения до другого... то есть на протяжении времени жизни одной группы народа и до времени жизни следующей группы... А все обычные твои соплеменники умирают, когда приходит срок?

— Так говорят Учителя, и так говорится в книгах.

— Сколько же времени вы обыкновенно живете?

— Восемьсот тридцать лет. Сейчас нам восемьсот шестнадцать.

Крюгер посчитал в уме и попытался представить себе, что бы он чувствовал, если бы знал, что жить ему осталось всего девять месяцев. Он ни минуты не сомневался, что ему бы это не было безразлично, но Дар Лан Ан, видимо, считал это в порядке вещей. Крюгера, естественно, волновал вопрос, нет ли у его маленького друга тайного желания пожить подольше? Он не осмелился спросить об этом вслух, предмет мог оказаться в высшей степени деликатным. Инициативу беседы перехватил Дар, и Крюгер вдруг понял, что маленький абьёрмонец по-настоящему жалеет его именно за то, что он, Нильс, не знает, когда умрет. И хотя Дар не обладал запасом необходимых слов, чтобы выразить это чувство, и хотя оно, это чувство, не совсем поддавалось четким определениям, все же у юноши создалось впечатление, что сам Дар ни за какие блага не решился бы жить под гнетом этой неизвестности.

— Однако хватит об этом. — Дар, верно, тоже понял, что находится на грани, перейдя которую может ранить чувства своего собеседника. — Пилот предложил мне попытаться построить катапульту, чтобы они смогли забрать тебя отсюда. Нам следует хотя бы начать, прежде чем они возвратятся. Собственно,

от нас требуется только установить столбы, тросы они наверняка привезут с собой.

— Как работает эта катапульта?

Дар объяснил. По-видимому, речь шла об очень большой рогатке. Сложность работы состояла в том, чтобы прежде всего правильно расположить устройство (ибо ему надлежало забросить планер в пределы достаточно надежного вертикального потока); кроме того, опорная конструкция, к которой крепятся тросы, должна быть достаточно прочной, чтобы выдержать предстоящую нагрузку, — им вовсе не улыбалась перспектива увидеть, как сбитые наскоро бревна высккивают из грунта. Что касается первого требования, то выполнить его на морском берегу было нетрудно, осуществление второго зависело от опыта. Эта работа оказалась значительно легче сооружения плота, здесь не нужны были слишком толстые бревна. Большую их часть Крюгер срезал и обработал ножом по указаниям Дара; маленький абориген сам устанавливал и закреплял бревна быстро и умело.

Аррен, лениво ползущий над горизонтом, отмечал течение времени, но они его почти не замечали. Они прерывались, только чтобы поохотиться, поесть, отдохнуть, но Крюгер так никогда и не узнал, сколько времени потребовалось планеру, который они видели, чтобы завершить полет к ледяной шапке, и сколько времени отняла организация спасательной экспедиции. Наверняка меньше года — ведь они ни разу не видели Тиир за это время, — но когда со стороны океана показался первый планер, катапульта была готова.

Аппарат сел рядом с катапультой. На протяжении получаса снизилось еще два планера, из каждого вылез пилот. Все трое были приятели Дара, и он представил их Крюгеру. Ни тогда, ни позже Крюгер так

и не научился их различать, и он пришел в большое замешательство, когда обнаружил, что даже Дара он отличает от других только по знакомым пятнам, царапинам и трещинам на его кожаных ремнях да по железным пряжкам, которые он применял для сигнализации. У других пряжки на ремнях были не то из рога, не то из кости.

Пилотов звали Дар Эн Вэй, Ри Сан Со и Дар Ту Кен. Крюгера огорчило такое обилие «Даров», он сообразил, что отныне уже не сможет удобства ради называть своего друга сокращенным именем. Он спрашивал себя, не связаны ли эти имена какой-то степенью родства, хотя, судя по тому, что рассказывал ему в свое время Дар Лан Ан, это представлялось маловероятным.

Один из планеров был значительно больше остальных; Крюгер решил, что это и есть четырехместный аппарат, о котором упоминал давешний пилот. Дар Лан Ан подозвал его к этому планеру, после чего все принялись совещаться, каким образом разместить в нем громадного землянина. Сиденье пилота, разумеется, должно быть неприкосновенным, убрать же остальные и поместить Крюгера прямо на непрочном полу кабины было рискованно. Что же касается самих сидений, то ни одно из них его не вмещало, хотя по форме они казались ему весьма удобными. В конце концов решили соорудить импровизированную подстилку из тонких веток, скорее матрас, нежели сиденье, достаточно прочный, чтобы Крюгер не провалился сквозь обшивку, но в то же время и легкий; последнее требование имело весьма важное значение для равновесия планера, и без того в какой-то степени нарушаемого весом юноши. Из всего, что ему довелось услышать, Крюгер понимал, что между вымира-

нием одной расы и появлением следующей проходит какой-то период времени. Но когда он спросил об этом пилотов, ему никто не ответил. Вновь прибывших попросту испугал вопрос, и впредь они, по-видимому, были склонны считать Нильса еще большим уродом, чем считали раньше, когда судили только по его внешнему виду. Поэтому пилот большого планера не стал возражать против того, чтобы его аппарат с Крюгером на борту повел Дар Лан Ан.

Когда с этим было улажено, Дар спросил: где же остальной флот? Или они полагают, что на деревню, захватившую его книги, можно напасть такой крошечной группой?

Ри Сан Со ответил ему:

— Мы пока не собираемся в ту деревню. Учителя хотят сначала получить от тебя подробный отчет, а кроме того, они хотят поглядеть на твоего спутника. Ты ведь сказал, что он знает больше, чем говорится в книгах, поэтому, по их мнению, важнее доставить в Ледяную Крепость его, тем более что он страдает от жары.

Дар Лан Ан вынужден был согласиться с разумностью приведенных доводов, хотя потеря книг и угнетала его. Крюгер же просто захлопал в ладоши от радости: каждый раз, когда он слышал слово, которое, по-видимому, означало «лед», у него начинался приступ ностальгии. Конечно, неплохо разок-другой сходить в парилку, но он-то торчит в ней без малого целый земной год!

Запуск планеров не составил особого труда. Планеры по очереди закрепляли якорем на определенном расстоянии от опорных столбов, к носу при помощи крючка прицепляли трос, а легкий, нерастягивающийся шнур протягивали вверх к скобе, через блок и

назад к кабестану. Кабестан проворачивали до тех пор, пока трос следом за шнуром не достигал скобы, после чего шнур отделяли и убирали, и планер спускался с якоря. В тот момент, когда он проносился над скобой, крюк срывался с его носа и падал, и все устройство подготавливалось вновь для следующего запуска.

Планер, на борту которого находились Дар Лан Ан и Крюгер, был запущен несколько иначе. На этот раз съёмный крюк крепили на скобе, а кабестан устанавливали на подставке в кабине; планер удерживался скользящим узлом, распустить который пилот мог, не двигаясь с места. В результате трос вознесся вместе с планером, и Крюгер смотал его, когда они были уже высоко в воздухе. Только после этого Дар поделился с ним, что могло бы произойти, если бы крюк застрял в пусковой скобе.

— Но разве у тебя на такой случай нет какого-нибудь способа освободить свой конец троса? — спросил Крюгер.

— Мы пробовали такое устройство, но пилот обычно не обладает достаточно быстрой реакцией, чтобы им воспользоваться. Узнаешь, что крюк застрял, только когда трос заденет нос твоего планера и вырвет тебя из привязных ремней.

Крюгер проглотил слюну и промолчал.

Полет был интересный, но почти без происшествий. Разумеется, по понятиям Крюгера, летели они медленно; Дар беспрестанно лавировал. Ему приходилось нырять с одного восходящего потока на другой, и Крюгер только удивлялся, каким образом он находит эти потоки. Со своей стороны Дар не всегда мог объяснить это; ему потребовалась целая жизнь, сорок земных лет, чтобы набраться этой мудрости. Не удиви-

тельно, что он не в силах был передать ее человеку за один полет.

Одно было ясно: на Земле Дар Лан Ан преспокойно брал бы любые призы на любых состязаниях планеристов, даже если бы он понятия не имел, что участвует в состязаниях. И дело даже не в том, что лететь сейчас пришлось выше полутора тысяч миль; просто сам Дар относился к перелету как к чему-то совершенно обыденному, и думал о возможности аварии не более чем пассажир, совершающий рейс из Гонолулу в Нью-Йорк. И по мере того как тянулись часы, а берега не было и в помине, Крюгер начинал понимать, какое для этого требуется искусство.

Когда же берег наконец появился, то оказалось, что он совершенно не похож на тот сравнительно плоский берег (если не считать нескольких вулканических сопок), что они покинули, — он был весь взрыт. Там громоздились горы, образовавшиеся явно в результате сбросов и разломов, — молодые горы, как определил бы геолог. Все свидетельствовало об этом: и крутые обрывы, и бесчисленные горные реки, изобилующие водопадами и порогами, и острые голые пики. Воздушные течения здесь были невероятно сложными, и Дар пользовался ими с почти сверхъестественным искусством. Остальные планеры давно исчезли из виду: меньшая нагрузка на крылья позволяла им «прыгать» с одного вертикального потока на другой. Дар не хотел рисковать.

Как только показался берег, он начал забираться влево и пересек береговую линию в длинном пологом скольжении. Чаще всего они летели слишком высоко, и им не удавалось различить животных или отдельные деревья в лесах, одевавших нижние склоны гор. Но время от времени, чтобы воспользоваться

воздушными потоками, вытесняемыми вверх по очередному горному кряжу, планер нырял вдоль подветренной стороны какой-нибудь долины, и тогда Крюгер мог убедиться, что растительность здесь иная, чем за океаном. Одна из причин этого была очевидна: температура здесь гораздо ниже. В начале полета Крюгер чувствовал себя лучше всего в наивысших точках движения планера, теперь же воздух был прохладен даже у самой земли.

Шли часы, становилось все холоднее. Крюгер не знал, сколько они пролетели, но понимал, что расстояние это измеряется сотнями миль. Он устал, был голоден и хотел пить. Дар, казалось, относился ко всему этому с полным безразличием, как и к холоду, который все чаще заставлял Нильса вспомнить о покинутых джунглях с некоторой грустью. Они мало говорили на протяжении всего пути; всякий раз, когда Крюгеру хотелось спросить, долго ли им еще осталось лететь, он сдерживался из нежелания показаться нытиком. В конце концов первым заговорил Дар.

— Мы можем не успеть до темноты, — произнес он вдруг. — Скоро мне придется сесть, и мы полетим дальше, когда снова взойдет солнце.

Крюгер с удивлением взглянул на голубое солнце, на которое уже давно не обращал внимания. По-видимому, Дар прав. Аррен был над самым горизонтом, позади и чуть правее планера; он медленно опускался. Крюгер попытался воспользоваться этим фактом, чтобы выяснить, где же, в каком месте планеты они сейчас находятся; должен же заход Аррена что-то означать, ведь до этого он видел в небе голубое солнце непрерывно в течение шести земных месяцев. Одно было ясно: Тийр в этом году не взойдет. Они

перелетели на «темную сторону» Абьёрмена. Ледяная шапка была бы здесь как нельзя более уместной.

Тем не менее, прикинув угол, под которым голубая звезда опускалась за горизонт, Крюгер решил, что она опустится не слишком глубоко. Он поделился своими соображениями с Даром.

— Ведь такой темноты, чтобы ничего не стало видно, не будет, верно? — спросил он.

— Верно, но мы обычно не летаем, если в небе нет ни Тиира, ни Аррена, — отозвался Дар. — Вертикальных потоков воздуха становится гораздо меньше, и их труднее различить даже с близкого расстояния. Конечно, я сделаю все, чтобы успеть в Крепость до того, как зайдет солнце; мне вовсе не хочется просидеть на верхушке горы пятнадцать-двадцать часов.

Крюгер от души пожелал ему удачи.

С уверенностью определить движение солнца было трудно, ибо планер часто и резко менял высоту, однако не приходилось сомневаться в том, что оно садилось. Внимание Крюгера было настолько поглощено заходящей звездой, что он совсем упустил из виду ландшафт внизу, чего бы никогда не сделал при других обстоятельствах, и ледяная шапка появилась на горизонте задолго до того, как он ее заметил. Но, заметив, он уже не мог от нее оторваться.

Первое, что бросилось ему в глаза, была огромная река; она тянулась параллельно их курсу и уходила в сторону далекого теперь океана. Следуя взглядом вверх по ее течению, Нильс обнаружил, что река берет начало у подножия гигантской стены, розовато мерцающей в почти горизонтальных лучах Альциона. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что стена эта — основание ледника. Река тянулась в глубь континента, но это была река, забитая льдами.

В направлении к центру материка горы становились все выше, но Крюгеру казалось, что они становятся все ниже, ибо подножия их скрывались под вековыми напластованиями снегов. Впереди, насколько хватал глаз, простиралось ледяное поле. Большую часть льдов удерживали в неподвижности громадные скалы, пронизывающие ледяную толщу насквозь, но по краям льды откалывались и сползали, словно стремились проложить себе путь к океану. Здесь, на краю полярной шапки, толщина льда достигала не менее тысячи футов. «Какова же она дальше, в глубине континента?» — подумал Крюгер.

Но появление ледовой шапки означало, что они уже близки к цели, иначе Дар не стал бы приближаться к местам, изобилующим нисходящими потоками. На вопрос Крюгера, так ли это, пилот ответил утвердительно.

— Да, мы успеем добраться. Еще два подъема, если мне удастся найти восходящие потоки, и тогда остальной путь мы пройдем на снижении.

От дальнейших вопросов Нильс воздержался и, как зачарованный, следил за тем, как леса внизу уступили место снежным полям, а плодородные почвы — черным и серым скалам.

Но вот наконец пилот указал вперед, и юноша увидел высоко на склоне одной из гор террасу, скорее всего естественную, которая могла означать не что иное, как только посадочную площадку. Долина внизу была заполнена льдом, продолжением ледника, так и не растаявшего на протяжении доброго десятка миль, после того как он дополз до этого места. На террасу открывались входы каких-то огромных туннелей, уходивших, вероятно, в самую глубину горы. Несколько крылатых силуэтов перед туннелями не

оставляли никаких сомнений относительно назначения этого места.

Крюгеру казалось, что они могут немедленно начинать спуск к террасе, однако Дар Лан Ан слишком хорошо знал, какие яростные нисходящие течения возникают вдоль края террасы, когда солнце не освещает этот склон горы, и потому воспользовался последней возможностью набрать высоту. Несколько минут, пока он, поднимаясь, описывал круги, планер был озарен последними лучами Альциона, и его, должно быть, видели наблюдатели внизу.

Затем солнце исчезло за скалистым пиком, и под планером распахнулась терраса. Дар провел аппарат поперек ровной площадки, имея под собой в запасе ярдов двести, сделал два крутых скользящих поворота, чтобы сбросить высоту, и словно перышко посадил планер перед входом в один из туннелей. Крюгер, окоченевший от холода во время последнего подъема, с радостью выкарабкался из аппарата и с благодарностью принял кувшин воды, который ему незамедлительно подал один из аборигенов.

Очевидно, их ждали, и это было вполне естественно: остальные планеры прибыли уже давно.

— Вы нуждаетесь в отдыхе перед разговором с Учителями? — спросил их кто-то из встречавших.

Дар Лан Ан взглянул на Крюгера, не спавшего, как ему было известно, гораздо дольше обыкновенного, однако, к его удивлению, Нильс ответил:

— Нет, пойдемте. Я отдохну потом; мне хочется повидать ваших Учителей, и я знаю, что Дар Лан Ан спешит вернуться в деревню. Их резиденция далеко отсюда?

— Совсем недалеко.

Тот, кто задал вопрос, повел их в туннель, который вскоре превратился в спиральный спуск, уходящий в недра горы. Они шли по спуску добрых полчаса — по крайней мере так показалось Нильсу, уже начавшему раздумывать, что же тогда их провожатый понимает под словом «далеко», но тут подземный ход вывел их наконец на ровный пол большой пещеры. Сама пещера была почти пуста, однако в нее открывалось несколько дверей, и провожатый направил их к одному из этих входов.

Помещение за порогом оказалось чем-то вроде кабинета; в нем пребывали два существа, которые, судя по описанию Дар Лан Ана, и были Учителями. Их внешний облик действительно полностью совпадал с обликом Дара, если не считать роста. А роста в них было чистых восемь футов.

Оба они шагнули навстречу вошедшим и остановились, ожидая представлений. Движения их были медлительны и весьма неуклюжи, и едва Крюгер подметил это, как подозрения, которые он питал уже некоторое время, превратились в уверенность.

9. Тантика

Земля отстоит от Альциона и звездного скопления, к которому он принадлежит, на пятьсот световых лет. Это не очень далеко по галактическим масштабам, так что данные, собранные исследовательским кораблем «Альфард», были доставлены на Землю до того, как Нильс Крюгер впервые повстречался с Дар Лан Аном. Поскольку «Альфард» получил спектральные, фотометрические и стереометрические данные и пробы с пяти сотен различных пунктов в области, занимаемой Плеядами, а также биологические и метеороло-

гические сведения относительно десятка планет в этом звездном скоплении, исследователям предстояло обработать колоссальную информацию.

И все же их внимание очень быстро привлекла к себе именно та планета, на которой, как полагали, погиб Нильс Крюгер. Они не имели возможности точно вычислить ее орбиту относительно красного карликового солнца, к системе которого ее причисляли, или установить взаимосвязь между этим карликом и соседним Альционом, но было ясно, что планета, красный карлик и голубой гигант, сгрудившиеся внутри облака газовой туманности, представляли собой нечто из ряда вон выходящее с точки зрения большинства космологических теорий. Астрофизика, который первым наткнулся на этот материал, заинтересовали полученные сведения, он вновь просмотрел их и затем обратился за консультацией к коллеге. Материал о странной системе был опубликован, и многими астрономами овладело желание узнать о ней побольше. Таким образом, дела Нильса Крюгера были гораздо лучше, чем он полагал.

Но сам Крюгер не был астрономом, и, хотя теперь он имел довольно верное представление об орбите Абельмена, ему все же в голову не приходило, что необычная система может заинтересовать еще кого-нибудь, кроме него самого. Мысли о Земле он отбросил или почти отбросил, ибо ему было о чем думать и без того. Он считал, что ему предстоит прожить всю жизнь на Абельмене; здесь он нашел единственное живое существо, которое мог считать своим другом. А потом этот друг сообщает, что их совместная жизнь продлится всего несколько земных месяцев, что в конце этого срока он, друг, умрет естественной смертью.

Крюгер не поверил этому, во всяком случае не поверил, что это неизбежно. Когда Дар Лан Ан описал ему Учителей, у Крюгера возникло смутное подозрение. Вид этих исполинов только подтвердил его подозрение, и он приступил к первому разговору с ними, исполненный решимости сделать все, что в его силах, чтобы отсрочить конец, который сам Дар считал неизбежным. Ему и в голову не пришло спросить, будет ли Дар от этого счастливее.

Трудно сказать, чувствовали ли Учителя, допрашивавшие Нильса Крюгера, его подспудную враждебность к ним; никто их об этом не спросил за то время, что им осталось жить, а сами они не сочли нужным занести в книги свои ощущения. Во всяком случае, они не выказывали никаких чувств; согласно своим обычаям, проявили вежливость и ответили примерно на столько же вопросов, сколько задали сами. Они спокойно выслушали те сведения по астрономии, которые им сообщил Крюгер, рассказывая о своем прошлом. Во многом их вопросы повторяли вопросы Учителя деревни. Нильс подчеркнул, когда об этом зашел разговор, что Учитель деревни отобрал у него зажигалку; он приготовился защищать Дар Лан Ана от возможного обвинения в свободном обращении с огнем, но этот вопрос Учителей, по-видимому, совершенно не волновал. Облегчение, которое при этом испытал Дар, заметил даже Крюгер.

Учителя показали Крюгеру Ледяную Крепость, сопровождая осмотр такими подробными объяснениями, которые были неизвестны и самому Дар Лан Ану. Пещеры в горе были только преддверием; главное поселение располагалось глубоко внизу и на многие мили тянулось к центру материка. Несколько туннелей связывали его с посадочными площадками

вроде той, на которую сели Дар и Крюгер. Именно там находились книгохранилища. Крюгер своими глазами увидел, как груды книг, доставленных со всех концов Абьёрмена, регистрируются и расставляются для хранения до будущих времен. На вопрос, когда наступит это будущее, Учитель-гид без колебаний ответил:

— После конца этой жизни и перед началом следующей пройдет примерно четыреста лет. Затем в течение десяти лет города будут заселены снова, и тогда начнется процесс обучения.

— Значит, вы уже начали покидать города. Сюда сойдется умирать весь ваш народ?

— Нет. Мы не покидаем наши города; народ живет в них до конца.

— Но ведь город, который мы нашли с Дар Лан Аном, был покинут!

— Это не наш город. Народ, который живет рядом с этим городом, — не наш народ, и их Учителя не принадлежат нашему роду.

— Вы знали об этом городе?

— Очень мало, хотя тамошние Учителя немного нам знакомы. Мы все еще не решили, как с ними поступить.

— Надо просто вернуться туда с большим отрядом и отобрать книги силой, — вмешался Дар. — И кроме того, вам понадобится зажигательное устройство Нильса, хотя мы и не пользуемся огнем. Это знание, и ему место в хранилище.

Учитель сделал одобрительный жест.

— В каком-то отношении ты совершенно прав. Однако сомнительно, что нам удастся принудить их вернуть эти вещи. Разве не ты говорил, что они держат книги в укрытии среди водоемов с горячей водой?

— Да, но их же нельзя там держать!

— Не разделяю твоей уверенности. Во всяком случае, если мы и совершим нападение, как ты предлагаешь, у них будет время и, вероятно, желание спрятать все в другом месте.

— А почему бы нам не заставить их сказать, куда они спрятали? — спросил Крюгер. — Если мы захватим деревню, можно поставить их перед выбором: либо наша собственность, либо смерть.

Учитель пристально поглядел на юношу.

— Вряд ли я смогу одобрить убийство, — сказал он наконец. Под его взглядом Крюгер ощутил некоторую неловкость.

— Ну... — промямлил он, — они могут и не знать, что на самом деле мы вовсе не станем их убивать.

— Но предположим, что наши вещи все еще у их Учителей. В таком случае что толку угрожать жителям деревни?

— Но разве их Учителя не будут также в наших руках?

— Сомневаюсь. — Односложность ответа полностью ускользнула от внимания Крюгера.

— Пусть так, пусть даже мы не захватим их, но неужели они не отдадут наши вещи, чтобы спасти свой народ?

— Это возможно. — Учитель помолчал. — Это... вполне... возможно. Некоторые твои высказывания мне не совсем по душе, но должен признаться, что в этом последнем есть здравая мысль. Конечно, нам нет нужды угрожать смертью; достаточно угнать этот народец с собой... или даже просто пригрозить, что мы это сделаем. Я должен посоветоваться с другими Учителями. Ты можешь, если тебе хочется, остаться

здесь и осмотреть библиотеку, но, как мне кажется, к тому моменту, когда решение будет принято, ты пожелаешь быть наверху.

Крюгер уже видел все, что его интересовало, — процесс раскладывания книг и библиотекарей, по росту приближавшихся скорее к Дару, чем к Учителям, — и выразил намерение вернуться на поверхность. Дар Лан Ан вызвался его сопровождать, и начался долгий подъем. Крюгеру было довольно тепло, хотя температура не превышала сорока пяти градусов по Фаренгейту. Он шел и раздумывал, для чего нужно такое убежище — полмили камня и свыше трех миль льда над головой (если верить словам Учителя). Еще более загадочным представлялось создание такого подземного города силами народа, владеющего лишь весьма примитивными орудиями труда. Впрочем, не приходилось сомневаться, что вначале, когда они впервые явились сюда, у них были подходящие орудия. По мнению Крюгера, крушение, забросившее народ Дара на Абьёрмен, должно было произойти несколько поколений назад. Начать хотя бы с того, что их здесь было явно больше, чем могло уместиться на одном космическом корабле.

Учителя обсуждали проекты Крюгера и вносили в них поправки довольно долгое время, и юноша воспользовался этим, чтобы осмотреть все, что возможно, как внизу, так и наверху.

Температура снаружи была близка к нулевой, как и следовало ожидать вблизи такой массы льдов. Крюгер был не в состоянии долго оставаться на холоде, потому что с одеждой он в свое время распорядился таким образом, чтобы она не обременяла его на жаре. К счастью, синтетическая ткань не пропускала ветра, и Крюгеру удавалось кое-как сохранять

тепло, затянув шнурки на запястьях, лодыжках и вокруг шеи. Что же до Дар Лан Ана, почти всегда сопровождавшего его в вылазках на поверхность, то он, по-видимому, был так же равнодушен к холоду, как и к жаре.

Впрочем, однажды Крюгеру довелось пробыть снаружи продолжительное время, но не по своей воле. Он вышел один и, побродив меж сугробами и по предательскому насту около полудня, вернулся назад. Дверь оказалась заперта. Выходя, он как-то не обратил внимание на то, чем она запирается; видимо, она была оборудована пружинным замком. Сколько он ни стучал, никто его не услышал, так как дверь находилась ярдах в четырехстах от главного туннеля на этом уровне, и Крюгеру пришлось пробираться вокруг всей горы к посадочной площадке. Он добрался донее в полумертвом состоянии и с тех пор был очень осторожен с дверью.

Не раз совершал он ошибки и в подземельях. Однажды он едва не задохнулся при осмотре продуктового склада, а в другой раз чуть не свалился в какой-то люк, который, как выяснилось позже, открывался в желоб мусоропровода. Он узнал, что желоб ведет в узкое ущелье, заполненное талой водой, которая уносила все отбросы. После этого он уже никуда не отлучался один и очень обрадовался, когда Учителя кончили совещаться и приняли решение напасть на деревню.

Следовало признать, что план нападения был весьма остроумен. Они с Даром должны были вернуться в покинутый город на планере, предварительно окружив над деревней с таким расчетом, чтобы их заметили. Тем временем большой отряд арбалетчиков садится по другую сторону от города, достаточно да-

леко и совершенно незаметно. Затем отряд вступит в город, и они встретятся в точке, выбранной и отмеченной Даром на карте, которую он начертил, пользуясь своей фотографической памятью.

План был основан на предположении, что жители деревни вновь пошлют группу стрелков, чтобы схватить пришельцев. Дар и Крюгер поведут отряд на площадь, окруженную зданиями, в которых и собирались укрыться арбалетчики с ледяной шапки. Правда, не исключалась возможность, что Дара и Крюгера успеют захватить в качестве заложников или даже убить на месте, но по этому поводу Дар не проявил никаких признаков беспокойства, и Крюгер тоже предпочел скрыть свои чувства.

На сей раз он сам проследил за тем, чтобы в планер погрузили еду и воду, хотя Дар, видимо, считал эти припасы излишними для такого перелета.

Как и следовало ожидать, возвращение в тропики радовало Крюгера очень недолго. Вскоре же он обнаружил, что с грустью вспоминает о выюгах на ледяной шапке, забыв, как это свойственно человеку, что выюги эти однажды чуть не погубили его. Трудно представить себе, что бы сказал Дар Лан Ан, если бы ему стали известны мысли спутника. Но Крюгер вслух их не высказывал, и потому пилота ничто не отвлекало от планера.

Вулканические сопки они нашли без труда. Большинство других планеров уже приземлилось на побережье в нескольких милях от них; и на сей раз легкие аппараты показали лучшее время. Дар и Крюгер видели, как экипажи собираются для выступления к городу; они решили побыть в воздухе подольше, чтобы дать арбалетчикам время выйти на исходные рубежи.

Они пролетели в глубь побережья, за вулканы, и принялись кружить там, пытаясь сверху обнаружить знакомую деревню.

Оказалось, что хижины превосходно замаскированы деревьями, но район гейзеров им удалось найти сразу. Нагретый грунт здесь создавал великолепный восходящий поток, и Дар кружил в нем несколько минут, пока они внимательно разглядывали местность. Но внизу не было заметно никаких признаков жизни. Наконец Дар повел планер обратно к вулканам и сел на берегу как только мог ближе к городу.

Они вступили в город пешком, прекрасно сознавая, что оставляют на песчаной полосе отчетливые следы, и нимало об этом не беспокоясь. По крайней мере, Дар Лан Ан не беспокоился. Что же касается Крюгера, то он все-таки начал сомневаться, не слишком ли открыто они действуют. Он поделился своими сомнениями с Даром, но тот был крайне этим удивлен.

— Не думаю, чтобы нам следовало особенно беспокоиться, — сказал он. — Они же поймут, что мы могли сесть только на берегу — не можем же мы посадить планер прямо в джунглях. А по песку невозможно пройти, не оставляя следов. Вот в городе мы будем уже не так заметны.

— Будь по-твоему.

По-видимому, подумал Крюгер, народ Дар Лан Ана не слишком богат военным опытом. Впрочем, если повезет, то жители деревни, которых они замыслили поймать в ловушку, окажутся столь же простодушными; уповать остается только на это.

В городе, как и прежде, царила тишина. Недавно прошел ливень, и на ровных участках мостовой блестяли лужи. Обойти их удавалось не всегда, и по дороге к площади, где должны были ждать арбалет-

чки, Крюгер и его спутник оставили за собой мокрые следы. Нильса немного беспокоило, долго ли будут видны эти следы, но Дару подобные мысли, видимо, просто не приходили в голову.

Они явились на условленное место раньше остальных, хотя пробыли в воздухе дольше, чем предполагали. Когда отряд наконец прибыл, они, не теряя времени, устроили засаду. После этого делать, собственно, было нечего, разве что вновь заняться осмотром зданий.

— Не знаю, что здесь еще может найтись нового и интересного, — заметил Крюгер. — Эти места мы в тот раз обошли вдоль и поперек. Надо было нам выбрать такой участок, где мы еще не все облазили.

— Вряд ли это пошло бы нам на пользу, — возразил Дар. — Я ведь мог полагаться только на свою память, ты знаешь.

— Да, по-видимому, ты прав. Ну что ж, зайдем воп ту да и посмотрим, что там можно найти.

Крюгер направился к ближайшему строению, и повторилась процедура осмотра, выработанная ими в прошлый раз. Как они и предполагали, ничего нового в наземных помещениях не обнаружилось, а мысль спуститься вниз вызывала у них чувство физического отвращения.

Шли часы. Дар Лан Ан то и дело заходил в здание, где укрывался командир арбалетчиков, чтобы обсудить, как идут дела, но дел попросту не было и нечего было обсуждать. Крюгер наконец вынужден был заявить, что либо жители деревни, либо их Учителя, очевидно, разгадали их замысел, а потому необходимо немедленно собрать отряд и двинуться прямо в деревню. Однако его предложение, по-видимому,

пришлось остальным не по вкусу: оно противоречило полученным приказам.

— Следует по крайней мере подождать еще некоторое время, — упорно твердил Тен Ли Бар, командир отряда.

— Времени у вас не так уж много! — возразил Крюгер. — Я-то могу и обождать, хотя мне хотелось бы очутиться по ту сторону океана до того, как ваш последний планер останется без пилота. Но если вы не поторопитесь, вам никогда не получить захваченные книги, да и электрический аппарат, который нужен вашим Учителям, тоже очень скоро попадет к ним в руки.

Абориген смутился.

— В чем-то ты, несомненно, прав. И все же, если нас постигнет неудача из-за того, что мы нарушили приказ... — Он замолчал и вдруг оживился: — Помнишь, ты рассказывал об электрических приборах здесь, в городе. Может, ты не пожалеешь потратить часть времени и раздобудешь для нас несколько приборов? Я с радостью тебе помогу.

Крюгер понял, что Тен Ли Бара не переупрямить. Он пожал плечами.

— Дело ваше. Пойдем, я посмотрю, что можно сделать.

Он направился к ближайшему зданию, пересек открытое помещение и вошел внутрь. Дар Лан Ан и Тен Ли Бар следовали за ним. Как и во всех других зданиях, здесь имелся электрический штепсель. Под взглядом аборигенов Крюгер подцепил за края верхнюю пластину и обнажил проводочки.

Дар Лан Ан уже слышал его объяснения и потому вначале следил за ними не очень внимательно, однако к концу заинтересовался и он. Это случилось

в ту минуту, когда Крюгер объяснял, зачем нужны два проводника и что происходит, когда между ними оказывается третий. Объяснения в силу необходимости были исключительно словесными, ибо предполагалось, что демонстрационного материала под руками нет. Но тут Тен Ли Бар, стремясь наглядно представить себе, о чем говорит Нильс, взялся за проводочки и соединил их. Серебряные полоски вдруг раскалились докрасна, и абориген с воплем отдернул руку.

Нильс Крюгер был потрясен не менее, чем Тен. Несколько секунд юноша таращил глаза на раскаленные провода, затем расцепил их пластиковой рукояткой своего ножа.

— Тебя только обожгло или ты почувствовал еще что-нибудь? — отрывисто спросил он Тен Ли Бара.

— Не знаю. Если это был ожог, то я понимаю, почему книги предупреждали нас против огня. — Арбалетчик потешно, совсем по-человечески сунул пальцы в рот.

Поняв, что ему не получить информации от существа, которое понятия не имеет, что такое ожог, Крюгер решил действовать самостоятельно. Сначала он замкнул провода лезвием ножа и по виду искр пришел к выводу, что напряжение должно быть не очень высоко. Затем, уверившись, что стоит на сухом каменном полу (насколько сухим может быть камень в этой насыщенной влагой атмосфере), соединил провода двумя пальцами. Он не ощутил ни малейшего удара током, хотя дополнительная проверка ножом показала, что проводка по-прежнему находится под напряжением.

И тогда он задумался: всегда ли город питается током низкого напряжения и продолжают ли

работать питающие его генераторы или это последняя вспышка энергии какой-то аварийной аккумуляторной системы? Знают ли об этом Учителя в близлежащей деревне, а если знают, то не потому ли они наложили на город запрет? Крюгер уже привык не отделять себя от народа Дар Лан Ана, несмотря на враждебность, которую питал к его Учителям. Если они не желают пальцем пошевелить по собственной воле, чтобы получить необходимые сведения, то он, Нильс Крюгер, заставит их! Он резко повернулся к Тен Ли Бару.

— Положение изменилось. Дар Лан Ан и я — мы идем в деревню; нужно кое-что выяснить. Ты с отрядом можешь пойти с нами, если хочешь. А не хочешь — оставайся.

— Но что нам толку ждать здесь, если вы уйдете?

— Понятия не имею. У тебя своя голова на плечах, решай сам. А мы идем.

И Крюгер двинулся из здания, даже не спрашивая Дара, пойдет ли тот с ним. Тен мгновенно смотрел им вслед, затем тоже вышел и принялся созывать отряд из укрытий. Крюгер оглянулся только один раз. Увидев, что отряд следует за ним, он улыбнулся про себя, но ничего не сказал.

Идти было нетрудно; они уже не раз ходили этим путем. Никто им не препятствовал, ни животных, ни жителей деревни не было видно. Даже на поляне гейзеров, когда они подошли к ней, царила тишина. Там, где тропа раздваивалась и поворачивала к месту, где они когда-то беседовали с Учителями, Крюгер свернул к водоему, который однажды едва не накрыл их кипящей водой. Несколько секунд спустя отряд уже стоял перед каменным убежищем, торчавшим над известковым барьером.

Тишину по-прежнему нарушало лишь царапание когтей по камням. Выждав какое-то время, Крюгер решительно подошел к убежищу и принялся искать вход. Он начал со стороны, обращенной к воде, ибо давно убедил себя, что дверь должна быть именно там, и перегнулся через барьер. Но в каменной кладке не оказалось ни единой трещины. Осмотр боковых стен и передней стороны также ничего не дал.

Правда, наверху Нильс обнаружил ряд тонких, почти невидимых щелей, очерчивавших подобие квадратного люка, однако через вход таких размеров не мог бы войти даже Дар Лан Ан. А уж об Учителях и говорить нечего — их крупный торс ни за что на свете не протиснулся бы через этот вход. И хотя книги и зажигалка, несомненно, ушли именно этим путем, куда девались Учителя, по-прежнему оставалось тайной.

Крюгер расширил зону поисков на много ярдов вокруг водоема. Остальные, поняв, что он ищет, и преодолев свой страх перед зрелищем кипящей воды, принялись ему помогать. Они обнаружили множество трещин, но все трещины оказались естественного происхождения. Попытка заглянуть в крошечные дыры, сквозь которые, как считалось, вели наблюдение Учителя, тоже ни к чему не привела — все они были неглубокими. Крюгер начал подозревать, что его умышленно направили на ложный след. По-видимому, во время собеседований Учителя наблюдали за ним с какого-нибудь удобного пункта на опушке леса. Но в таком случае, где же они сейчас? Нигде нет и признаков жителей деревни, не слышно голоса Учителей... Крюгеру вдруг стало не по себе.

Пока он стоял в раздумье, отряд прекратил поиски и собрался вокруг него, ожидая приказаний. Он испытал мимолетное удовлетворение от мысли, что

командование экспедицией перешло к нему, но тут же забыл об этом. «Пошли в деревню», — коротко сказал он и зашагал впереди.

Они осторожно вышли на край расчищенного участка и при виде хижин остановились. В предвидении возможной засады отряд по приказу Крюгера рассыпался в цепь, но затем они снова двинулись вперед, пока не вступили в деревню.

Все еще ни звука, ни шороха. Они с опаской заглядывали в одну хижину за другой. Да, деревня была покинута.

— И мои книги, наверное, они унесли с собой! — горестно проговорил Дар Лан Ан.

— Боюсь, что так, хотя надо бы вернуться к водоему и попробовать открыть люк. Правда, мы еще не были в той маленькой хижине, куда они бегали к своим Учителям. Но ума не приложу, каким образом там мог поместиться хоть один Учитель? Я же видел, какие они.

— Не в этом дело! — Дар стрелой помчался к хижине Учителей и скрылся внутри. Уже через секунду Нильс услышал свое имя.

— Что там такое? — откликнулся он на бегу. — Они оставили твои книги как знак доброй воли?

— Не книги. Я не могу описать это.

Крюгер влетел в хижину одновременно с последними словами Дара. На мгновение он остановился, пока глаза привыкли к полутьме, затем увидел то, о чем говорил маленький пилот.

Хижина была почти пуста, только посредине стоял грубо сколоченный стол. На столе лежал какой-то аппарат. Он был без кожуха и состоял из проводов, конденсаторов и чего-то, похожего на радиолампы, и все это было сшито на живую нитку. Крюгер сразу

понял, что это, но не успел вымолвить ни слова. Устройство на столе заговорило первым:

— Подойди, Нильс Крюгер. Я давно жду тебя. Нам надобно о многом поговорить.

10. Разъяснение

Голос принадлежал Учителю, в этом не было никаких сомнений. Равным образом не приходилось сомневаться и в том, что Нильсу предстояло пересмотреть многие свои представления. Ведь насколько ему было известно, радио не имело даже племя, обособившееся у полярной шапки и разбросавшее свои города по всей планете. Возможно ли, чтобы эти существа знали об электричестве больше, нежели позволял предположить покинутый город?

— Почему ты меня ждешь? — спросил юноша. — Я и сам не был уверен, вернусь ли когда-нибудь сюда... или ты считаешь, что я не проживу без зажигалки?

— Я был уверен, что Дар Лан Ан вернется за своими книгами; я слишком хорошо знаю его народ, чтобы сомневаться в этом. Позже я узнал, что и ты придешь вместе с ним.

— Как же ты узнал?

— Мне сказали. Потом объясню. Конечно, ты можешь мне не верить, но не такой уж я тебе враг, хотя кое-какие мои действия и могут вызвать твое негодование. Я охотно предоставляю тебе право жить столько, сколько позволяет твое естество... если ты согласишься на некоторые мои условия.

— А если не соглашусь? — Как и следовало ожидать, Крюгеру не понравились слова невидимого собеседника.

— Тогда с тобой опять начнут случаться всякие неприятные происшествия. И рано или поздно счастье тебе изменит.

Медленно, очень медленно Нильс осознал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что тот обвал на окраине города и кратер — все было подстроено?

— Вот именно. А кроме того, некая дверь оказалась запертой не случайно, и некий люк был оставлен открытым и без охраны тоже с определенной целью, и некий гейзер был пущен в воздух, а не в теплообменник. Будь же благоразумен, Крюгер; ты знаешь об этой планете слишком мало, а я — слишком много.

— Но ты же не мог... — Крюгер остановился; сам факт, что это существо знало о происшествиях в Ледяной Крепости, делал его возражение смешным. Он изменил фразу: — Как ты об этом узнал? Ты что, один из тамошних Учителей?

— Я часто говорю с ними.

— Значит, они подстраивали все это по твоему наущению? Или сами хотели избавиться от меня? Или же ты делал это помимо них?

— Они действовали по моему приказанию. Они не желали твоей гибели; с точки зрения чисто личной не хочу этого и я. К сожалению, ты слишком общителен.

— Что ты имеешь в виду? И почему это, собственно говоря, так уж плохо?

— Я задал тебе много вопросов, пока ты был нашим пленником, и не только о тебе самом, но и о технических знаниях, которыми ты располагаешь. Ты ответил на все вопросы честно и, насколько я могу судить, правильно. Сам я не специалист в электротех-

нике, но знаю достаточно, и понимал почти все, о чем ты говорил.

— Чем же в таком случае я тебе не понравился?

— Если ты рассказал все мне, а полагаться на меня ты никак не можешь, то ты, несомненно, расскажешь все и народу Дар Лан Ана. У меня нет возражений против уровня цивилизации, которого они достигли, но зато есть веские причины не давать им возможности достигнуть уровня технологии твоего народа.

— Откуда ты знаешь о нашем уровне технологии?

— Об этом говорит само твое присутствие на этой планете.

— Почему ты возражаешь против того, чтобы они узнали нашу технологию? Ведь ты тоже ее узнаешь.

— Мы не хотим, чтобы они покинули эту планету. Они нужны нам здесь.

У Крюгера мелькнуло смутное подозрение, и, чтобы проверить его, он спросил:

— А как насчет вашего народа там, в деревне? Ты бы тоже возражал?

— В высшей степени. Ими легче управлять, когда они такие, какие есть.

— Как же ты смеешь говорить мне все это, когда рядом стоит Дар Лан Ан и слушает наш разговор?

— Его Учителя все знают. Они не хотели помочь мне избавиться от тебя, но мне удалось их принудить. Когда их попытки не удались, я приказал им прислать тебя сюда, чтобы убедить тебя, если возможно, или убить, если это окажется невозможно.

Крюгер, убедившись, что подозрения его оправдались, наклонился к самому аппарату и заговорил с такой злостью, какой еще никогда не испытывал:

— Теперь мне все понятно. Ты не принадлежишь ни к расе Дара, ни к расе народа, который жил в этой деревушке. Ты и тебе подобные вертите жителями деревни в делах повседневных и указываете остальному населению планеты, как поступать в делах более сложных. Я не знаю, кто из вас — вы или они — был аборигеном этого мира, но мне совершенно ясно, почему вам не хочется, чтобы они покинули теперь эту планету. Вам бы тогда пришлось самим работать на себя! Что, неправда?

К концу тирады Крюгер настолько разъярился, что было просто чудом, как невидимому собеседнику удавалось его понимать. Но он, видимо, понял.

— Отчасти ты прав, — спскойно ответил он.

— Отчасти! Я прав во всем! Ну-ка, выйди, покажись!

— Боюсь, что именно сейчас это совершенно невозможно.

— Чего же ты боишься? Что я нечаянно наступлю на тебя и раздавлю?

— Не совсем так. Хотя, вообще-то говоря, наша встреча, произойди она в условиях, пригодных для жизни одного из нас, и в самом деле окончилась бы смертью другого. Я бы не смог выжить в твоём окружении, и я почти уверен, что ты не выжил бы в моём... Во всяком случае, Дар Лан Ан не выжил бы наверняка.

— Значит, он, а не ты абориген этой планеты. А вы явились сюда и поработили их!

— Я недостаточно хорошо знаю прошлое, чтобы опровергнуть твоё утверждение, но полагаю, что ты неправ.

— Здесь же все ясно.

— Ты делаешь слишком уверенные заявления, основываясь на крайне малочисленных данных. Согласен ли ты пообещать мне не передавать народу Дар Лан Ана никаких знаний, за исключением тех, что мы одобрим?..

— Нет!

— Подожди, дай мне закончить... пока ты не узнаешь о нас достаточно, чтобы судить объективно.

— А как я об этом узнаю?

— Я согласен освободить тебя от твоего обещания, как только ты об этом попросишь, но при условии, что я оставляю за собой право прикончить тебя, если найду это необходимым или целесообразным.

— И ты думаешь, что я буду чувствовать себя связанным обещанием, которое дам при таких условиях?

— Да я просто не советовал бы тебе делать и говорить что-нибудь такое, что дало бы мне основания усомниться в тебе. И я уверен, ты знаешь, что я имею в виду.

— А как насчет Дара?

— Как я уже сказал, он волен говорить все, что ему угодно, пока он жив. У него нет знаний, которые, по нашему мнению, не должны быть переданы его народу.

— Он слушал, когда мы говорили об электричестве.

— Я помню.

— Ладно, будь по-твоему, я не стану рассказывать ничего без твоего ведома. Но предупреждаю, что убедить меня будет трудновато.

Из приемника донесся вздох облегчения.

— Вот это уже лучше, — последовал ответ. — Признаться, я был бы рад подружиться с тобой, как ты, по-видимому, дружишь с Дар Лан Аном.

— После всех твоих «случайностей» на это потребуется время... да и доверие.

— Твои слова наводят меня на мысль, уж не принадлежишь ли ты к расе, которая не ведает ошибок. Моя раса не такова. Впрочем, пожалуй, лучше перейти к объяснениям. Прежде всего твое предположение о том, что мы используем расу Дар Лан Ана просто в качестве рабочей силы, в корне неверно. Это невозможно чисто практически — мы не способны жить в тех же условиях, что и они. Но через несколько лет они умрут, и с их смертью начнется время, когда мы сможем жить на этой планете свободно.

— Ты хочешь сказать, что вы живете, когда они мертвы, и что...

— ...и что большинство из нас умирает, когда они начинают жить? Совершенно верно.

Значит, город между вулканами построен вашим народом!

— Да. И когда мы умираем, за ним присматривают всего несколько представителей нашего рода. В том числе и я.

— Так вот почему электричество включено...

— Когда? Сейчас?

— Да, когда мы были в городе перед тем, как явиться сюда.

Из приемника донеслись странные, совершенно невоспроизводимые человеческим голосом звуки, затем последовала короткая пауза. И вот уже невидимый собеседник заговорил снова:

— Благодарю тебя. Некоторое время назад мне пришлось включить энергию, чтобы отрегулировать паровой клапан — подозреваю, это ты его испортил, — и я забыл отключить ее. Да, боюсь, что лучшие годы моей жизни миновали.

— Ты хочешь сказать, что эта штука в кратере, за городом... что это ты управлял ею?

— Не непосредственно; она управляется автоматически. Пар поступает из того же подземного источника, что и гейзеры. Резервы тепла там практически неисчислимы, чего нельзя сказать о запасах воды. Мне пришлось отключить клапан вручную, так как непредвиденный расход пара угрожал другим нашим установкам. Скажи, ведь авария произошла по твоей вине?

— Боюсь, что так. — И Крюгер рассказал, как было дело.

— Понятно. Я надеюсь, ты уберешь оттуда камни, прежде чем вернешься к полярной шапке. Я мог бы послать жителей деревни, но мне бы пока не хотелось, чтобы они туда ходили.

— С удовольствием, — ответил Крюгер, — если только никто не будет дотрагиваться до ручного управления клапаном.

— Кажется, мы начинаем доверять друг другу. Однако вернемся к нашей теме. Как я сказал, мы совсем не такие, как твои друзья; мы находимся в других условиях, пользуемся другими орудиями, живем в других зданиях, едим другую пищу. Короче, мы им не соперники — с таким же успехом наши народы могли бы жить и на разных планетах.

— Почему же тогда вы возражаете против того, чтобы они жили на другой планете... или, по крайней мере, были бы способны переселиться на другую планету?

— Любой из их Учителей скажет тебе, что это столь же в их интересах, сколько и в наших. Скажи, если они покинут эту планету, велика ли вероятность, что они найдут другую точно такую же?

— Ну, этого я не знаю; таких планет, должно быть, много. Планетам в Галактике несть числа.

— Но наверняка очень мало таких, которые убивали бы их в положенный срок. Я понял так, что ты не знаешь срока своей смерти, и это тебя устраивает. А ты не пробовал выяснить, как чувствовал бы себя при таких обстоятельствах твой друг Дар?

Крюгер молчал; он уже знал, что Дар испытывает сострадание к нему, существу, не ведающему своего смертного часа. Затем он припомнил одну из своих излюбленных теорий.

— Я признаю, что Дара всю жизнь воспитывали в убеждении, будто смерть в некое строго установленное время является естественной и неизбежной, но ведь это всего лишь вопрос воспитания... Некоторые представители его расы прекрасно мирятся с перспективой более долгой жизни.

— Тебе не могли этого сказать в Ледяной Крепости.

Крюгер воспринял эту реплику как признание своей правоты.

— А мне и не нужно было это говорить; я не слепой. Весь народ Дар Лан Ана, даже его ветвь здесь, у вас в деревне, все они одного роста... и одного возраста. Их Учителя тоже одинакового роста, но они намного крупнее Дара. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, в чем тут дело: этот народ растет на протяжении всей своей жизни, но время смерти, о котором все вы здесь толкуете, наступает прежде, чем они успевают вырасти. Те же, кого миновала всеобщая гибель, продолжают расти. Это и есть Учителя.

— Ты совершенно прав в истолковании главных фактов, но твое замечание о том, как сами Учителя относятся к своей продленной жизни, видимо, продик-

товано исключительно твоим воображением. Говорили ты в Ледяной Крепости с кем-нибудь из тех, кто станет Учителями на следующий период жизни?

— Что ты имеешь в виду? Я говорил с многими Учителями.

— Но неужели ты всерьез полагаешь, что нынешняя группа Учителей переживет очередной период смерти? Уже одно то, что они, как ты выражаешься, намного крупнее, должно было бы подсказать тебе истину. Следующая группа будет состоять из тех, кто начал жить одновременно с Дар Лан Аном.

— А кто их выбирал? Почему в нее не может войти Дар Лан Ан?

— Он мог бы, но вряд ли захочет. Ледяная Крепость — единственное место на Абельмене, где существа его расы могут пережить период, когда планетой владеет мой народ. Убежища под стенами просто не способны вместить всех; поэтому приходится производить некоторый отбор. А поскольку требуется длительное обучение, их отбирают в самые первые годы жизни.

— Ты намекал на то, что эти избранные не очень-то довольны своей участью. Мне в это трудно поверить.

— Избранный в Учителя подчиняется из чувства долга. Жизнь сверх отведенного, естественного срока — тяжелое бремя; ты видел, с каким трудом передвигаются Учителя в Ледяной Крепости, если они вообще способны передвигаться. Ты ведь не видел их всех; из каждых четверых трое уже сейчас превратились в беспомощных калек. Они растут, а силы остаются прежними. Суставы перестают гнуться, пищеварение портится. Они становятся жертвами заболеваний, которые делают их жизнь мукой. Но они

идут на все это, потому что иначе каждая новая группа их народа вынуждена была бы начинать с самого начала и в периоды жизни их расы планету населяли бы одни дикие звери.

— Учителя вашей расы тоже проходят через все это?

— Да. Но до моего конца еще далеко; я должен прожить весь следующий период жизни моего народа или почти весь. И я пока еще не так одряхлел, как Учителя в Ледяной Крепости.

— Но в чем же различия между вашими расами? И какие условия убивают одну расу и способствуют росту другой? Влияют ли они на другие формы жизни на этой планете?

— На первый вопрос ответить трудно, если только мы не изыщем каких-либо средств, которые позволили бы тебе увидеть меня. Пока я не знаю, как это можно устроить. Чтобы мы оба остались живы, ты должен быть наглухо изолирован от меня, а я не знаю, из чего можно построить сплошной барьер, сквозь который мы могли бы видеть друг друга.

Крюгер собрался было предложить стекло или кварц, но обнаружил, что не в состоянии их описать. Прежде чем он составил фразу, в которой попытался рассказать об этих веществах, Учитель заговорил вновь:

— Условия жизни изменяются очень сильно, особенно температура. Становится гораздо жарче. (Крюгер тихонько присвистнул.) Изменяется состав воздуха.

— Вы дышите воздухом, водой или тем и другим? — спросил юноша. — Ведь ваш город тянется прямо в океан.

— Это только сейчас. Во время нашей жизни океан исчезает почти полностью. Видимо, вода океанов испаряется и в тех районах Абьёрмена, где не светит ни одно из солнц, она выпадает в виде дождя или снега. Мы, как ты понимаешь, не имели возможности исследовать эти районы, однако все то, что нам известно об условиях у Ледяной Крепости, подтверждает нашу теорию.

— Но Аррен светит над Крепостью большую часть времени.

— Сейчас — да; районы, о которых я говорил, расположены на расстоянии в четверть окружности планеты от Крепости.

— Ага, теперь мне становится понятно, — сказал Крюгер. — Я еще раньше сообразил, что Абьёрмен кружит вокруг Тиира по сильно вытянутой орбите; а если верить твоим словам, то и орбита самого Тиира, вращающегося вокруг Аррена, весьма сильно вытянута.

— К такому же выводу пришли и мы, хотя точные его размеры и характер орбиты нам неизвестны. Нам не удалось создать нужных измерительных приборов. Впрочем, мы знаем, что оба солнца гораздо больше Абьёрмена и находятся на большом от него расстоянии, поэтому разумно предполагать, что движется Абьёрмен, а не солнца.

— Тогда я понимаю, что должно происходить с вашей планетой; очевидно, мой последний вопрос не имеет смысла — если температура меняется в таких широких пределах, она, разумеется, должна влиять на всю жизнь этой планеты. То-то я поражался, почему здесь большинство деревьев и животных каждого вида почти не отличаются по размерам. Теперь мне ясно: они начали расти примерно в одно и то же время,

— По-видимому, в твоём мире это не так...

Эти слова прозвучали как вопрос. Поэтому Крюгер вынужден был остановиться на описании сезонных изменений на Земле и рассказать, как к ним приспособляются различные формы жизни.

— Значит, — заключил Учитель, — большинство ваших животных либо пребывает в активном состоянии весь год, либо погружается в бездействие, когда условия становятся для них неподходящими. Первое на нашей планете невозможно, по крайней мере для нас; я вообще не могу себе представить существо, способное выдержать все крайности абьёрменского климата. Второе же представляется мне невероятной расточительностью: если уж вид не способен пережить условия какого-то времени года, почему бы другому виду не заменить его на этот период?

— Резонно, — признал Крюгер.

— Тогда почему тебе не нравится, что моя раса владеет Абьёрменом совместно с расой Дар Лан Ана?

— Дело не в этом. Меня отвращает ваше отношение к ним, то, что вы запрещаете мне сообщить им сведения, которые позволили бы им освободиться от вашей власти. Вряд ли ты станешь возражать, если я передам всю эту информацию тебе?

— Лично мне — нет. Но против передачи сведений моему народу я бы возражал столь же решительно, как и против передачи их народу Дар Лан Ана.

— То есть ты против того, чтобы я научил твой народ строить космические корабли?

— Вот именно.

— Но это же бессмыслица! Что ты можешь иметь против того, чтобы кто-нибудь из вас улетел отсюда и оставил соплеменников Дара в покое?

— Я уже говорил, что мы нуждаемся в расе Дара, хотя тебе заблагорассудилось понять меня совершенно превратно. Более того, его народ не менее нуждается в нас, хотя сам Дар Лан Ан и не знает об этом... Но это знают его Учителя.

— Тогда почему же вы обращаетесь с ними не как с друзьями, а как с подчиненными?

— Они — друзья. И я испытываю особое чувство привязанности к Дар Лан Ану; именно по этой причине с вами так хорошо обращались здесь, в деревне, и именно поэтому я пошел на то, чтобы усладить отсюда жителей и не допустить смертоубийства, когда вы явились снова.

— Если ты так уж любишь Дара, которого, между прочим, насколько мне известно, не видел ни разу в жизни, почему же ты отобрал у него книги? Ведь это причинило ему столько горя!

— Это было сделано в чисто экспериментальных целях. Я хотел узнать о тебе как можно больше. Мне жаль, что при этом пострадал Дар Лан Ан, но я был рад узнать, что ты способен на проявление сочувствия и на дружбу. Его книги будут лежать на камне возле того места, где мы обычно беседовали. Я велю доставить их туда после окончания нашей беседы.

— А как насчет моей «зажигалки»?

— Она тебе действительно нужна? Видишь ли, я ее разобрал и, боюсь, не сумею собрать вновь. Конденсатор, — тут он запнулся в поисках нужного слова, — конденсатор был, конечно, хорошо нам знаком, но ту часть, которая превращает солнечный свет в электричество, мы не поняли. Если ты расскажешь о ней, наши ученые выслушают тебя с большим интересом — когда у нас будут ученые.

— Мне казалось, ты возражал против того, чтобы твои соплеменники знали слишком много.

— Да, мне бы этого не хотелось, но твой прибор вряд ли поможет им покинуть нашу планету. Насколько я могу судить, он менее пригоден для наших целей, нежели генераторы, использующие вулканическое тепло Абьёрмена.

— Значит, вы живете в подземельях, по соседству с вулканами, где достаточно жарко? Из того, что мне пришлось видеть на этом материке, я предполагал, что многие из вас переживают время холодов.

— Да, ты прав, я действительно нахожусь под землей, но нас очень мало. В этом районе нас всего четверо, и столько же живут вблизи каждого из наших городов.

— Но у вас должно быть гораздо больше места, где можно жить в черные периоды, чем у той расы. Те вынуждены тесниться под ледяной шапкой...

— ...которая в самом узком своем месте имеет ширину во много сотен миль. Там вполне можно рыть пещеры и запасти пищу чуть ли не для всего народа.

— Зато по всему полуострову от того места, где меня оставили, на многие сотни миль тянутся вулканы. Короче говоря, я не вижу причин, почему бы обоим расам не сосуществовать одновременно. Такая идея не приходила тебе в голову?

— Я все время даю тебе понять, почему такая идея никуда не годится. Я уже говорил, что обе расы необходимы друг другу; ты отнес это на счет нашей лени. Я упомянул, что другие планеты нам непригодны, потому что они не будут убивать нас в положенные сроки; ты, по-видимому, приписал это каким-то предрассудкам. Я сказал, что с большим интересом отношусь к Дар Лан Ану, а ты просто этому не

поверил. Ты сам заметил, что технически вполне возможно и даже не слишком трудно устроиться так, чтобы мы могли сосуществовать. Но вместо того чтобы сопоставить все сведения, ты рассматриваешь каждое из них отдельно и полагаешь его нелепым. Признаться, с самого начала нашей беседы я старался установить уровень человеческого интеллекта и должен сказать, что, судя по тебе, он не очень высок. Подумай хорошенько, неужели ты и в самом деле не можешь дать объяснение, которое связало бы все эти факты?

Крюгер нахмурился, и оба некоторое время молчали; затем заговорил Дар Лан Ан.

— Если уж ты занялся проверкой интеллекта, Учитель, попробуй лучше сравнить его интеллект с моим. Я прожил на Абьёрмене всю жизнь и все-таки не понимаю, к чему ты клонишь.

— Тебе мешает твоё воспитание.

— Тогда я готов признать, что мне мешает моё воспитание, — рассерженно заявил Крюгер. — Почему ты считаешь, что я смогу разгадать загадку, которую не может разгадать Дар?

— Хорошо, не надо сердиться. Видимо, мне будет легче объяснить, чего я хочу, если ты растолкуешь мне некоторые слова твоего языка. Насколько я понял, отдельные особи твоей расы непосредственно участвуют в воспроизводстве других особей. Как на вашем языке называется только что воспроизведенная особь?

— Ребенок... Сын или дочь, в зависимости от...

— Достаточно общего термина. Существует ли слово, обозначающее отношения между двумя ребенками, воспроизведенными одной особью?

— Брат или сестра, в зависимости от...

— Хорошо, хорошо, сойдет любое из этих слов. Так вот, у меня нет ребенка, поскольку я все еще жив, но Дар Лан Ан — ребенок моего брата.

На сей раз пауза затянулась надолго, пока Крюгер пытался осмыслить все сказанное. Вначале он просто не поверил, затем постепенно начал признавать, что в этом что-то есть, и наконец поверил окончательно.

— Твоя взяла... дядюшка! — проговорил он слабым голосом. — Но я все же...

Крюгеру не пришлось договорить, и прервал его не Учитель.

— Теперь еще и «дядюшка», — медленно произнес по-английски голос, которого Нильс никогда прежде не слышал. — Я не удивлюсь, — продолжал голос, — если в любом наборе беспорядочных шумов случайно появится звуко сочетание, напоминающее какое-нибудь доброе старое английское словечко. Но когда на протяжении тридцати секунд выскакивают подряд «ребенок», «сын», «дочь», «брат», «сестра» и «дядюшка», тут уж говорить о совпадениях не приходится. Мистер Нильс Крюгер, если вы принимали деятельное участие в разговорах, которые мы записываем уже две недели, можно рассчитывать, что у вас выработалось хорошее произношение. В противном случае кое-кто из знакомых мне филологов будет весьма и весьма раздосадован.

11. Астрономия; дипломатия

Большинство людей продолжает надеяться еще много времени спустя после того, как исчезают все логические основания для надежды. Человек, идущий в бой на верную смерть, летчик, который остается

в пылающем самолете, чтобы увести его прочь от города, приговоренный к смертной казни — мало кто из них оставляет надежду, пока дышит. И Нильс Крюгер не полностью отказался от надежды снова увидеть Землю. Нет, он не ожидал, что его спасут. Сначала он питал смутные надежды, в которые и сам по-настоящему не верил, что, объединив технологию абъерменцев и собственные знания, он сумеет построить корабль, способный покрыть расстояние в пятьсот световых лет. Эти надежды не испарились окончательно даже после того, как он получил полное представление о технической отсталости расы Дар Лан Ана. Но при всем оптимизме ему ни разу не приходило в голову, что на протяжении его жизни к Плеядам подойдет еще один корабль землян. У землян было слишком много других дел.

Вот почему человеческий голос, ворвавшийся в его беседу с существом, невероятно чуждым человеку, буквально ошеломил Крюгера. Некоторое время он не мог произнести ни слова. Когда же на нетерпеливые вопросы, следовавшие из приемника, отозвался Дар Лан Ан на своем весьма неуклюжем английском языке, в рубке далекого космического корабля возникло не меньшее смятение, чем в хижине.

— Это не может быть Крюгер! Не станет он так говорить, и вообще он же погиб!

— А откуда же они знают английский?

— Мой годовалый сынишка говорит по-английски лучше, чем он!

— Крюгер, это ты? Или наши филологи свихнулись?

— Да... Да, это я, но нельзя же так все-таки... Какой это корабль? Каким образом вы включились в разговор? Что вы делаете в Плеядах?

— Это твой корабль, «Альфард»; с тобой говорит Донабед. У тебя там очень скверное радио; я тоже не узнаю твоего голоса. Мы здесь уже две недели, ловим и записываем все радишумы, какие только удастся обнаружить, надеемся перед высадкой хоть немного отработать местный язык. Ты правильно полагал, что мы не вернемся; но в этой системе творится что-то такое, отчего астрономы потеряли голову, и они прилетели сюда посмотреть на все собственными глазами. Твое радио сделано аборигенами или ты сам его смастерил?

— Целиком местного производства. — Крюгер уже оправился, хотя по-прежнему ощущал слабость в коленях. — Погодите минутку, у нас здесь есть слушатели, которые не говорят по-английски. — Крюгер снова перешел на абъерменский и объяснил Дару и Учителю, что произошло. — А теперь, пока вы идете на посадку, расскажите мне, пожалуйста, чем же эта система привлекла внимание астрономов?

— Я не астрофизик, но, насколько я понимаю, дело вот в чем, — начал Донабед. — Тебе известны элементарные сведения об источниках звездной энергии, и ты знаешь, что звезды главной последовательности вроде нашего Солнца или этого красного карлика в течение миллиардов лет сохраняют свою излучательную способность постоянной. Однако в космосе существует множество звезд гораздо более ярких, нежели Солнце, иногда в десятки тысяч раз более ярких. Звезды такого типа расходуют свой водород столь быстро, что могут протянуть всего несколько миллионов, от силы несколько десятков миллионов лет. Альцион, как и некоторые другие звезды в Плеядах, именно такая звезда.

Это все известно и понятно. Скопление Плеяды полно диффузного материала, и можно предполагать, что материал этот все еще продолжает конденсироваться и порождает новые звезды в добавление к сотням уже существующих в этой группе. И вот тут-то перед нами возникает трудность. С изрядной степенью точности ученые разработали схему процессов, происходящих в этих конденсирующихся облаках. В одних случаях, когда наличествует большой угловой момент, можно ожидать появления нескольких звезд, обращающихся одна вокруг другой, — это обычные двойные и кратные звезды. В других случаях, когда угловой момент меньше, почти весь материал уходит в одну звезду, а из остатков образуются планеты. Несколько странно видеть планеты у двойных и кратных звезд, хотя и в этом нет ничего невероятного. Но чтобы планеты оказались у звезды, подобной Альциону, это уж ни в какие ворота не лезет! Такие солнца излучают в десятки тысяч раз мощнее, нежели наше Солнце; излучение в свою очередь оказывает давление, и давление это достаточно велико, чтобы вымести из окрестностей звезды все твердые частицы, которые могли бы собраться воедино и образовать планету. Все это поддается вычислению и экспериментальной проверке.

Так вот. Звездочеты и бровью не повели, когда узнали из наших материалов, что спутником Альциона является красный карлик, но когда они узнали, что этот красный карлик в свою очередь имеет планету, они взвыли. Нам пришлось долго убеждать кое-кого из них, что это вовсе не глупая ошибка; пришлось напомнить, что мы даже высаживались на эту планету.

— Уж что-что, а это было, — пробормотал Крюгер.

— Вот именно. Кстати, если хочешь знать, официально эта планета получила название Крюгер.

— Боюсь, что по всем правилам название ее все-таки Абельмен, — отозвался Нильс. — Но продолжайте.

— Да больше, пожалуй, и рассказывать нечего. Астрономам ужасно не хотелось расставаться со своими излюбленными теориями, они всю дорогу сюда рассуждали о том, что красное солнце, возможно, было захвачено Альционом уже после того, как возле него сформировалась планета или планеты. Нам предстоит уйма работы, и здесь ты можешь нам очень помочь. Судя по всему, ты вполне прилично освоил местный язык. Будешь переводчиком.

— Переводчиком-то я буду, только учтите, что кое с кем из здешней публики я не очень лажу. Всякий раз, когда мне приходится с ним беседовать, мы рано или поздно ссоримся. И я даже не всегда узнаю об этом сразу, потому что никогда не видел этого типа, с которым говорил по радио.

— То есть как это — не видел?

— Никогда, и не имею ни малейшего представления, как он выглядит. Послушайте, майор, если вы спуститесь и заберете меня из этой парилки, я смогу все объяснить гораздо лучше, причем объяснять придется много, вы уж мне поверьте.

— Мы уже на пути к тебе. Ты поднимешься на корабль один?

Крюгер коротко объяснил Дару, как обстоит дело, и спросил, согласен ли тот последовать за ним. Секунду абориген колебался, потом сообразил, что тут, несомненно, найдется новый материал для книг, и ответил утвердительно.

— Со мной будет Дар Лан Ан, — доложил Крюгер Донабеду.

— Для него нужны какие-нибудь специальные приспособления?

— Насколько я могу судить, на ледяных полях он чувствует себя прекрасно, и он проделывал двухсусточные перелеты на планере, не выпив в пути ни капли воды, так что температура и влажность вряд ли являются для него проблемой. Вот не знаю только, как насчет давления; вам же известно, что здесь оно выше.

— На какую высоту он поднимался на своем планере?

— Не знаю. У них нет никаких авиационных приборов в нашем понимании.

— Поднимался он когда-нибудь выше кучевых облаков?

— Да. И я вместе с ним. Во время полетов на дальние дистанции он всегда забирается как можно выше.

— Прекрасно. В таком случае полагаю, что наше атмосферное давление ему не повредит. Впрочем, на всякий случай предупреди его, если сможешь, пусть решает сам.

Крюгер так никогда и не мог с уверенностью сказать, понял ли Дар его полностью, но, когда посадочный бот с «Альфарда» сел на поляну гейзеров, Дар стоял рядом с Крюгером. Учителю уже рассказали, что происходит, и Нильс обещал возобновить с ним связь по бортовому радио, как только представится возможность. Учитель не возражал, хотя превосходно отдавал себе отчет в том, что теперь Крюгер практически становится для него недостижимым.

Обратный полет к «Альфарду», спокойно кружившему по орбите вне атмосферы Абельмена, был

делом обычным для всех, кроме Дар Лан Ана. Он не задал ни одного вопроса, но глаза его впитывали все, что можно было увидеть. Большинство членов экипажа отметили одну особенность в его поведении. Как правило, когда представителя более или менее примитивной цивилизации берут на борт космического корабля, он почти все время занят тем, что смотрит, как выглядит сверху его планета. Внимание же Дара было почти целиком поглощено устройством бота и процессом управления. Только однажды он поглядел вниз дольше обычного; это случилось, когда бот достиг первой космической скорости и наступила невесомость. Он глядел тогда на поверхность планеты почти целую минуту, а затем, к полнейшему удивлению следивших за ним людей, принял это явление как должное. Видимо, он убедил себя, что ощущение падения не вызвано действительным падением, а если даже это и так, то пилоты справятся с неприятной ситуацией до того, как наступит подлинная опасность. С этой минуты майор Донабед стал испытывать к Дар Лан Ану искреннее уважение: слишком часто при подобных обстоятельствах цивилизованные человеческие существа у него на глазах впадали в истерику.

Ну, разумеется, сообразил Крюгер, Дар ведь пилот и не раз испытывал кратковременную невесомость, когда попадал в нисходящие потоки или достигал вершин восходящих; правда, тогда такое состояние обычно длится секунду-другую. Ничего не скажешь, парень что надо; сам Нильс после почти годичного пребывания на твердом грунте ощущал легкое головокружение.

В положенное время в поле зрения космонавтов возникла чудовищная туша «Альфарда»; бот приблизился и через специальный люк проскользнул в трюм.

После того как все вышли, командир открыл конференцию.

Она была проведена в самом большом помещении корабля — каждому хотелось своими ушами услышать рассказ Крюгера. С общего согласия он выступил первым и коротко поведал о том, как ему удалось избежать смерти, когда его оставили одного на планете. О растительном, животном и минеральном мире и населении Абьёрмена он рассказал подробнее. И хотя в общем отчет получился довольно сжатым, Нильс не преминул упомянуть о том, что в лесах не нашлось ничего похожего на плоды, что стебли многих растений оказались съедобными, хотя и не питательными, что ему пришлось рисковать, прежде чем он сумел определить, какие из этих растений не ядовиты, что он решился покинуть жаркий вулканический край, где был оставлен, и двинулся к полюсу в надежде найти там более терпимые условия. И все же, едва он закончил, как его засыпали вопросами, и командиру «Альфарда» пришлось взять на себя председательские функции.

— Когда ты начал свое путешествие, — спросил один из астрономов, — тебе, должно быть, стоило немалого труда определять направление?

— Да, я немного путался, — улыбнулся Крюгер. — Если бы красное солнце просто меняло видимые размеры, это бы еще полбеды, но в тех местах, где меня оставили, оно раскачивалось по небу из стороны в сторону, с юго-востока на юго-запад и обратно, так что я не сразу приспособился. С голубым солнцем дело обстояло проще — Альцион, как и положено нормальному светилу, восходит на востоке и садится на западе. По крайней мере так было вдали от полюса; когда же я продвинулся дальше, к северу, мне

было нетрудно сообразить, почему и он ведет себя ненормально.

— Правильно. Видимое движение красного карлика вполне естественно, если вспомнить, какая вытянутая орбита у этой планеты. А ты не мог бы прикинуть величину либрации? Я, к сожалению, наблюдал планету только в течение одного оборота.

— Мне кажется, около шестидесяти градусов в обе стороны от среднего положения.

Астроном кивнул и уступил место геологу.

— Правда ли, что почти вся местность, которую ты видел, является вулканической?

— Да, во всяком случае на материке, где вы меня нашли. Ведь часть планеты, с которой я познакомился, не так уж велика. Этот длинный полуостров, по которому я шел на север...

— Около трех тысяч миль, — вставил астрофотограф.

— Спасибо. Так вот, на всем протяжении он изобилует действующими вулканами, а материковая область, из которой он выступает, по большей части покрыта лавовыми потоками. Возле полярной шапки местность гористая, но я не берусь утверждать, что это тоже вулканический район.

— Хорошо. Мы хотим получить какое-то представление о возрасте планеты, и нам придется как можно скорее составить схемы стратиграфической последовательности. Ты не заметил каких-нибудь окаменелостей возле льдов?

— Я ведь бывал на поверхности только в районе поселения; над остальными районами я пролетал. Впрочем, возможно, в этом вам поможет Дар Лан Ан,

— А он захочет?

— Вероятно. Он очень любознателен. Я могу сказать, для чего ему нужны знания: он записывает их в книги для будущего поколения, потому что его собственному поколению жить осталось уже недолго. — Крюгер помрачнел; мысль о том, что вскоре ему предстоит потерять Дара, с каждым днем тяготила его все больше.

— Может, твой приятель подробнее расскажет нам об этих сменах поколений? — спросил биолог. — На Земле существуют организмы, которые ведут сходный образ жизни, хотя, как правило, они не приспособлены к столь резко различным условиям существования. Впрочем, меня сейчас больше всего интересует вопрос об Учителях. Когда они в конце концов умирают, что из них получается? Существа новой формации? Или вообще ничего не получается? Или получается что-нибудь иное?

— Не знаю, и Дар Лан Ан этого не знает. Об этом лучше всего поговорить с Учителем «горячей» расы, с которым я беседовал, когда вы меня засекли. Я даже не знаю, сколько потомков остается после них при нормальных условиях — один или несколько.

— Ну, это вполне очевидно: если бы оставался всего один, то при отсутствии иных способов размножения все раса давно вымерла. Должна же быть случайная гибель...

— Короче говоря, с такими вопросами придется обращаться к Учителю. Когда я буду с ним говорить, я спрошу его об этом.

— А почему, собственно, Учителя держат своих соплеменников в неизвестности? — спросил кто-то.

— Это уж спросите у них самих. На их месте я бы поступил так же, чтобы сохранить порядок и спокой-

ствие, но этот Учитель утверждает, что всем им нравится точно знать срок своей смерти.

— Я бы хотел поговорить об этом с твоим другом.

— Ладно. Только мне кажется, что пора бы кому-нибудь составить список вопросов.

Вопросы и ответы следовали бесконечной чередой, пока Крюгер не начал открыто зевать. Тогда командир наконец распустил всех; но и после этого Нильсу не удалось сразу же отправиться на покой. Сначала ему пришлось водить Дар Лан Ана по «Альфарду» и в меру умения отвечать на вопросы своего маленького приятеля.

Затем он улегся спать, впервые за много месяцев наслаждаясь состоянием невесомости. Он не заметил, удалось ли в этих условиях выспаться Дару, но утром абориген выглядел бодрым и деятельным, и Крюгер пришел к заключению, что спал он отлично. Дар отказался от человеческой пищи, заявив, что он совсем не голоден, зато Крюгер умял такой завтрак, что друзья сочли своим долгом предостеречь его. За время пребывания на Абьёрмене он привык есть много из-за сравнительно низких питательных качеств местных растений.

Утолив голод, он доложил командиру, и тот немедленно созвал новую конференцию, на сей раз только для ученых. Было решено, что преимущественное право на Дара получают филологи, — нужно было как можно скорее обучить еще нескольких переводчиков. Биологам посоветовали взять посадочный бог и отловить нескольких животных; им предстояло овладеть знаниями в тяжких трудах. Крюгер утешил их, пообещав свою помощь во время бесед с Учителем, пока Дар будет давать уроки языка.

В непосредственной помощи Дара нуждались и геологи. Конечно, они могли просто нанести на карты все материи Абырмена и затем лично проверить подходящие места на выходы осадочных пород, но это отняло бы у них много времени. Поэтому Дару показали цветные снимки образцов различных пород, которые специалисты надеялись найти, и попросили его вспомнить, не знает ли он мест на планете, где имеются такие породы.

К огорчению собравшихся. Дар не отождествил ни единого снимка. Возможно, геологи так и отступились бы и вернулись к составлению карт, но тут Крюгер заметил, что на одном из снимков изображен образец известкового туфа, совершенно такого же, как вокруг памятного им водоема с гейзером. Он указал на это Дару.

— Ваши картины не очень хороши, — последовал ответ.

Не прошло и четверти часа, как космонавты установили, что Дар Лан Ан видит в диапазоне длин волн от четырех тысяч восьмисот до восемнадцати тысяч ангстрем, то есть не так далеко в фиолетовой области спектра, как человек, но более чем на октаву дальше в инфракрасной. На снимках же были представлены комбинации трех основных цветов, воспроизводящие цвет объекта, каким его видит человеческий глаз, но они не воспроизводили и половины цветового диапазона, доступного Дар Лан Ану. Цветные снимки действительно для него не годились.

— Так вот почему я не мог вытянуть из него ни одного слова, обозначающего цвет, — сокрушенно пробормотал Крюгер.

Проблему решили по-иному. Были изготовлены черно-белые оттиски, и Дара попросили сконцентри-

ровать внимание на текстуре образцов. Тогда он опознал свыше половины снимков и указал, где можно найти большинство минералов. После небольшой лекции по геологии он даже сумел показать районы разломов, надвигов и ущелий, которые обнажали пласты на глубины в сотни и тысячи футов; карты, которые он набросал, позволяли без труда определить местоположение этих районов. Геологи остались довольны. Доволен был и Дар Лан Ан, а также Крюгер — у него были на то свои причины.

Пока продолжалось обучение Дара, Нильс возобновил по радио связь с Учителем и рассказал ему обо всем, что происходит. Он объяснил, какую информацию хотят получить пришельцы, и предложил в обмен ту информацию, которую захочет получить это существо. Однако Учитель по-прежнему полагал, что его народу не нужны научные знания. Он упорно цеплялся за свою идею о том, что знания в конечном итоге приведут к космическим перелетам, а космические перелеты в свою очередь неизбежно приведут к разрыву жизненного цикла абьёрменцев, ибо смешно полагать, будто найдется другая планета с такими же характеристиками, как у Абьёрмена.

— Но ведь твоим соплеменникам вовсе не обязательно оставаться на других планетах; почему бы им просто не летать, не поторговать или поучиться или, на худой конец, — просто посмотреть?

— Нильс Крюгер, твое невежество относительно моего народа уже однажды завело тебя в тупик. Пожалуйста, поверь мне, что ты снова ошибаешься, полагая, будто полеты в космос чем-либо могут ему помочь.

Он упрямо стоял на своем, и Нильсу пришлось отступить. Он доложил о своей неудаче командиру Бёрку и был немало удивлен, когда тот спросил:

— А ты не считаешь, что тебе еще повезло, что он не принял твоё предложение?

— Почему же, сэр?

— Насколько я понял, ты обещал ему любые сведения из нашей технологии, которые его заинтересуют. Я готов признать, что мы сейчас не так заботимся о вопросах безопасности, как несколько поколений назад, когда на Земле еще велись войны, но вообще-то при общении с новыми расами нежелательно слишком вольно обращаться с технологическими сведениями, которые могут быть использованы для разрушительных целей, пока мы не узнаем эти расы достаточно хорошо.

— Но я же их знаю!

— Не спорю, ты знаешь Дар Лан Ана. Ты встречался с некоторыми его соплеменниками, с его Учителями, и ты говорил по радио с Учителем «горячей» расы, назовем ее так. Я не считаю, что ты знаешь этот народ в целом, и я утверждаю, что, если бы Учитель принял твоё предложение, ты мог оказаться в весьма двусмысленном положении.

— Но вы же не возражали, когда мы рассказывали Дару обо всем, что бы он ни спрашивал?

— По той же причине, по которой Учитель не возражал, когда ему рассказывал ты.

— Вы хотите сказать, потому что Дар скоро умрет? Значит, вы не отпустите его назад, в Ледяную Крепость? Он же собирается туда.

— Видимо, все же отпущу. Вряд ли это нам повредит: у него не будет с собой никаких записей, а без них он не причинит никаких неприятностей.

Крюгер чуть было не ляпнул о необычайной памяти аборигена, но вовремя прикусил язык. Он хотел, чтобы Дар Лан Ан узнал как можно больше. Он знал, что этот малыш запоминает все сказанное и увиденное, а то, что он запомнил, он расскажет Учителям в Ледяной Крепости. Учитель деревни может возражать против этого, но сделать он, вероятно, ничего не сможет: Крюгер не нарушил поставленных ему условий.

А что если Учитель все-таки помешает? По его словам, он имеет влияние на Учителей Ледяной Крепости — этого влияния оказалось достаточно, чтобы принудить их покуситься на жизнь Крюгера даже против их собственной воли. А может, он заставит их игнорировать знания, которые принесет Дар, или даже прикажет уничтожить Дара; в планы Крюгера это никак не входило. Чем же все-таки объяснить влияние, которым пользуется это существо? Нельзя ли как-нибудь ограничить или нейтрализовать его? Надо снова поговорить с Учителем и подготовиться к этой беседе самым тщательным образом. Долгое время Нильс, задумавшись, неподвижно парил в воздухе, затем выражение его лица чуть прояснилось. Он оттолкнулся от стены и поплыл к радиорубке.

Учитель откликнулся на вызов сразу.

— Надо полагать, ты придумал новые аргументы в пользу распространения вашей технологии?

— Не совсем так, — сказал Крюгер. — Я хотел бы задать несколько вопросов. Ты говорил, что вас, Учителей, четверо в этом городе. Так вот, скажи, разделяют ли остальные твоё отношение к происходящему?

— Разделяют. — Ответ последовал немедленно и несколько обескуражил Крюгера.

— Пусть будет так. А Учителя в других городах? Я полагаю, ты сообщаем им обо всем, что здесь происходит.

На сей раз Учитель ответил не сразу.

— Признаться, мы им не сообщаем. Дело в том, что мы не имеем с ними постоянной связи — просто обмениваемся контрольными вызовами раз в год. Если бы мне пришлось вызвать их сейчас, их бы просто не оказалось у аппарата. Впрочем, это не имеет значения; в их мнении сомневаться не приходится. В конце концов это мы на протяжении многих лет проводим политику ограничения технологического развития и утверждаем себя в качестве единственного источника знаний на этой планете. Между прочим, радиоаппаратура в Ледяной Крепости была изготовлена нами; там не знают, как это делается.

— Понятно. — Крюгер был изрядно смущен, но сдаваться не собирался. — Одним словом, ты не станешь возражать, если мы посетим другие города и непосредственно свяжемся с другими группами Учителей, чтобы сделать им наше предложение. — Он от всего сердца надеялся, что его собеседнику не придет на ум спросить, единодушны ли в этом вопросе сами люди.

— Разумеется. Только ты, конечно, объяснишь им положение так же, как объяснил мне; и они дадут тебе тот же ответ.

Крюгер злорадно усмехнулся.

— Может быть. Ну а что, если мы расскажем им иную историю? Например, что твой разум поврежден, и ты хитростью выманил у нас кое-какие сведения, и ты устал от мук, связанных с твоим положением Учителя, и решил начать сооружение устройств, которые раскалят большую часть этой планеты, так что

с периодами смерти твоей расы будет покончено навсегда...

— Подобной чепухи я не слыхал за весь долгий год своей жизни!

— Еще бы! Твои друзья в других городах тоже не слыхали. Но откуда они узнают, что это чепуха? Осмелятся ли они не поверить? — Он помолчал, но ответа не последовало. — Я-то по-прежнему не думаю, что твой народ сможет улететь в космос только из-за того, что познакомится с основами физики. А вот разделят ли они с тобой все твои опасения?

— Подожди. Я должен подумать. — Потянулись долгие минуты молчания, прерываемые лишь треском помех. Крюгер напряженно ждал.

— Ты научил меня кое-чему, человек, — зазвучал наконец голос Учителя. — Я не скажу тебе — чему. Но я даю разрешение Учителям Дар Лан Ана получать любую информацию.

Крюгер облегченно вздохнул, лицо его расплылось в широкой улыбке. План сработает; он просто не может провалиться. Дар Лан Ан впитает в себя колоссальную информацию; этого будет достаточно для того, чтобы заполнить множество книг — столько книг просто невозможно написать до наступления срока смерти. Обогащенный знаниями, Дар Лан Ан вернется в Ледяную Крепость, и, когда температура там начнет подниматься, начнутся изменения в атмосфере и наступит пора наглухо закрывать пещеры поселения, он все еще будет диктовать полученные сведения или записывать их сам. Он все еще будет под землей, когда это произойдет, а не в городах «холодной» расы, и он не умрет вместе со своими соплеменниками. Дар Лан Ан по необходимости станет Учителем, и Нильс Крюгер не утратит своего маленького друга.

12. Геология; археология

Абьёрмен больше Земли, и морей на нем меньше даже в холодное время, поэтому геологам предстояло работать на огромных территориях. Разумеется, они и не пытались охватить их целиком; в основе их плана лежало стремление получить стратиграфические данные, позволяющие составить верное представление о геологической истории планеты и, если возможно, отыскать радиоактивные вещества, которые дали бы возможность установить хотя бы нижний предел ее возраста. Собственно, возраст планеты — вот что по-настоящему интересовало астрономов, но у биологов были другие задачи. И они приступили к делу, готовые подвергнуть анализу всеми техническими средствами, имевшимися в их распоряжении, любые найденные окаменелости.

Они исследовали осадочные породы слой за слоем. Иногда слои эти тянулись на много миль, а иногда выступали участками всего в несколько ярдов — либо потому, что землетрясения перемешали их в мозаику и требовался большой опыт, чтобы разобраться в ней, либо потому, что породивший их фактор действовал на ограниченном участке и короткие слои были короткими с самого начала. Известковое напластование на миллионах квадратных миль океанского дна — это одно; чечевицеобразная залежь песчаника, бывшая некогда дельтой ручья, впадавшего в небольшое озеро, — совсем другое, причем это «совсем другое» представляло немалые неудобства, когда речь шла о приблизительном датировании.

Крюгер благодарил судьбу за то, что командира Бёрка не было с ними в этой исследовательской группе, и думал только о том, как бы тот ненароком

не подслушал замечания, которыми обменивались геологи, ибо Дар Лан Ан с каждым днем говорил по-английски все лучше, а фотографическая память мало где еще выдает себя с такой очевидностью, как при решении стратиграфических проблем. Все геологи без исключения относились к аборигену с большим уважением и питали к нему дружеские чувства, вполне сравнимые с чувствами самого Крюгера. Конечно, рано или поздно Бёрк разгадает его маневр, но Нильс надеялся, что к тому времени популярность его маленького друга возрастет до такой степени, что испытанному космолетчику придется отказаться от своих подозрений.

Нигде на Абьёрмене, по-видимому, не было формаций, соответствующих так называемым «щитам», характерным для некоторых областей на Земле. Вся нынешняя поверхность суши в самом недалеком прошлом явно находилась под водой; можно было с уверенностью утверждать, что Абьёрмен подвергался более мощным сейсмическим и орогеническим процессам, нежели Земля. Один из специалистов высказал предположение, что причиной тому могли служить сезонные изменения «долгого года», когда большая часть океанской воды собирается в полярных шапках. Сейсмическое исследование полярной шапки в южном полушарии (не на южном полюсе) показало, что толщина ее составляет примерно шесть миль. Когда проводилось это исследование, валил снег. Тнир никогда не появлялся над этой областью планеты, а Аррену оставалось до восхода несколько земных лет.

Прежде чем оказалось возможным приступить к истинному датированию формаций, прошло несколько коротких абьёрменских лет, но опасения астрономов оправдались еще раньше. Дотошные геологи

обнаружили в нескольких местах на материке, который они обследовали, пегматиты и другие изверженные породы, содержавшие радиоактивные вещества, которые облегчали процесс датирования. Невозможно было сразу же скоррелировать эти породы с осадочными, но одна из них содержала уран и свинец в пропорции, позволяющей определить ее возраст примерно в полтора миллиарда лет. Это был крупный образец; на нем было проведено с десятков независимых экспериментов, и результаты их различались в среднем не более чем на двадцать миллионов лет. А поскольку астрономы не могли себе представить, чтобы возраст Альциона был в сто раз меньше возраста этой породы, они восприняли сообщение геологов довольно мрачно.

Но даже независимо от возраста осадочные породы представляли большой интерес. Дар Лан Ан, если и видел когда-либо окаменелости, то в свое время не обращал на них никакого внимания. Это упущение было нетрудно восполнить, ибо в осадочных породах оказались органические останки. Известковая линза около двухсот миль в поперечнике, неподалеку от центра материка, состояла главным образом из коралловых отложений, причем в разных ее местах геологи обнаружили несколько сотен различных видов кораллов. Были найдены также тысячи ракушек, совершенно таких же, как на Земле, — по крайней мере так показалось Крюгеру; один из биологов не пожалел времени, чтобы указать ему на существенные отличия.

— Я полагаю, — закончил он, обращаясь уже к Дару, — что на берегах ваших нынешних океанов вы найдете множество раковин, похожих на эти. Вообще у моллюсков и у родственных им организмов существует, видимо, изрядная способность

сопротивляться геологическим изменениям. На Земле они живут около полумиллиарда лет; теперь они, конечно, несколько изменились, но в основном их структура осталась прежней.

— Я понимаю вас во всем, кроме одного, — отозвался Дар на своем медленном английском языке, тщательно подбирая слова. — Я был здесь с вами все время и видел подобные окаменелости во многих различных слоях породы, и вы говорите, это естественно; но я никогда не видел ни одного живого существа, похожего на эти окаменелости.

— Тебе приходилось когда-нибудь бывать на побережье?

— Много раз. Недавно мы с Нильсом прошли по побережью около трехсот миль, не говоря уже о множестве случаев за мои предшествующие восемьсот лет.

— Правильно! — воскликнул Крюгер. — Я же чувствовал, что там, на берегу, чего-то не хватает, но никак не мог догадаться, чего именно. Там не было ни единой ракушки, ни одной выброшенной волнами медузы, ничего в этом роде. Не мудрено, что берег казался мне странным!

— Гм. Признаюсь, это выходит за пределы моего разумения. А какая-нибудь другая морская живность?

— Не знаю. Видимо, в воде живут какие-то животные, и я знаю, что там есть растения. Впрочем, кажется, всего одного-двух видов.

Биолог сообщил все это своим коллегам, занятым полевыми работами; сам он был слишком поглощен корреляцией окаменелостей, чтобы отвлекаться на другие дела.

Постепенно ему удалось как-то упорядочить этот хаос. Он разделил прошлое Абьёрмена на периоды, границы которых во времени определялись, по-видимому, общим затоплением материка, в результате чего возникли известковые напластования. Геологам не удалось найти признаков, которые могли бы свидетельствовать об определенной периодичности в процессах горообразования, — такие признаки обычно более пригодны для геологической периодизации; как они подозревали, орогенная активность на Абьёрмене протекала весьма равномерно.

Причин, по которым этот мир был сейсмически активнее, нежели Земля, могло быть много. Прежде всего он был больше — девять с лишним тысяч миль в диаметре — и к тому же на сорок процентов плотнее, так что человек, весящий на Земле шестьдесят восемь килограммов, здесь весил семьдесят два. Процентная разница была невелика, но в общем гравитационные силы, участвующие в орогенном процессе, значили на Абьёрмене гораздо больше, чем на планете человечества. Об этом, по крайней мере, свидетельствовали периоды горообразования; они были короткими, частыми и локализованными.

Казалось бы, планета поставила в тупик только астрономов; с биологами она была вроде бы в ладах. Если бы не ископаемые позвоночные.

Без особого труда удалось установить примерный путь эволюции на этой планете продолжительностью в несколько сотен миллионов земных лет. Эволюция начиналась с тварей, почти не имевших органов, способных сохраниться до наших дней, тянулась через позвоночных животных, сравнимых с рыбами, и в конце концов приводила к существам, обладавшим конечностями, дышавшим, очевидно, воздухом и

проводившим свою жизнь или часть жизни на суше. Как было бы чудесно, если бы биологи имели возможность изобразить примитивное начало жизни в самом низу страницы, поставить Дар Лан Ана на самый верх, а в промежутке разместить логически мыслимые переходные формы! Но беда заключалась в том, что каждое ископаемое позвоночное, обнаруженное исследователями и обладавшее конечностями, имело шесть конечностей. У Дара же, как и у человека, имелось только две руки и две ноги!

Уступив настойчивым просьбам биологов, абориген согласился на рентгеновский анализ. С не меньшим интересом, чем остальные, он разглядывал полученные рентгенограммы и, как и биологи, имел возможность убедиться в том, что на его скелете нет никаких признаков третьей пары конечностей.

К тому времени Дар уже был знаком с общими принципами эволюции не хуже любого образованного человека, и ему было понятно, чем озабочены биологи. Прежде чем кто-либо из ученых успел задать вопрос, он сказал:

— По-видимому, ни одна из окаменелостей, которые вы нашли в породах, не была прямым предком моей расы. Вполне возможно, что мы пришли сюда из какого-нибудь другого мира, как считал в свое время Нильс, но ни книги, которые я читал, ни Учителя не упоминали о чем-либо подобном.

— Значит, эта версия отпадает, — разочарованно проговорил один из биологов.

— Не обязательно; очень может быть, что это случилось слишком давно, когда мы еще не вели записей или же они затерялись. Но, боюсь, доказать это будет нелегко.

— Вероятно, ты прав. По-моему, сейчас самое время искать наиболее поздние формации.

Геологи внимательно прислушивались к этой беседе; она происходила во время очередного перерыва на обед. Один из них возразил:

— Это не так-то легко — просто взглянуть на какой-нибудь ярус и определить: ему-де меньше миллиона лет. Разумеется, мы делаем все, что в наших силах, но вам отлично известно, что к датированию приступают в последнюю очередь — после того, как проведены раскопки, найдены окаменелости, после того, как их сравнили с находками в других ярусах.

— А что можно сказать относительно неокаменевшего материала на склонах осыпей или в пещерах?

— Это уже выходит за пределы нашей компетенции, но мы, конечно, заглянем в каждую пещеру, которая нам попадется. Правда, я не припоминаю, чтобы нам попалась здесь местность с хорошо развитой системой пещерных образований, но при подходящих климатических условиях они свободно могли возникнуть в некоторых из этих известняковых пластов.

— Говорят, на одном из материков есть пещеры, на стенах которых можно видеть странные рисунки, — произнес Дар Лан Ан. Все разом повернулись к нему.

— Ты можешь показать нам, где именно?

— Возможно. Лучше всего, если мы отправимся в какой-нибудь город на этом материке и возьмем проводником одного из местных жителей.

После совещания с командиром Бёрком на далеком «Альфарде» этот план был одобрен. Чтобы не лишать геологов средства передвижения, для маленькой экспедиции прислали еще один летательный аппарат и с ним прибыло несколько специалистов.

Материк, о котором шла речь, лежал от места работ далеко к юго-западу, но все еще оставался под лучами красного Тиира. Дар Лаи Ан без труда нашел город, и после объяснений, которые потребовались в связи с необычным обликом человеческих существ, ему удалось заручиться согласием проводника. Впрочем, за экспедицией увязались многие горожане, желавшие поглядеть, что будут делать пришельцы. В городе делать было нечего, все книги давно уже были переправлены в Ледяную Крепость, и народ просто ожидал смерти.

Пещеры оказались совершенно такими, как их описал Дар; ни у кого из людей не возникло сомнений, что здесь некогда обитали существа, обладающие начатками цивилизации. Внимание большинства членов экспедиции было привлечено рисунками на стенах, о которых упоминал Дар, но те, кто знал свое дело, принялись тщательно исследовать полы.

Полы были образованы окаменевшим грунтом; этот грунт осторожно снимали слои за слоем и просеивали, выбирая из него все, что там сохранилось. Аборигены многословно обсуждали каждую находку; самим им и в голову не приходило заниматься раскопками, и они, по-видимому, не могли опознать ни одного из найденных предметов. А предметы эти ничуть не отличались от находок в подобных же пещерах на Земле: каменные орудия, подобиya украшений.

Раскопки продолжались день за днем. Вначале ученые надеялись найти скелеты обитателей, но их ждало разочарование. Один из ученых спросил Дара, что он об этом думает.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил абориген. — Этот народ явно жил иначе, чем мы, но не думаю, чтобы он был совершенно другим. Либо

они умирали, когда приходил их срок, и от них ничего не оставалось, либо погибали насильственной смертью, и тогда это не могло случаться в пещерах.

— Вряд ли здесь жил такой народ, как твой, — сухо ответил ученый. — По-видимому, где-то в истории вашей планеты имел место большой разрыв. Можно было бы заподозрить, что твой народ явился сюда с другой планеты, а «горячая» раса жила на Абьёрмене с самого начала. Но мы-то знаем, что между вами существует связь, как между родителями и детьми.

— А может, мы и они явились вместе, — предположил Дар. Биолог расцвел.

— Что ж, это вполне возможно! Хотел бы я, чтобы обитатели этих пещер хоть разок-другой нарисовали самих себя.

— А откуда тебе известно, что они этого не сделали?

Ученый обвел глазами жутких тварей, изображения которых расплзались по известняковым стенам и потолкам.

— Не знаю, — сказал он виновато. — С чего это ты взял? Ведь здесь нет ни одного существа с шестью конечностями, а это свидетельствует по крайней мере о том, что во времена, когда пещеры были обитаемы, животные стояли ближе к вам, нежели те, чьи останки мы находили под грунтом.

С этими словами биолог занялся своей работой, а Дар Лан Ан впервые с тех пор, как Крюгер познакомился с ним, повернулся и пошел один. Он заметил, что Нильс глядит ему вслед, и негромко произнес:

— Не беспокойся, просто я хочу побыть один. Мне нужно подумать. Позови меня, если случится что-нибудь необычное.

Крюгер почувствовал облегчение, но он не совсем представлял себе, что его маленький друг понимает теперь под словом «необычное». Вначале, сразу после прибытия «Альфарда», под это слово подпадало решительно все; аборигену было трудно сосредоточиться на каком-то одном предмете, потому что все в поле его зрения требовало исследования. Но время шло, и это стремление угасло. Крюгер опасался, что Дар, возможно, утратил интерес к наукам, который он, Нильс, так стремился разжечь в нем. Он пришел к выводу, что рисковать нельзя; эта работа становилась скучной даже для него самого. Давно миновало время, когда какая-нибудь окаменелость, какой-нибудь кремневый нож или кусок известняка давали им ощущение нового знания.

Он подумал, что, может быть, стоит вернуться на «Альфард», чтобы Дар посмотрел, как работают астрономы, — все-таки какая-то перемена. И если любознательность Дара действительно начинает идти на убыль, хотя в это трудно поверить, новая обстановка может поправить дело. Да, он поговорит об этом с Даром, когда тот вернется.

Оказалось, однако, что маленькому аборигену все не прискучила геология. Только природная вежливость вынудила его одобрить возвращение на корабль, но он предложил перед этим «совсем ненадолго» отправиться на место работ первой группы. Ему бы и в голову не пришло возвращаться, если бы он не понял, что Крюгер заскучал.

К тому времени, когда они явились на старое место, геологи достигли значительных успехов — более значительных, чем смели ожидать они сами или кто-либо еще, настолько значительных, что равнодушные Крюгера улетучилось в первые же секунды. Короче

говоря, геологи обнаружили «разрыв» в геологической последовательности.

После многих бесплодных поисков одного из ученых осенило, что жесткие климатические изменения каждый «долгий год» должны были вызывать эффекты, схожие с теми, что производят сезонные изменения на Земле, но более резко выраженные. Озера, например, здесь должны были высыхать начисто, и дно их должно было демонстрировать более отчетливое чередование пластов, нанесенных ветрами, с пластами, отложившимися под водой, чем это когда-либо наблюдалось на родной планете человека. Чтобы проверить эту гипотезу, выбрали обширное мелкое озеро. Сопоставление проб грунта по краям с пробами, взятыми со дна в самых глубоких участках водоема, дало результаты, которые наверняка должны были привести в восторг астрономов.

Сезонные изменения, описанные в свое время Учителем в далекой деревушке близ гейзеров, продолжались всего около шести миллионов лет (по оценке одного специалиста) или немногим более десяти миллионов лет (по оценке другого). Мнения разделились, причем сторонники первой теории основывались на предположении, что «долгий год» всегда имел ту же продолжительность, что и теперь, то есть длился примерно шестьдесят пять земных лет, а их противники утверждали, что продолжительность сезонного периода должна была более или менее равномерно сокращаться. Правда, они не в состоянии были сколь-нибудь убедительно подтвердить свою теорию, по упорно держались именно такой интерпретации данных. Дар Лан Ан был потрясен; он впервые осознал, что позитивное знание не всегда является непосредственным результатом научного исследования.

Вскоре после прибытия Крюгера и Дара руководитель группы рассказал о результатах исследований.

— История этой планеты представляется нам сейчас так, — начал он. — Планета возникла примерно в то же время, что и Земля, плюс-минус миллиард лет, и, насколько мы в состоянии судить, таким же образом. Она прошла обычную стадию охлаждения, пока наконец на ней не появилась вода. Ее первичная атмосфера удерживалась, вероятно, несколько лучше, чем на Земле, поскольку скорость убегания здесь на двадцать процентов выше. Возникла жизнь, по-видимому, самопроизвольно и в результате обычных процессов, а может, и из залетевших из космоса спор, и развивалась она теми же путями, что и на других известных нам планетах, то есть коренным образом изменяя атмосферу, пока атмосфера эта не стала в той или иной мере похожей на земную.

В течение этого периода, который охватывает большую часть времени существования планеты, те чудовищные климатические изменения, которые связаны ныне с периодическими сближениями ее солнца с Альционом, видимо, не имели места; во всяком случае, нет никаких свидетельств того, что они происходили, тогда как многие весьма знаменательные факты показывают, что их не было вовсе. Так, например, в некоторых пластах мы обнаружили огромные количества раковин и останков других существ одних и тех же видов, но самых разнообразных размеров, причем в их распределении не наблюдается слоистости, которая позволила бы предположить, что меньшие по размерам погибали раньше. Это позволяет нам заключить, что в те времена жизнь на Абьёрмене производилась нормальным путем, то есть существа

рождались, росли и умирали совершенно случайным образом, не одновременно.

В этих условиях жизнь проэволюционировала до позвоночных, дышащих воздухом, характерным отличием которых явились шесть конечностей. Свидетельств появления разумных существ не имеется. Затем, где-то пять-десять миллионов лет назад, начались чудовищные температурные скачки, вызываемые Альционом, и вся жизнь на планете была уничтожена. И тогда случилось одно из трех: либо некоторые примитивные формы сохранились и дали начало нынешним видам, которые сумели преодолеть климат известным нам теперь способом, либо на планету занесло новые споры, либо зародилась совершенно новая жизнь. Нам пока почти ничего не известно об этих последних миллионах лет; кажется, все мы пришли к единодушному мнению: осушить это озеро и провести раскопки на его дне, чтобы найти останки живых организмов этого периода. Но нам уже теперь известно, что ныне жизнь на планете существует в форме двух сменяющихся модификаций; это позволяет ей сохраниться в двух резко различных рядах условий существования. Все. У кого есть замечания или уточнения?

— Необходима помощь астрономов, — сказал кто-то.

— Согласен. Я записал свое выступление на пленку, и мы при первой же возможности отошлем ее на «Альфард».

Больше за обедом наукой не занимались.

— Что ты об этом думаешь, Дар? — спросил позже Крюгер. — Это расходится с тем, что говорили твои Учителя?

— Нисколько. Они вообще не говорили нам о таких вещах. Но теперь, когда я знаю, кто такие

Учителя, мне представляется, что они и сами никогда об этом не думали.

— А не может случиться так, что твои Учителя запретят тебе рассказывать все это? Или не они, а какой-нибудь Учитель «горячей» расы?

— Я уже думал об этом. Мне кажется, наши Учителя будут так же заинтересованы, как и я. И еще мне кажется, что Учителя «горячей» расы знают о моем народе только то, что наши Учителя передают им по радио. Они же не могут жить вблизи Ледяной Крепости.

— Даже под землей?

— Разве что очень глубоко, но все равно они не могут наблюдать нас вплотную. Ты же помнишь, как возле деревни гейзеров один из них говорил, будто ему невозможно увидеть тебя, а тебе его, потому что нет такого барьера, который обеспечил бы безопасность и тебе, и ему и в то же время позволил бы вам видеть друг друга.

— Верно, я об этом не подумал. Но если он вынужден полагаться только на сообщения твоих Учителей, почему же они просто не сказали ему, что убили меня, вместо того чтобы действительно покушаться на мою жизнь?

— Ну, если это и приходило им в голову, то они, вероятно, подумали, что скрыть невыполнение такого приказа будет попросту невозможно. Например, если бы впоследствии мой народ узнал от тебя различные научные сведения, все бы сразу раскрылось.

— Пожалуй. Но я бы все-таки скорее рискнул, чем убил бы друга.

— Возможно, они не были уверены, что ты — настоящий друг. Вспомни, ведь они не знали тебя так хорошо, как я, и потом... в тебе все-таки много стран-

ного. И я понимаю отношение к тебе «горячего» Учителя.

— Пожалуй. Уж на что мы с тобой теперь знаем друг друга, и то иной раз нет-нет да что-нибудь нас смущает. Впрочем, меня лично это уже не волнует.

— И меня тоже.

Они взглянули друг на друга и никогда больше, ни до этого момента, ни после, не были столь близки к полному взаимопониманию.

13. Астрономия; ксенология

Бот, который доставил астрономам доклад геологов, перенес на борт «Альфарда» также Нильса Крюгера и Дар Лан Ана. Накануне Дар внимательно прослушал доклад, но ему было не понятно, каким образом астрономы могут проверить выводы специалистов по породам. Его любопытство ко всему, что связано с естественными науками, достигло такого уровня, на котором редко удерживается человеческое существо, вышедшее из детского возраста.

Вместе с астрономами он вновь прослушал запись доклада, но не услышал ничего нового, чего бы не запомнил в первый раз. Он внимательно следил за дискуссией между этими новыми для него учеными и под конец принялся задавать настойчивые вопросы. Ему и в голову не пришло, что эти вопросы могут счесть неуместными. И действительно, большинство астрономов так не считало.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что Аррен, возможно, «захватил» Тиир и Абьёрмен? — недоуменно спрашивал он.

— Мне казалось, молодой Крюгер должен был рассказать тебе о законах Ньютона, — ответил один

из астрономов. — Дело в том, что, согласно определенному закону, любые два тела притягивают друг друга, и это притяжение плюс простая инерция — а это такая штука, которая заставляет камень лететь после того, как он оторвался от швырнувшей его руки, — вынуждает эти тела двигаться по определенным и предсказуемым путям, как вот в настоящий момент «Альфард» движется вокруг твоей планеты. Под «захватом» мы подразумеваем просто тот факт, что вначале Тиир не кружился вокруг Аррена, а двигался в пространстве сам по себе; потом это движение привело его в окрестности Аррена, а уже силы притяжения этой звезды изменили путь Тиира таким образом, что сейчас Тиир и Аррен кружатся один вокруг другого.

— Теперь мне ясно. Но, насколько я понял, кое-кто из вас находит эту идею несостоятельной?

— Еще бы. «Захват» — явление очень редкое; для него требуется благоприятное стечение многих обстоятельств.

— Почему же? Если эта сила, как вы говорите, зависит от расстояния, то, по-моему, этим двум объектам остается только подойти друг к другу поближе. Признаться, если все, что ты сказал, правда, то я не понимаю, как это Тиир и Аррен давным-давно не упали друг на друга?

— В том-то и дело! Когда два объекта падают друг другу навстречу, их скорости возрастают. Надеюсь, тебе понятно? Так вот, если они с самого начала не нацелены точно друг на друга, они не столкнутся, а раз они не столкнулись, они начинают расходиться, причем их скорости замедляются в том же порядке, как до того нарастали. Пути, по которым они расходятся, имеют точно такую же форму, что и пути

сближения, поэтому никакого спирального движения не происходит. Пойдем, я тебе покажу.

Поскольку «Альфард» пребывал в свободном падении, демонстрация не представляла трудностей. Астроном поместил два шарика из смолы, заряженных электричеством, в кессонный отсек, из которого откачали воздух, и их поведение окончательно разъяснило все любознательному абъерменцу.

— Как же все-таки случаются захваты? — спросил он, едва его учитель вернулся во внутреннее помещение корабля и стянул с себя скафандр. — Они, наверно, все же возможны, иначе ты бы о них не говорил...

— Да, возможны, и только. Если рядом находится третий объект, который движется строго определенно по отношению к первым двум, то захват может и произойти, хотя вероятность подобного события не ахти какая. Например, если бы я минуту назад впустил в кессонный отсек воздух, трение заставило бы шарики закружиться по спирали.

— Значит, ты имеешь в виду, что какая-нибудь из звезд в этом скоплении могла послужить третьим телом?

— Я бы не сказал столь категорично, ведь расстояния между звездами слишком велики, но идея вполне соответствует существующему положению.

— Во всяком случае, не исключено, что именно это послужило началом горячих периодов на Абъермене...

— Возможно. Больше мне нечего добавить.

Этим и пришлось удовлетвориться абъерменцу — разумеется, временно.

Не удивительно, что ответы, включающие слова «вероятно» и «возможно», очень скоро привели Дара

к вопросам типа «откуда вы знаете». Даже тогда астрономы еще пытались некоторое время терпеливо ему разъяснять непонятное, но в конце концов со всей возможной тактичностью предложили обратиться к Крюгеру и взять у него несколько уроков элементарной алгебры.

Дару и в голову не пришло обидеться. Он лишь подсадовал на себя за то, что не подумал об этом раньше, — ведь так много ответов на его вопросы включали в себя элементы математики! Он охотно отправился разыскивать Крюгера, который больше не сопровождал его повсюду с тех пор, как Дар сделал такой скачок в английском языке.

Дар не заметил, в какое смятение повергла Нильса его просьба; он тут же уселся и пожелал учить алгебру незамедлительно. Крюгер старался изо всех сил, но, увы, он не был лучшим в мире учителем. Впрочем, возможно, он справился бы со своей задачей гораздо лучше, если бы не страх, что алгебра отобьет у Дара всякий интерес к науке.

Его опасения оказались напрасными. Большинство людей, страдающих из-за математики, мучаются потому, что при изучении ее вынуждены зазубривать правила, но для Дар Лан Ана заучивание не представляло каких-либо трудностей. Возможно, именно по этой причине он необычайно медленно усваивал основополагающую идею об алгебре, как об инструменте для решения проблем; он с легкостью заучивал правила, но решая конкретную задачу, испытывал те же трудности, что и многие первокурсники.

И все же именно Крюгеру, а не Дару удалось в конце концов найти выход из положений.

Отыскать новый предмет, который бы заинтересовал Дара, было нетрудно, но по личным соображе-

ниям Крюгеру хотелось, чтобы на сей раз предмет не был связан с математикой. Он разделял общепринятое мнение, что таким предметом является биология, и решил, что теперь самое время выяснить, что же узнали об Абьёрмене специалисты.

Оказалось, что группа биологов уже некоторое время пытается разрешить проблему, как обследовать единственно доступных представителей «горячей» расы — Учителей — в их обогреваемых вулканами убежищах. Существо у деревни на поляне гейзеров все еще не склонялось к полному сотрудничеству, но они чувствовали, что знают его лучше, нежели остальных. Именно этому существу предназначали роль хозяина, который должен будет принять у себя оборудованного телевизором робота, сконструированного инженерами «Альфарда». При виде робота Дар моментально заинтересовался, и Крюгеру пришлось давать объяснения по вопросам телевидения и дистанционного управления. Он все еще продолжал объяснять, когда члены экспедиции принялись грузиться на посадочный бот.

Дар уже понял, что достаточно полно представляет себе возможности этой машины; в то же время он начал понимать, сколь мало у него надежд выяснить принципы ее устройства. И пока бот шел на посадку, он слушал, как Крюгер разговаривает с Учителем по радио, но не произнес ни слова.

— Мы были бы очень рады, если бы ты позволил нашему роботу проникнуть в твоё убежище, — сказал Нильс. — Мы уверены, что он выдержит твои условия.

— С какой стати я должен позволить? Что хорошего даст это тебе и мне?

— Ты видел нас и, должно быть, составил о нас какое-то мнение. Не кажется ли тебе, что мы можем

пересмотреть некоторые наши суждения, когда увидим тебя? В конце концов, ты неоднократно утверждал, будто мы вас не понимаем, так как не соглашаемся с твоими взглядами на распространение знаний. По-моему, ты должен был бы только радоваться всему, что способствует нашему взаимопониманию.

— Откуда ты взял, что я когда-либо тебя видел? Я же сказал тебе, что не знаю вещества, которое могло бы оградить мое окружение от твоего и в то же время позволяло бы нам видеть друг друга.

— Значит, ты чего-то не договариваешь — у тебя, очевидно, есть что-то вроде телевизора. Ты видел нас достаточно ясно, чтобы задать вопрос о железных пряжках Дар Лан Ана.

— Допустим. Но как я могу знать, что, если вы и увидите меня, это наставит вас, чужаков, на истинный путь?

— Понятия не имею. Как я могу обещать, что мы сделаем такие-то и такие-то выводы из фактов, о которых нам ничего не известно? Во всяком случае, ты узнаешь о нас больше.

— Я не особенно в этом заинтересован.

— Ты был заинтересован, когда несколько лет назад задавал мне вопросы.

— Вот тогда я и узнал все, что мне было нужно.

— Сейчас очень многие получают представление о наших науках, не один только Дар Лан Ан. Целые толпы смотрели, как мы исследуем пещеры далеко на юге.

— Тут я ничего не могу поделать.

— Но если ты тоже захочешь учиться у нас, ты мог бы по крайней мере получить какое-то представление о том, чему учатся остальные, и тогда ты смог бы осуществлять некоторый контроль над тем, что

узнает твой народ, когда наступит время его жизни.

Последний аргумент несколько смутил Дара; он не совсем понимал, к чему стремится Нильс, и еще меньше были ему понятны намерения далекого Учителя. И он не знал, удивляться ли ему или нет, когда аргумент этот, вероятно, убедил невидимого собеседника, зато он ясно видел, что Крюгер доволен результатами.

Как ни мал был робот, он все же оказался слишком велик для люка в том месте, где Дар и Крюгер некогда беседовали с Учителем. По указанию последнего бот опустился возле кратера, в котором так долго были заперты наши два путника, и робота перенесли к зданию с генераторами. Люди вернулись в бот и сгрудились вокруг экрана телевизора, настроенного на передатчик робота.

— Что дальше? — спросил Учителя оператор.

— Пустите вашу машину по наклонному ходу.

Оператор повиновался; маленький ящик на гусеницах покатился вниз по скользкой поверхности. Свет померк, когда он достиг нижней площадки хода, и на верхушке робота вспыхнула лампа.

— Вперед по этому коридору. Никуда не сворачивать; там будут другие проходы.

Машина шла вперед. Коридор был длинный и вел, по-видимому, глубоко в толщу горы; прошло немало времени, прежде чем путь преградила массивная дверь.

— Ждать, — прозвучала команда.

Они повиновались, и через несколько секунд дверь отворилась.

— Быстро вперед.

Робот перекатился через порог, и дверь позади него захлопнулась.

— Продолжать движение; ответвлений больше не будет. Я выйду навстречу вашей машине, но я буду идти медленно, потому что должен нести на себе рацию. Я все еще возле деревни.

— Вам незачем беспокоиться и выходить навстречу — разве что вы не хотите, чтобы робот увидел часть вашей станции, — заметил один из биологов. — Машина может прекрасно пройти все расстояние сама.

— Очень хорошо. Я буду ждать здесь, и тогда с вами смогут говорить и мои товарищи.

Должно быть, здание с генераторами и участок под деревней у поляны гейзеров соединял один длинный туннель. Робот двигался долго, но в конце концов коридор вывел его в большое помещение футов восемь высотой, куда выходило множество других туннелей. Биолог, знавший абъерменский язык достаточно, чтобы почти не зависеть от Дара и Крюгера, объяснил Учителю местоположение робота и запросил дальнейших указаний.

— Вы уже совсем близко; теперь легче просто проводить вас. Ждите там, и я выйду к вам через секунду.

Люди возле телеэкрана напряженно ждали. Через несколько секунд в одном из туннелей что-то задвигалось и мгновенно приковало к себе всеобщее внимание. И вот уже это что-то движется по направлению к роботу.

Никто не был особенно удивлен. Все, кроме Дара, имели опыт работы на исследовательских кораблях Земли и в свое время повидали существ самого разнообразного обличья, оказавшихся на поверку и разумными, и цивилизованными.

Но абъерменец за всю свою жизнь не видал ничего подобного. Дынеобразное тело держалось на шести

конечностях, у основания толстых и сливавшихся одна с другой, а там, где они касались пола, сужавшихся до толщины иглы. Наблюдателям пришла на ум чудовищно растолстевшая морская звезда, которая разгуливает на кончиках своих лучей, вместо того, чтобы лежать, распластавшись. В свете лампы, установленной на роботе, верхняя треть ее тела представлялась человеческому глазу ярко-алой, и такие же ярко-алые полосы тянулись вдоль каждой конечности; все остальное было черного цвета. Не было заметно ни глаз, ни ушей, ни других органов чувств, только на самой верхушке тела виднелось какое-то пятно, которое с равным успехом могло оказаться и сжатым ртом, и игрой красок. По телевизионному изображению Дар не мог судить о размерах существа, но оператор, манипулируя фокусировкой, определил расстояние до него и нашел, что оно ростом примерно с Дара и должно весить тридцать — тридцать пять килограммов.

— Я полагаю, вы меня видите...

Дар явственно ощутил иронию в тоне Учителя. Сомневаться, что это Учитель, не приходилось; голос, транслируемый аппаратурой робота, они много раз слышали прежде.

— Если вы пошлете вашу машину следом за мной, нам можно будет расположиться с удобствами, и тогда вы спросите обо всем, что желаете знать.

Не поворачиваясь, Учитель двинулся в обратный путь; робот последовал за ним. Короткий коридор заканчивался комнатой около пяти футов высотой, совершенно такой же, какие Дар и Крюгер видели в городе. Дар наблюдал с жадностью — ему хотелось узнать назначение поразивших его в свое время предметов.

Кое-что прояснилось сразу же. Три куполообразные тумбы с желобками были заняты существами, подобными Учителю. Их тела покоились на верхушках, а конечности свешивались вдоль желобков. Учитель же проследовал в дальний конец комнаты и расположился в одном из неглубоких «тазиков», выложив свои конечности радиально по всем направлениям. По внешнему виду существ трудно было судить, на что устремлено их внимание, но вряд ли приходилось сомневаться в том, что они рассматривают робота.

Учитель на «ложе» возобновил беседу.

— Итак, ваше желание исполнено. А теперь вы, быть может, выскажетесь более конкретно, с какой целью вы добивались увидеть нас и почему это должно вынудить вас относиться к нашим идеям более положительно?

— Мы рассчитываем узнать, как вы живете, что едите, каковы ваши физические и умственные возможности и ограничения. Нам хотелось бы узнать как можно больше о ваших связях с «холодной» расой, с существами, которые являются вашими предками и потомками. Тогда мы наверняка лучше поймем, почему вы возражаете против распространения технических знаний на этой планете. Должен признаться, что сейчас ваше поведение напоминает нам кое-что из истории нашей собственной планеты. И на Земле в прошлом делались попытки запретить или взять под контроль распространение знаний. И если народ Абьёрмена настолько отличен от нас, что опасаться скверных результатов не приходится, мы хотели бы об этом знать.

— Как реагировал народ, наблюдавший вас за работой, на новую информацию?

— Почти все без исключения проявляли большой интерес. По крайней мере один из них узнал уже многое, и его пример убедил нас, что ваш народ столь же разумен, как и наш.

— Очевидно, ты имеешь в виду Дар Лан Ана. И он, несомненно, собирается расширить убежище своих Учителей или сконструировать летающую машину, подобную вашей?

— Нам он ничего не говорил об этом, но ты можешь спросить его самого. Он здесь, вместе с нами.

Подобный поворот беседы ошеломил Дара, но он ответил не колеблясь:

— Ни о чем подобном я и не думал! Во всяком случае, у меня нет для этого достаточных знаний.

— Будем надеяться, что эти существа не дали тебе и кое-каких других знаний, которые дал мне твой друг Крюгер. Впрочем, очень скоро все твои знания не будут иметь ровно никакого значения.

— Я знаю, — произнес Дар и замолчал.

Разговор перешел на другую тему. Один из Учителей, восседавших на куполообразных «креслах», заметил:

— Видимо, вы управляете вашей машиной при помощи какой-то модификации радио? (Биолог признал, что это так.) Какие же волны вы используете? Как могут они с такой легкостью проникать сквозь толщу грунта? Аппаратура, посредством которой мы разговаривали с вами, имеет на поверхности передающую антенну.

— Я затрудняюсь подробно рассказать об этом, — ответил биолог. — Это не моя область. Знаю только, что у робота есть антенна, но она почти незаметна; если вы присмотритесь к нему повнимательней, то увидите множество проволочных колец, намотанных

на верхнюю часть сразу под башенкой, где расположен его глаз...

Учитель, задавший вопрос, сполз со своего «кресла» и, ступая всеми шестью конечностями, направился к роботу. Дар отметил, что в движениях его нет неуклюжести или затрудненности, которая все чаще проглядывала, особенно в последние годы, в движениях Учителей в Ледяной Крепости. Приблизившись к роботу, существо подняло пару конечностей и принялось ощупывать ими поверхность машины. При этом на кончиках щупальцев стали видны пучки маленьких усиков, служивших, по-видимому, чем-то вроде пальцев.

— Я ощущаю обмотку, — после минутного молчания сказал Учитель, — хотя она слишком узкая... во всяком случае, отдельные ее проволочки слишком тонкие и их не видно.

— Очень жаль, но кажется, источник света расположен не совсем удобно для этой цели, — отозвался биолог. — Мы, собственно, устанавливали его исключительно в расчете на себя...

— Ты хочешь сказать, что эта машина тоже имеет источник света? Я думал, ты имеешь в виду наш. Если вы подведете робота поближе к нашему источнику света, я, возможно, буду видеть лучше, хотя это весьма сомнительно — слишком тонкие провода.

Биологи сразу поняли, в чем дело, и тот, что вел беседу, смиренно произнес:

— Да, на самой верхушке робота имеется источник света, маленький цилиндр, который можно пощупать, если он вам не виден. А где источник света, о котором ты говоришь?

— Там.

Еще одна конечность отделилась от пола и указала в сторону. Дар Лан Ан взглянул в этом направлении и увидел в стене трубку с насадкой, которую Крюгер в свое время назвал устройством для газового освещения.

— Ты имеешь в виду трубку? — осведомился биолог.

Крюгер, опередив Дара, торопливо изложил свои соображения.

— Но если это газовая горелка, почему она не зажжена? — возразили ему.

— По-моему, это все-таки горелка. Может, они используют водород и пламени его мы не видим из-за робота.

Оператор тотчас выключил лампочку на роботе, но в комнате воцарился полный мрак, и тогда он снова включил ее. Между тем Учитель подтвердил, что источником света является именно трубка.

— Вероятно, мы с вами воспринимаем различные части спектра, — сказал биолог. — Вы этого не знали? Ваша «холодная» раса слегка отличается от нас в этом отношении, но все же мы можем пользоваться одними и теми же устройствами для освещения, так что вы, очевидно, отличаетесь и от них.

— Нам известно, что они могут видеть более мелкие предметы, но каким образом — не знаем. Мы и не подозревали, что существуют различные части спектра.

— Разве вы не знаете, что волны, на которых работает радио, только длиной отличаются от волн видимого света?

— Какая чепуха! Радиоволны распространяются со скоростью, не поддающейся измерению, а быть

может, и мгновенно, тогда как волны видимого света, если только это вообще волны, распространяются лишь немногим быстрее звука.

— Н-да-а... — Биолог на минуту задумался, а затем спросил: — Не мог бы ты объяснить, как действует ваш источник света?

— Это просто струя пара, извергаемая через насадку определенной формы. Описать форму насадки затрудняюсь, во всяком случае словами, известными нам обоим.

— Не надо, ты сказал достаточно. Но вот что тогда мне в высшей степени непонятно: каким же образом вы смогли узнать о ваших солнца? Ведь «видеть» их вы не в состоянии!

— Разумеется, их можно только чувствовать.

Дар Лан Ан не уловил, о чем шла речь, и Нильс торопливо зашептал:

— Дело в том, что «горячая» раса видит совсем не так, как мы; различие между нами и ими еще глубже, чем между тобой и мной. По крайней мере природа зрения и у нас и у вас основана на одном и том же: мы видим электромагнитные волны. А из слов этого Учителя можно заключить, что они используют какую-то форму звука — видимо, звук очень высокой частоты, поскольку он упомянул о том, будто световые волны и у них распространяются быстрее, чем «обычный» звук.

— Но разве можно видеть звуки?

— Мне кажется, в известном смысле можно видеть любые колебания, которые распространяются прямолинейно. Звук так и распространяется, если ему ничто не препятствует. Очень короткие звуковые волны — мы называем их ультразвуковыми — в этом отношении удобнее тех, что передают нашу речь. Но

они не позволяют рассмотреть слишком мелкие предметы; ты же слышал, он сказал, что проволоочки слишком тонкие, и он их не видит.

С этими словами Нильс вновь обратился в слух. Дар же, по своему обыкновению, задумался над услышанным.

— Вам, должно быть, пришлось немало поразмыслить, прежде чем вы сумели разгадать эту планетную систему, — продолжал биолог. — Ведь за пределами атмосферы Абьёрмена вы способны заметить лишь такие объекты, которые излучают большое количество тепла.

— То, о чем я говорил в свое время Нильсу Крюгеру, — это лишь одна из развитых нами теорий, — невозмутимо отозвался Учитель.

— В основе своей она оказалась правильной. Но если вы обладаете столь блестящими способностями к научному мышлению, почему вы так предубеждены против него?

— Я бы хотел, чтобы ты перестал без конца повторять этот вопрос. Ну, хорошо. Что нам это дает? Разве нам стало лучше оттого, что мы узнали, как Абьёрмен движется вокруг Тиира, а Тиир — вокруг Аррена? Я готов признать, что знание это безвредно, оно не влечет за собой опасных поступков, но это же пустая трата времени.

— Иными словами, вы делите научные знания на бесполезные и вредные.

— В основном да. Но бывают и исключения; например, личность, которая изобрела эти источники света, разумеется, принесла известную пользу. Но каждое новое научное знание необходимо подвергнуть проверке, дабы убедиться, что оно не принесет вреда.

— Понятно. Надеюсь, вы не станете возражать; если мы потратим наше время на то, чтобы узнать о вас побольше.

— Это ваше дело, меня оно не касается. Что вас интересует? Можете спрашивать.

Ученые задавали вопрос за вопросом, и постепенно Дар Лан Ан стал постигать, что представляют собой его предки и его потомки.

Их города были разбросаны по всему Абырмену, но все они непременно селились в вулканических районах, где небольшие группы обитателей могли отступить под землю и пережить холодный период; никто из поколения Дара ни разу не появлялся в их окрестностях — так обеспечивалось табу на огонь. Похоже (хотя Учитель ни разу не признал этого открыто), что само табу было одним из примеров проявления власти Учителей «горячей» расы над «холодной». Для «горячей» расы не существовало подобных запретов, и они жили и умирали, где им заблагорассудится; вот откуда брались металлические предметы вроде пряжек Дара, которые часто встречались поблизости от городов «холодного» народа в начале холодных периодов. Подобно соплеменникам Дара, «горячий» народ всячески старался обеспечить передачу знаний из поколения в поколение, хотя при этом полагался не столько на книги, сколько на память своих Учителей. На вопрос Дара, не лучше ли было бы, если бы знания передавались от расы к расе, чтобы обе они помогали друг другу в развитии, Учитель терпеливо разъяснил, что при подобном положении дел они были бы лишены возможности контролировать распространение информации.

Они были неплохими электриками и превосходными строителями. Химия у них была, по-видимому,

на высоте, что казалось особенно удивительным для расы, чьи химики полагались главным образом на зрение. Астрономии, естественно, почти не существовало, и они пока еще не знали физики микромира. Разумеется, им приходилось иметь дело с радиоактивными элементами, но они и понятия не имели, в чем причина радиоактивности.

Большинство вопросов, которые задавали люди, повергало Дара в состояние растерянности, и это далеко не всегда объяснялось его невежеством. Насколько он мог судить, люди старались выяснить, как Учителя относятся к народу Дара — любят ли его, уважают ли, презирают ли как нечто низшее, без чего нельзя обойтись, или терпят как досадную, но необходимую для существования мелочь. Дар не забыл, что один из Учителей заявил о своих дружественных к нему, Дару, чувствах, ссылаясь на родственные отношения, но он и не догадывался, каков истинный характер этих отношений.

Об этом же подумал и один из биологов, тот, кто в свое время слушал перехваченную по радио беседу Крюгера с Учителем и затем попросил перевести ее. К немалому удивлению Дара, Учитель ответил и на этот вопрос.

— Мы подготавливаем смерть или, во всяком случае, место смерти большинства наших предков. Вскоре жители этой деревни получат приказ спуститься в кратер, где мы однажды держали Дара и Крюгера; там мы сможем вести наблюдение за их смертью и за появлением новых жизней и, таким образом, будем иметь возможность проследить, кто от кого произошел. Напротив, перед наступлением «холодного» периода мы заранее выбираем места, где будем умирать сами, и стараемся выяснить у Учителей «холодной»

расы, где они намерены разместить новые группы для отлова своих соплеменников, как только те появятся на свет, — ведь в это время они представляют собой просто диких животных, не более.

— Но они, верно, многих упускают.

— Насколько нам известно, да. У нас то и дело объявляются соплеменники, иногда даже небольшие группы, чьи родители, должно быть, прожили весь «холодный» период в диком состоянии. По крайней мере, у нас они нигде не значатся.

— Сколько детей может иметь одна особь?

— Определить это решительно нет никакой возможности; это зависит от многого, в частности от веса.

— Вряд ли весовые различия столь уж значительны.

— В период нормальной жизни они действительно незначительны, но перед смертью кто-то может длительное время голодать, а кто-то, напротив, регулярно наедаться, причем до последнего момента. Все зависит от обстоятельств. Кроме того, невозможно подсчитать, сколько детей было съедено дикими зверями, прежде чем их успели отловить, хотя это относится только к расе Дар Лан Ана; они в отличие от нас не обеспечивают должного надзора за детьми.

— Я понял.

Дар тоже понял. У него была превосходная память, но от того короткого периода перед тем, как он был «отловлен», в ней сохранилось немного; впрочем, и это немного совпадало с объяснениями Учителя. Он стал раздумывать, почему же его собственные Учителя не принимали должных мер предосторожности, как эти, а затем понял, что для них это было просто невозможно: здесь либо требовалась по-

мощь «горячей» расы (чего они явно делать не желали), либо же его раса на протяжении «горячего» периода должна была держать под своим контролем группу этих существ, подобно тому как сами они правили жителями деревень на протяжении «холодного» периода. А это, мягко выражаясь, было бы нелегко; народ «горячей» расы в своем техническом развитии ушел достаточно далеко. Дар начал подозревать, что этот Учитель не был с ними откровенен; помимо личной неприязни к науке, у него были и другие причины возражать против распространения человеческих знаний.

По мере того как продолжалась беседа, росли и его подозрения. Поэтому, когда робот двинулся в обратный путь к посадочному боту, Дар Лан Ан предложил людям побеседовать еще с какой-нибудь группой «горячих» Учителей, засевших в своих обогреваемых вулканами укрытиях. И даже Крюгер, знавший его лучше, чем кто-либо другой, не понял, к чему он клонит.

14. Биология; социология

Снова и снова проносился Абельмен по своей почти кометной орбите, и все ближе придвигался Тиир к своему пылающему хозяину. Постепенно на Абельмене становилось жарче. Для аборигенов это обстоятельство почти не имело значения; температура еще не достигла того уровня, когда начинают активизироваться бактерии, наполняющие атмосферу окислами азота. А пока этого не случилось, народу Дара было безразлично, кипят или замерзают океаны на их планете.

Не мешала температура и земным ученым. Большинство из них с самого начала одели сложные защитные костюмы, которые практически обеспечивали им воздушное кондиционирование. Но они знали, что вскоре им понадобятся более серьезные средства защиты. Эксперименты, которые они проводили, причем не только на микроорганизмах, но и на представителях животного и растительного мира, подготовили их.

Крюгера вполне устраивал ход событий. Его друг был, очевидно, полностью поглощен добыванием знаний у пришельцев с Земли. Нильс не всегда мог держаться с ним наравне, но юношу это больше не беспокоило. Ясно одно: Дар Лан Ан уже накопил гораздо больше информации, чем сможет передать Учителям до конца своей жизни. И у него не будет иного выбора, ему придется остаться в убежище под ледяной шапкой, когда придет время закрыть его наглухо, а это означает, что по логике вещей он автоматически станет Учителем.

Иногда Крюгера мучили угрызения совести; он раздумывал, не честнее ли прямо сказать Дару, что повлечет за собой его пребывание у землян. Но всякий раз, когда он думал об этом, ему удавалось убедить себя, что Дар достаточно взрослый и сам должен отвечать за свои поступки.

Но все равно было бы, пожалуй, лучше, если бы Нильс сказал правду.

Конечно, ученые могли продолжать работу и в «горячий» период Абьёрмена, но работать им было бы значительно труднее. Поэтому они стремились собрать основные сведения о планете до наступления Перемены. Дар, как мог, внимательно наблюдал за всем, что происходит. Крюгер же, став свидетелем одного

биологического эксперимента, растерял весь свой энтузиазм.

Эксперимент был поставлен после того, как ученым удалось обнаружить эффект цепной реакции на местных бактериях под воздействием тепла. Пол в герметической камере покрыли слоем почвы, взятой с планеты, и в камеру запустили несколько мелких животных. (Дар и Крюгер видели таких в кратере.) Там же посадили и кое-какие местные растения — биологи стремились воспроизвести в миниатюре природу Абельмана. Затем температуру в камере стали повышать — постепенно, чтобы по возможности избежать теплового шока, который осложнил бы картину.

Камера была достаточно хорошо изолирована, так что пар не осаждался на стенках, и можно было беспрепятственно наблюдать за тем, что происходит внутри. Неожиданно стрелка одного из приборов поползла вверх.

Это был простой гальванометр, но он был последовательно соединен с омическим сопротивлением, состоящим из маленького пузырька с водой, помещенного в камеру. Сопротивление воды падало, и все понимали — почему. Через несколько секунд воздух в камере стал красновато-коричневым — это принялись за работу микроорганизмы. Под воздействием окислов азота вся вода, сохранившаяся в жидком состоянии, окислилась, и глазам наблюдателей предстала поистине драматическая картина.

Животные в камере больше не двигались и только неловко ворочали головами. Они слегка отодвинулись друг от друга и перестали грызть растения. В течение нескольких секунд объекты эксперимента и сами экспериментаторы пребывали в неподвижности; напряжение нарастало.

Затем самый крупный из зверьков рухнул на бок; прошло мгновение — и попадали остальные. Крюгер украдкой взглянул на Дара, но тот этого не заметил. Он неотрывно глядел на камеру. Юноша вновь взглянул на животных и вдруг почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Крошечные создания теряли форму, превращаясь в лужицы протоплазмы. Лужицы эти были строго обособлены даже там, где два зверька упали совсем рядом. Слабое дрожание почудилось ему внутри студенистых холмиков, и тут желудок Крюгера не выдержал. Не помня себя, Нильс рысью помчался к дверям.

На Дара эта картина, видимо, не произвела такого впечатления. Во всяком случае, он оставался у камеры в течение последующего получаса, и за это время каждая лужица превратилась в десятки маленьких червеобразных тварей, ничем не напоминавших животных, из тел которых они сформировались. Они ползали по камере, и было совершенно очевидно, что они не нуждались ни в чьих заботах.

Растения тоже изменились, хотя и по-другому. Листья самых крупных опали, а стволы слегка съежились. Сначала наблюдатели решили, что из-за высокой температуры вся растительность погибла, но оказалось, что это не так. На иссохших стволах появились сотни крошечных шишечек. Они постепенно набухали и в конце концов опали дождем шариков. Все это заняло несколько минут.

Растения, похожие на травы, просто увяли, но на их месте тут же выросли новые. Менее часа потребовалось, чтобы превратить участок привычного мира в нечто совершенно чуждое и никому не известное, даже Дар Лан Ану.

— Так вот как это происходит! — выдохнул наконец кто-то из наблюдателей.

В отличие от Крюгера никто из биологов не испытывал неприятных ощущений при этом зрелище. Правда, никто из них не был так привязан к Дару.

— Если у них это единственный способ размножения, — проговорил один из биологов, — из каждой особи должна получаться целая куча новых. Представляю себе, как выглядит население планеты сразу же после смены периодов!

— Все это так, — возразил другой, — но тут есть маленькая загвоздка. Сейчас как раз канун смены, а жизни вокруг полно — и хищников, и травоядных, — да и растительность вполне свежая. Трудно поверить, чтобы у них не было другого способа воспроизводства.

— Может, численность особей уравнивается продолжительностью каждого периода? Если нынешняя пропорция является нормой, то это просто означает, что к концу периода выживает примерно одна особь из пятидесяти.

— А период длится примерно сорок земных лет. Я не представляю себе, чтобы за это время могло уцелеть столько диких животных. Мы ведь знаем, что потребляют они примерно столько же, сколько равные им по весу животные на Земле. Что ты на это скажешь, Дар? Бывает так, чтобы в разгар вашего периода жизни появлялись новые животные?

— Конечно, — отозвался абориген. — Любая часть животного разрастается в целую особь, если эта часть достаточно велика. Во всяком случае, так обстоит дело с животными, которых мы употребляем в пищу; с этой целью мы всегда оставляем кусочки убитых зверей. Разве с вашими животными это не так?

— Гм. На Земле есть животные, способные к регенерации, но все они весьма примитивные. Выходит, на вашей планете нет насильственной смерти?

— Почему же, некоторые хищники, например, не оставляют от добычи достаточно больших кусков, из которых могло бы вырасти новое существо. Кроме того, бывают случаи, когда животные гибнут от голода или тонут... Хотя голодная смерть наступает не сразу, — животное должно исхудать до такой степени, что жить дальше ему невозможно.

Один из ученых задумчиво поглядел на свою правую руку с обрубками на месте двух пальцев — память о несчастном случае в детстве.

— Позволь задать тебе глупый вопрос, Дар. А твой народ обладает подобной способностью к регенерации?

— Не понимаю, что здесь глупого. Да, мы обладаем такой способностью; впрочем, в цивилизованном обществе особой нужды в этом нет. Но время от времени жертве крушения планера или чего-либо в этом роде приходится отращивать себе новую руку или ногу.

— Или голову?

— Ну, это другое дело. Если характер повреждения таков, что нарушаются естественные жизненные процессы, ткани как бы возвращаются к самому «началу» и преобразуются в совершенно новый организм. А индивидуум, конечно, погибает. Но, как я уже сказал, это происходит редко.

Биологи и не чаяли найти объяснение этому удивительному явлению. Не мудрено, что оно их так обрадовало. Впрочем, чтобы получить исчерпывающие ответы на все вопросы, потребовалось несколько недель работы с применением всех средств, которые мог

предоставить им «Альфард». Рихтер, руководитель группы, не преминул воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы доложить о результатах командировки Бёрку. Бёрк прибыл специально для того, чтобы обсудить эти результаты; он был встревожен.

— Этот народец меня немного беспокоит, Рихтер, — начал он. — Как вам известно, каждого командира корабля, покидающего Землю, подробно инструктируют относительно опасностей, связанных с привнесением новых видов животных в иную среду. Нам рассказывают о кроликах в Австралии и о японских жуках в Северной Америке, рассказывают долго и нудно, пока нас не начинает тошнить от всей этой экологии. Мне представляется, что здесь мы столкнулись с расой, которая может оказаться серьезным соперником человечества, если все, что мне рассказали о народе Дар Лан Ана, соответствует истине.

— Надеюсь, вы прочли наш отчет относительно регенерации? Я готов признать, что в некоторых отношениях этот народ действительно весьма примечателен, но я не разделяю вашего мнения о его опасности для человечества.

— А почему бы и нет? Разве они не укладываются в схему, о которой нам столько твердили: существо попадает в новую среду, где у него нет естественных врагов и где оно может бесконтрольно размножаться? Этот народ поглотил бы человечество в несколько лет.

— Не могу с этим согласиться. У народа Дара те же естественные враги, что и у людей. Ему угрожают хищники и всякого рода заболевания. По словам Дара, они болеют, и часто.

— И все-таки самым смертоносным врагом этой расы является высокая температура. А что будет,

если они утвердятся на Земле, или на Танно, или на Гекле, или на других мирах, которые мы с вами можем не задумываясь перечислить? Там они станут практически бессмертны!

— Это верно, что для «естественной» смерти им нужна высокая температура. Но вы забыли, что она нужна им и для воспроизводства.

— Да, либо высокая температура, либо расчленение на части. Вспомните, что произошло некогда в Чесапикском заливе. Ловцы устриц думали разделяться с морскими звездами тем, что рубили их на куски и бросали обратно в воду.

— Вы упускаете из виду самое главное, командир, и боюсь, что юный Крюгер повторяет вашу ошибку. По-настоящему важным фактором является то обстоятельство, что для воспроизводства народ Дар Лан Ана должен умирать. Вам такая мысль не приходила в голову?

Последовала длительная пауза, затем Бёрк ответил:

— Признаться, об этом я не подумал. Это несколько меняет дело.— Он опять помолчал.— Вы можете объяснить, почему это так?.. Вернее, с чего это началось? Что это следствие эволюции на планете такого типа, я не сомневаюсь.

— Пожалуй, кое о чем я догадываюсь. Разумеется, все это не более как гипотеза, ибо, по всем данным, чудовищные климатические изменения здесь начались примерно десять миллионов лет назад. Но мы вовремя вспомнили об одном организме, обитающем на Земле.

— Что?! Какой же это организм на Земле подвергается таким страшным перепадам температуры?

— Вы правы, насколько мне известно, таких организмов на Земле действительно нет; речь идет совсем о другом. Один из наших исследователей, — кажется, Эллерби — работал с группой «горячих» животных, полученных обычным путем в самой крупной нашей кондиционной камере. Ему хотелось убедиться, в самом ли деле хищники оставляют достаточно большие куски своих жертв, чтобы те могли возродиться, и попутно своими глазами увидеть процесс регенерации, о котором нам рассказывал Дар; мы ведь не знали, происходит ли регенерация у «горячих» форм жизни. Естественно, Эллерби вел строгий учет видов и численности животных. Через некоторое время он с удивлением обнаружил в камере несколько существ, которых ранее там не видел. К счастью, он не отнес их появление за счет погрешности в наблюдениях; он тщательно проверил все обстоятельства и обнаружил, что в ходе температурных и атмосферных изменений можно получить животных непосредственно из образцов почвы, без всяких «родителей».

— А это означает...

— ...что некоторые, как мы их называем, «горячие» формы воспроизводятся из каких-то микроскопических спор, сохраняющихся в почве в течение всего неблагоприятного периода. Могут ли воспроизводиться подобным образом «холодные» формы, пока неизвестно; данных у нас нет.

— Что же отсюда следует?

— Эллерби поставил под сомнение всю теорию о том, что раса Дар Лан Ана и эти «морские звезды» с огненной кровью являются последовательными поколениями одного и того же вида. Мы обсудили его гипотезу, и тут оказалось, что Дан Лекло в свою очередь обнаружил в каком-то животном множество

маленьких костистых шариков; эксперимент показал, что они являются зародышами «горячего» поколения того вида, к которому принадлежит это животное. Когда их удаляли, перед тем как подвергнуть животное воздействию высокой температуры и двуокиси азота, потомства не было, хотя плоть животного вела себя обычным образом. Напротив, когда температурным и атмосферным изменениям подвергались только эти шарики, из них возникали «горячие» животные в эмбриональной форме.

— Ну и что?

— А то, что «горячая» жизнь и «холодная» жизнь, по-видимому, совершенно чуждые друг другу типы жизни, которые первоначально развивались совершенно независимо друг от друга. Каждая производила споры или какой-то их эквивалент, и эти споры были способны выживать в неблагоприятных условиях. В ходе эволюции некоторые формы приспособились вводить свои споры в организмы животных другого типа — возможно, устроились таким образом, чтобы споры поглощались вместе с пищей, как это до сих пор водится у некоторых паразитов на Земле.

— Но в таком случае вы должны были находить эти семена — или как вы их называете — в каждом животном, которое исследовали. Вы же сказали, что нашли их только в одном. Чем это объяснить?

— Вот тут-то и можно сослаться на пример с Земли. Вы, возможно, знаете, что существуют разновидности вирусов, обычной жертвой которых являются бактерии. Вирус как бы «прилипает» к микробу, проникает сквозь его оболочку, и через некоторое время из останков бактерии высыпает до сотни новых вирусов.

— Я об этом не знал, но не вижу в этом ничего удивительного.

— Да, удивительного здесь нет. Однако иногда вирус проникает в бактерию, а та продолжает жить как ни в чем не бывало.

— И это понятно. В любой популяции имеются особи более и менее иммунные.

— Позвольте мне закончить. Бактерия доживает свой срок и делится обычным образом; ее потомство продолжает делать то же до десятого или двадцатого, а иногда и до сотого поколения. И вот под воздействием радиации или какого-нибудь химического реагента или вообще по неизвестным причинам большая часть или даже целиком все потомство нашей бактерии гибнет, и из их останков появляются целые полчища вирусов!

— Вот как?

— Да. Вирус заразил свою первую жертву таким образом, что воспроизводящий материал его делится вместе с бактерией и передается всем ее потомкам. А затем как-то меняются условия, и вирусы вновь возвращаются к обычному для себя способу размножения.

— Понятно, — задумчиво произнес Бёрк. — Так вы полагаете, что это имеет отношение к данному случаю? Что каждая клетка существа типа Дар Лан Ана содержит в своем ядре некую частичку, которая при определенных условиях дает начало одной из этих «морских звезд»?

— Вот именно, и все же отцовского и сыновнего между ними не больше, чем между Джеком Кардиганом и его любимой канарейкой. Предполагают, что таким же образом соотносятся между собой земные растения и содержащиеся в них хлоропласты.

— По правде говоря, я плохо представляю себе, какие мы можем извлечь практические выводы из всего этого.

— Ну, это могло бы как-то оправдать несколько утилитарное отношение представителей «горячей» расы к народу Дар Лан Ана.

— Возможно. Но мне от этого не легче. Единственное утешение, что обе формы, если вам верить, для воспроизводства должны умирать. Однако ко всем моим тревогам вы добавили еще одну.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше замечание относительно времени, которое им потребовалось, чтобы приспособиться к климатическим условиям этой планеты. Если ваши выводы справедливы, то по крайней мере одна из этих рас проэволюционировала от нулевой точки до разума нашего уровня всего за каких-то десять миллионов лет. На Земле человеку для этого потребовалось в сто, а может, и в двести раз больше времени. Видимо, эти существа — едва ли не наиболее адаптивная форма жизни во Вселенной, а ведь до сих пор пальма первенства принадлежала человеку.

— Значит, насколько я понимаю, вы опасаетесь, что они, получив доступ к нашей технологии, распространятся в глубь Галактики и начнут вытеснять человека?

— Откровенно говоря, да.

— И где же, по-вашему, они осадут?

— Да где угодно, дружище, где угодно! Земля... Марс... Меркурий... На любой из пятидесяти планет, где мы можем жить, и на сотнях планет, где мы жить не можем! Даже если тамошние условия для них сейчас не подходящие, они быстро освоятся. Мне не дает

покая именно эта их способность приспособливаться. И если дело у нас с ними дойдет до столкновений, каким образом мы будем сражаться? Как уничтожить существо, которое в состоянии отрастить себе новые конечности взамен утраченных и которое порождает целую кучу потомков, если его разорвать на куски бомбой?

— Не знаю. И не думаю, чтобы это имело какое-нибудь значение.

— Почему? — Голос у Бёрка был сдавленный от переполнявших его чувств.

— А вот почему. Дар Лан Ан мог бы жить на Земле и на многих сходных с ней планетах; народ с «огненной кровью» мог бы жить на мирах с более высокой температурой. Но ни одна из планет, которые нам известны, не располагает обоими температурными режимами одновременно. Предположим, группа соплеменников Дара решила переселиться на Землю. Как это понравится «горячей» расе, чьи родственники в виде спор отправятся вместе с ними? Дар, как и любой из нас, несомненно, хочет иметь потомство; но как он будет чувствовать себя при мысли о «морской звезде», которая образуется из его организма и пожелает улететь на Вегу-Два или Меркурий? Что там станет с его детишками? Нет, командир. Я понимаю, конечно, большинство из нас без лишних споров пришло к выводу, будто этот Учитель, там, у горячих источников, — всего лишь упрямый, ограниченный, властолюбивый старикашка, чьи мнения не стоят энергии, затрачиваемой на их высказывание. Но если вы хорошенько подумаете, вам станет ясно, что он видит гораздо дальше, нежели многие из нас... не будем указывать пальцем, кто именно.

Бёрк, не спуская с биолога пристального взгляда, медленно покачал головой.

— Я уже давно продумал все это, доктор Рихтер, и полагаю, вы правы, утверждая, что Учитель в свою очередь также продумал все это. Но вы меня несколько разочаровали. Почему вы не пошли дальше?

— То есть?

— Ваши рассуждения вполне справедливы, но только для того случая, если ни та, ни другая раса не будут располагать техническими знаниями! Не станет Дар возражать против того, чтобы гениные структуры, предназначенные для воспроизводства его потомства, находились какое-то время в тех местах, куда заблагорассудилось занести их «морской звезде», если при этом он будет твердо знать, что в конце концов она либо переправится на планету, где смогут развиваться его потомки, либо поместит их в какой-нибудь «холодильник», где они опять-таки смогут развиваться. Не забывайте, эти существа испытывают к своему потомству совершенно те же чувства, что и мы, и ради удовлетворения этих чувств им придется сотрудничать с расой Дара. Если аборигены этой планеты покинут ее, используя средства, полученные от нас или разработанные ими самостоятельно, то по Вселенной начнут расселяться самые сплоченные в истории племена, и человеку придется уступить свое первенство... если ему вообще удастся уцелеть.

— По-моему, если это и произойдет, то сама эта сплоченность послужит всем нам отличным примером. Сейчас же обе расы слишком далеки друг от друга.

— Да, и в наших интересах сделать все, чтобы они не сблизились. Самое разумное, что мы можем сейчас предпринять, это лишить Дар Лан Ана возможности поделиться полученными от нас сведениями.

со своим народом. Признаться, мне это нравится: не больше, чем вам или, скажем, юному Крюгеру, но в противном случае мы отдадим им Галактику.

— Да, мне это действительно не нравится. Как и чем можно оправдать такой поступок, когда мы сами всячески поощряли Дара учиться всему, чему только возможно?

— Оправданий у нас нет, — угрюмо произнес Бёрк, — но иначе поступить нельзя. Я знаю, что буду презирать себя всю свою жизнь, но я все продумал и пришел к выводу: для блага человечества Дар Лан Ан никогда больше не увидит своего народа.

— Боюсь, что вы правы, хотя мне от этого не легче.

— Мне тоже. В общем, по чести, лучше всего будет сказать ему об этом не откладывая. Я созову людей, и пусть любой, у кого есть какие-нибудь более обнадеживающие соображения, выложит их. Это, кажется, все, что в моих силах.

— У юного Крюгера, очевидно, соображений не будет, но он будет сопротивляться.

— Могу себе представить. Он ведь и не подозревает, какое я ему делаю одолжение.

Биолог быстро взглянул на командира, но Бёрк не проронил больше ни слова.

15. Астрономия; логика

Дар Лан Ан прослушал отчет биологической группы без особого интереса — такие слова, как «фторированные углеводороды» и «кремнийорганические соединения», все еще мало что говорили ему. Но на сообщение командира Бёрка он отреагировал, и весьма энергично.

Впрочем, его бурные эмоции так и не облеклись в словесную форму, ибо Крюгер заговорил первым. Дар выслушал те же доводы об игре в открытую, о честности и порядочности, которые в свое время обсуждались Бёрком и Рихтером, но он плохо понимал терминологию людей. Во всяком случае, слушал он вполслуха; он пытался определить линию своего поведения.

Спорить, видимо, было напрасно. Люди, должно быть, выработали свое мнение, основываясь на том, что им стало известно о нем и о его народе. Он не понимал, почему Абьёрмен представляет угрозу для всей Галактики, но он уже привык относиться к мнению ученых с величайшим уважением. И все же, несмотря на это, он обнаружил, что естественное чувство долга толкает его выступить против решения Бёрка — спорить, лгать, даже прибегнуть к насилию, лишь бы доставить своему народу то, что он считал важнейшей информацией. Конечно, если бы не это чувство долга, он, Дар, ничего бы так не желал, как улететь на Землю со своими друзьями (если он еще мог называть их друзьями) и своими глазами увидеть миры, о которых ему столько рассказывали Крюгер и астрономы. Возможно, он и заговорил бы и вынес свою дилемму на всеобщее обсуждение, но ему помешал Крюгер. Юноша забыл о дисциплине, которую вбивали в него за годы ученичества, и вплотную подошел к той губительной черте, за которой начинается оскорбление личности командира. Полный смысл всего происходящего, разумеется, не дошел до Дара, так как он весьма смутно представлял себе обстоятельства жизни Крюгера, но одно он понимал отчетливо: юноша требует его возвращения к соплеменникам.

Маловероятно, чтобы Крюгер в споре с командиром вышел победителем; Дару было кое-что известно о разнице в их служебных положениях. А что если, пока продолжается спор, потихоньку выйти и украсть один из посадочных ботов? Дар не раз внимательно наблюдал за действиями космонавтов во время посадок; сумеет ли он управиться самостоятельно? С его памятью нечего было опасаться, что он нажмет не ту кнопку, ведь он видел, какие нужно нажать. Но он сам летал всю свою жизнь, и это предотвратило поступок, который почти наверняка оказался бы для него роковым. Он сознавал, что для управления любым космическим кораблем требуется гораздо больше знаний, нежели те, что он получил, наблюдая за десятком-другим перелетов.

А может, забраться в бот тайком? Вряд ли это ему удастся. Каковы бы ни были эти люди, дураками их не назовешь. Если командир отдаст приказ не допустить возвращения Дар Лан Ана на Абьёрмен, наверняка будут приняты соответствующие меры.

Не сможет ли Крюгер украсть бот и доставить Дара вниз? Несомненно, он умеет обращаться с машинами, но, ведь этого мало. Дар понятия не имел, насколько авторитетен для Крюгера приказ командира. Кто знает, захочет ли юноша нарушить этот приказ. Так ничего и не придумав, Дар решил подождать до тех пор, когда он сможет остаться с Крюгером один на один.

А может...

В этот момент его мысли были прерваны, ибо командир Бёрк заговорил в повышенном тоне.

— Нильс Крюгер! Я созвал всех вас для разумного обсуждения, а не для препирательств или личных оскорблений. Если у вас есть какие-нибудь веские

доводы, изложите их. Если нет, извольте замолчать. Я понимаю ваши чувства, я разделяю их, и я сознаю всю моральную ответственность за свое решение столь же ясно, как и вы. Сделайте одолжение и вспомните, что на мне лежат многочисленные обязанности и обязательства, которые вы пока еще не делите со мной и которые вы, совершенно очевидно, не принимаете во внимание. Я не ставил на голосование свое решение и не просил высказать о нем чье-либо мнение. Я объявил вам, что пришел к заключению: если раса Дар Лан Ана, точнее, расы покинут свою планету, они превратятся в угрозу для человечества. Я убежден, что правительство разделит мое мнение. Однако если у вас или у кого-нибудь еще имеются данные, которые заставят меня изменить это мнение, я готов выслушать.

Крюгер молчал; он вдруг осознал, что зашел слишком далеко, и был благодарен командиру за такую сравнительно мягкую отповедь. К сожалению, у него не было за душой ничего, что можно было бы даже с натяжкой назвать нужными данными.

Молчание нарушил другой приятель Дара, астроном по имени Мёрчисон.

— Боюсь, что нам придется считаться с совсем иными фактами, — начал он, — и я уверен, командир, что они заставят правительство прийти к совершенно иному заключению. Мало того, перед лицом этих фактов правительство вынуждено будет сделать все возможное, чтобы как можно скорее обучить обе расы Абёрмена нашей технологии.

— Я вас слушаю, — тут же отозвался командир.

— Главное заключается в том, что, если мы оставим этот народ на их планете, это будет равносильно геноциду. Для нас эта планета — очень скверный дом,

она является сейчас достаточно благоустроенным домом для ее обитателей, но пройдет немного времени, и она уже не сможет быть пристанищем ни для кого.

— Почему?

— Потому что эта система нестабильна. Абы́ermen, видимо, образовался более или менее обычным путем в качестве планеты красного карликового солнца, которое аборигены называют Тииром, но в те времена Альциона поблизости не было. Ведь световое давление Альциона столь велико, что формирование планет в его окрестностях попросту невозможно.

— Ну, я слышал об этом, только мне непонятно, почему вы все еще цепляетесь за эту теорию, раз планета все равно существует.

— Некоторое время я и сам не понимал. Однако геологические данные свидетельствуют о том, что сказанное мною соответствует истине; чудовищные сезонные изменения на этой планете не имели места на более ранних этапах ее истории, а начались лишь несколько миллионов лет назад. Случилось одно из двух: либо сравнительно недавно Тиир был захвачен Альционом, либо гигантская звезда действительно сформировалась по соседству с этим карликом. Я лично склонен признать вторую гипотезу; мы находимся в недрах звездного скопления, где пространство, если можно так выразиться, насыщено газом и пылью. Более чем вероятно, что, если ранее Тиир не принадлежал к этому скоплению, его вторжение произвело достаточно возмущений и по соседству с ним началась конденсация.

— Не спорю, эта гипотеза полностью совпадает с геологическими данными, но разве она не подтверждает мои предположения относительно способности абы́ermenцев приспосабливаться к новым условиям?

— В каком-то смысле — да, но мне трудно представить себе органическую структуру, которая могла бы приспособиться к тому, что ожидает эту систему в ближайшем будущем. Повторяю, пространство здесь насыщено газом и пылью. Следовательно, это среда, в которой постоянно происходит трение. Именно поэтому возможно и другое предположение — что Тиир был захвачен Альционом. Из-за трения орбита Тиира непрерывно укорачивается. С каждым годом он все дольше задерживается в «горячей» зоне, и с каждым годом сокращается время его пребывания в отдалении от Альциона, то есть именно то время, когда может жить народ Дара. И если Альцион не вылетит из Плеяд, а этого, по-видимому, не случится, то через полмиллиона или через миллион лет красное солнце вместе с Абьёрменом упадет на него.

— Ну, времени достаточно.

— Точные сроки установить трудно, но ясно одно: задолго до того, как они истекут, на Абьёрмене не сможет жить даже «горячая» раса. Мы обязаны переселить обе расы с этой планеты или хотя бы помочь им убраться отсюда, иначе мы будем повинны в преступной халатности.

— Но ведь световое давление Альциона было достаточно мощным, чтобы разгонять вещество, из которого могли образоваться планеты; каким же образом это вещество создает трение?

— Воздействие светового давления на частицу по сравнению с воздействием на нее сил притяжения находится в функциональной зависимости от размеров и плотности самой частицы. Могу вас заверить, что мы произвели немало наблюдений в этой области пространства и то, о чем я говорю, — не простые догадки. Единственно, что меня смущает, — не вберет

ли сам Тиир в себя огромное количество вещества? Потому что в таком случае светимость его увеличится и излучение истребит все живое на этой планете задолго до того, как Тиир упадет на Альцион. Не могу сказать, что именно произойдет раньше, но то или другое произойдет непременно.

— Но куда же нам переселять этот народ? Найдется ли в Галактике еще одна планета, в точности воспроизводящая условия на Абьёрмене?

— Готов держать пари, что таких планет тысячи. Правда, мы их еще не открыли, но ведь многие области Галактики еще не обследованы. И даже если такие планеты не найдутся, народ Абьёрмена сможет научиться жить на кораблях, и даже лучше, чем сейчас, потому что обе расы смогут жить одновременно. Мне представляется, что это должен быть корабль, одна часть которого горячая, а другая — холодная, и в них живут эти существа и переходят из одной части в другую, когда наступает их время. Такое положение вещей, несомненно, устроит абьёрменцев больше, нежели жизнь на планете типа Земли, и я уверен, что правительство разделит мою точку зрения. Мы вернемся сюда еще до того, как вас произведут в адмиралы, сэр, и организуем здесь технические школы для обеих рас. И мне наплевать, как к этому отнесутся нынешние поколения Учителей «горячей» расы; несколько уроков астрономии заставят их изменить свое мнение.

— Если только вам удастся обучить астрономии расу, которая воспринимает свет как звуковые колебания, — сухо заметил Бёрк. — Но это к делу не относится. Я согласен с вами. — На лице Крюгера отобразилось облегчение; что при этих словах почувствовал Дар, понять по его «лицу» было невозможно. — Дар

Лан Ан может продолжать учиться у наших ученых сколько ему будет угодно и может возвратиться к своему народу со всей полученной информацией, когда пожелает. Вы понимаете, что, разрешая это, я иду на известный риск, но я почти уверен в поддержке официальных кругов. Молодой человек! — Он неожиданно повернулся к Крюгеру. — Вот вам прекрасный пример того, как опасно принимать решения на основании недостаточных данных. Только пусть это не впечатляет вас слишком сильно. У вас никогда не будет всех данных для решения вопросов, и тем не менее когда-нибудь от вас потребуется ответ — особенно если вам придется командовать звездолетом. И вам придется взять на себя ответственность за незрелое решение. Если вы когда-нибудь сломаете на этом шею, не жалуйтесь.

— Не буду, сэр.

— Превосходно. Дар, я не стану перед тобой извиняться. Но я готов предоставить любую помощь, которая тебе потребуется, пока ты с нами, если, конечно, это окажется в моих силах.

— Благодарю вас, командир. Мои Учителя будут вам за это весьма признательны.

— Кажется, скоро наступит время, когда ваше убежище закроют?

— Через год. Я, впрочем, хотел бы вернуться туда, как только вы разрешите, потому что докладывать мне придется о многом.

— Мы переправим тебя в самое ближайшее время. Нильс Крюгер, я полагаю, вы захотите отправиться вместе с Даром. Бот поведу я сам; на борт приглашаются все, кому это позволяют их обязанности и кому хватит места. Мы останемся внизу до того момента, когда закроют убежище, так что все,

кто желает видеть эту процедуру, пусть планируют трехнедельную отлучку с «Альфарда». Бот стартует через двадцать часов; желающие взять с собой аппаратуру могут воспользоваться этим временем, чтобы погрузить ее. Дар Лан Ан, как по-твоему, смогут ли твои Учителя пользоваться радио, которое работает не на волне твоих «огненных» приятелей, так, чтобы они могли говорить с нами, если бы пожелали, без свидетелей?

Крюгер с трудом подавил улыбку: старик, не смотря на свою приверженность долгу, все-таки был неплохим человеком.

— Такое устройство весьма бы нам пригодилось, командир.

— Отлично. Мы позаботимся о том, чтобы несколько таких аппаратов были погружены на бот. Можете расходиться.

На сей раз выход на посадочную площадку у Ледяной Крепости происходил по-другому. Боту, который поддерживался и управлялся полями, сходными с теми, что пронесли «Альфард» сквозь межзвездное пространство с полным безразличием к законам скорости света, не пришлось маневрировать, как планерам. И это было очень кстати, ибо площадка была забита летательными аппаратами до такой степени, что сам Дар затруднился бы посадить здесь свой планер. Впервые Крюгер увидел Учителей на поверхности: одни из них командовали, другие просто смотрели.

Бот заметили, и группа аборигенов жестами показала на край площадки, откуда оттаскивали планеры, чтобы расчистить место.

Едва люк бота откинулся, как Дар и Крюгер, нагруженные радиооборудованием, которое предоставил Бёрк, выбрались наружу. Дар пошел впереди, и

начался долгий-долгий спуск по туннелям к центральному убежищу, расположенному на большой глубине под ледяной шапкой. Крюгера более не удивляло подобное расположение, но он по-прежнему недоумевал, каким образом все это соорудили.

В туннелях было гораздо оживленнее, чем раньше, десятки и даже сотни аборигенов сновали взад-вперед по своим таинственным делам.

— В библиотеках, должно быть, очень много работы, — заметил Крюгер, указывая на одну из таких групп.

— Нет, книги доставлены уже давно, — отозвался Дар. — Сейчас главная проблема — пища. Обычно ее всегда много здесь задолго до срока, но мало ли что может случиться? Мы носим сюда пищу до самого последнего момента.

— Что ты намерен делать?

— Собрать всех Учителей, которые свободны, и доложить обо всем. Их будет, наверно, много: они ведь знают, что я вернулся с информацией.

— Надо полагать, доклад займет теперь все твоё время.

— Да, Нильс. Тебе, верно, хочется осмотреть все убежище, увидеть, как оно подготовлено к времени смерти, но я буду занят и не смогу служить тебе проводником. Впрочем, мы найдем кого-нибудь, кто тебе поможет.

Крюгер остановился и положил руку на плечо своего маленького друга.

— Ты ведь еще увидишься со мной, перед тем как закроют двери? — спросил он. — Я не хочу мешать работе, которая должна быть сделана, но мне не хотелось бы так скоро расстаться с тобой, — вероятно, на много моих лет,

Дар Лан Ан вывернул оба глаза и уставился на взволнованное лицо Нильса.

— Я увижусь с тобой, перед тем как закроется Крепость. Обещаю это, — сказал он.

Они двинулись дальше; юноша был удовлетворен.

Предположение Дара о том, что его ожидает целая комиссия, полностью оправдалось. Нильс обнаружил, что она состоит из существ одного с ним роста — из новых Учителей. Впрочем, один из гигантов, которых он встречал раньше, предложил ему услуги в качестве проводника, и с его помощью Крюгер увидел уже приведенные в порядок библиотеки, склады продовольствия на верхних уровнях, всего в нескольких футах от слоя льда, и огромные «огороды», где произрастали растения, напоминающие земные грибы, на нижних, более теплых уровнях.

Затем его вывели наверх, на посадочную площадку, где продолжалась кипучая деятельность. В воздух взмывали планеры, направлявшиеся к далеким городам, и тут же садились другие с грузом продовольствия. Наземные команды без устали оттаскивали их к границам посадочной площадки или в туннели, чтобы расчистить место для новых аппаратов.

— Я не отнимаю у тебя времени? — спросил Крюгер, когда они вышли на поверхность. — Сейчас, кажется, самое хлопотное время для твоего народа.

— Мне ведь больше нечего делать, — последовал ответ, — я уже передал свои обязанности преемнику.

— Разве ты не останешься в убежище?

— Нет. Моя жизнь окончена. Останутся лишь немногие из нас, чтобы проследить за тем, как будут закрываться двери, но это уже не моя задача. Как только ты перестанешь нуждаться в моих услугах, я покину это место.

— А мне показалось, что все планеры, которые могут носить вас, уже разобраны...

— Они действительно разобраны. Но я уйду пешком. Мы ведь не возвращаемся в города.

— Ты хочешь сказать... — Крюгер остановился; он знал, что Дар рассказал своему народу по радио очень немного, и он понятия не имел, что может быть известно этому существу. Впрочем, Учитель либо знал, либо догадывался.

— Нет, мы не возвращаемся в города. Такого обычая у нас нет. Лучше умереть до того, как температура поднимется слишком высоко, во всяком случае прежде, чем наши тела будут разрушены каким-либо другим образом. И когда ты более не будешь нуждаться во мне, я отправлюсь на ледяную шапку.

Крюгер не нашелся, что сказать, и объявил только, что он все еще нуждается в обществе Учителя. По его предложению они вошли в посадочный бот, где Учителя с большим энтузиазмом встретили биологи. Один из биологов вполне свободно владел местным языком, поэтому присутствие юноши не было обязательным, и он вернулся на посадочную площадку дожидаться Дара. Однако его маленький друг все не появлялся, и Нильс наблюдал за неутомимой деятельностью аборигенов, пока ему не захотелось спать.

Время шло. Постепенно число планеров уменьшалось — их прибывало все меньше, а те, что находились на площадке, улетали в другое полушарие. Деловитость, с которой эти существа отправлялись в свой последний полет, действовала угнетающе не только на Крюгера, но и на всех остальных членов экипажа.

— Вероятно, все дело в воспитании, — заметил один из них, — но если бы я знал, что мне осталось жить всего неделю, я вел бы себя совсем по-другому.

— А по-моему, осталось еще три недели, — возразил Крюгер. — На всякий случай они закрывают двери за год до того, как начинаются изменения в атмосфере.

— Не уклоняйся от сути дела.

— Я и не собираюсь уклоняться. Между прочим, из бесед с Даром у меня создалось впечатление, будто он жалеет нас за то, что мы живем совершенно не имея понятия, когда придет наш срок. Видимо, ему так же трудно понять, что мы к этому привыкли, как и нам представить себе его отношение к этому вопросу.

— Справедливо замечено, — отозвался новый голос. Крюгер повернулся и увидел на пороге люка командира Бёрка. — Хотелось бы мне узнать вашего друга поближе, Крюгер, но мы, видимо, так никогда и не узнаем его по-настоящему — даже вы не узнаете.

— Возможно, вы правы, сэр, но у меня такое чувство, будто я-то его знаю.

— Ну что ж, желаю вам удачи. Однако, мне кажется, время закрывать двери наступает...

Еще несколько человек вышли из бота.

— Я не совсем в курсе дела, сэр, но думаю, что вы правы. Почти все планеры улетели, и... и я видел, как целая группа Учителей прошла по площадке и удалилась за гору. — Голос Нильса дрогнул, и командир печально склонил голову.

— Да. И тот, кто служил вам проводником, тоже ушел, пока вы спали.

— Правда? Я этого не знал, сэр.

— Я знаю. Он ушел по моему совету. Я решил, что так будет лучше. — Что-то в тоне командира заставило юношу промолчать.

На площадке появилось еще несколько Учителей, и разговор прекратился. Люди молча смотрели на них. Один из Учителей остановился возле люка и заговорил:

— Сейчас мы будем проверять, как закрываются двери. Они расположены в глубине туннеля, так как нам желательно, чтобы, когда наступит горячий сезон, лед заполнил пещеры верхнего уровня. Не хотите ли пойти с нами и посмотреть на эту процедуру?

— Погодите! Дар Лан Ан обещал, что увидится со мной перед тем, как закроются двери! Где он?

— Он уже идет. Иди с нами, и ты встретишь его в туннеле. Я вижу, его планер готов к отлету.

Учитель замолчал и повернулся, чтобы идти, и люди последовали за ним; Бёрк смотрел на ошеломленного Крюгера, лицо его выражало что-то похожее на жалость.

Двери находились примерно в трехстах ярдах от входа в туннель. Учитель не обманул. Дар Лан Ан действительно ждал там.

— Привет, Нильс! — крикнул он. — Прости, что я так задержался. Дел было много, поверь мне!

— Дар! Не может быть, чтобы ты успел... Но Учитель сказал...

— Конечно, я успел. Так было надо. Пойдем наверх, я хочу осмотреть мой планер. Или ты предпочитаешь поглядеть, как будут закрывать двери?

— Но их еще нельзя закрывать! Не может быть, чтобы ты рассказал им все, что узнал от нас! Ты должен остаться и быть Учителем следующего поколения!

Маленький абориген помолчал, затем тихо сказал:

— Пойдем со мною, Нильс. Возможно, я поступил не так, как следовало, но дело сделано. Попробую объяснить тебе.

Он показал рукой на выход из туннеля, и юноша молча повиновался, не спуская глаз со своего друга. Дар начал говорить на ходу; Бёрк посмотрел им вслед и покачал головой.

— Нильс, я не смог. Я думал о том, что ты сказал, и, когда я впервые начал учиться у вас, я собирался сделать так, как ты предлагаешь. Правда, это не очень было мне по душе, но я считал, что таков мой долг. Затем я поселился с тобой и с твоим народом, и... и я продолжал учиться. Астрономии, геологии, биологии, археологии, математике — всему, всем наукам, которые были представлены специалистами в твоей группе. И всего этого было слишком много.

— Слишком много для тебя, чтобы запомнить? — Крюгер остановился, и на секунду удивление затмило его горе.

— Нет, не слишком много, чтобы запомнить, но слишком много, чтобы правильно усвоить. Я мог бы остаться внизу и диктовать книгу за книгой, рассказывая, что вы делали и что вы говорили; но что толку из того, что я понял большую часть этого? Мой народ все равно бы не понял. Есть нечто, в чем он нуждается гораздо больше, и постепенно я понял, что это. Метод, Нильс. Сам подход твоего народа к проблемам — воображение и эксперимент. Вот чему должен научиться мой народ, вот что я должен был ему показать. В конце концов, наши проблемы совершенно иные, чем ваши; и мы должны решить их сами. Конечно, факты тоже очень важны, но их я старался приводить не слишком много. Так, кое-какие сведения из различных областей, чтобы они иногда могли проверить правильность ответов.

— Значит, это я виноват, что так получилось! Я ведь нарочно заваливал тебя знаниями, чтобы ты

не успел управиться с передачей их до срока твоей смерти!

— Нет. Ты не виноват, если это вообще можно называть виной. Ты показал мне, — правда, косвенным образом — именно то, в чем мы нуждаемся. Я искал предлога избежать жизни в Крепости; если тебе угодно считать, что ты дал мне этот предлог, пусть будет так... и спасибо тебе.

Он замолк. Они уже вышли на площадку, и Дар без лишних слов принялся проверять готовность планера к отлету.

— Но... может быть; ты тогда останешься с нами? Зачем тебе возвращаться в Кварр и... и... — Крюгер не мог заставить себя закончить фразу.

Дар оторвался от работы и пристально поглядел на него. Секунду-другую казалось, что он колеблется; затем он покачал головой — знак отрицания, которому он научился у Крюгера.

— Нет, из этого ничего не выйдет. Мне кажется, я понимаю твои чувства, друг Нильс, и мне тоже как-то жаль расставаться с тобой, но... разве ты пошел бы со мной?

Он почти улыбался, задавая этот вопрос. Крюгер молчал.

— Конечно, ты бы не пошел. Ты бы не смог пойти. Ты ведь считаешь, что жить тебе еще долго, хотя и не знаешь, сколько именно. — Он стиснул руку Крюгера своей маленькой когтистой рукой. — Нильс, через много лет здесь будет много народу, который является частичками меня. Меня уже не будет, но ты, возможно, вернешься сюда. Может быть, благодаря тому, что сделали мы с тобой, некоторые мои потомки станут учеными и научатся, как заслужить уважение, а не презрение «горячей» расы, заложат основа-

ние цивилизации, которая со временем сравнится с вашей. Мне хочется думать, что ты им поможешь.

Он вскочил в планер и, не дав юноше сказать ни слова, нажал рычаг запуска.

Крюгер смотрел вслед маленькому самолетику, пока он не исчез из виду. А исчез он очень быстро, потому что глаза Нильса видели хуже, чем обычно. Но он еще долго стоял и смотрел в ту сторону, куда улетел Дар, и наконец пробормотал:

— Я помогу им.

И он повернулся, когда из туннеля донесся тяжкий стук закрывающихся дверей.

КРЫСА В ЛАБИРИНТЕ

Я уложил на полки папки с протоколами опытов, запер шкаф, повесил ключ на гвоздь и подошел к двери. Шаги гулко разносились в тишине. Взявшись за ручку, я замер: послышался легкий поспешный шелест.

«Крыса, — промелькнуло у меня в голове. — Удрала из клетки? Глупости, это невозможно».

Лабиринт, расставленный на столах, я мог охватить одним взглядом. Извилистые коридорчики под стеклянной крышкой были пусты. Очевидно, мне показалось. Однако я не двигался с места. Снова шорох у окна. Отчетливый стук коготков. Обернувшись, я быстро присел и заглянул под столы. Ничего. Опять шорох, на сей раз с другой стороны. Я подскочил к печке. Сзади до меня донесся шорох. Застыв на месте, я медленно повернул голову и краем глаза оглядел комнату. Было светло и тихо. Но вот снова шорох, еще и еще — уже с противоположной стороны. Я рывком раздвинул столы. Ничего. А совсем рядом со мной пахальная возня, треск разгрызаемого дерева. Неподвижный, как изваяние, я осматривал комнату. Ничего. И вдруг три-четыре резких шороха, возня под столами. Меня передернуло от отвращения.

«Уж не боишься ли ты крыс?» — упрекнул я себя.

От шкафчика, который я только что запер, донеслось энергичное царापание. Я подскочил к дверцам — за ними что-то металось, мягко билось, трепетало. Дернул замок... и прямо мне на грудь упал серый клубок. Охваченный ужасом, задышавшись, чувствуя отвратительный комок в горле, я сделал такое

усилие, будто свалил с себя каменную плиту... и проснулся.

В автомобиле было темно. В зеленоватом свечении циферблатов едва виднелся профиль Роберта. Он сидел, небрежно откинувшись назад и скрестив руки на руле, — где-то подсмотрел эту позу, не иначе как у какого-нибудь лихого шофера.

— Ну, что там с тобой? Не сидится? Уже подъезжаем.

— Душно в этой коробке, — буркнул я, опустив стекло и подставляя лицо резкому ветру. Тьма летела назад, только полоска шоссе перед нами стремительно плясала в свете фар.

Поворот, другой — снопы света пробивали длинные коридоры между стволами высоких сосен. Словно белые призраки, выскакивали из мрака и исчезали дорожные столбики. Неожиданно асфальт кончился. «Шевроле» подпрыгнул на выбоинах и, танцуя, помчался по узкой лесной дороге; мне все время казалось, что мы вот-вот налетим на какой-нибудь невыкорчеванный пенек. Но я молчал. Лес перед нами поредел, вскоре деревья расступились — мы были на месте. Как я и ожидал, Роберт не сбавил скорости на краю поляны и со скрежетом затормозил у самой палатки, едва видневшейся в темноте. Передними колесами машина чуть не уперлась в колышки, к которым были привязаны растяжки. Я хотел было выругать Роберта за глупое ухарство, но вспомнил, что это наш последний вечер.

В Олбани на почте Роберта ожидало известие, что через два дня он должен явиться в редакцию. Ровно столько времени требовалось на то, чтобы покрыть без малого тысячу километров, отделяющих наш лагерь от Оттавы: до Олбани автомобилем, потом

пароходом и снова по автостраде. Роберт предложил мне остаться на берегу озера одному до конца сентября, как мы ранее планировали, но я, разумеется, отказался.

Сразу же за городом, выезжая в сумерках на автостраду, мы переехали зайца. Не считая форелей, это был наш единственный охотничий трофей. Мы прихватили его с собой и теперь принялись готовить ужин. Заяц был старый и, вероятно, поэтому огнеупорный; справиться с ним удалось только около полуночи. Единоборство с малосъедобным жарким несколько развеяло наше похоронное настроение; этому способствовало и пиво, припрятанное в багажнике до «особого случая». Мы решили, что сейчас именно такой случай. Роберт вдруг вспомнил о привезенных из города газетах и пошел к машине. Догорающий костер почти не давал света, поэтому Роберт включил фару.

— Погаси! — крикнул я.

— Сейчас, — ответил он, разворачивая газету.

— Нет, брат, ты не создан для уединения, — сказал я, раскуривая трубку. — Горожанин несчастный!

— Ладно, лучше послушай.

Роберт склонился над газетой.

— Помнишь метеорит, о котором писали на прошлой неделе? Так вот — он снова появился.

— Чепуха.

— Да нет, ты только послушай: «...сегодня рано утром — это вчерашняя газета — он в третий раз приблизился к Земле и, входя в верхние слои атмосферы, раскалился добела, после чего начал гаснуть и исчез. На пресс-конференции в Торонто профессор Мерривезер из местной астрономической обсерватории опроверг версию, распространяемую американ-

скими газетами, будто это небесное тело — не что иное, как космический корабль, облетающий нашу планету перед посадкой. По словам профессора, это захваченный земным притяжением метеорит, который стал спутником и обращается вокруг Земли по эллиптической орбите. На вопрос нашего корреспондента, следует ли считаться с возможностью падения метеорита на Землю, профессор Мерривезер ответил, что это не исключено, поскольку с каждым оборотом, приближаясь к Земле, метеорит подвергается торможению вследствие трения о воздух. Этой проблемой занимаются многие обсерватории, и, надо надеяться, в ближайшее время ее удастся решить...» А вот газеты из Штатов, трехдневной давности. Ну, они там изощряются: «Космический звездолет приближается», «Речь неизвестных существ будет переводить электронный мозг», «Гости из космоса»... Ну-ну, — сокрушенно вздохнул Роберт, — а я тут сижу в лесу.

— Все это глупые басни, — сказал я. — Гаси-ка свет и выкинь эту муть.

— Ну ладно, сказке конец...

В полумраке Роберт вернулся к костру, который к тому времени превратился в грудку красных углей, подбросил веток, а когда они занялись, уселся на траву и вполголоса произнес:

— А может, это и в самом деле был звездолет... Ну что тут смешного?

— Так и знал, что не уймешься.

— Эх ты, психолог, — проворчал Роберт, пошевелив веткой костер, который словно в сердцах с треском выбросил снопы искр. — Почему это не может быть корабль? Скажи.

— И скажу. Где одеяло? Чертовски тянет от земли. Видно, к заморозкам. Так вот, дружище, за шесть

тысяч лет существования земной цивилизации к нам не прибыл ни один космический корабль. Такое событие неизбежно нашло бы свое отражение в исторических хрониках. А об этом нигде ни слова. Вероятность какого-либо события можно оценивать по тому, как часто оно происходит, понятно? Большие метеориты падают на Землю регулярно — раз, а то и два в столетие. А кораблей не было... Поэтому вероятность того, что это огненное тело было ракетой, практически равна нулю.

— Ну хорошо... Но не станешь же ты отрицать, — Роберт оживился, — что существуют обитаемые планеты. Если не в нашей солнечной системе, то в других. Значит, рано или поздно какой-нибудь корабль к нам прилетит...

— Вполне возможно. Скажем, через два миллиона лет. А может, уже через сто тысяч. Как видишь, я не хочу тебя огорчать.

— Вот было бы здорово! — вслух размышлялся Роберт. — Понимаешь, в этом вопросе мнения расходятся: одни считают, что контакт с иным разумом был бы для нас полезен, другие утверждают, что это положило бы начало «войне миров». Ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Это все равно что визит улиток к белкам, и результаты такие же: никаких! Невозможно преодолеть различия в структуре.

— Ты имеешь в виду — в структуре мозга?

— Не только. В структуре жизни вообще. Даже если бы они умели говорить — что вовсе не обязательно, — мы бы с ними не договорились...

— Но, может быть, со временем...

— Очень сомнительно.

— Почему?

— Мы, люди, — существа зрячие: большинство наших понятий выводится из зрительных впечатлений. Их восприятия могут основываться совсем на другом принципе... Например, на обонянии. А может быть, у них есть совершенно неведомые нам органы, улавливающие, скажем, химические свойства веществ. Откуда нам знать. Становится все холоднее. Подбрось-ка веток в огонь... Впрочем, дело даже не в различии восприятий, это в конце концов можно было бы и преодолеть. Но тогда мы убедились бы, что нам с ними просто не о чем говорить... Мы создаем и совершенствуем футляры — в них мы живем, ими укрываем тело, с их помощью перемещаемся с места на место... Кроме того, мы тратим уйму времени на питание и очищение наших тел, на определенные движения (я имею в виду спорт) — так вот, во всех этих вопросах мы не нашли бы с ними общего языка...

— Ну что ты мелешь, Карл! Не прилетят же они на Землю, чтобы поболтать с нами о моде или о спорте.

— А о чем же?

— Ну... об общих проблемах...

— Каких именно?

— Что ты меня экзаменуешь?! О науке, технике...

— Попробую доказать, что ты заблуждаешься. Нет ли у тебя под рукой какого-нибудь прутика? Трубка засорилась. Спасибо. Итак, во-первых, их цивилизация может развиваться совершенно в ином направлении, чем наша, — в таком случае взаимопонимание вообще было бы чрезвычайно затруднено. Во-вторых, если даже предположить, что в ее основе, как и у нас, лежит постоянно совершенствуемая техника, то и тогда беседа вызвала бы невероятные

трудности. Мы до сих пор не способны преодолеть межзвездные пространства — не правда ли? — а они уже самим фактом своего появления на Земле докажут, что могут это сделать. Следовательно, они будут превосходить нас, опережать как в технике, так и в науке, ибо одно неразрывно связано с другим. Вообрази теперь, что современный физик, какой-нибудь де Бройль или Лоуренс, встречается своего коллегу, жившего полтора или два столетия назад. Тот толкует о каких-то флогистонах, а наш современник говорит о космическом излучении, об атомах...

— Ну хорошо, но мы уже сегодня знаем об атомах, и немало.

— Согласен, но они-то могут знать куда больше, может, атом для них понятие устарелое, а может, они вообще обошлись без него и совсем иным путем решили проблему материи... Нет, вряд ли это были бы плодотворные контакты — даже в области точных наук. А в повседневных делах у нас и вовсе не нашлось бы с ними ничего общего. И коль скоро мы не сумеем понять друг друга, говоря о конкретных вещах, мы тем более не найдем общего языка в сфере обобщений, которые являются производными этих конкретных понятий. Разные планеты, разная физиология, разная интеллектуальная жизнь... Разве только... Впрочем, это фантазия...

— Что? Договаривай.

— Э, ничего. Мне пришло в голову, что с виду они могли бы походить на нас и все-таки представлять собой непонятный мир... — Я замолчал.

— Говори яснее.

— Речь идет о том, — объяснил я, выбивая трубку о камень, — что на Земле только человек достиг выс-

шего уровня умственного развития. В других условиях параллельно могли бы развиваться два различных вида разумных существ...

— И между ними возникла бы вражда — ты это имеешь в виду?

— Нет. Это все та же, земная, антропоцентрическая точка зрения. Ладно, оставим этот разговор. Скоро два, пора спать.

— Хорошее дело — спать. Нет уж, начал — договаривай до конца.

— Ну, так и быть. Скажу, хотя с моей точки зрения все это несусветная чушь. Так вот, один из тех разумных видов мог бы быть человекообразным, но находиться на более низкой ступени развития... а другой господствовал бы... Вообрази себе такую ситуацию: на Землю садится корабль, мы находим в нем существа, похожие на нас, приветствуем их как покорителей пространства, а меж тем это просто низшие формы иного мира, понимаешь, которых истинные конструкторы звездолета посадили в кабину и запустили в космос... Как мы посылаем в ракетах обезьян...

— Недурно придумано. Послушай, почему ты не пишешь фантастических рассказов? С твоим воображением!

— Сказками не занимаюсь, у меня достаточно дел посерьезнее. Ну, а теперь пошли спать. Утром еще поплаваем по озеру, я хотел... Погоди, что это?

— Где?

— Там, над лесом!

Роберт вскочил. Небо, до сих пор почти неразличимое, посветлело. Засверкали кромки облаков.

— Что это, луна? Нет, слишком ярко... Смотри!

Становилось все светлее. Мгновение — и ближайшие к нам деревья начали отбрасывать тени. Вдруг

ослепительный столб огня разорвал облака. Я вынужден был закрыть глаза руками. Лицо и руки опалил мгновенный жар. Земля подо мной вздрогнула, вспучилась и осела. Послышался протяжный, идущий со всех сторон гром, который то нарастал, то затихал совсем. Сквозь ослабевающий грохот слышался только страшный треск падающих деревьев. Порыв горячего ветра разметал костер, я почувствовал обжигающую боль в ноге — по ней ударила головешка — и, задыхаясь в клубах пепла, покатился куда-то в сторону. Втиснув лицо в траву, переждал несколько томительных секунд. Постепенно все стихло, лишь беспокойный ветер шумел в ветвях уцелевших деревьев, а потом вновь стало темно, и только над северным горизонтом ползла красноватая луна.

— Метеорит! Тот метеорит! — кричал Роберт. Он закружился на месте, потом подскочил к машине и включил фары. Их свет вырвал из темноты распластавшуюся на земле палатку, перевернутые и обсыпанные пеплом и погасшими углями постели, а Роберт все бегал вокруг.

— Переднее стекло машины треснуло — верно, какой-нибудь осколок... — возбужденно сообщал он. — Вон ту огромную ель вырвало с корнем... Счастье, что нас заслонили деревья... Погоди-ка, я возьму бинокль, пойдем посмотрим с берега, что там творится...

Автомобиль с зажженными фарами остался позади, а мы по узкой тропинке вышли на пологий берег бухточки. В слабом свете далекого зарева едва виднелись темные контуры торчащих из воды скал. Роберт до боли в глазах вглядывался в бинокль, но, кроме равномерного пурпурного мерцания у северного горизонта, ничего не обнаружил.

— Послушай, пойдем туда. Посмотрим вблизи, — позвал Роберт. — Ну, брат, и материал же у меня будет!

Захваченный своей идеей, он торопливо направился к лагерю.

— Для твоей газеты? — спросил я серьезно, хотя с трудом удерживался от смеха.

— Конечно!

— Уже третий час ночи. Давай-ка спать.

— Ну что ты такое говоришь!

— Спать! — повторил я. — Берись за полотнище с другой стороны, постараемся натянуть палатку. Матрасы продырявлены как решето... Подушки возьмем из машины. Если это и в самом деле был метеорит, он до утра не сбежит. Засветло можем организовать экспедицию в том направлении — только по озеру, машина туда не пройдет. По-моему, это на северном берегу, на болотах. Машина цела?

— Да, только переднее стекло...

— И на том спасибо. А теперь спать.

Роберт, не переставая ругать обывателей, которые даже в день Страшного суда не забудут надеть войлочные туфли, вместе со мной поставил палатку и уложил в ней автомобильные сиденья. Мытье посуды по случаю исключительных событий мы отложили до утра. Я уже засыпал, когда Роберт негромко произнес:

— С точки зрения статистики вероятность того, что метеорит упадет именно здесь, равнялась нулю. Что ты на это скажешь? Ты меня слышишь, Карл? — спросил он громче.

— Слышу, — сердито ответил я. — Оставь меня наконец в покое.

Я натянул на голову одеяло и тотчас уснул.

Меня разбудил вой автомобильной сирены. Я выглянул из палатки. Было уже светло. Роберт хлопотал у машины. Он принялся объяснять, что нажал гудок нечаянно. Я не стал его слушать и пошел к озеру. Наш бивак находился на мысу большого полуострова, вдававшемся в черное, почти неподвижное озеро, в котором отражалась плотная стена леса. Кое-где в ней зияли прогалины. Северный берег, обычно тонкой линией выделявшийся на горизонте, сейчас не был виден — его заволокло пеленой белого тумана. Сразу же за большими камнями начинались глубокие места. Я прыгнул в воду, и у меня перехватило дыхание — такой она была холодной. Обогнул мыс, потом, лежа на спине и работая только ногами, вернулся на берег. Роберт уже столкнул лодку в воду, но вынужден был подождать, пока я позавтракаю — я не поддавался его уговорам и не желал трапезничать в пути. Потом никак не заводился мотор, пришлось продуть карбюратор, и мы отплыли довольно поздно.

За кормой осталась извилистая линия поросшего лесом берега. Едва мы удалились от него, как почувствовали слабый восточный ветер, озеро вздулось волнами. Громко стучал мотор, мы быстро двигались вперед. Минут через пятнадцать берег превратился в синеватую полосу, зато стена тумана поднялась гораздо выше, молочные хлопья, казалось, достигали угрюмого неба. Делать мне было нечего, я неподвижно сидел на скамье и с каждой минутой все больше сомневался в целесообразности затеянной экспедиции.

Я старался припомнить все, что когда-либо читал о метеоритах, и особенно об огромном сибирском метеорите. Место его падения безуспешно искали годами, а ведь жителям окрестных селений, над которыми он пролетел, казалось, что метеорит упал совсем рядом.

Если и «наш» метеорит был достаточно велик, он мог упасть за десятки миль отсюда, думал я, и наши поиски ни к чему не приведут. Однако этот туман... Я еще никогда не видел такого густого тумана на такой большой площади. Мне вдруг пришло в голову, что без компаса мы просто заблудимся. Я взглянул за корму — берега исчезли, вокруг простиралось черное, иссеченное волнами, мерно колыхавшими лодку, озеро. Даже если метеорит упал сравнительно близко, добраться до него по болотам будет делом нелегким.

В машине у нас была карта окрестностей, конечно, нужно бы захватить ее с собой, но как это обычно бывает, мы о ней попросту забыли. Известно, по крайней мере теоретически, что направление к месту катастрофы показывают поваленные деревья. По берегу, к которому мы стремились, двигаться было нелегко даже в хорошую погоду... Наша затея казалась мне все более бессмысленной, но я молчал, слишком хорошо понимая, что Роберт останется глух к доводам рассудка.

Мы подплывали к стене тумана. Его клубы, похожие на причудливо скрюченные корни, низко стелились над водой. Нас поглотил молочный полусвет. В просвете между двумя клубами тумана я на мгновение еще раз увидел черный простор воды, потом расплывающиеся языки мягко сомкнулись, и вот уже мы плывем в теплом влажном облаке. Меня охватило какое-то непонятное чувство — не страх, а смутное ощущение того, будто мы приближаемся к чему-то необычному, что в любую минуту готово вынырнуть из окружающей нас молочно-белой пелены. Я вытащил вращающийся винт из воды.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Роберт.

Не обращая на него внимания, я опустил вниз весло — меня не оставляло чувство, что здесь творится что-то неладное. Вода, вместо того чтобы забурлить вокруг лопатки весла, осталась неподвижной.

— Роберт, — крикнул я, — нас несет течением! Раньше его не было.

Белые хлопья тумана заволокли лодку, смазывая очертания носа. Энергично действуя веслом, я поставил лодку вначале бортом, а потом кормой к направлению потока и опустил винт. Вода за кормой закипела, но несмотря на то что теперь мотор толкал нас в обратном направлении, мы продолжали плыть в глубь туманного облака, кормой вперед.

— Весла! Роберт, весла! — закричал я.

Лодка больше не покачивалась. Она дрожала, не сильно, но так, что в ее мелкой дрожи чувствовалась непреодолимая сила потока, и, пронзая туман, летела вперед. Темнело. В просветах тумана иногда показывалась вода, которую мы вспенивали, странно-коричневого цвета. Все наши усилия были тщетными, от бешеной гонки скамья подо мной вибрировала точно натянутая струна. Неожиданно прямо над нами послышался басовитый рокот мотора. «Самолет!» — воскликнули мы одновременно, задрав головы в надежде на чудо. Но чуда не произошло. Звук мотора стал затихать, а потом и вовсе пропал, зато сквозь постукивание нашего моторчика прорвался глухой гул, похожий на шум водопада.

Неожиданно впереди возник чудовищный горб, лодка вздыбилась и ринулась вниз. Отчаянно работая веслами, мы тщетно пытались удержать ее в равновесии. Внезапно я почувствовал, как скамья рванулась из-под меня, ударом холодной волны меня отшвырнуло в сторону, Роберт куда-то исчез. Я по-

началу барахтался в воде, а потом поплыл, стараясь удержаться на поверхности, но почувствовал, что слабею. Меня несло по черной, круто спадающей дуге, со всех сторон в клокочущую воронку врывались потоки воды. Меня засасывало все глубже и глубже. Задышавшись, давась, я увидел на миг какие-то пульсирующие красные огни и потерял сознание.

Очнулся я от тошноты. Я лежал на животе на чем-то эластичном, пружинящем. Из рта и из носа лилась вода. Лежал я так долго. Что-то плоское, скользкое ударило меня в бок. Удары эти, похожие на трепетание живого существа, то затихали, то начинались вновь. Приподнявшись на руках, я сел.

Кругом было темно, только возле меня все было залито едва заметным сероватым светом. Все еще давась и кашляя, я поднял руку, чтобы вытереть лицо, и окаменел. Сквозь мокрую рубашку, облепившую тело, сквозь шорты пробивался мутный свет. Фосфоресцировало все: ладони, пальцы, голые до локтей руки. От всего тела шло слабое, сероватое свечение. Я в растерянности стал тереть глаза. В голове у меня зашумело.

Глупости, это всего лишь галлюцинация, уговаривал я себя. Я зажмурился, потом снова открыл глаза. Все та же картина. Более того, я заметил в ней новые подробности. Предмет, лежавший неподалеку, оказался... Робертом. Тело его фосфоресцировало так же, как и мое. С огромным усилием я привстал и на коленях подполз к нему. Потряс его за плечо раз, другой — он очнулся. Я увидел его глаза, которые не светились и потому казались темными провалами. Он начал дышать глубже, потом громко закашлялся, выплевывая воду. Слишком слабый, чтобы поднять

его, я терпеливо выжидал, когда он окончательно придет в себя.

— Что это, Карл?.. Где мы?.. — прохрипел он наконец.

Я молча смотрел, как он встает, покачиваясь, как появляется тот же феномен свечения, который так меня поразил.

Постепенно ко мне возвращались силы. Я глубоко дышал и с каждым вдохом чувствовал себя лучше. Потом встал и вплотную приблизился к Роберту. Мы смотрели друг на друга, знакомые черты неузнаваемо преобразило бледное свечение кожи.

— Что это? — спросил Роберт, сделал шаг вперед и пошатнулся. Из-под его ног с громким плеском что-то выскочило. Я нагнулся, и у меня между пальцев проскользнул какой-то трепещущий комок.

— Рыба, — сказал я удивленно.

— Рыба? Но... но она светится... — пробормотал Роберт.

В самом деле, рыба излучала слабый свет, который, казалось, пробивался сквозь ее чешую.

— Светится, как мы... только слабее... — произнес я и оглянулся.

Вокруг нас неясными пятнами фосфоресцировали рыбы, неуклюже бьющиеся о поверхность, на которой мы стояли. Я заметил, что она слегка прогибается под ногами. В надежде понять, что бы это могло быть, я наклонился и увидел внизу правильно расположенные круглые отверстия, такие большие, что в них проходила рука.

— Где мы? — услышал я голос Роберта, который, не двигаясь, наблюдал за тем, как я по плечо всунул руку в отверстие. Рука не встретила препятствий — внизу была пустота,

— Ничего не понимаю. Нужно осмотреться... насколько это возможно. — Я выпрямился. — Должен же здесь быть какой-нибудь вход, раз мы сюда попали. Значит, нужно его найти.

Не знаю почему, но я и сам не верил тому, что говорил.

— Пошли, — согласился Роберт. Он отлепил мокрую рубашку от груди, несколько раз провел пальцами по светящимся бедрам и пробормотал: — Что все это может означать?

Мы почти на ощупь двигались в глубокой тьме, которую едва рассенвали наши тела. Осторожно ступая и расставив для равновесия руки — колышущаяся под ногами субстанция не внушала доверия, — мы через несколько шагов наткнулись на рыб, подающих слабые признаки жизни. Я заметил, что одна из них, уже уснувшая, не светилась. Мы продолжали двигаться вперед. Поверхность под ногами плавно поднималась. Внезапно Роберт наткнулся на стену, вернее, на какую-то вогнутую гладкую поверхность. Ощупав ее снизу доверху, я пришел к выводу, что мы находимся внутри какой-то ниши или пещеры овальной формы. Отверстия в полу исчезли, и мы стали продвигаться немного быстрее. Роберт меня обогнал. Тело его по-прежнему светилось, и благодаря этому мне удалось разглядеть стену напротив, такую же закругленную.

— Какое-то овальное подземное корыто... — сказал Роберт.

Я промолчал. Роберт достал складной нож, поставил его к матовой поверхности и нажал. Лезвие вошло почти по рукоятку, так что он с трудом его вытаскивал. В припадке безрассудной ярости он еще несколько раз ткнул податливое вещество.

— Оставь, — бросил я сердито. — К чему это?

— Ну хорошо, хорошо. — Роберт спрятал нож и двинулся дальше.

Его светящаяся фигура мелькала передо мной в темноте. Вот он остановился, наклонился, затем выпрямился и крикнул:

— Тут что-то есть... какая-то дорога!

В стене туннеля, по которому мы шли, я увидел широкую воронку. Возможно, то было начало какого-то коридора — сразу мы не могли этого определить. Я до боли в глазах вглядывался в темноту, и вскоре мне показалось, что где-то вдали мерцает искорка. Дно воронки находилось несколько выше уровня туннеля. Мы вошли внутрь. Под ногами по-прежнему пружинило. Огонек приближался, рос, и наконец мы очутились прямо под ним. По вогнутому своду бежала светящаяся полоска; сначала тонкая, словно нитка, она становилась все толще, пока не перешла в голубоватую жилу, которая тянулась в глубь коридора. Сбоку, в стене, появилось отверстие. Из него тоже тянулась тонкая светящаяся жилка и соединялась с той, что бежала под потолком. Мы одновременно остановились.

— Ты знаешь, где мы? — прошептал Роберт.

— Догадываюсь.

— Внутри метеорита...

— Это не метеорит...

— Нет. Это какой-то...

Он не кончил. Я молчал. Эта сумасшедшая мысль впервые пришла мне в голову в тот момент, когда я очнулся. Высказанную, я принял ее спокойнее. Мы находились — как я мог в этом сомневаться? — среди иных разумных существ, нам предстояло их увидеть и познакомиться с ними поближе. Это было неиз-

бежно. Роберт думал о том же. До меня донесся его шепот:

— Они должны быть где-то здесь...

Там, где сливались жилы, коридор плавно изгибался.

Наклонив головы, утопая в мягком полу, — у меня мелькнула мысль, что эти существа здесь не ходят, а может, у них вообще нет ног, — мы последовали дальше. Еще одна жила, и еще... Их змеистый бег заставил меня вспомнить об органическом существе — обычный кабель тянулся бы прямо... Роберт кончиками пальцев дотронулся до мерцающей над головой жилы.

— Холодная, — шепнул он.

Мы снова остановились. Стену перед нами заливал трепещущий свет. Я почувствовал еле уловимое дуновение — впереди открывалось какое-то большое пространство. Мы замерли. Роберт стиснул мою руку.

— Очевидно, нас поймали, — выдохнул он прямо мне в ухо.

— Чепуха, — ответил я также шепотом.

— Уверяю тебя.

— С чего ты взял?

— Сам подумай: ведь мы можем дышать.

Эти слова поразили меня. Роберт прав. Трудно было предположить, что помещения инопланетного космического корабля наполнял земной воздух — не похожий на наш, а именно земной, — до меня совершенно явственно донесся свежий запах воды.

— Они о нас заботятся, — прошептал мне на ухо Роберт.

Мне показалось, что слова Роберта были продиктованы страхом. Но я страха не чувствовал.

— Пошли! — нарочито громко произнес я.

— Это ведь не сон? — спросил он, не двигаясь с места.

— Ну, мыслимо ли двоим видеть один и тот же сон! Пошли! — повторил я.

За поворотом коридор стал шире и закончился отверстием, обрамленным толстым валиком. Перед нами открылась необозримая ширь. Полумрак был наполнен кружащимися огоньками. Искрящиеся жилы толщиной в человеческое тело переплетались и образовывали замысловатые каналы, а в местах их соединений беспрерывно пробегали пушистые продолговатые светящиеся комочки. Из глубины выступали какие-то темные блестящие уплотнения, и в них повторялись все более далекие и слабые вспышки. Все пространство то расширялось, то сокращалось, сверкающие каналы становились уже, вытягиваясь с какой-то змеиной грацией, в огнях появлялись темные сгустки, они распадались на отдельные оболочки, чтобы через мгновение лениво разогреться и в растущем блеске начать плыть и кружиться. В глубине толстой жилы над нами, которая, высоко взлетев, соединялась с такими же жилами, медленно проплывали продолговатые голубые огоньки. Серое, словно бы притушенное свечение наших тел было теперь едва заметно. Стоя плечом к плечу, мы молча обозревали окружающее нас пространство.

— Смотри, — шепнул Роберт.

Пушистая светящаяся масса с темными сгустками двинулась на нас. Своим блеском она затмила свечение наших лиц и взлетела вверх, уменьшаясь по мере удаления.

— Карл, — прошептал Роберт, — может, все это... Они?

— Эти огни?

— Да, ведь и мы тоже... Наверное, у этого пространства такие свойства. А рыбы? Помнишь? Они тоже светились... Все живое испускает такой свет...

Я молча глядел на хороводы огней. Потом сделал глубокий вдох. Воздух был холодный и чистый. Да, это не могло быть случайностью. И от этой мысли сердце забилося медленно и гулко.

— Карл, — снова прошептал Роберт.

— Что?

— Что будем делать?

Этот беспомощный вопрос вывел меня из состояния шока.

— Прежде всего нужно запомнить дорогу, которой мы сюда пришли, — сказал я и оглянулся.

Отверстия коридоров, таких же, как тот, что привел нас сюда, темнели в наклоненных назад нишах. «Наш» коридор отличался большими размерами, а также окружающим его валиком.

— Попробуем пройти... — я направился вперед.

Роберт послушно двинулся следом.

В абсолютной тишине по-прежнему кружились огоньки, они проплывали мимо нас, пушистые, лениво пульсирующие внутри прозрачных жил... Все пространство, казалось, дышало, словно во сне. Удивительно: та же мысль появилась и у Роберта.

— Карл!

— Да?

Я видел, что он пытается побороть страх. Он не сразу сумел произнести:

— Может, это не внутренность звездолета, а...

— А что?

— ...организма...

Я вздрогнул.

— Одного организма?

— Да. В космическом корабле мог быть только один... одно существо. Кто знает, может, эта металлическая скорлупа заполнена одним огромным организмом, который...

— ...который спит, но вот-вот проснется и проглотит тебя, — насмешливо произнес я. — Мы ведь находимся в его чреве, «чреве Левиафана», ты это имеешь в виду?

— А почему бы нет?

— Исключено.

— Но почему?

— Откуда бы в таком случае здесь взялся воздух? Впрочем, хватит. У тебя слишком буйное воображение. Пошли.

Проходя под перекрещивающимися жилами и миная вертикальные идущие снизу трубы, я старался представить себе, что продолговатые огни — это живые существа, но никак не мог примириться с этой мыслью. Они — насколько можно было об этом судить — не обращали на нас ни малейшего внимания. Мы шли по извилистой запутанной дороге. Путешествие продолжалось, пожалуй, около часа. Постепенно обстановка изменилась — в полу, до сих пор гладком, появились неглубокие поперечные желобки. Во рту у меня пересохло. Хоть бы немного утолить жажду! Я вспомнил водоворот на озере, который чуть было не стал местом нашей гибели, и зло усмехнулся. О, человеческое несовершенство, извечные метания между нехваткой и пресыщением! Впрочем, к чему это идиотское философствование? Краем глаза я взглянул на Роберта. Он то убыстрял шаги, то останавливался и оглядывался, облизывая губы, а один раз даже присел, но стоило мне взглянуть на него, как

он молча поднялся и поплелся за мной. Потом неожиданно обогнал меня и преградил мне дорогу.

— Карл, это бессмысленно. Вернемся.

— Куда?

— Туда, откуда пришли. Там... рыбы.

Я понял.

— Ты голоден?

— Я умираю от жажды, едва могу говорить. С меня хватит. Вернемся. Может, удастся прорезать ножом эти «резиновые» стены.

— Хорошо, мы вернемся, но сначала нужно изучить пространство здесь. Возможно, мы отыщем выход. Не думаю, чтобы его можно было найти там, в темноте.

— Нет, пойдем сейчас. Я больше не могу. Я... За нами следят.

— Следят? С чего ты взял?

— Просто чувствую.

— Роберт, тебе почудилось. Чтобы выбраться отсюда, мы должны...

— Перестань меня поучать! — У Роберта от злости исказилось лицо. — Знаю, знаю. Мы должны вести себя разумно, я должен быть рассудительным и осторожным...

— Напрасно кричишь, — перебил я его. — Пока что у нас нет повода для отчаяния; с нами не произошло ничего плохого и...

— Разумеется, *Они* же заботятся о нас! Пожалуй-ста, дай *Им* понять, что без воды и пищи мы не можем жить. Мы тут подохнем, а *Они* нам посветят.

— Роберт!

Я с трудом подавил гнев.

— Пойми, Роберт, *Они* не могут быть такими, как мы. Считать, что космос может повторять один и тот

же путь эволюции, одни и те же формы, мозг, глаза, рот, мышцы — это же чушь! Возьми себя в руки.

— Ну и что? Ну и что? — прервал он. — Разве я требую, чтобы *Они* походили на нас? Разве я вообще чего-нибудь требую? Умоляю тебя, будь гениальным мыслителем, будь кем хочешь — Ньютоном, Эйнштейном, только продемонстрируй *Им* человеческое достоинство и мудрость.

Роберт внезапно умолк, закусил дрожащие губы и, не оборачиваясь, пошел вперед. Над нами по-прежнему проплывали огни. Мы продвигались по длинному желобу, стены которого постепенно повышались. Я шел позади. Сверкающие комочки отбрасывали пятна света. Роберт все ускорял шаги — бессмысленно было его удерживать, да я и не пытался. Светящаяся чаша пульсировала огнями и медленно клонилась к нам; все ниже опускались огромные опалесцирующие трубы, все чаще в их голубоватом мерцании появлялись трепещущие красные полосы, создающие сгустки в глубине прозрачных колонн. Я отчетливо видел, как в одной из них, прямо передо мной, эти сгустки, освещенные изнутри рубиновым огнем, затвердели, а затем были смыты волной более мощного света, и снова глубину колонны заполнила молочная белизна. Засмотревшись на эту волшебную смену багряных затмений и белых рассветов, я на мгновение потерял Роберта. Потом осмотрелся — он неподвижно стоял в нескольких шагах от меня. Неожиданно он начал пятиться назад... Ногой коснулся чего-то на полу — и с воплем ужаса бросился бежать.

— Стой! — крикнул я. — Роберт! Роберт!

Я кинулся к нему. Он рванулся с такой силой, что я упал. Уже падая, я обратил внимание на его обезумевшие стеклянные глаза. Встав на колени, я позвал

его еще раз, не надеясь, впрочем, что он меня услышит. Его сверкающий силуэт становился все меньше. Он несясь, согнувшись, сквозь сплетения медленно проплывающих огней. Вот он перепрыгнул через какое-то препятствие, потом исчез. Я остался один. Первым моим порывом было бежать за ним, но я тут же остановился — я мог бы часами искать его в этом лабиринте огней — и повернул назад... Что его так напугало? Я отыскал взглядом то место и подошел поближе. В неглубокой выемке, образованной стенкой желоба, притаился человек. На темном фоне его фигура бледно светилась — так же, как и моя. Наклонив голову, поджав колени к груди, этот человек сидел совершенно неподвижно. Проплывающая наверху сверкающая масса залила нас светом. В полнейшей растерянности, чувствуя, как горло сжал отвратительный страх, я схватил беспомощную фигуру за плечо. Мои пальцы наткнулись на что-то твердое — человек был покрыт тонкой прозрачной пленкой. Мумия? Я невольно отпустил его — он качнулся и оперся спиной о стену, так что мне стало видно его лицо, слабо светящееся в темноте.

О боже! Я знал эти черты, но не сразу сообразил, кого они мне напоминают... Ну, конечно, — это лицо Роберта, но одновременно это и мое лицо... Я еще раз схватил тело... легкое... пустое... То не был живой человек, он никогда не жил — то вообще был не человек, а кукла, бездыханная кукла.

Я был близок к истерике. И все смотрел на кружащиеся извивающиеся огни, словно пытался найти в них ответ... Потом еще раз ошупал светящуюся неподвижную фигуру. Голова у меня шла кругом. Я встал, осмотрелся, будто чего-то мне не хватало. Вдруг вспомнил: нет Роберта. Я попытался взять

себя в руки, как немногим ранее убеждал сделать Роберта, но у меня не осталось мыслей, не осталось сил. Я поплелся в ту сторону, откуда пришел.

Я был как в лихорадке, огни проплывали мимо, роились, а я только крепче стискивал зубы и беззвучно повторял: «Спокойно... спокойно...» От жажды все во мне словно высохло, я не мог даже облизнуть губы. При мысли о сочном мясе рыбы у меня свело челюсти. Я уже ни о чем не мог думать, только бы найти их, только бы найти. Я шел все быстрее под толстыми пульсирующими кабелями, пока не добрался до входа в большой коридор. Вверху горела голубая жила. Идти было трудно. Дыхание больно резало мне горло и легкие. Пришлось замедлить шаг. Меня окружила тьма. Только тело мое слабо светилось. Вытянув руки, я продвигался вперед, то и дело натыкаясь на эластичные стены, пока ногой не нащупал край небольшого отверстия. Видимо, они где-то здесь. С сердцем, полным отчаяния, я упал на колени и в свете, который отбрасывали мое лицо и руки, лихорадочно принялся искать. На полу ничего не было. Внезапно рука коснулась чего-то скользкого. Рыба! Она была достаточно большая, но плоская, казалось, она состоит из одних плавников и хвоста, а вкуса крови я даже не почувствовал. Я продолжал искать. Тщетно. Возможно, они попадали вниз, в пустоту, открывающуюся под этими круглыми отверстиями. И все же я продолжал искать, пока не обнаружил почти погасший огонек. Я схватил рыбу, она слабо светилась... Я уставился на нее невидящим взором и вдруг истерично захохотал. То была имитация рыбы, муляж из прозрачного материала, такой же, как и подобие человека там, в нише, где кружились огни... Я хохотал до слез. Коридор глухо мне вторил.

Внезапно я умолк и сел, стиснув голову. Мысли мои разбредались; чтобы сосредоточиться, мне приходилось делать над собой невероятные усилия. Это проявление *Их* систематичности в исследованиях, это подкладывание рыбам копий рыб, а нам — подобия человека свидетельствовало о таком непонимании земного мира, что радоваться не было причин. И вообще, где *Они*? Я закрыл глаза, и передо мной вновь возникло пространство, наполненное кружащимися огнями. Мог ли это и в самом деле быть единый организм, его чрево? Неправдоподобно. Однако что дает мне основание отбросить эту гипотезу? Наличие воздуха! Организм из иного мира, наполненный земным воздухом, — это не укладывалось у меня в голове. Сходство с внутренними органами было натянутым и примитивным.

Нет, от подобных аналогий толку мало, подумал я. Однако что-то нужно понять, с чего-то нужно начать — иначе я погибну не только от голода и жажды, но и от полнейшего неведения; буду блуждать здесь, в «сердце» загадки, и до самого конца ничего не пойму. Глупее не придумаешь! Подожду, как эти рыбы, выловленные из воды, задыхающиеся рядом с деликатно подложенной им имитацией...

Кажется, мне все-таки удалось найти отправную точку. Было ли то свидетельством моего отупения или утраты способности логически мыслить, но я как открытие, как путеводную звезду воспринял тот очевидный факт, что *Они* прибыли на Землю. Прибыли на корабле, который раскалился в атмосфере, а следовательно, был сделан из какого-то твердого вещества, способного противостоять высоким температурам. Но не это было сейчас самым важным. Самым важным было то, что, прежде чем прибыть на Землю,

Они должны были захотеть осуществить свой полет и в этом напоминали нас — мы ведь тоже планируем космические путешествия. Итак, они предприняли экспедицию — с какой целью? Наверняка с научной. Откуда? Неизвестно. Впрочем, это неважно. Что еще я знал? Ах, да, куклы. Итак, попытка установить контакт? Неясно. Нужно подходить ко всему с чрезвычайной осторожностью, дабы не ошибиться, слишком поспешно истолковывая факты. Какую цель преследовали куклы? Изучить реакции? Людей и рыб? Но вряд ли *Они* могли понять эти реакции, вряд ли сумели бы их расшифровать — ведь *Они* не понимали ни нашего языка, ни жестов, ни поведения. *Они*, наверное, не знали о нас ничего — достаточно вспомнить, что *Они* одинаково воспринимали и людей Земли, и рыб. С одной, правда, существенной разницей — нас *Они* обеспечили воздухом, а рыбам воды не дали.

Я начинал смутно догадываться, что именно здесь можно найти если не разгадку происходящего, то, во всяком случае, кончик путеводной нити. Я еще раз перебрал все возможные варианты. Во-первых, воздух... Самое простое предположение: воздух здесь наличествует по той причине, что корабль сообщается (или какое-то время сообщался) с атмосферой. Быть может, открыты люки для проветривания? Чепуха. Хотя, возможно, они открыты для каких-то других, не известных мне целей, а воздух вторгся внутрь корабля и наполнил его совершенно случайно? Если дело происходило таким образом, то все мое логическое построение не стоило выеденного яйца.

Случайное скопление воздуха не позволяло сделать выводов, во всяком случае относительно разума и обычаев инопланетных существ. *Они* могли вообще не дышать, и тогда род газа, наполняющего корабль,

был им совершенно безразличен. Это вполне возможно. Нет, не годится — слишком много возможностей. К тому же случайность в качестве вполне правдоподобной причины совершенно сбивала меня с толку. Во всяком случае, из-за истории с куклами мысль о всеведении существ, об их умении ориентироваться в земных условиях отпадала. Где *Они*? Либо мы действительно находимся в «чреве Левиафана», втянутые потоком засасываемой им воды, либо эти огни... Что произошло с водой? Если бы она наполняла это помещение, то неминуемо стекла бы через круглые отверстия и рыбы оказались в воде. Должно ли это означать, что *Они* и о рыбах позаботились? Я терялся в догадках.

Голова у меня раскалывалась, но я еще мог рассуждать, только по-прежнему мучила жажда. Внезапно в темноте что-то слабо засветилось. Я вскочил. Приближалась какая-то длинная фосфоресцирующая фигура. Я узнал Роберта, но не пошевелился. Он подошел ко мне и начал оглядываться. Я догадался.

— Рыб больше нет. Единственную, которая оставалась, я съел. Остальные, должно быть, упали вниз.

Он молча направился туда, где поблескивала искусственная рыба.

— Не утруждай себя, — бросил я.

В двух словах я объяснил ему, в чем дело. Роберт пнул ногой подделку и какое-то мгновение, сторбившись, стоял над ней. Когда он повернулся, мне стало страшно: он сразу постарел.

— Где ты был? Что делал? — спросил я сдавленным голосом.

Он пожал плечами и медленно сел. Я последовал его примеру.

— Тебе удалось разузнать что-нибудь?

Он покачал головой.

— Где нож?

— В кармане.

— Дай мне.

Он послушно отдал нож.

— Ну как, успокоился?

— Перестань, — прохрипел Роберт.

Мне стало жаль его.

— Ну, старик, что было, то было, — сказал я, — хотя ты мог бог знает какую беду навлечь...

— Не могу говорить... Во рту пересохло, — шепнул он.

Я молча раскрыл нож и, попробовав лезвие пальцем, приложил нож к краю ближайшего отверстия. Эластичный материал сначала прогнулся, но, когда я нажал сильнее, мне удалось его разрезать.

Работая ножом как пилой, я дошел до следующего отверстия и там изменил направление разреза. Таким образом я вырезал кусок пола, отогнул свисающую часть и заглянул в образовавшуюся дыру. Там было темно. Я заколебался — что делать дальше? На помощь пришел Роберт. Он подал мне слабо фосфоресцирующий муляж рыбы, и я, понимая кивнув, бросил ее вниз. Стоя на коленях, затаив дыхание, следили мы за светящейся траекторией ее полета.

В черной глубине показалась светящаяся искорка, летящая вверх, навстречу той, что падала; вот они встретились, послышался тихий плеск, и бледный огонек «искусственной» рыбы замер на месте.

— Вода, там есть вода! — воскликнули мы в один голос.

Я прикинул расстояние.

— Метра четыре-пять!

Роберт сделал такое движение, будто хотел прыгнуть вниз. Я схватил его за руку.

— Не выдумывай!

— Но мы должны туда попасть!

— Сейчас прыгать нельзя, кто знает, удастся ли вернуться? Погоди-ка... Есть!

Это была неплохая мысль. Я поспешно стал вырезать длинную полосу из эластичного материала, на котором мы стояли на коленях, рассекая его от отверстия к отверстию. Работа продвигалась не так быстро, как бы мне хотелось, — лезвие то и дело застревало. Роберт, поняв мой план, помогал мне. Наконец мы вырезали четырехметровую полосу почти до самой стены. Ширина ее составляла примерно полметра. Свисая свободным концом вниз, полоса касалась черного зеркала воды. Благодаря неровностям ее краев по ней можно было спуститься, как по лестнице. Я дернул разок-другой — она показалась мне достаточно прочной, чтобы выдержать нашу тяжесть. Мы осторожно спустились вниз, ноги коснулись холодной поверхности, и мы по шею погрузились в воду. Не выпуская из рук косо натянутой ленты, мы с жадностью начали пить, пока животы не вздулись.

Ополоснув лицо, я почувствовал себя гораздо бодрее. Какое блаженство! Роберт, который при виде воды ожил словно от прикосновения волшебной палочки, отпустил ленту и поплыл: взмах, другой, и он достиг стены. Мы внимательно исследовали место, где очутились. Это был колодец диаметром четыре-пять метров. Я попробовал нырнуть, но, хотя ушел вниз так глубоко, что в голове зазвенело и уши заболели от большого давления, мне не удалось ни достигнуть дна, ни обнаружить какой-нибудь люк в стене. Вынырнув, я поделился своими наблюдениями с Робертом.

Мы оба лишь сейчас заметили, что наши тела перестали светиться — только плавающая неподалеку искусственная рыба по-прежнему излучала голубоватый свет.

— Послушай, может, здесь граница того пространства? — возбужденно проговорил Роберт. — А это выходной колодец: корабль частично погрузился в озеро, и здесь его уровень!

— Озера?

— Ну да! Если бы удалось достичь конца этого проклятого колодца и выбраться наружу!

Я услышал, как он начал глубоко дышать, набирая воздух, потом сильно оттолкнулся и едва видимой белесой чертой ушел вниз. Вода около меня вспенилась. Я уже начал беспокоиться, когда он вновь появился на поверхности, судорожно хватая ртом воздух.

— Бесполезно, черт возьми! — произнес он наконец прерывающимся голосом.

— Что ты делаешь?!

— Пробую стену ножом, — буркнул Роберт.

Но ему не удалось добраться до пустого пространства, хоть он и всадил нож по самую рукоятку; стены колодца оказались слишком толстыми.

— Осторожнее, уронишь нож, — сказал я. — И давай-ка вылезать. Чертовски холодно!

Мы молча выбрались наверх. Только здесь нам стало по-настоящему холодно; мы стряхивали с себя воду, выжимали ее из волос, энергичными движениями восстанавливая кровообращение. Наши тела снова слабо засветились в темноте. Должно быть, таково свойство этого загадочного пространства.

— Неплохо для начала, — заговорил Роберт. — Продырявим *Им* стены...

Я заметил блеск на его запястье.

— Твои часы ходят?

— Да. Они же водонепроницаемые.

Он взглянул на циферблат.

— Мы сидим здесь уже восемь часов. Есть хочешь?

— Пожалуй.

— Я тоже. Что будем делать?

— Попробуем еще разок сходить к тем огням. Там должны быть еще коридоры, нужно их исследовать...

— Я был в одном коридоре, — сказал Роберт. — Сжимался как мог, но не сумел пролезть даже на четвереньках. Потом пошел в другую сторону, где этих огней больше всего, там есть какое-то большое углубление и наклонная шахта, пожалуй, похожая на эту, только уже. Внутри я не входил, боялся, что не сумею вылезти. Мне показалось, что там какие-то зеркала...

— Зеркала?

— Не знаю, может, и не зеркала, но я увидел на некотором расстоянии самого себя, правда, довольно смутно, как сквозь туман.

Некоторое время мы стояли в нерешительности.

— Знаешь, о чем я подумал? — снова заговорил Роберт. — Эта проклятая кукла выбила меня из колеи. Признаться, я совсем потерял голову. Потом мне это показалось недоразумением, но таким нелепым...

— Космическим...

— Вот именно. Но это может быть и чем-то иным. Вообще-то подобное недоразумение не так уж и существенно, хотя кто знает? Иногда то, что кажется невинным, на самом деле может обернуться... Помнишь наш разговор про обезьян и ракеты? Мне вспомнилась фотография той обезьянки, которую одели в

хорошенькую меховую курточку, а на голову нахлобучили летный шлем... Она, верно, думала, что это игра, а ее тем временем выстрелили в ракете на пятьсот километров!

— По-твоему, мы?..

— Я этого не говорю. Но невольно напрашивается сравнение...

— В наших весьма плачевных обстоятельствах ты, безусловно, обладаешь слишком богатой фантазией, — сказал я. — Ну что ж, показывай свою шахту, поглядим...

Как это обычно бывает, теперь дорога показалась мне гораздо короче — мы шли по ней уже в третий раз. Скоро коридор кончился и нас окружил рой огней.

— Это, пожалуй, не... *Они*, — понизив голос, сказал Роберт. Он остановился и внимательно посмотрел на проплывающее мимо светящееся облако. — Хотя... может, это мерцание и есть *Их* язык. Ты сомневаешься? А по-твоему, обезьянка многое понимала из тех звуков, что издавали люди, сажавшие ее в ракету?

Я разозлился.

— Оставь в покое несчастную обезьяну!

Роберт двинулся вперед. Он шел в том направлении, где я до сих пор не был. Светящаяся чаша удалялась от нас; мы проходили между какими-то грушевидными образованиями размером с человека. Я коснулся одного из них — поверхность была твердой и гладкой.

— Здесь, — вдруг произнес Роберт и остановился.

Мы находились на дне воронки; вокруг поднимались грушевидные отростки, сделанные будто из насаженных друг на друга и склеенных, похожих на картофелины комьев. Над ними на высоте, которую труд-

но было определить, кружилось множество огней, создающих как бы небосвод. В их блеске мы увидели зияющее отверстие наклонной шахты, окаймленное круглым валиком. Мне удалось разглядеть лишь какой-то кусок стены, дальше она пропадала во мраке. Я ждал, пока глаза привыкнут к темноте, и через некоторое время действительно смог рассмотреть, что делается в глубине. Шахта заканчивалась плоской темной поверхностью, которую время от времени освещал неяркий блеск. Я обшарил карманы в поисках какого-нибудь ненужного предмета и, ничего не найдя, оторвал пуговицу от рубашки и бросил ее вниз. Она скользнула по наклонной стене и со слабым плеском исчезла в черном зеркале.

— Вода! — удивленно произнес я.

— Раньше ее не было, — ответил не менее удивленный Роберт.

— Мне кажется, здесь мы значительно выше, чем в том темном колодце... Значит... Неужели уровень воды поднялся?

— А может, тут нет единого уровня, просто в одних помещениях вода поднимается, в других опускается, — заметил Роберт.

Мы долго стояли над темным отверстием.

— Через некоторое время заглянем сюда еще раз, — сказал я, — посмотрим, не изменится ли что-нибудь. А теперь... Где ты сделал свое открытие?

— Вовсе это не открытие, — ответил Роберт. — Пошли.

Насколько я мог понять, мы находились в центре огромного пространства. По стенам светящиеся переплетения шли довольно низко и временами загораживали нам дорогу, но здесь они создавали высокие, непрерывно мерцающие своды. В этом непостоянном, но

сильном свете нашему взору открылась круглая впадина, дно которой лежало на какой-нибудь метр ниже того места, где мы остановились. Посреди высился какой-то странный предмет, не похожий ни на что, когда-либо виденное мною. Его оболочка напоминала выпуклый стеклянный щит, в котором поблескивали уменьшенные отражения верхних огней. Щит этот возвышался на шишковатых колоннах, столь тесно сплетенных, что между ними вряд ли можно было просунуть палец. Колонны излучали мутно-желтый свет.

— Ты был внизу? — обернулся я к Роберту.

— Нет.

— Тогда спустимся.

По наклонной выемке мы спустились на дно. Теперь оно казалось мне круглым желобом, лишь часть которого я мог охватить взглядом, так как остальное пространство заслонял щит. Я решил обойти его кругом. Не успели мы пройти и нескольких шагов, как Роберт начал жаловаться на головокружение. Мне тоже стало не по себе. Поддерживая друг друга, мы подошли к янтарно-тлеющим колоннам и уселись у их основания. Роберт приложил ко лбу металлическую рукоятку ножа.

— Мне уже лучше... — сказал он, открывая глаза. — Не может быть, чтобы мы попали сюда случайно... — добавил он, кладя нож рядом с собой. — Твои крысы, входя в лабиринт, тоже... — Он замер с полуоткрытым ртом. — Лабиринт! Лабиринт! — повторил он несколько раз.

Я засмеялся, намеренно громко.

— Роберт, ты неисправим! Где лабиринт? В этом круглом желобе? Где тут можно заблудиться? По-прежнему ты ищешь аналогий — сначала обезьяна, теперь крысы. Нет, мой дорогой... Но что это?!

Роберт потянулся к ножу. Мы оба смотрели на него — то был длинный нож с металлической ручкой. Он лежал у основания колонны, которая начала стремительно разгораться, и тогда его клинок тоже запылал отраженным огнем, потом посерел, стал прозрачным и растаял. Исчез... А Роберт, пытавшийся схватить его, сжал пустую руку. Мы не могли оторвать глаз от этого места. Меня снова начало мутить. Янтарное сияние колонны постепенно стало бледнеть. На том же месте появилась слабая удлинённая тень, вот она уже приобрела серебристый цвет... и у основания колонны, как и раньше, лежал нож, отражая янтарный свет.

Роберт не решался его взять, я опередил его. Металл был теплый, словно нагрелся от прикосновения к телу. Мы неуверенно посмотрели друг на друга.

— Оптический обман, — начал я, не веря собственным словам.

Роберт молча оглядел колонну, дотронулся до нее рукой и вдруг резко обернулся ко мне с выражением испуга на лице.

— Что?

— Слушай!

Я услышал слабый стук... Отзвук шагов. Роберт мгновение сидел неподвижно, прислушиваясь, откуда доносятся звуки, потом вскочил и пошел в том направлении. Я последовал за ним. Звуки шагов на секунду затихли... а потом послышались вновь, поспешные, будто кто-то от нас убегал. Мы тоже побежали; Роберт на несколько шагов меня опередил. Неожиданно из-за поворота показались спины двух бегущих, как и мы, людей. Один — он был на полголовы выше — тянул другого за руку, а тот, казалось, упирался. Пораженный, словно открывшаяся моему взору

картина меня парализовала, я замедлил шаги и остановился... Те обернулись... Мы молча смотрели друг на друга. Тот, что пониже, был Роберт. Тот, кто его тянул, — я сам. Роберт — второй Роберт — испуганно крикнул и бросился бежать, а тот, настоящий, что стоял в двух шагах от меня, погнался за ним. Мой двойник все еще стоял; когда Роберт пробежал мимо, он попытался схватить его за руку и крикнул что-то, что — я не понял, но Роберт вывернулся и исчез за поворотом. Тогда тот кинулся за ним. Какое-то мгновение я стоял один, потом рванулся в ту сторону, где они исчезли. Не успел я сделать и шага, как послышался шум борьбы, сдавленный стон и грохот. Заметалось эхо, возвращаясь плаксивыми голосами одновременно со всех сторон. Я увидел Роберта. Он в неестественной позе сидел у основания мерцающей колонны и держался за горло. Я обо что-то споткнулся. нож. Я машинально наклонился и поднял его. Острие было вымазано чем-то липким, темным. Я взглянул на Роберта. Он еще сидел, массируя горло. Попытался что-то сказать, но закашлялся, потом, умоляюще глядя на меня, прошептал:

— Он... он душил меня...

— Что произошло?

— Я не хотел! Думал, что это какой-то призрак, маска. Я хотел только увидеть его вблизи, коснуться...

И он снова закашлялся. Потом вскочил и медленно, сгорбившись, приблизился ко мне. Долго смотрел мне в лицо невидящими глазами.

— Ты кто такой? Кто такой?! — крикнул он страшным голосом.

Я схватил его за руку, он стал вырываться. Мы начали бороться. Когда он попробовал кусаться, я ударил его. Он упал на колени.

— Возьми себя в руки, ты, тряпка! — крикнул я. Я все еще держал его за руки. Его мышцы ослабли.

— Бежим отсюда... бежим, — бормотал он, не глядя на меня.

— Сейчас пойдем. Сейчас. Держись, Роберт! Выше голову! Расскажи, как это было, но спокойно, понимаешь?

— Я бежал за ним, бежал быстрее, догнал его здесь... схватил сзади за рубашку, тогда он вцепился мне в горло. Начал душить и... и...

— Дальше!

— Я ударил...

— Ножом?

— Да. Он упал, тогда подбежал ты и поднял его...

— То есть как это — я?

— Ну да, ты! Ты подбежал, поднял его на руки и пошел туда, — он показал в противоположную сторону, — а потом... потом снова пришел, но уже без него...

— Это был не я, а тот, который... Впрочем, сейчас не время. Встань! Как ты себя чувствуешь? Можешь идти?

— Могу... Да, могу.

Роберт судорожно глотнул.

— Давит...

— Покажи.

Я осмотрел его шею: с обеих сторон горели отпечатки пальцев. «Может, все это мне снится?» Я вытер кровь с острия ножа, приложил его к бедру и нажал. Когда боль стала острой, отнял нож. Нет, это не сон.

— Темнеет... — сказал Роберт.

Я поднял голову. Действительно, огни высоко над нами стали красными, а в глубине колонны, под которой мы стояли, в ее утолщениях металась сгустки медового цвета. Их блеск все усиливался. Не знаю почему, но этот нарастающий блеск напомнил мне пожар, бушующий за стеклянной оболочкой.

— Пошли! — позвал я и в тот же миг почувствовал головокружение. Ноги одеревенели. Я не мог сдвинуться с места.

— Нет сил, Карл... — послышался хриплый голос Роберта.

Вцепившись руками в бесформенную колонну, дрожа всем телом, он медленно сползал вниз, пока не упал на колени. В висках у меня неумолчно стучало; я вынужден был тут же сесть, вернее, почти упал. Мне показалось, что опора уходит у меня из-под ног, что меня куда-то несет. В глазах все заплесало.

«Корабль стартует, — мелькнула мысль. — Они улетают... забирают нас с собой!»

Но в странном давящем бессилии, которое меня охватило, я не чувствовал страха. Мне все стало безразлично. Лежа рядом с Робертом, я чувствовал бие-ние сердца, разрывающее грудь, а сияние над нами становилось ярче, вся эта конструкция пылала, словно объята пламенем. Я закрыл глаза и окончательно утратил всякую ориентировку. Прошло какое-то время, и я начал медленно приходить в себя. Я обливался потом, рядом блестело лицо Роберта. Он с трудом дышал.

— Уйдем! Уйдем отсюда! — прохрипел я.

Огромным усилием воли я заставил себя встать. Мышцы у меня еще дрожали, но я уже мог идти. Роберт был слабее. Я подпер его плечом, и мы двину-

лись к круто уходящей вверх стене. Пространство, из которого мы пришли, было выше на какой-нибудь метр, но я сомневался, что в таком состоянии нам удастся его преодолеть. Блеск погас, превратившись в слабое свечение, когда позади послышались чьи-то шаги. Меня охватил ужас, я сильнее потянул за собой Роберта, который поднял голову и прислушался.

— Бежим! — выдохнул он.

Мы побежали. Шаги за нами тоже стали убыстряться. Вот они уже совсем рядом. Не выпуская моей руки, Роберт быстро обернулся. Я тоже взглянул назад. Там стояли двое людей. Прежде чем я успел разглядеть их лица, мне стало ясно, что сейчас я увижу нас самих, что двойник Роберта бросится за ним в погоню, что разыграется — только с переменной ролей! — сцена, свидетелем которой я уже однажды был. Все это пронеслось у меня в голове какой-то ослепительной вспышкой, между тем как «мой» Роберт с искаженным лицом бросился бежать, а его двойник побежал за ним.

— Стой! Стой! — крикнул я, вытягивая руку, но он увернулся.

Тот, второй, смотрел на меня, а я на него. Вдруг я сообразил, что, когда я стоял там, где он сейчас, то видел, как мой двойник немного покачивается. Потом меня кольнула мысль о Роберте, и я кинулся в ту сторону, где он исчез со своим преследователем. Когда я подбежал, они, сцепившись, лежали под колонной. Один из них уткнулся мне в грудь, кровь заливала его рубашку. Я поднял его как перышко и, изо всех сил прижимая к себе, побежал дальше. Я несся как сумасшедший. Мне казалось, что стоит только вынести его отсюда, стоит выбраться из этого сумасшедшего кольца, и все будет в порядке, поэтому,

убегая на подгибающихся ногах, я прижимал к себе неподвижного Роберта, словно таким способом мог остановить его кровь, сквозь рубашку жгущую мне тело. Некоторое время я слышал за собой топот... потом все стихло. Силы меня покидали. Шатаясь, я уложил обмякшее тело Роберта у подножия колонны. Рана уже не кровоточила. Я все-таки содрал с него рубашку, разорвал ее и начал перевязывать ему грудь. Несмотря на старания, мне никак не удавалось затянуть узел. Руки у меня тряслись. Внезапно Роберт открыл глаза.

— Это ты?.. — сказал он тихо. — Сними маску.

— Ну что ты говоришь?! Молчи, лежи спокойно!

— Прошу тебя, сними маску... — повторил он, опуская веки. — В лаборатории... Карл носил маску... чтобы крыса в лабиринте... не могла угадать, правильной ли дорогой она идет, но я... не могу... Сними, прошу тебя...

— Тебе померещилось, Роберт... Нет у меня никакой маски, и мы не в лаборатории, а на космическом корабле... Ты ведь знаешь... Тебе немного не повезло, но не бойся... все будет хорошо, — бормотал я, наклонившись над ним.

Он молчал. Глаза у него были закрыты. Я приник к его груди. Сердце не билось. Снова и снова прижимал я ухо к обнаженному телу. Ничего. Я приподнял его, потряс за плечи. Голова свалилась набок. Я опустил его, дотронулся до висков и почувствовал, что они холодеют. Я сел возле него, уткнулся подбородком в колени и замер.

Светящийся свод наверху угасал, колонны изливали пурпурное сияние, которое становилось все темнее. Я словно погрузился в багряную тучу. Блеск постепенно остывал, серел, делался пепельным. До меня

давно уже доносился какой-то мерный шум, но я не обращал на него внимания... Вдруг что-то прикоснулось к моей ноге и отступило. Через некоторое время прикосновение повторилось. Я почувствовал холод и невольно поднял голову. Вода. Поднимаясь, она заливала все впадины. В полном оцепенении смотрел я на блестящую волнистую полоску, а она все приближалась. Вот она уже покрыла мои ноги. Я хотел поднять Роберта, чтобы его не затопило, но не сделал этого и продолжал сидеть неподвижно, а вода медленно подбиралась к груди... Из-под затопленного основания колонны снова полился свет. Только она одна еще пылала в наползавших сумерках. Не в силах вынести ее сияния, я закрыл глаза. Сердце вновь начало биться часто-часто, неимоверная тяжесть навалилась на меня, придавила... Внезапно черный ледяной водоворот сорвал меня с места и швырнул в небытие.

Очнулся я — как потом выяснилось — через несколько недель в городской больнице Монреалья. Саперы, объезжавшие на моторных лодках северный берег озера через два дня после катастрофы, заметили на воде полураздетого человека без сознания. То была я. Никаких следов Роберта не обнаружили. Несколько днями позже в камышах на западном берегу рыбаки нашли остатки нашей лодки — в десятке километров по прямой от нашего лагеря. Долгое время врачи не разрешали мне вспоминать о пережитых событиях. По их словам, я испытал тяжелый шок, был без сознания и бредил.

Все то время, пока я провалялся в больнице, меня мало интересовало, что творится вокруг. Мне пришлось

заново учиться ходить — до такой степени утратил я власть над собственным телом. В последние дни я начал задавать вопросы; для удовлетворения моего любопытства меня снабдили пачкой газет, из которых я узнал подробности катастрофы.

Метеорит, который мы видели в ночь с 26 на 27 сентября, упал в болото, раскинувшееся на тысячи гектаров начиная от северного берега озера. Осколков метеорита найти не удалось; ученые объясняли это тем, что колоссальная энергия удара превратила раскаленную массу в газ, который, расширяясь, повалил лес в радиусе десятков километров и вызвал многочисленные пожары. Поэтому в течение многих дней к центру катастрофы невозможно было приблизиться. Исследования проводились с самолетов и вертолетов. Один из них мы, очевидно, и слышали с Робертом, утонув в туманной пелене, закрывавшей северную часть озера. Специалисты пришли к единодушному мнению, что повторилась история знаменитого тунгусского метеорита. Превратившийся в газ метеорит огненным столбом врезался в верхние слои атмосферы и полностью в ней растворился. Одновременно вдавленная силой взрыва поверхность болот образовала огромную впадину, которую в течение суток заполнили воды озера. Возник новый залив, так что истинное место падения метеорита находится под водой, на глубине в несколько десятков метров, и окружено болотистыми островами.

Мои переживания были признаны плодом галлюцинаций. Когда мы плыли по озеру, объясняли мне, нас подхватил мощный поток воды, наполнивший образовавшуюся в момент удара воронку, лодка затонула, а мы стали игрушкой волн. Роберт утонул, меня же выбросило центробежной силой к берегу.

Я пытался спорить. Утверждал, что невозможно для потерявшего сознание человека столько времени держаться на воде. Врачи притворялись заинтересованными и согласно уступали. Наконец я понял, что никто не принимает моих слов всерьез. До самой весны я пробыл на юге, пользуясь отпуском, который мне любезно предоставил ректор Блесбери.

Ранней весной, перед концом отпуска, я сел в поезд и поехал в Ричмонд, где километрах в десяти от предместья, вдали от автострады, жил мой старый учитель, профессор психологии Гэдшилл, гордость канадской науки. Я сообщил ему письмом о своем прибытии и ранним апрельским утром очутился в маленьком домике профессора.

Сидя в тесном тростниковом креслице, я рассказывал о своих приключениях. Профессор уже слышал о них. Шаг за шагом, час за часом я рассказал ему все. Я кончил и, внутренне сжавшись, ждал его ответа.

— Хочешь услышать мое мнение? — тихо спросил он. — Но сначала скажи, что ты сам об этом думаешь?

— Думаю, что все это было на самом деле, — упрямо сказал я, глядя на свои руки, сцепленные на колене.

— Разумеется. Но ты пробовал как-то все упорядочить, понять смысл происшедшего?

— Да. Я много читал... Искал в книгах... говорил со специалистами и о механизме некоторых явлений догадываюсь... Во всяком случае, о физическом механизме. Только в определенных условиях, таких, как земные, течение времени является равномерным и односторонним. Изменения сил притяжения могут его

либо ускорить, либо замедлить. Возможно, для тех существ время то же, что для нас пространство... Они могут моделировать его, влиять на его ход... То есть можно говорить об известной архитектуре времени — во всяком случае, так я себе это представляю. Видимо, мы оказались в лабиринте времени. Случай с ножом объясняется тем, что в области усиливающегося гравитационного поля поток времени начал течь быстрее, но только в одном месте, и нож отделился от нас как бы скачком в будущее, а потом, когда это явление охватило и нас, мы его «догнали»...

Я вычитал у Вейля о теоретической возможности возникновения так называемой «петли времени». Обычно существует только одно настоящее время, непрерывно становящееся прошлым — сначала близким, потом все более отдаленным. А в «петле времени» можно один раз прожить семь часов, потом восемь... Тут время начинает отступать, снова — еще раз — будет семь... И если человек находится в том же месте, где он был в семь часов, то он может встретить самого себя. В этот момент существует два течения настоящего: одно — более раннее, другое — позднейшее. Мы были в одном и том же месте дважды: один раз, когда вошли в «петлю времени» и встретили самих себя, постаревших на час, а потом, когда петля замкнулась, второй раз... постаревшие на этот час, мы снова видели самих себя. Раз с одной стороны... раз с другой... Следствия и причины замкнулись, образовали кольцо... Ощущение тяжести, потеря сил, жар — все это вызывалось быстрым ростом гравитации, который искривлял ход времени. Так я себе это объясняю. Но чему это должно было служить, что означало — не знаю.

— Да... я тоже думал примерно о том же, — сказал профессор. — А что стало с кораблем? И как ты из него выбрался?

— Этого я не знаю. Быть может, *Они* просто... улетели. Поняли, что Земля не является объектом, достойным дальнейшего исследования. Возможно, *Они* пренебрегли нами... Решили, что мы недостаточно развитые существа...

Профессор смотрел на меня ясными голубыми глазами, которых не изменила старость.

— Нет, так быть не могло, Карл... Если бы тот корабль улетел, это заметили бы люди, которые плавали по озеру. Окрестности непрерывно патрулировались самолетами и вертолетами, а на южном берегу работали радиолокационные станции. Если посадка была столь бурной, что напоминала катаклизм, и проходила под аккомпанемент огня и взрывов, то и старт не мог пройти незамеченным. Однако ни сейсмографы, ни какие-либо другие регистрирующие приборы ничего не зафиксировали. Меня информировали точно, Карл.

Я опустил голову.

— Значит, и вы думаете, профессор, что...

— Нет, мой дорогой. Есть еще одна возможность. Но только одна. Другой я не вижу.

Я встрепенулся. Профессор, не глядя на меня, кончиком пальцев поглаживал поверхность стола.

— Что говорил твой друг, умирая? «Сними маску»? Я верно повторяю? И еще: «Карл носил маску в лаборатории, но это для крыс...» Ты понял, что он хотел сказать?

Я в недоумении молчал.

— Не понял. Думал, что он говорит без всякого смысла? Он бредил, это верно, но в его словах

был смысл, и очень серьезный. Он говорил этому существу, просил его, чтобы Оно показало свое настоящее лицо, он не хотел умирать, ничего не поняв, как крыса... Мне кажется, я знаю, каким было настоящее лицо существа. Во всяком случае, в те часы, когда вы блуждали там, в темноте. Я склонен принять концепцию твоего приятеля. Я имею в виду «чрево Левиафана». Да, это мог быть один организм, окруженный металлической оболочкой. Разумеется, это только мое предположение. Колодец, который вы обнаружили... темный колодец с зеркалом воды... Наклонная шахта, в которой вода поднималась, пока не начала заливать углубление, где ты под конец находился. Этот подъем воды наводит на мысль... Ну-с, а затем некоторые особенности, которые ты наблюдал в этом светящемся мире... Ты говорил о «сонной» пульсации огня. Об угасании... Помнишь?

— Да. Да. Что-то начинает проясняться. Так вы думаете, что... что корабль был неисправен? Произошла авария?

— Авария? Больше! Существо с иной планеты, огромное, запертое в своем корабле, который не выдержал стремительной посадки... Возможно, непредвиденные последствия соприкосновения с атмосферой... Либо резкое охлаждение в водах озера. Панцирь, до этого раскаленный трением, лопнул. Что попало внутрь через трещины?

— Вода...

— Нет, мой дорогой. Воздух! Вы ведь могли дышать! А потом вода... Трясина медленно расступалась перед гигантской массой, поглощала ее... Пони-маешь? Гаснущие огни... Смена их цветов... Думаю, все эти чудеса происходили там не в вашу честь...

— Как же... А... а «нуклы»? — выдавил я.

— Действительно загадочно. Но и здесь проявилась некоторая последовательность: куклы были похожи на вас. Потом вы встретили самих себя. Что это означало? Я не решаюсь связывать эти элементы в логическое целое... Возможно, они были следствием знакомства с какими-то существами, напоминающими земные... Но, возможно, действовали только второстепенные органы или системы, подчиненные главному, который уже терял над ними власть... Не исключено, что он сам предпринял эту пробу... Быть может, это было только начало, только первые буквы, за которыми ничего больше не последовало, ибо тот, кто хотел говорить, уже не мог этого сделать. Этого гиганта медленно затягивала трясина, огни становились все разнообразнее — красные, серые, так ведь? Эта феерическая картина, эти феномены, так непохожие на то, к чему мы привыкли, эти непонятные черты... Они ведь складывались в облик, такой близкий нам, такой знакомый! Он умер, Карл! То была агония.

У меня перехватило горло, я не мог произнести ни звука, а профессор с едва заметной улыбкой продолжал:

— Существа со звезд мы представляем себе как триумфаторов, высаживающихся на нашей планете, все предвидящих, бесконечно мудрых победителей космического пространства, а ведь это создания живые и ошибающиеся, как и мы, и, как мы, подвластные смерти...

Наступило долгое молчание.

— Каким же образом мне удалось выбраться оттуда? — спросил я наконец.

— Наступающая смерть усилила происходившие в инопланетном существе изменения, резко ускорила

ход времени и перед самым затоплением твоей тюрьмы спасла тебя — ты оказался выброшенным во времени далеко вперед.. Когда же эти часы, продолжавшиеся для тебя всего несколько мгновений, прошли, то существо уже утонуло, его уже не было на этом месте. И ты оказался на волнах. Теперь тебе понятно?

— Так, значит, он?..

— Да. Затянутый топким болотом, там, в глубине вод, под толстым слоем ила покоится в своем корабле Пришелец со звезд.

БЕТТИ-ЭНН

Мостовую припорошило мокрым снежком, и машину слегка занесло в сторону.

— Пожалуйста, сбавь скорость, — сказала женщина, а младенец беспокойно заворочался.

Мужчина бросил взгляд на светящийся циферблат часов.

— Надо спешить, — сказал он.

— Нас подождут, — возразила женщина. — Ш-ш, — мягко успокоила она младенца.

Мужчина чуть подался вперед, пристально вглядываясь во тьму. Снег налипал на ветровое стекло, и проворные дворники оттесняли его в стороны.

— Они подумают, что с нами что-нибудь случилось, и отправятся дальше, — сказал он.

— Не отправятся, — возразила она, нежно покачивая младенца.

Мокрая дорога, круто изгибаясь, шла вверх, и мужчина сбавил скорость.

— Что там на указателе расстояния? — спросил он.

— Десять тысяч сто... сто девять, — при тусклом свете женщина не сразу разобрала цифры на шкале.

— Значит, осталось миль десять, надо глядеть в оба, как бы не пропустить поворот.

— У нас еще почти полчаса, так что, пожалуйста, сбавь скорость, — попросила она.

Он неохотно ослабил нажим на ножную педаль.

Младенец громко заплакал.

— Физически она чувствует себя совсем неплохо, — сказала женщина. — Ей это дается легче, чем нам.

— А вот перевоплотить ее будет непросто, — сказал он. — Другой она ведь не была.

Они замолчали, слышен был только шорох шин. Потом женщина спросила:

— Тебе это доставило удовольствие?

— Да, было занятно. Очень милый мирок. От здешней зелени прямо глаз не оторвать.

— Был один дивный закат.

— На той планете, что возле Элсини, закаты куда красивее. Помнишь, тот, когда облака...

— Сбавь скорость, милый, очень тебя прошу! Мне просто не по себе от такой гонки.

Раздосадованный, он снова взглянул на часы.

— Времени сколько угодно, — сказала она.

— Нам предстоит проехать еще солидное расстояние. Почти целая миля до того уродливого белого дома, помнишь? И еще довольно далеко за ним, нельзя же было поставить корабль на виду.

Женщина ласково поглаживала младенца.

— На свой лад милая планета... Ты заметил, в этом воплощении девочка явно растет? Я думаю, она прибавила несколько фунтов. Ты только посмотри, какие у нее пухлые ручки!

— В конце концов, другой она ведь не была.

— Милый, для такой дороги машина ужасно неудобна. Может быть...

— Мы уже почти у поворота.

— Осторожней! Осторожней! — в ужасе закричала она.

Впереди вырос грузовик. Он стоял поперек дороги. Машина неслась вверх по крутому косогору прямо на него. Фары на мгновение выхватили из тьмы силуэт водителя — лежа на спине на мокром бетоне, он возился с одним из задних колес.

Мужчина с силой нажал на тормоз. Женщина ахнула, машина судорожно качнулась, соскочила на обочину, пронеслась мимо застрявшего грузовика и помчалась дальше вверх по косогору. Мужчина отчаянно вертел баранку руля, сиюсь вновь вывести машину на бетон. Передние колеса застряли в колее. Мужчина чертыхнулся, бешено рванул руль влево; руль выскользнул у него из рук, и машина оказалась наконец на свободе.

Нескончаемо долгое мгновенье она качалась, нелепо накренясь, и рухнула на бок. Она катилась под откос, снова и снова перевортываясь в воздухе, пока не налетела на могучий кедр, росший ярдов на двадцать ниже. Ее смяло о ствол — и все замерло, только одно переднее колесо еще лениво крутилось вокруг своей оси.

Мужчину отбросило на женщину; тела их были неподвижны, и медленно, секунда за секундой, жизнь уходила из них — тела опали, истаяли, и скоро на их месте осталась лишь горстка сероватой пыли.

А на дороге шофер грузовика, побелев от ужаса, махал в сторону машины электрическим фонариком. Долгое время он не слышал ничего, кроме однообразного шума капель, падающих с дерева напротив.

Потом явственно послышался плач младенца.

После этого несчастного случая долгое-долгое время, целую вечность Бетти-Энн (хотя в ту пору ее еще так не звали) различала лишь загадочную смену рук и лиц, света и теней. Вначале — полжизни, даже больше, чем полжизни, — она постоянно ощущала сильную, неизвестно откуда исходившую боль. Всякий раз, стоило няне чуть коснуться ее левого бока, она на-

чинала плакать, но не понимала еще, что мучительная боль эта связана с действиями няни, и даже не отдавала себе отчета, что, заслышав ее шаги, испытывает страх.

Руки, которые к ней прикасались, вначале казались ей такими же далекими, как стены, и видела она их так же смутно. Все существовало где-то само по себе, не связанное одно с другим и всего меньше с нею.

Впервые начал проясняться какой-то порядок вещей, когда она поняла, что едва что-то притронется к ее губам — и тотчас проходит внезапная жгучая боль, возникшая вовсе не в губах. Потом она обнаружила, что стенка колыбели мешает движению ее кулачка. А после этого, когда представление о пространстве мало-помалу укоренилось, она остро ощутила все убыстряющийся ритм в смене света и тьмы.

Еще позднее она начала понимать, откуда исходит сильная боль, но к тому времени боль стала уже не так мучительна. Она таилась в левой половине ее тела, главным образом в плече. Однажды девочка впервые заметила, что кулак левой руки крепко сжат. Она попыталась пошевелить пальцами; но они не слушались. Она заплакала и так в слезах уснула.

Когда ее перевезли из больницы в Дом сирот, время потекло быстрее, но месяцы всё казались длинными — ведь каждый составлял еще такую большую часть ее жизни. Наконец настал день, когда в привычный распорядок дня, состоящий из еды, гимнастики и сна, вторгся незнакомый запах, новые негромкие голоса, какое-то неясное, но доброе бормотанье и мягкие ласковые руки. Всего милей руки.

— Какая славная девчушка! — сказала женщина. Мужчина согласился, а няня сказала:

— Ей повредило руку во время аварии. Бедная девочка уже никогда не сможет ею пользоваться.

Мужчина и женщина что-то сочувственно прожурчали.

Хотя Бетти-Энн не могла этого знать, но позднее мужчина и женщина беседовали с седовласой директрисой Дома сирот, а потом ушли, чтобы обдумать все, что связано с усыновлением ребенка, у которого, в сущности, только одна рука.

Машина, в которой нашли Бетти-Энн, ржавела на свалке металлического лома. Пыль на сиденье сгинула, как прошлогодний снег. Расследование несчастного случая давно прекратили. Человечество уже видело и еще увидит немало такого, что куда удивительней разбитой машины и брошенного на произвол судьбы младенца.

Бетти-Энн запомнила те нежные руки и ждала их возвращения.

Но вот руки наконец вернулись, и она (в ту пору ее уже звали Бетти-Энн) радостно загулькала и, когда ее подняли, стала даже брыкаться от восторга.

Торжественно и проникновенно, словно Бетти-Энн могла понять, что ей говорят, директриса сказала:

— Это твои новые родители, Бетти-Энн. Мама Джейн и папа Дейв. — И прибавила: — Я уверена, она будет вам хорошей дочерью, миссис Селдон, вы это заслужили.

— Конечно, хорошей, — сказал мистер Селдон. — И умницей! Она и сейчас умный воробушек, ее на мякине не проведешь.

— Мы сперва собирались взять ребенка постарше, — сказала его жена. — В сущности, мы вовсе не думали брать девочку. Пока не увидели Бетти-Энн.

Они говорили еще разные слова, такие же для нее непонятные, а потом ее укутали в одеяло, и после этого в лицо ей брызнул яркий солнечный свет, она ощутила движение вперед, от которого слегка подташнивало, услышала незнакомый шум.

Джейн внимательно разглядывала стиснутый кулачок Бетти-Энн — больной руке приятно было в этой теплой ладони.

— Какие у нее крохотные пальчики, — сказала Джейн.

— Ну-ка поглядим, — сказал Дейв, быстро взглянув через плечо. — Гм. Верно. Да, чуть не забыл. Когда приедем домой, надо испечь ей именинный пирог.

— А она для этого не слишком мала?

— По-моему, нет. У меня на первом дне рожденья пирог был наверняка. На день рожденья мне всегда пекли пирог. Когда я поступил в колледж, помню, на первом курсе моя двоюродная бабушка Амелия прислала мне пирог, а сверху лежали девятнадцать маленьких свечек, завернутые в вошеную бумагу. Малышке непременно надо испечь пирог.

— Надеюсь, мы так и не узнаем, когда у нее на самом деле день рожденья, — сказала Джейн, глядя на Бетти-Энн.

— Вот как? А почему?

— Пускай это будет день, когда мы привезли ее домой. Слово она просто парила где-то в ожидании, пока мы за ней придем.

Дейв что-то пробормотал, очень довольный.

Немного погодя жена сказала:

— Дейв, милый. А вдруг объявятся ее родители?

— Глупости! — отрезал он почти сердито. — Чего ради они вдруг объявятся? Уж раз они удрали и бросили ее в разбитой машине, значит — крышка!

— Да, я тоже так думаю. Но тебя это совсем не тревожит?

Он возмущенно запыхтел.

— Даже если они и объявятся, им ее не заполучить. Так что стоит ли забивать себе голову пустяками?

Бетти-Энн исполнилось пять, это была ее последняя весна перед школой, и сейчас она сидела у окна и жадно глядела во двор, куда ей не велено было ходить. После завтрака у них с Джейн вышла стычка из-за куклы («Бетти-Энн, нельзя же разбрасывать игрушки где попало, ведь о них того и гляди кто-нибудь споткнется»). За последние два месяца девочка провинилась по крайней мере десятый раз, и Джейн наконец рассердилась и решила ее наказать.

Все утро Бетти-Энн, задумчивая, грустная, сидела у окна и после второго завтрака снова уселась на прежнее место. Наконец ее терпение было вознаграждено: как она и надеялась, Джейн смягчилась, решила, что обошлась с ней слишком строго, и сказала с улыбкой в голосе:

— Ладно. Теперь можешь пойти погулять.

Упрямо сжав губы, Бетти-Энн соскользнула со стула. Не говоря ни слова, она гордо прошествовала к двери и вышла на солнечный свет. Она по-прежнему была возмущена, и детский подбородок ее выражал непоколебимую решимость. Она спустилась с крыльца и через небольшой вишневый сад прошла прямо к густо растущим вдоль забора мальвам. На одном цветке невысоко, так что дотянуться до него ничего не стоило, сидела пчела, и Бетти-Энн, не раздумывая, схватила ее здоровой правой рукой и

зажала в кулаке. Когда пчела ужалит ее, мама Джейн почувствует себя виноватой. Папа Дейв, будь он дома, добродушно усмехнулся бы и сказал:

— Потерпи, до свадьбы заживет.

Любимые его слова, которыми он встречал самые ужасные ее царапины и синяки, слова, которые приводили ее в ярость и все-таки всякий раз вызывали смех сквозь сердитые слезы. А мама Джейн, увидев, что с ней приключилось, кинется, поцелует больное местечко, скажет:

— Ну-ну, малышка, сейчас мама приложит что-нибудь, и все пройдет.

Когда пчела наконец ужалила ее, боль оказалась куда сильнее, чем Бетти-Энн ожидала, и она замаха-ла рукой, захлопала по платью, пытаясь избавиться от непонятливого насекомого. Потом с криком кину-лась к дому:

— Ужалила! Меня пчела ужалила!

Окно кухни выходило к забору, и Джейн стояла у окна и поджидала ее. Решительно подбочась, гля-дела в окно и, когда Бетти-Энн влетела в кухню, спо-койно сказала:

— Ты ее сама схватила, детка, я ведь видела.

Бетти-Энн удивленно захлопала ресницами.

— Ты видела?

— Ну конечно.

Поняв, что на сей раз сочувствия не дожидаться, Бетти-Энн сказала:

— Зря я ее схватила.

Она ушла к себе в комнату и поплакала с досады, а потом вдруг поняла, как все это смешно, и рассмея-лась, и ужаленное место в конце концов перестало болеть.

В то последнее перед школой лето ее еще раз ужалила пчела, но теперь уже случайно, и ей тотчас поспешили на помощь. Ну, а если забыть о пчелах, лето было очень славное, и, когда наконец наступила осень, которая вполне могла бы еще и подождать, душу Бетти-Энн впервые тронула подлинная печаль.

Вновь, как и в прошлую зиму, она недоумевала: зачем в зимнюю пору все умирает, ведь тогда больше всего скучаешь по живой зелени.

Но медленно, неотвратно лето отступало, и в пугливом и радостном волнении она стала предвкушать близкое будущее, новую тайну, к которой ей вскоре суждено было приобщиться.

В первый день осени Джейн повела ее к неприветливому, сложенному из белого камня зданию, откуда прошлой весной до нее доносился веселый смех, и познакомила там с совсем не страшной особой, которой весь этот долгий год предстояло быть ее учительницей. Но едва Джейн ушла, Бетти-Энн испугалась — ее окружали чужие стены и чужие, а быть может и враждебные, лица. На краткий миг ей почудилось, что дом Джейн и Дейва — надежная защита и приют — потерян для нее навеки; клумба, сад, старый корявый дуб, все, что было всегда таким прочным и незыблемым, стало лишь бесплотным воспоминанием. Кинуться бы сейчас за мамой Джейн и вместе с ней стремглав помчаться по обсаженной деревьями дорожке, потому что, если просидеть здесь еще один нескончаемый час, и клумба, и сад, и корявый дуб — все исчезнет. (Тетя Бесси сказала как-то маме Джейн: «Вот с этого часа они и начинают от нас отходить. Что-то в них безвозвратно меняется. Учителя ухитряются оторвать их от нас». Но папа Дейв

не согласился с ней: «Чепуха, Бесси. Ведь в конце концов ей только пять». «Впрочем, тебе-то это, наверно, не так тяжело, милочка Джейн, как... как, ну, ты же понимаешь...» Тут мама Джейн очень-очень покраснела. И Бетти-Энн ужасно хотелось спросить, отчего она рассердилась на тетю Бесси.)

Когда первое потрясение прошло, Бетти-Энн увидела, что все чужие вокруг глядят доброжелательно. Робкие улыбки первого знакомства сменились улыбками приветов и дружелюбия. Дни быстро покатились к рождеству. А там внезапно набежали и промчались каникулы, и оживленные, румяные, блестя глазами, все наперебой рассказывали, какие чудесные подарки принес им Санта-Клаус. И каждый день так много было всяких новых дел, что Бетти-Энн даже не заметила, как вернулась и вновь дохнула истомой и свежестью весна.

За три недели до того, как распустить их на каникулы, мисс Кольер, учительница, раздала всем цветные карандаши.

— Такими вот карандашами вы будете рисовать весь год, — объяснила она.

Минут через пятнадцать она остановилась у парты Бетти-Энн. Бетти-Энн увлеченно раскрашивала плотный лист бумаги яркими карандашами.

— Что это у тебя вышло, Бетти-Энн? Большая бурая корова?

Не переставая рисовать, Бетти-Энн ответила:

— Это человек в дереве.

— Вот как?

— Да, — подтвердила Бетти-Энн, наморщив лоб, — кора дерева вся нахмуренная, и лицо у человека прямо в коре тоже все нахмуренное.

— Как странно, — сказала мисс Кольер. — Когда приглядишься, можно подумать, что ты и в самом деле так нарисовала.

— А как же.

— Нет, детка, я хочу сказать: можно подумать, будто это у тебя не случайно вышло, а ты так и хотела нарисовать.

— А я и хотела, — сказала Бетти-Энн, и мисс Кольер рассмеялась и потрепала ее по волосам.

— Значит, ты вырастешь художницей.

Когда мисс Кольер отошла, Бетти-Энн, огорченная тем, что ее не поняли, проткнула пальцами человека в дереве и стала рисовать девочку. Лицо она старалась делать так, будто на него смотрят сразу с двух сторон.

В последнюю неделю школьного года мисс Кольер дала детям несколько простейших тестов, которые должны были выявить их способности (мисс Кольер лишь недавно окончила колледж). Бетти-Энн поняла, что от того, как она ответит на вопросы, для нее многое будет зависеть на протяжении всех восьми школьных лет. И старалась изо всех сил. Когда позднее директор хвалил мисс Кольер за умелую работу, не зная, однако, что же, собственно, делать со всеми этими ответами, мисс Кольер сказала:

— Вот это ответы Бетти-Энн Селдон. Она, безусловно, очень толковая девочка, но у меня такое чувство, что тест не выявил ее истинных способностей, что многое осталось от нас скрыто. Я отметила это на ее листке.

— Да-да, вижу, — сказал директор.

— Но я сдавала зачет только по краткому курсу элементарных тестов, — прибавила мисс Кольер.

И директор, который был вовсе не знаком с тестами, не без неловкости заметил, что и это немало и не может же он требовать, чтобы учителя знали все на свете.

Бетти-Энн еще и месяца не проучилась во втором классе, как вдруг один из ее рисунков карандашом («такой хороший, словно это работа восьмиклассницы») вывесили в главном холле. Но о другом ее рисунке (на нем был изображен наполовину рухнувший дом — забор перекосялся, труба и мебель плавают вдоль стен) учительница сказала:

— Как-то это не очень похоже на правду.

И Бетти-Энн решила впредь быть осторожнее — она совсем не хотела, чтобы ее понимали неправильно.

Всю вторую половину года и следующий, третий школьный год Бетти-Энн все сильнее ощущала, что отдаляется от своих товарищей, а в какой-то мере и от учителей, и даже (правда, еще меньше) от своих родителей. Сидя в классе, она стала опасаться, что в любую минуту какое-нибудь ее не к месту сказанное слово вызовет взрыв смеха, а дома чувствовала, что ее подчас не могут понять ни Джейн, ни Дейв, и, как они ни старались, они многое понимали совсем не так, как она, и, если она пыталась им объяснить, они переставали понимать ее самое. И мало-помалу она замыкалась в себе, и молчала, когда другие смеялись, и говорила нерешительно, с запинкой, когда другие рассуждали уверенно и смело. («Девочка застенчива и уязвима».)

Начался четвертый школьный год, и однажды Бетти-Энн увидела, как одна из старших девочек, ученица седьмого или восьмого класса, соскочила с качелей, где никого больше не было, и, яростно топая, так что из-под теннисных туфель взметнулся бе-

лый песок, кинулась через двор в пустой класс, а по лицу ее текли неслышные слезы. «Почему она так?» — подумала Бетти-Энн. Непонятно: ведь рядом не было ни души, никто не мог ее обидеть. Это был для Бетти-Энн миг прозрения, она поняла не разумом, а скорее чувством, что каждый человек сам по себе, и заплаканное лицо это сказало ей, что в иные минуты каждый в той или иной мере остается непонятым; и она, быть может, не более одинока, чем та большая девочка, и непонята не больше всех других.

Перед тем как перейти в пятый класс, она еще раз получила такой же урок. Это случилось не в школе, а во время поездки в зоосад, который находился от них за восемнадцать миль, в Джаплине; они отправились туда под надзором миссис Фокс, учительницы восьмого класса, и Бетти-Энн заметила, что, когда они приехали на место, та отошла в сторонку, чтобы наспех выкурить запретную сигарету. Ехали прямо из школы в заказном автобусе; все, кроме Элмера, прихватили пакеты с завтраком (у Элмера завтрак лежал в специальном чемоданчике, точно у взрослого). В парке — его чаще называли не зоосадам, а именно зоопарком — было много неведомых, необычайных, просто замечательных зверей. И когда охваченный жадным любопытством класс остановился перед кенгуру, Уилли — один из самых маленьких, хуже других одетый мальчик — сказал:

— Глядите! У Бетти-Энн кенгуриная рука!

Бетти-Энн озадаченно посмотрела на кенгуру, нахмурилась было и сказала:

— Нет, у кенгуру обе лапы здоровые, ни одна не изуродована.

Сказала — и поняла, что сравнение опиралось вовсе не на физическое сходство. В голосе Уилли

слышалась обида и еще злость. А ведь она как будто никогда его не задевала. Да и разговаривала-то всего, наверно, раз или два — он сидел в другом конце класса, а на переменах обычно играл в одиночку. Нет, эта выходка ничем не вызвана, Бетти-Энн ни в чем перед ним не провинилась.

После четвертого класса ее хотели перевести прямо в шестой. Но Дейв запротестовал:

— Она и так слишком рано пошла в школу.

И когда первая горделивая радость Джейн прошла, она с ним согласилась:

— Мы поставим ее в трудное положение, если в средней школе она окажется почти на два года моложе других.

— И в колледже, — с гордостью прибавил Дейв.

Родители согласно покивали головами, и Дейв посадил Бетти-Энн к себе на колени и сказал:

— Она у нас умница, такого мудрого воробушка на мякине не проведешь.

— Смотри, Дейв, как бы она не зазналась, — остерегла его Джейн.

— Ну, что ты. Просто она будет уверенней в себе.

Весь пятый класс Бетти-Энн присматривалась к своим товарищам, старалась преодолеть порой отделившую ее от них преграду, как можно лучше понять их отношение ко всему на свете и перенять его. Сперва ей приходилось делать над собой усилие, потом все стало получаться само собой, и к концу учебного года она думала почти так же, как ее одноклассники.

Настала весна, потом лето. И однажды в жаркий день, после полудня, она подошла к воробьям, что сидели на лужайке перед домом, осторожно взяла одного в руку и поднесла к лицу и тихонько чирикнула, разговаривая с ним. Из дому вышел Дейв, стек-

лянная дверь громко захлопнулась за ним, и воробьи в страхе разлетелись.

— Как ты ухитрилась подобраться к ним так близко, Бетти-Энн? — спросил Дейв.

Она засмеялась:

— Да уж подобралась.

А потом и сама задала себе тот же вопрос, но никакого другого ответа так и не нашла.

— Наверно, у меня в голове были правильные мысли, — прибавила она.

Но Дейв сердито фыркнул:

— Проклятые воробьи, скоро от них шагу негде будет ступить.

Бетти-Энн обернулась, посмотрела, как воробьи снялись с деревьев и отлетели на всякий случай подальше, туда, где над дорогой клубилась пыль. Она глядела им вслед, и ей почудилось, что и она может присоединиться к ним и вольно летать в поднебесье... вот только знать бы, как это сделать... На миг ее охватила страстная, неодолимая жажда вырваться из этого узкого, тесного мирка, воспарить к широким и вольным просторам, где, как поется в песне, рождаются южные ветры, быть, как птицы... и так же внезапно чувство это прошло, и вновь стало хорошо на душе. Сонный послеполуденный покой окружал ее, и она с улыбкой подумала, как необременительны ее обязанности, как нестроги рамки жизни — вымыть посуду, пойти в воскресную школу и послушать длинную, нагоняющую сон проповедь, от чего, по словам Джейн, «вреда не будет». Нет, здесь, в этот послеполуденный жаркий час, она свободна, она ощущает восторг будоражащий ритм городской жизни и счастлива, и просто нельзя понять, что за жажда мучила ее минуту назад.

А потом наконец начались дожди, и пошло лить как из ведра, двор сразу превратился в грязное месиво, из дому страшно было нос высунуть. Среди разношерстных книг Дейва Бетти-Энн наткнулась на «Давида Копперфилда». На полке всего-то было десятка два книг — одни остались со времен, когда Дейв учился в колледже, другие приобретены были за те просвещенные полгода, когда он состоял членом Клуба книги; Бетти-Энн привлекло название: Копперфилд — медное поле; ей виделось бесконечное поле медных стеблей, сверкающих на солнце ряд за рядом, ряд за рядом, точно высокая кукуруза. Она прочла книгу от корки до корки, на это ушло несколько дней, и все это время, оттеняя сонный покой дома, так славно барабанил по крыше дождь, и капал с карнизов, и скатывался по оконным стеклам. Она не все поняла в этой книге, но смеялась вместе с мистером Микוברом и плакала, когда умерла Дора. Перевернув последнюю страницу, она, сама не зная почему, почувствовала себя счастливой и гордой. Странная это была книга, не похожая на правду, но непохожая совсем на иной лад, чем «Алиса в стране чудес». «Алису» Бетти-Энн читала дважды, и оба раза ей казалось, что от нее ускользает что-то необычайно важное.

Дождь лил и лил, и время словно остановилось, но вот наконец снова настали ясные дни и начался учебный год, и потом пришла зима, а вслед за ней весна — как всегда беспокойная, будоражащая душу. ...Другая весна, накануне восьмого года в школе, была непохожа на все прежние весны. Взрослые притихли, чего-то выжидая; казалось, в них накапливается долгожданная радость. И в начале мая радость хлынула через край: в Европе окончилась война. Все шумно ликовали и кричали «ура» и веселились. Но за шум-

ным весельем Бетти-Энн чувствовала тайную, глубоко запрятанную печаль, а быть может, и смутное сознание вины — оттого, наверно, что слишком глубоко в людские сердца вошла война и жгла их, как нечистая совесть. В канун нового учебного года война на Дальнем Востоке тоже кончилась, и то, как это произошло, потрясло всех. Но мир принес огромное облегчение, и, даже не понимая по-настоящему, что такое война, Бетти-Энн, услышав о мире, заплакала от радости.

Все учителя, у которых она училась в старших классах, сходились на том, что она не совсем такая, как другие дети. («Одно только могу сказать, — объявила миссис Фокс, — у нее редкостное, необыкновенное чувство времени, она поразительно чувствует историю».) Отличие от других детей, в чем бы оно ни состояло, сказывалось не только в отметках, оно было куда глубже. И даже не в поведении: Бетти-Энн играла как все, и как все отвечала на уроках, хотя подчас в ее ответах бывали недетские прозрения; она дразнила девчонок, которые водились с мальчишками (но ее в ответ не дразнили), тайком передавала на уроках записки, краснела, когда ее заставляли на месте преступления — с жевательной резинкой во рту. После долгих размышлений учителя определили, что же так разительно отличает ее от других: ей бы следовало быть тихой, печальной и замкнутой, а она совсем не такая.

Как и ожидали, она окончила восьмой класс лучше всех. И вот тогда-то, во время летних каникул перед старшими классами, в ней произошла испугавшая ее физиологическая перемена, и она стала уязвимой, трудной и второй раз в жизни замкнулась в себе. (В то лето Джейн и Дейв рассказали ей, что она не родная их дочь, и думали, что именно этим прежде всего и вызвана ее замкнутость.)

Весь этот год ее мучило ощущение, что природа обошлась с ней несправедливо, против ее воли неведомо как заточила ее в незнакомое и немилое тело. Порою ее пронзало острое чувство неловкости, не из-за какого-то неверного шага, но просто оттого, что она существует на свете, и случалось это в самые неподходящие минуты, например, когда, стоя за партой, она отвечала урок. И всякий раз при этом казалось, будто совсем рядом, за гранью сознания, открывается дорога, которая уведет от всего, что ее гнетет.

Искусство свое, которое так много обещало в школе и так восхищало всех вокруг, она забросила, честолюбие ее дремало. Она ждала, предчувствуя, что освобождение придет через большее знание, а обострившееся внутреннее чутье укажет путь; и в один прекрасный день, когда она вполне созреет, ей будет многое дано... но время еще не настало. Рассеянно переворачивала она страницы книг, скучала на уроках. Она то ли мечтала, то ли фантазировала, что вот она станет... станет пилотом, или исследователем, или игроком, или автогонщиком, или еще кем-нибудь в этом роде — все из протеста против этого бессильного женского тела. (Дейв как-то пошутил: «В старших классах девушке уже пора знать, кем она хочет быть». И Бетти-Энн, искренне озабоченная, ответила: «Я бы очень хотела знать. Очень».)

Время тянулось медленно, раздражающе уныло. А потом однажды в конце ноября Билл Нортвуд, который на уроках естествознания сидел в соседнем с ней ряду, пригласил ее на рождественский бал (за целый месяц!), и она прибежала домой веселая и радостно объявила:

— Мне надо научиться танцевать!

Дейв сделал вид, что удивлен, высоко поднял брови, и в первое мгновение она испугалась, что он откажет. Но он кивнул и сказал серьезно, очень серьезно: — Придется подумать.

Но она знала, что это означает согласие.

В следующую субботу она к трем часам отправилась в танцевальный класс Зоубела. Класс оказался всего-навсего комнатой над баром у самой площади, и музыка была не бог весть какая — на маленьком патефоне прокручивали старые, заигранные фокстроты. Минутами фокстрот бывал еле слышен — так ревели внизу пианола-автомат. Бетти-Энн всегда была гибкой и подвижной, она быстро усвоила сдержанную манеру мистера Зоубела, и после двух уроков заходя, каким-то чутьем угадывала каждый шаг партнера и танцевала так же легко и непринужденно, как ходила. После рождественского бала она вновь почувствовала себя счастливой, примирилась со своим телом, и оно уже не казалось ей чужим и непривычным.

Начальный курс политической экономии был первым предметом, который пробудил ее интерес; с начала второго семестра она стала жадно читать первую полосу газеты, засыпала Дейва недоуменными вопросами, и он по мере сил старался отвечать на них как можно вразумительней. Если какие-либо сообщения слишком ее огорчали, он успокаивал ее всегда одними и теми же словами:

— В конце концов, детка, мы ведь живем отнюдь не в лучшем из миров, просто ничего лучше у нас нет.

В школьной библиотеке она отыскала две книги по политической экономии, и библиотекарьша мисс Сtimi спросила:

— А не слишком ли это серьезное чтение для тебя, Бетти-Энн? Может быть, возьмешь лучше какую-нибудь приключенческую книжку?

— Если вы не возражаете, я бы предпочла эти, мисс Сtimi, — ответила Бетти-Энн.

И мисс Сtimi — старый друг их семьи, она была очень привязана к девочке — сказала в ответ:

— Ну конечно, детка, раз тебе хочется, возьми.

...За лето увлечение общественными науками угасло. А к началу следующего года она загорелась новой идеей. Она станет доктором, а если не сумеет — медицинской сестрой. Решение свое она обсудила с Дейвом. Он согласился, что дело это стоящее и благородное.

— Но у тебя впереди еще много времени, успеешь все решить, — сказал он, и ей показалось, что этим он отказывается от своих прежних слов.

Джейн видела, что Бетти-Энн растет идеалисткой, понемногу ее поощряла, но, как и Дейв, весьма сдержанно. Оба они не хотели, чтобы идеализм этот чересчур разросся — ведь тогда грубая и беспощадная жизнь неизбежно его сокрушит; не стоит Бетти-Энн слишком многого ждать от мира — разочарование ожесточит ее.

— Столько всего можно сделать! — восклицала Бетти-Энн. — Столько есть дел, которые просто необходимо сделать!

А Дейв говорил:

— Общество — штука сложная. И многое, что на первый взгляд просто, на самом деле совсем не просто.

— Быть доктором просто, — возражала Бетти-Энн.

— Это зависит от того, что ты за человек, — говорила Джейн.

Она опять начала рисовать, работала старательно, кропотливо, по большей части пером, но рисунки получались абстрактные, понятные только ей самой, для всех остальных они были лишены смысла, и, едва закончив рисунок, она его сжигала. Она чувствовала, что мастерство ее растет, что она все лучше владеет линией, перспективой, и придет время, когда она сумеет писать картины, которые будут понятны и другим, скажут им что-то важное, такое, что пока только еще зарождается в ней. Впервые она попыталась читать стихи (больше всех ей понравилась Эмили Дикинсон) и открыла для себя «взрослые» рассказы О.Генри. Казалось, рассказы эти многое раскрывают в жизни, но пересказать своими словами, что именно, ей, пожалуй, не удалось бы. Да; общество и в самом деле штука сложная, это она уже начала понимать, и снова ходила потерянная, сбита с толку.

«Глупая, мечтательная девчонка!» — говорила она себе, когда ей удавалось взять себя в руки и подумать о чем-нибудь, кроме сегодняшних дел и забот. Она увидела фотографию Великой пирамиды, и величие людских трудов, печальный и дерзкий вызов всеми забытого человека ошеломили, потрясли ее, ей захотелось написать стихи о великом падении и взлете человеческого, что-нибудь вроде сэндберговского: «Люди — да!». (Она читала отрывок оттуда, и название книги преследовало ее; а позднее, узнав, что Гамильтон называл человека зверем, она все равно твердила про себя: а все-таки люди — да!)

В самом начале весны, после каникул, на обще-школьном собрании директор совершенно для нее неожиданно (она в это время перешептывалась со своим соседом Биллом Нортуэем) объявил, что преподаватели признали ее лучшей ученицей и в следующую

пятницу она поедет в столицу штата Джефферсон-Сити, причем все расходы берет на себя Объединенный женский клуб.

Пятница не заставила себя ждать. И вот Бетти-Энн в Джефферсон-Сити восторженно разглядывает фрески Томаса Харта Бентона и карфагенский мрамор. Она пьет чай в резиденции губернатора и даже несколько минут беседует с глазу на глаз с женой губернатора, этакой робкой пичужкой, которая, кажется, польщена, что Бетти-Энн ее заметила и заговорила с ней.

...А потом как-то вдруг кончился учебный год, и, одолев нерешительное сопротивление Джейн, Бетти-Энн пошла работать в универмаг стандартных цен Скотта — там она почти три месяца обслуживала жителей своего города и при этом знакомилась с ними. Она узнала их всех — тут были мелочные и жадные, щедрые в пустяках, напористые, застенчивые, самоуверенные, робкие — и поняла, что люди бесконечно разнообразны и неизменно у них, пожалуй, только выражение, затаившееся в глубине глаз, и только одно о них можно сказать наверняка: все одержимы множеством стремлений, надежд, страхов, желаний.

Много она увидела такого, чего не забудешь. «Свистун» Ред, сморщенный человечек (бывший фермер, бывший подпольный торговец спиртным, бывший католический священник, перешедший в другую веру; о его темном прошлом ходило немало легенд), всегда и всюду тихонько посвистывал, не пропускал ни одних похорон, всегда плакал при этом и утирал слезы большим носовым платком. «Я ради музыки хожу», — признался он Бетти-Энн. Или Эд Барнет — он вывалился из окна четвертого этажа гостиницы Дрейка, встал и пошел как ни в чем не бывало —

синяка, и то не осталось. А Уильям Сейнер — каждый понедельник он брился наголо, перхоти боялся. А мисс Леонард — говорят, она до того взбеленилась, когда сестра ее вышла замуж, что с досады двадцать лет не вставала с постели. Эта чопорная старая дева с блестящими карими глазами, хихикая и подмигивая, говорила Бетти-Энн: «Заведи себе мужчину, крошка, непременно заведи мужчину!»

Да, были «Свистун» Ред, Эд Барнет, Уильям Сейнер и мисс Леонард и еще сотни других, и ей было тепло и радостно. Билл Нортуэй несколько раз приглашал ее в кино, один раз на каток и дважды в бассейн. Бывали у нее свидания и с другими мальчиками, и один из них как-то вечером с томным видом читал ей стихи человека по имени Суинберн, и не будь она так хорошо воспитана, она непременно бы рассмееялась.

В предпоследнем классе им задали написать что-нибудь самостоятельное. Первое свое сочинение она написала в совершенно новой, на ее взгляд, манере. Но, разбирая ее работу, учитель сказал, что кое-где у нее слишком усложненный стиль, а это мешает понять мысль, вот, например: «Крадущийся лунный свет, корчась, преклонял колени пред тенями, что отбрасывали газовые фонари». И Бетти-Энн с ним согласилась. Всегда при всяком новом повороте в живописи, в прозе, в беседе сталкиваешься с непониманием.

— Выгляни во двор и скажи, что ты видишь, — попросила она Билла, когда они вдвоем сидели на качелях на ее тихой веранде.

— Что ж, поглядим, — сказал он с серьезным видом, как бывало нередко, хотя она знала — он вовсе не принимает ее всерьез. — Вижу траву. Да, вот она.

И лунный свет, разумеется. И тень от старого дуба, и еще асфальтовая дорожка в трещинах, и живая изгородь...

Бетти-Энн хотела объяснить, что можно видеть не только самые предметы, но и связь между ними или какую-то одну из многих связей, благодаря которым образуется особый стройный порядок вещей.

— Прежде всего существует одушевленность и неодушевленность, — сказала она. — Погляди, как они уравнивают друг друга. Смотри, как податлива одушевленность и как жестка неодушевленность. Взгляни — трава и дуб одушевлены, а асфальтовая дорожка и тени — нет. Смотри, листья, кажется, так и вливают лунный свет, а кора дерева никак его не воспринимает.

— Гм, — промычал Билл, еще словно бы всерьез, а потом, уже не притворяясь, обернулся к ней и разительно рассмеялся.

— Твоя хорошенькая головка полна звезд.

«Не понял», — подумала Бетти-Энн. Или, точнее, пожалуй, он услышал ее слова, понял их смысл, но не почувствовал, как чувствует она, их глубинную суть, их верность и правду. Но он не отмахнулся от нее, смеялся не холодно, а дружески, значит, все хорошо.

В последнее школьное лето Билл уехал на Восток повидаться с матерью, она была в разводе с его отцом и жила в Нью-Йорке, а когда в начале осени Бетти-Энн снова встретила с ним, она увидела, что за эту поездку он повзрослел и поумнел, и с удовольствием понял, что ждала его.

Начался последний школьный год, и они ходили вдвоем в кино, и бродили по тихим улицам, и пили кока-колу в аптеке Грей-Рейнолдса, и хохотали на переменах. И худое лицо Билла было красиво.

Но ему скоро предстояло идти в армию, и оттого всякий раз, как руки их соприкасались, неопределенность кружила им головы и еще теснее сближала, хотя и грозила оторвать их друг от друга.

Как хотелось Бетти-Энн, чтобы предстоящая разлука оказалась лишь страшным сном. Как хотелось, — впрочем, она понимала, что даже мечтать об этом глупо, — как-нибудь заменить его, или пусть бы он ненадолго заболел, и она сама его выходит... Но были и другие мечты — тихие, покойные, полные почти материнской нежности, и ей верилось, что, если они будут вместе изо дня в день, он непременно научится ее понимать, ведь ей это так нужно.

Но вот снова настала весна, день отъезда Билла приближался, и жизнь их становилась все мучительней, все безнадежней, и однажды вечером Бетти-Энн вдруг каким-то шестым чувством поняла, что мечты ее разбиты. Билл смотрел на нее отчужденно, сердито, а ей было больно, она всем сердцем отчаянно тянулась к нему, и потом ей надолго запомнилось, как по-детски глупо она себя вела и этим только еще дальше его отталкивала. В конце концов она, к своему стыду, расплакалась и горько и несправедливо его упрекнула:

— Тебе нужна женщина с двумя руками, да?

И вот уже мечта ее рассыпалась в прах, и ничего нельзя поправить; и даже в ту горькую минуту, когда она в отчаянии бросила ему эти слова, она знала, что впервые в жизни попыталась воспользоваться своей слабостью как оружием и больше никогда уже не повторит этой ошибки. А когда он ушел, она в слезах осталась на веранде — оскорбленная, униженная, горько раскаиваясь в своих словах.

Потом пришла печаль; ей уже никогда больше не узнать счастья, да, она смирилась, никогда она не будет счастлива. Так она сидела в темноте, смотрела на звезды, и волна за волной ее захлестывала тоска.

Мир вокруг был тих, покойно печален, и покойно печален воздух, и листья тоже источали покойную печаль, и сама жизнь была исполнена печали.

Первая неделя тянулась бесконечно; в душе непрестанно звучала чуть слышная печальная, тоскливая, грустная мелодия, оттеняя каждый ее шаг, каждый самый обыденный разговор.

Еще через две недели — ровно через три недели после того, как Билл исчез, исчез, хотя каждый день в школе она видела его отчужденное лицо, — Дейв подозвал ее и без предисловий сказал:

— Хочешь поступить осенью в колледж Смита?

В первую минуту Бетти-Энн была ошеломлена. Тогда Дейв объяснил, что Ли Сtimi, бывшая питомица этого колледжа, уже несколько лет старалась добиться для нее стипендии, и вот благодаря выдающимся успехам Бетти-Энн в старших классах и стараниям мисс Сtimi стипендия обеспечена.

Первая мысль Бетти-Энн была о Дейве и Джейн, и она, запинаясь, заговорила о том, что это несправедливо, они уже и так сделали для нее слишком много; нельзя ей учиться на Востоке, это будет стоить им больших денег. Но Дейв спокойно стоял на своем — она должна ехать, а потом Джейн сказала: «Нам удалось кое-что отложить на этот случай», и в конце концов Бетти-Энн согласилась поехать, если только ей дадут стипендию; она вышла из комнаты гордая, веселая и счастливая и лишь минут через пятнадцать вспомнила, что жизнь печальна.

Бетти-Энн ехала поездом из Канзас-Сити (туда она прилетела из Бостона); неторопливый состав этот останавливался, кажется, у каждой фермы, и ей никак не удавалось заснуть. Примирившись с мыслью, что придется бодрствовать всю ночь, она смотрела в окно и постепенно начинала понимать, до какой степени переменился ее взгляд на мир за короткое время — меньше одного семестра, что она провела в колледже Смита. Когда поезд с лязгом остановился на крошечной станции, она невольно ощутила одиночество, безжизненность, замкнутость станционного здания и сонной главной улицы.

Позади, на Востоке, лежит иной мир. Она его еще не понимает — он слишком для нее нов, но богат обещанием, как утренняя заря. Ей уже успели приоткрыться новые горизонты. Новые представления — самые неожиданные, обо всем на свете — были точно ключи, что отворяют двери в неведомые, но заманчивые дали, и она чувствовала себя маленькой и растерянной.

Что делать мне с этим печальным и забавным миром, как найти в нем себе место? Что нужно мне понять, чтобы и меня понимали? И когда придет понимание, что должна я делать дальше, в чем мой долг? Если бы только знать, если бы знать...

И ответ был близко — вот он, почти совсем уже тут, на краю сознания. В какой-то миг безмерного одиночества (за окном медленно ползущего поезда тянулись плоские, в пятнах талого снега поля) ей больше всего захотелось, чтобы ее поняли до конца, словно это и был ответ. Но ведь чтобы понимать друг друга, два человека должны быть неотличимо одинаковыми, подумалось ей вслед за тем. Нет, неверно, только один-единственный человек может понять меня до конца — я сама.

Как мне найти место в этой печальной и забавной жизни, какова моя роль, что могу я делать лучше всего? Ответ будет сложный, столь же многогранный, как сама жизнь, которая тоже, кажется, не поддается простому определению. Ясно одно: люди — все люди, такие ей близкие и такие чуждые, — потребуют, чтобы она отдала им все лучшее в ней, лучший свой дар — и тогда взамен они дадут ей то, что ей всего нужней. Но чего они ждут от нее? И чего она ждет от них? (Если бы знать, если бы знать!)

А роль? Даже этого еще недостаточно. Тут кроется что-то еще; вероятно, этим занимается какое-то неведомое ей направление философии. А быть может, все проще, и жизнь и смерть лишены смысла, но, навязанные людям, повторяясь опять и опять, обретают смысл, и в основе всего лежит простая необходимость. Из сложности — жизнеспособность, из жизнеспособности — сложная необходимость; когда кончается необходимость, кончается жизнь — сон, покой, скука, смерть. Быть может, роль — это все. А может быть, мне этого мало, и я всегда буду искать, потому что иначе не могу, и никогда не найду, потому что это мне не дано?

Ответ, не самый главный ответ, дрожал, трепетал на краю сознания — как найти себе место в этом печальном и забавном мире? Еще рано.

«Время придет, время придет», — стучали колеса.
«И скоро, — просвистел свисток, — скоро».

Дейв встретил ее на станции, помог выйти из вагона, взял единственный ее чемодан. Было свежо, ветрено; но на присыпанной гравием дорожке, по которой они шли к машине, снег растаял.

Они поздоровались, а потом Дейв умолк, и, обьятая внезапным страхом, чувствуя возникшую между ними отчужденность, Бетти-Энн воскликнула:

— Что-то не так!

Усаживая ее в машину, Дейв спросил:

— С чего ты взяла?

— Ты такой... — она запнулась, подыскивая слово, которое выразило бы ее мысль, стараясь определить не только для него, но и для себя, откуда вдруг возникла эта уверенность. От того, как передернулись его губы, как прозвучал голос, когда он с ней здоровался, от сдержанности, которая почудилась ей в его взгляде? Нет, не то, что-то еще. Казалось, в первое же мгновение она услышала его тайную мысль, а теперь не могла ее вспомнить.

— Как мама? С ней ничего не случилось?

— Конечно, нет, — ответил Дейв. Он захлопнул дверцу машины с ее стороны и обошел машину кругом. Садясь за руль, спросил:

— Как тебя кормили? Вид у тебя здоровый, но все-таки тебе там всего хватало?

Бетти-Энн засмеялась.

— Вполне!

— Я ведь учился в государственном университете. И боялся, что в частной школе тебя будут плохо кормить. Но я рад тебя видеть. Ты хорошо выглядишь... Приятно, что ты опять дома.

— Я соскучилась, — призналась Бетти-Энн.

— Надолго тебя отпустили? — спросил Дейв, включая зажигание.

— На десять дней.

— Не так уж много. Но тебе в самом деле там нравится? Ну, и каково это — учиться в большом

колледже на Востоке? Что там за девочки? Тебе легко с ними ладить? А как...

— Господи! Не все сразу, па. У нас же целых десять дней. Если я все выложу тебе сейчас, завтра мне уже не о чем будет рассказывать. И тогда я буду точно какой-нибудь забуревший фермер: «Да, холодно-новато нынче. Похоже, опять снег пойдет. Как бы озимые не померзли.»

Машина развернулась и покатила прочь от станции.

Бетти-Энн поуютней устроилась на сиденье.

— Там очень интересно, — сказала она. — Но совсем не так, как я себе представляла. — Она помедлила, подбирая, в какие слова облечь основные свои впечатления от колледжа, и почти тотчас ощутила, что молчание становится тягостным. Недоумевая, она выглянула из окна и сказала:

— А здание суда стало чище.

— Разве Джейн тебе не писала? В сентябре его чистили песком. Как раз после твоего отъезда.

— Нет, не писала... наверно, забыла... А что это со скобяной лавкой Кларка? Там, вроде, новая витрина?

— Он продал лавку... А в южном конце города в прошлом месяце был пожар. И сгорел Замок.

— Про пожар мама писала.

Дейв свернул на Пятую улицу, к казармам.

Бетти-Энн снова поглядела на него. Как же преодолеть эту вдруг выросшую между ними преграду? Главное — не молчать. И она сказала:

— Он как будто стал меньше, наш город. Будто сжался... Дома не такие, как в Новой Англии. Там они такие старые. В них живут так давно, что кажется, частица жизни передалась и им. Наши дома совсем другие.

А ведь Дейв может подумать, что после трех месяцев на Востоке она стала смотреть на их город свысока... И Бетти-Энн поспешно прибавила:

— Но, наверно, если поехать на Запад, там дома тоже другие. По фотографиям мне показалось, что они какие-то обособленные, враждебные... — В досаде она закусила губу: кажется, эти слова только усилили впечатление, которое ей хотелось рассеять. И она умолкла.

Дейв доехал до Кленовой улицы, свернул налево.

Нет, что-то неладно; это ощущение лишало Бетти-Энн уверенности в себе. Она не решалась заговорить — вдруг от какого-то нечаянного слова станет еще хуже...

— Может, я что-то сделала не так или, может, чего-то не сделала? — спросила она.

— О чем ты, малышка? Чего ты не сделала?

— Я ведь знаю, тебя что-то грызет. Я чувствую. Я что-нибудь не так сделала? Мое ученье в колледже стоит слишком дорого? Если дело в этом...

— Да нет же. Просто... — Дейв надул щеки. Бетти-Энн знала: это означает, что он недоволен собой.

— Ну ладно, — сказал он нехотя. — Раз уж ты такая проникательная, что видишь меня насквозь, я, пожалуй... Только я обещал Джейн, что не скажу тебе.

— О господи! — воскликнула Бетти-Энн. — Уж наверно все не так страшно. Не понимаю, что могло случиться, чтоб надо было делать из этого такой секрет.

Теперь, когда преграда рушилась, Дейву явно полегчало.

— Вероятно, это вовсе не страшно. Просто Джейн хотела сказать тебе об этом попозже, когда ты будешь уезжать. У нас был один человек, он хотел тебя

видеть. Он сам из Бостона или еще откуда-то с Востока. Джейн боялась, как бы он не испортил тебе праздники, и она так тебя ждала. Ну, и она попросила его, если можно, подождать, когда ты вернешься в колледж, а уж там пускай он с тобой повидается!

Дейв рывком свернул во двор, резко затормозил перед домом. И выключил зажигание.

Бетти-Энн была и озадачена и обрадована. И сама не могла понять, откуда это волнение.

— А что ему от меня нужно? — спросила она и удивилась: так напряженно прозвучал ее голос.

— Я возьму чемодан, — сказал Дейв. — Не говори Джейн, что я тебе рассказал. Лучше я сперва сам ей скажу. Этот человек хотел рассказать тебе... у него есть какие-то сведения о... он что-то знает о твоих... о твоих настоящих родителях. Нам-то он мало что сказал.

У Бетти-Энн сильно заколотилось сердце.

— Ничего не говори Джейн, пока я сам ей не скажу, — повторил Дейв.

И Бетти-Энн побежала к веранде, где ее ждала Джейн. Джейн, смеясь, обняла ее, и Бетти-Энн закричала:

— Мама, мамочка, до чего хорошо дома!

Он пришел через два дня после ее возвращения в колледж. Она ждала его час от часу тревожней, и когда дежурная по пансиону постучалась к ней в дверь и сказала: «Бетти-Энн, вас спрашивает молодой человек. Его зовут Дон Тэлли, он ждет внизу», — сердце ее так и подпрыгнуло.

— Дон... Тэлли, — медленно произнесла она, словно бы пробуя на зуб это странное имя. Нельзя ска-

зять, чтобы оно ей понравилось. Она ждала чего-то совсем иного... Какое же может быть лицо у человека с таким именем? — Спасибо, миссис Ривс. Скажите, что я сейчас спущусь.

Когда шаги миссис Ривс затихли на лестнице, подружка, делившая с ней комнату, спросила:

— Он из Эмхерста?

Бетти-Энн неопределенно покачала головой.

— Из колледжа Эггиса? Или из Уильямса?

— Я... нет, не думаю.

— Ну хорошо, — разочарованно сказала подружка. — Но он хотя бы красивый?

— Понятия не имею.

У подружки от удивления вытянулось лицо.

— Ну хоть интересный, по крайней мере? Это-то ты можешь сказать?

— Я никогда его не видела...

— И он никогда не видел тебя?

Бетти-Энн покачала головой. Подружка задумалась. Прищурила глаза.

— Вот что значит женская привлекательность. А ведь в тебе это есть.

Бетти-Энн слабо улыбнулась.

— Ха, вот бы мне... — продолжала та. — Ну, что же ты стоишь. Иди вниз. Не заставляй его ждать. А то еще кто-нибудь постарается его обворовать.

— Да-да... сейчас, — сказала Бетти-Энн.

— И спроси, нет ли у него дружка в Эмхерсте или... ой, как ты побледнела. Что с тобой? Ты бо-ишься?

— Нет... а может... может, и боюсь немножко.

— Что-нибудь случилось? Я не могу тебе помочь? Может, я что-то могу сделать?

— Нет, ничего. Пожалуй, надо идти.

Она вышла из комнаты, тихо прикрыла за собой дверь. И стала спускаться по широкой лестнице.

Мелодично позвякивала хрустальная люстра. Она колебалась от ветра всякий раз, как кто-нибудь отворял высокие белые двери, ведущие на веранду.

Бетти-Энн сошла с лестницы и остановилась.

— Это тот молодой человек, что разговаривает с Милдред, — сказала миссис Ривс, увидав, что она озирается по сторонам. — Похоже, очень приятный молодой человек.

— Да, — сказала Бетти-Энн. — Благодарю вас.

Она пересекла комнату и подошла к камину, перед которым сидел гость. Через стол на него с интересом поглядывала кареглазая улыбающаяся Милдред. Руки ее покорно лежали на коленях, губы — полураскрыты.

Едва подошла Бетти-Энн, он встал, и ей вдруг почудилось в нем что-то знакомое. Необъяснимое и пугающее ощущение это нахлынуло откуда-то извне.

— Я Бетти-Энн, мистер Тэлли, — сказала она.

— Бетти-Энн... э-э... Селдон?

— Да... да...

Милдред подалась вперед, в глазах ее был вызов.

— Не хочешь ли посидеть с нами? Дон как раз говорил мне, что он с Запада.

Огонь отбросил на его лицо алый отблеск. Оно было еще румяное с мороза, классически красивое, уверенное, спокойное. На пальто блестели снежинки.

— Дон, — Милдред поднялась и подошла к нему совсем близко. — Давайте-ка я возьму ваше пальто, Дон, — по-хозяйски сказала она.

— Нет... пожалуйста, не беспокойтесь...

— Я не хочу, чтоб вы подумали, будто у нас негостеприимный дом. Дайте я помогу вам снять пальто. — И она затеребила его воротник. — Мне хочется, чтобы вы чувствовали себя у нас совсем как дома.

— Право, не надо, благодарю вас, — в голосе его прозвучала нотка досады.

— Но...

— Я предпочитаю остаться в пальто.

Лицо Милдред вытянулось и на миг стало совсем детским. Наверно, печальное детство было у нее, подумала Бетти-Энн, но тотчас Милдред вновь обрела свой хрупкий защитный панцирь и, стараясь не выдать голосом обиду, беспечно защебетала:

— Я... ну... ну, ладно. Я вижу, вы хотите поговорить наедине.

— Если вы не возражаете, — сказал Дон.

— Нисколько, — любезно и холодно ответила Милдред. И, чуть помедлив, прибавила: — Мне завтра предстоит жуткий тест по литературе, так что все равно пора заниматься.

Когда она ушла, Дон сказал:

— Она подошла и села напротив меня и стала раскладывать на столике пасьянс. Я ни слова не сказал, а она посмотрела на меня и говорит: «Я на последнем курсе по социологии». Я опять молчу. Тогда она говорит: «А вы откуда?» Я сказал — с Запада. Наверно, она узнала мое имя вот от той женщины.

Бетти-Энн посмотрела на него с недоумением.

— Мне казалось, вы говорили моим родителям, что вы откуда-то из здешних мест, — серьезно сказала она.

Он кивнул, глядя в огонь.

— Так было удобнее. — Потом обернулся к ней. — Вы можете сейчас выйти из этого дома?

— Д... да... наверно, если захочу...

Только теперь она заметила, что у него какой-то особенный, правда, едва ощутимый выговор, такого она, кажется, ни у кого прежде не слыхала.

— Наденьте пальто. Я хочу, чтоб вы пошли со мной.

Он сказал это сухо, повелительно, и ей захотелось резко ответить «Нет». Но она сдержалась, было что-то в его лице, какая-то смутная напряженность, может быть, даже печаль — что-то такое, что притягивало к нему, заставляло прощать странную грубость.

— Посмотрите на меня, — сказал он. — Я должен рассказать вам кое-что о вас самой. Посмотрите на меня. Вы пойдете со мной?

Она посмотрела ему в глаза. И от их выражения сердце ее забилося чаще.

— Пойду. — Она коснулась его руки. — Это о моих родителях?

— И не только об этом, Бетти-Энн. Мне надо очень многое вам рассказать.

— Я надену пальто.

— Пожалуйста.

Когда она снова сошла вниз, он ждал у дверей.

Миссис Ривс кивнула ей и ласково сказала:

— Не забудьте, милочка. Не позже одиннадцати.

Дон безмолвно распахнул дверь, и из тепла и света они вышли в холодную тьму.

— Куда мы идем?

— В отель Дрейпера.

Смутные чувства вызвал он в Бетти-Энн. Не то, чтобы он ей нравился. И, наверно, не следовало бы так уж безоглядно ему доверять. И, однако, что-то странно связывает их, и нельзя понять, что же это за родство.

— Мне не позволят подняться в номера, — сказала она.

— Идите мимо конторки как ни в чем не бывало. Все будет в порядке.

Она подставила лицо снегу. Наверно, надо бы опасаться, а ей не страшно. Или нет, пожалуй, страшно — только не его самого, но вдруг он расскажет что-то такое, чего ей лучше бы о себе не знать. Они миновали церковь (снег поскрипывал под ногами). Вышли за пределы белого студенческого городка. Свернули на главную улицу, и вот уже перед ними лежит деловая часть Нортхемптона.

У Бетти-Энн застучали зубы, она взялась за его руку.

В свете неоновых огней падающий снег становился оранжевым, дыхание превращалось в морозный пар, из какого-то бара слышался смех. Они шли. А город погружался в сон.

Перед гостиницей Дрейпера они потопали ногами, отряхнули прилипший к подошвам снег.

— Идемте. Никто не обратит на вас внимания.

Они поднялись на крыльцо, прошли мимо конторки; сонный портье равнодушно посмотрел сквозь Бетти-Энн, словно ее тут и не было; она взглянула на Дона — лицо у него стало спокойное и ненапряженное.

Снизу, из ресторана, доносился нестройный хор голосов. Слышался девичий смех.

По ступеням, которые покрывал истертый ковер, они поднялись на третий этаж. Дон подвел Бетти-Энн к дверям номера и тихонько постучал.

— Это я, Дон, — сказал он.

— Войдите.

Он отворил дверь, пропустил Бетти-Энн вперед. И закрыл за собой дверь.

На постели лежал человек.

— Сядь, Бетти-Энн, — сказал он. Лицо у него было старое, изрезанное морщинами, глаза глубоко запали, губы тонкие и волосы совсем белые.

Она взгляделась в его лицо.

— Но... но ведь, — удивленно начала она, — вы же не старый!

Человек, лежащий на постели, кивнул.

— Она нашего племени, — сказал он. И продолжал: — Можешь называть меня Робин. То, что я расскажу тебе, странно и удивительно, Бетти-Энн.

Она посмотрела на него огромными, распахнутыми глазами.

— Не бойся.

— Я... я не боюсь, — сказала она, хотя сердце неистово колотилось. И сама не могла понять, правду ли сказала.

— Закрой, пожалуйста, глаза, друг мой, — сказал Робин.

В голосе его, как и в голосе Дона, слышалось что-то чужое. И не только в голосе. И лицо, и весь он был какой-то нездешний.

Бетти-Энн не могла определить, что же это, как не могла бы сказать, откуда она знает, что он не старик, и откуда это ощущение, будто их связывает какое-то родство. Она закрыла глаза. Безмолвно шевельнулись губы. Молча стояла она на пороге неведомого. И ждала.

— Слушай внимательно, — сказал Робин. — Ты слышишь мои мысли?

После минутного молчания она устало выдохнула:

— Да.

В мозг ее вторглось что-то извне — это было ужасно, — возникали и таяли слова. Неясные, они не скла-

дывались в фразы, и за ними чувствовался этот чужой. Все в ней возмутилось, она попыталась воспротивиться этим словам, но они наплывали опять и опять, и возмущение угасло.

— Передавать этот язык мыслями слишком трудно. Символы слишком... тяжеловесны. Нет, не тяжеловесны, а... в здешнем языке нет подходящего слова. На языке Фбан это «оксу». Ты поймешь. Ты узнаешь много языков. Дай себе отдых, мой друг. Я хочу показать тебе что-то еще. Ты расслабилась?

— Да, — ответила она, но все в ней по-прежнему было натянуто, как струна.

— Постарайся следовать за мной, если сможешь. Поначалу, наверно, будет трудно, так что ты должна помочь мне.

Теперь слова не наплывали извне, но она все равно ощущала за ними присутствие Робина. Он пытался подчинить себе ее мысли. Она приложила руку ко лбу. Он направлял ее... мысли ее... прорывались... в закрытую, неведомую ей часть ее мозга, такую чужую, странную... она попыталась уклониться, но он настаивал...

— Ты должна помочь мне, — повторил он.

И вот она застонала — новое, незнакомое ощущение всколыхнулось в ней, ее словно пронизало током, словно обдало свежим ветром, словно пробудилась давно забытая боль.

— Она... она... растет! Я чувствую! — воскликнула Бетти-Энн.

Она открыла глаза и посмотрела на свою левую руку. Поворачивала ее, сжимала и разжимала пальцы, не сводила с нее глаз. Неуверенно потрогала ее правой рукой.

— Новая, — сказала она. — У меня новая рука.

Она умоляюще поглядела на Робина. Ей хотелось плакать; слезы наворачивались на глаза, она с трудом сдерживала их. По телу побежали мурашки.

— Кто вы?

Какая-то часть ее сознания упрямо отказывалась признавать, что все это произошло на самом деле. (Всего достоверней здесь были стены номера: обои в грязных пятнах, такие скучные, будничные, они просто вопияли, что ничего подобного на свете не бывает и быть не может, и, однако, самим своим существованием подтверждали, что все это не сон.) И пальцы ее обновленной левой руки, тонкие и нежные, сгибались и разгибались, обретая наконец неправдоподобную свободу.

Робин поднялся, подошел к окну.

— Ты должна узнать, — сказал он. — Покажи ей, Дон.

Она вновь взглянула на Дона. И вдруг почувствовала, что смутная неприязнь к нему уступила место благоговению. Она хотела отвернуться, задрожать, хотела... и все же молча стояла перед ним, подавленная, не веря себе, и все чувства ее, все мысли, все существо ее замерло, изумление оглушило ее. Медленно, у нее на глазах весь облик его стал зыбиться и меняться. Еще мгновение — и перед ней был уже не человек.

Бетти-Энн слабо ахнула.

— Вот какие мы на самом деле, — сказал Робин. — И ты тоже такая, Бетти-Энн.

— Также такая? — переспросила она.

Дон — тот, кто был только что Доном, — был странным, неотразимым, некрасивым, но привлекателен своей странностью. Она вздрогнула, почти не в силах думать. Невозможно поверить, что и она тоже такая...

во всяком случае, не сразу. Но ни веры, ни неверия просто не существовало — было лишь чудо и немота.

— Ты привыкнешь, — сказал Робин. — Научишься перевоплощаться, захочешь — будешь такой, как сейчас, а захочешь — станешь кем-нибудь еще: птицей, быть может, или зверем, или чем-то, что тебе пока еще незнакомо. Стоит только научиться, и ты сможешь стать, кем вздумается.

Бетти-Энн смотрела на свою обновленную руку, Страшно думать, лучше и не пытаться, пусть мозг сам осваивает свои новые пределы. Дальше все произошло само собой. Рука медленно ссохлась, сжалась, стала такой, какой была всегда.

— Вот как? — сказала она подавленно. — Вот как?

— Ты научишься, Бетти-Энн, — сказал Робин.

Ей казалось, сердце готово разорваться. Стены комнаты — такие настоящие, такие доподлинные — поплыли перед глазами, и рисунок на обоях туманится, и от этого голова идет кругом. Вот сейчас эти стены рассыплются, их зыбкие, неверные очертания разойдутся, истают, словно круги на воде, и она останется на островке ковра совсем одна, окруженная тревожным молчанием.

— Откуда вы?

— Со звезд.

— Со звезд... — повторила Бетти-Энн.

Как странно. Она видела звезды — вечерами. Они так далеки (но в иные минуты они казались не такими уж далекими). Она вся напряглась, и напряжение росло. Звезды... Совладать с этим напряжением нелегко, и какое-то время внутри будет смятение, и она станет метаться из стороны в сторону (мало-помалу она успокоится, так будет непременно, но пока мысль эта не помогала, ибо сейчас покоя не было).

На это потребуется время. Ведь звезды так далеки.

— Мы не с этой планеты. И ты, конечно, чувствовала, Бетти-Энн, что ты не вполне принадлежишь здешнему миру. Конечно же, ты чувствовала, что ты не такая, как все.

Она покачала головой, волосы рассыпались, одна прядь упала на лоб, и она откинула ее. Не такая? Не такая...

— Расскажите... расскажите мне, — попросила она.

Рассказывайте не торопясь, понемногу, хотелось ей сказать, ведь я пока не до конца вам верю, а придется услышать еще много такого, чему трудно поверить; и я хочу услышать это не вдруг, не все сразу, чтобы разобраться постепенно, чтобы частицы невероятного понемногу сложились вместе (точно в картинке-головоломке). Помню, как-то мы с Джейн складывали такую головоломку: на картинке должны были получиться две охотничьи собаки, но мы потеряли крышку коробки и долго не могли догадаться, какая должна получиться картина. (Джейн сперва думала, что на ней выйдет бегемот, а я — что медведь гризли.)

— Рассказать надо очень много, — сказал Робин.

Бетти-Энн все думала об охотничьих собаках и как Дейв вернулся домой и сказал, смеясь: «Ну как же. На крышке все нарисовано». (И тогда они с Джейн вспомнили, и теперь, когда он им напомнил, сказали, что они и так все время это знали.) Ей вдруг подумалось, что она знала это всю жизнь: вот они, наконец, ее собратья, те, кто поймет ее, как никто никогда не понимал, и ей хотелось заплакать от радости... нет, не от радости, просто от удивленья.

— Мы странствуем, — сказал Робин. — Племя наше родилось на планете, которая, должно быть, очень

походила когда-то на вот этот мир, на Землю. В старинных записях сказано, что называлась она «Эмио». Земляне еще жили в пещерах, а мы уже странствовали среди звезд. Мы странствуем так долго, что планета наша давно затерялась в межзвездных просторах, быть может, и солнце, вокруг которого она обращается, уже угасло — не знаю. Это было очень давно. Наша история — большая часть ее — забыта... Как знать, быть может, все племена проходят по одним и тем же ступеням, и когда-то мы, возможно, были такими же, как молодое племя, среди которого ты жила здесь, на Земле. Но теперь мы странствуем. Племя наше состарилось на Эмио... и стало мудрым... давным-давно один из нас открыл эффект «зейуи», и тогда мы покинули нашу планету. А теперь мы любим солнечный закат в одном мире, а голубыми водами — в другом, за миллионы миллионов миль...

Бетти-Энн слушала и той частью своего существа, которая не совсем была сбита с толку, сознавала — да, Робин стар, но не в том смысле, как она прежде понимала это слово, стар не как земной человек; сами слова его, казалось, изнемогают под грузом лет. Мысль эта вспыхнула и угасла.

— Когда мы в последний раз были здесь, на планете Земля, — сказал Робин, — случилось несчастье и твои родители погибли. Я сам слышал предсмертные мысли твоего отца — я ждал его тогда в разведочной ракете. Я думал, что ты тоже погибла... Месяц назад мы вернулись. Одному из нас показалось, что он чувствует твое присутствие на этой планете. Мне удалось вспомнить, где произошел тот несчастный случай; по бортовому журналу Большого корабля мы определили дату; мы просмотрели газеты, выходящие в городе, близ которого случилось несчастье. И узнали, что ты

и вправду осталась жива. Тогда мы осторожно навели справки и напали на твой след.

— Рассказывайте дальше...

— Нас осталось уже не так много, меньше, чем нам хотелось бы. Приятно было бы увидеть среди нас новое лицо. У нас для тебя вдоволь места. Мы пришли за тобой, ибо ты нашего племени, и мы не можем оставить тебя здесь, в одиночестве. Мы пришли, чтобы сказать тебе: возвращайся к нам, лети вместе с нами, ведь ты наша сестра.

Он обернулся к окну — там, за окном, валил снег.

— Есть много планет, где снег куда красивей, — сказал он.

— На Лило снега лучше, — сказал Дон. — И тени лучше. Там три луны.

Бетти-Энн понимала: они нарочно заговорили о снеге, чтобы дать ей время освоиться со всем услышанным. Но в мыслях у нее по-прежнему была су-мятица.

— Земля славится лесами и травами, — сказал Робин скорее самому себе, чем Бетти-Энн и Дону. — В тропиках на диво густые и пышные заросли, в Гуаме например. А здесь, да еще в эту пору, один только снег...

— Земляне — не твой народ, — сказал Дон; он все еще сохранял новый странный облик.

Бетти-Энн снова посмотрела на него. Теперь он уже не казался ей ошеломляюще чуждым. Она начинала свыкаться с этим странным обликом. И вот уже все ее существо готово влиться в эту словно бы давно знакомую форму, всем существом она жаждет увериться, что это не сон, что и в ее земной плоти таится ее подлинное тело.

— Я тебе помогу, — сказал Дон.

Дрожа от напряжения, Бетти-Энн начала преображаться. Еще неизвестными путями пробиралась она к новой области своего разума, к новому отсеку мозга. Какая здесь сложная система управления, все свилось в клубок. Снова мысли закружил неведомый поток, но, точно птицы, летящие зимой к югу, они чутьем угадывали верный путь. Поначалу перемена давалась медленно, трудно, Бетти-Энн даже закусил губу, чтобы не закричать от боли. А потом, ошеломленная, еще не веря чуду, она ощутила свое истинное тело — оно стало набирать силу и затрепетало, готовое явиться на свет. Потрясенная, она не вполне понимала, как это происходит, и лишь благоговейно и смиренно принимала то, что в ней совершалось: да, в ней скрыта великая тайная сила, которая снимет оковы с ее плоти и преобразит ее, и освободит, и слепит заново, и возродит. Она уже предчувствовала свой новый облик, формы и линии нового тела — оно было здесь, в новых отсеках разума, и то, что открылось в этих отсеках, не дополняло ее прежний разум, не превосходило его, но просто было иным, отличным от него, от прежнего ее существа, и чудесно (да, чудесно!) служило ее мыслям, при их помощи она могла делать с собой что угодно. Преображение шло все быстрее, все легче. А ведь она никогда еще ничего подобного не видела, ей и сейчас еще почти не верилось, но они ее научили. Все это было так странно... так чуждо.

Потребуется время, чтобы привыкнуть к новому облику. Поначалу оно будет казаться чужим, потом просто новым, непривычным, а потом (время делает чудеса!) совсем своим, таким, как и должно быть. (Дейв сказал однажды: «Ходи, ходи, протопчешь дорожку».)

— Нет, — сказала Бетти-Энн. Она еще не пришла в себя от потрясения, не свыклась с переменой, еще не вполне верила в необычайную свободу, которую обрела вместе со своим новым естеством. — Нет, — тупо повторила она. Всем существом своим, не мыслями, не чувствами, но всем существом она ощущала свою к ним причастность и родство. Да, она одного с ними племени. Это правда, тут нет сомнений. — Нет, — снова повторила она. — Земляне — не мой народ.

Она оглядела себя — как песккладны земные одежды на этом чуждом теле... Она подергала платье, и на минуту ей стало грустно и одиноко.

— Значит, ты пойдешь с нами?

Она хотела было сказать:

— Да, да, пойду. Ведь я должна пойти с вами, правда? Вы — мое племя.

Но все впечатленья, все беспорядочно столпившиеся воспоминанья со стоном поднялись в душе. Она пыталась оттеснить их, пыталась забыть то волнение, которое впервые ощутила, когда ей сказали дома о приходе Дона. Мое племя живет среди звезд... как трудно в это поверить! Летят куда вздумается — вольные, свободные (а ведь я обещала Дорис дать ей завтра записи по истории и задумала такую интересную статью для студенческого «Кругозора»). Она ждала — пусть уймется смятение в душе.

— Дайте минуту подумать, — сказала она. Неподвластные ей чувства бурлили, грозя перелиться через край, точно кипяток из чайника. (Она стояла, остро ощущая странное свое тело, и смотрела на Робина, а он вглядывался в падающий за окном снег.)

Вспомнился давний страшный сон: ее комнаты больше нет, и на втором этаже вместо нее пустота, а когда Бетти-Энн проснулась, на коврике трепетал

лунный свет, и нежные мамыны руки обнимали ее — руки, которые всегда приносили покой, всегда, с тех пор как она себя помнит, и даже еще раньше. А внизу, в общей комнате, висят кружевные занавеси, лежат девять толстых альбомов с пластинками (сколько раз она их пересчитывала), после ужина Дейв иногда слушает музыку, и когда-нибудь она выразит эту музыку в красках, так, как ее чувствует Дейв и она сама тоже (а ведь теперь есть в ее мозгу то новое, что поможет ей совладать с красками, даст многое увидеть, и сделать, и открыть другим). А однажды на старом корявом дубе свили гнездо пересмешники, летом они пели всю ночь напролет, песни неслись в открытое окно, и она слушала, пока не приходил сон. На нее вновь дохнуло летней ночью — тонким ароматом гиацинтов, таинственным ландышем, пыльной жимолости, острой пряностью роз. Воспоминания были не радостны и не печальны, но странно яркие, она ощущала все как наяву, всеми пятью чувствами и с тихим изумлением вглядывалась в прошлое, пока ее не бросило в жар.

Доп нетерпеливо пошевелился.

Когда-то давно-давно, когда она даже еще не ходила в школу, она смотрела на звезды, такие далекие... это одно из самых первых ее воспоминаний, что сливаются в надежное, успокоительное тепло еще не запечатленной в памяти, неуловимой ранней рани... Звезды были холодные, яркие, неодолимо влекущие — ей хотелось рвать их, как цветы. (А ведь есть такая сказка — о девочке, которой захотелось луну, и однажды девочка эта исчезла; и ее отец сказал, указывая на луну: «Она вон там, она уплыла по лунному лучу». И все горожане качали головами: ведь это было так печально.)

(Старик Кларк умирает от рака.)

Но она смотрела на Робина, старого и все же молодого, такого мудрого, и в ней поднялась безмерная тоска, неутолимая жажда, какой не знают на Земле, — звезды манили и обещали, совсем близкие, достижимые, и она уступила их чудесному, неодолимо-му зову. (Кружиться подле ярких, пылающих солнц — и улетать к другим солнцам, угасшим, что будят вопросы, на которые не найти ответа; ей будут даны тысячи планет, и синие воды, и звук, и движение, и беспредельность, от которой замирает сердце, и все непонятно, непостижимо, пока неведомо откуда не примчится комета, — тогда поймешь, и узнаешь, и забудешь, и вновь попытаешься вспомнить... позднее... в некий час покоя и умиротворенности.) Ей хотелось пасть на колени пред могуществом мысли и благодарно протянуть руки — то, что было прежде руками, своим обретенным собратьям, хотелось закричать: вы — мое племя, мои братья, и это странное тело — мое! Вот кто поймет меня, потому что я и они — одно. Мы одного племени, а те, другие, — печальное и забавное племя, и мир, который я знала до сих пор, — это всего лишь... люди и людской мир... Вот они, настоящие мои братья! Жаркое волнение охватило Бетти-Энн, сердце ее неистово заколотилось, и она сказала:

— Да. Да. Я полечу. Вы — мое племя.

Решающее слово сказано. И хочется плакать.

Подошел Робин. Она подняла на него глаза, и в ней вспыхнула надежда.

— Мне надо попрощаться с родителями, — сказала она. — Я должна им сказать. Я не могу улететь, ничего им не сказав.

— Мне очень жаль, — подумав, сказал Робин. — Кажется, я представляю, что ты чувствуешь. Но это невозможно. Если мы позволим тебе попрощаться, о нас могут узнать, это слишком опасно. Мы хотим только одного — чтобы нам не мешали, мы ведь тоже никому не мешаем. Мы ждали тебя здесь, потому что твои родители... они, видно, хотели расспросить нас. А мы не хотим никаких осложнений.

— Но я не могу просто так их бросить! Мне непременно надо с ними увидеться! Надо сказать, что я уезжаю!

— Нас уже ждут, — сказал Дон. — Из-за тебя мы задержались с отлетом. Дольше нам ждать нельзя.

— Прощайся с ними в письме, — предложил Робин.

— Я прошу вас... — сказала она.

Робин покачал головой.

— Такое у нас правило, Бетти-Энн. Так было всегда. Если земляне узнают о наших посещениях, если твои родители поймут... Нет, опасность слишком велика. Я не могу разрешить это своей волей. Мы хотим только одного — чтобы нам не мешали; это не так уж много.

Медленно она вновь обратилась в земную девушку с сухой рукой — так ей было привычней, здоровая рука, пожалуй, даже связывала бы ее. (А что бы сказал Билл, если б увидел меня с двумя руками, мелькнула праздная мысль, и где он сейчас, Билл... где-нибудь в армии... Но разве его красивое лицо, выражение его лица, память о нем... разве ей и теперь важно, что он скажет и что подумает? Я могу сделать так, чтобы рука выросла незаметно, каждый день понемножку, и буду привыкать к ней, и можно сказать всем, будто она растет оттого, что я делаю

такую особенную гимнастику... она растет, а через год; когда она станет такая же, как правая, никому это уже не покажется странным, даже мне самой... А плакать глупо, я не маленькая.)

— Я... я хочу побыть одна, — сказала Бетти-Энн. — Сейчас я приду в себя. Пожалуйста, оставьте меня на минуту.

— Перо и бумага на письменном столе, — сказал Дон.

Когда они вернулись, Робин спросил:

— Теперь тебе лучше?

И она ответила:

— Да... Я написала в колледж: что заболела и потому уезжаю домой. Они не станут беспокоить из-за этого моих родителей. — Она взглянула на Дона. — А родителям я написала, что должна уехать. — Она взглянула на Робина, ей так хотелось, чтобы он понял. — Это было нелегко.

— Поверь, мне очень жаль, — сказал Робин. — Но, я думаю, так для тебя легче. Письма я отдам тому человеку за конторкой.

— Нам пора, — сказал Дон.

— На улице ждет машина, — пояснил Робин. — До нашей разведочной ракеты несколько часов езды.

Они вышли из комнаты, в вестибюле Робин разбудил дремавшего портье и отдал ему письма Бетти-Энн и оплаченный счет.

— Будьте добры, отправьте письма с первой почтой, — сказал он.

(А Бетти-Энн подумала: письмо придет к Джейн дня через три, а то и через четыре, и она достанет его из почтового ящика... и откроет прямо тут же, на ве-

ранде... если только день будет не слишком холодный. Аккуратно оборвет край конверта справа, вытряхнет листок, а может, осторожно достанет пальцами эту единственную страничку, и на ней крупным торопливым почерком — так мало, так страшно мало, всего несколько слов.)

Они ехали в машине сквозь холодную ночь, Робин вел машину, а Бетти-Энн сидела между ним и Доном и дрожала; наконец, Робин заметил это и сказал:

— Включи отопление, Дон.

Он вел машину медленно, и ночь была такая долгая. Дон минутами задремывал, прислонясь к окну. Поначалу Бетти-Энн с трудом сдерживала нарастающее волнение — была в нем и горечь, но радостное предвкушение пересиливало. Немного погодя она повернулась к Робину, хотела попросить, чтобы он ехал быстрее, и вдруг ей отчаянно, неудержимо захотелось говорить, заглушить словами боль разлуки, но слов не было. Под конец, измучась, она хотела уже только уснуть и забыться (а быть может, унести ненадолго мечтой к сверкающим звездам).

Ночь тянулась бесконечно. Но вот меж тяжелыми снежными тучами забрезжил первый неверный свет, а потом пробилась настоящая розовая заря, и тогда Бетти-Энн почувствовала, что во рту у нее пересохло и голова точно налита свинцом.

Дон пробудился от сна, посмотрел на карту.

— Сверни направо. На первом же повороте.

Окружающий мир обтекал их с двух сторон и медленно просыпался. Они по окраине объезжали небольшой город.

— Какой странный красный цвет, — сказал Дон. — Посмотри, Робин, на фуражку этого паренька.

Бетти-Энн жадным взглядом ловила все, что проносилось за окном.

Парнишка жал ногами на педали велосипеда, из рта у него валил пар; не останавливаясь, он метнул газету, она описала в воздухе дугу и упала на чью-то веранду, и Бетти-Энн вспомнилось, с каким ощущением рано поутру, еще в полусне, слышишь стук брошенной в почтовый ящик газеты.

Дон вдруг окончательно проснулся и спросил:

— Они ведь мало что способны увидеть, правда? Тебе удалось им что-нибудь показать?

— Кое-что удалось, — ответила Бетти-Энн.

— Наверно, это было не так просто, — сказал Дон. — По-моему, их зрение отлично от нашего.

Она все глядела за окно, и ей хотелось передать им хотя бы малую толику того, что она сейчас чувствует.

— Старик Кларк продал скобяную лавку и привел в порядок все свои дела, потому что доктор сказал — у него рак и он не доживет до лета.

Дон рассеянно улыбнулся.

— Ты сможешь многое рассказать нам о здешнем народе. Поверь, все мы с большим удовольствием слушаем о том, как ты жила среди них.

Голос его прозвучал не то чтобы равнодушно, простым словом «равнодушие» этого не выразить. Дон как бы вежливо соглашался с чем-то, чего, в сущности, не понял, или, может, ему казалось, будто она поднимает много шума из ничего. Но он ведь не знал Кларка, не знал, что у старика всегда были припасены леденцы на палочке и он давал их детям, чтоб не скучали, пока отец или мать делают покупки. (Да, конечно, это было еще и выгодно, ибо нравилось покупателям, но улыбка у него была совсем не та, какой улыбаются ради выгоды, и давал он детям леден-

цы тоже далеко не одной выгоды ради, все это было куда сложнее, чем только забота о выгоде.) Ей вспомнилась эта улыбка и голос старика (где он, этот рак, в горле?): «Господи, да как же она у вас выросла, мистер Селдон! Сдается мне, у меня есть, чем ее сегодня побаловать». (И всякий раз казалось, будто он припас лакомство нарочно для тебя, а вовсе не угощал всегда всех детей подряд.) В тот раз он размахивал при этом малярной кистью, которую еще не успел завернуть (папа Дейв купил ее, чтобы покрасить сушилку для посуды, а потом передумал и поручил эту работу мистеру Олсону), и в скобяной лавке пахло масляной краской и новым железом — вернее, так должно бы пахнуть новое железо. Новедь Дону неоткуда все это знать. И раз он не испытал ничего подобного, как же ему почувствовать то, что чувствует она...

— Вот здесь сверни, — сказал Дон. — А теперь едем прямо.

Домов становилось все меньше, их сменили поля. Худосочные, каменистые, они, казалось, всеми силами противились плугу. Нигде ни признака жизни, лишь изредка из-под снега проглядывали островки плодородной почвы. Воздух был холодный, бодрящий, слепило яркое солнце.

Неутомимо урчал мотор. Дорога шла вдоль железнодорожного полотна, на подъеме пыхтел паровоз. Они обогнали поезд, и немного погодя Бетти-Энн услышала его заунывный свисток у переезда.

— Расскажите мне о планетах, — попросила она. — Расскажите, что я увижу.

— Всего не расскажешь...

— Мне бы хотелось писать красками. Что там можно писать?

— Писать? Ну, вот планета Олики. Там очень красивое голубое озеро.

— Мне бы написать что-нибудь вроде того каменистого поля.

— Но ведь оно такое бесцветное, ты не находишь? — В голосе Дона было искреннее удивление: ему явно никогда не пришло бы в голову писать какое-то там поле.

— Вы, конечно, видели так много всего... Но разве вы не видите — наперекор камням, наперекор снегу это поле такое беспокойное, оно только и ждет минуты, когда можно будет ожить.

— Да, это верно, ты права, — пришел на помощь Робин.

— Тут налево, — сказал Дон.

Несколько миль ехали молча. Потом дорогу пересек скованный льдом ручей (на середине лед был словно тоненькая пленка), через ручей перекинут нескладный, с высокими перилами мост. Под тяжестью машины с грохотом запрыгали доски настила. Едва миновали мост, Робин направил машину на немощную дорогу, протоптанную рыбаками. С обеих сторон теснились деревья, высохшие ветви нависали над машиной, царапали металлическую крышу ломкими пальцами.

— Автомобиль нам больше не понадобится, — сказал Дон. — Можно оставить его здесь.

Робин рывком остановил машину, все трое вышли.

— Ты был прав, Дон, — сказал он. — Здесь ни души. Надежное место.

Ракета стояла в лесу, в тридцати или сорока ярдах от них. Вокруг нее чернела мертвая, выжженная земля.

— Ну как, Бетти-Энн, сумеешь сейчас перевоплотиться? — спросил Робин.

— Кажется, сумею, — ответила она.

По телу ее прошла дрожь, оно начало преобразаться, на этот раз все шло легче, и вдруг ей захотелось заслужить их похвалу, она ощутила могучую силу, таящуюся в новом отсеке мозга, и пустила ее в ход.

— Деревце! — радостно воскликнул Дон. — Смотри, какое деревце, Робин! Какие прелестные листья! Она обернулась очень славным деревом!

(Морозный воздух. В облачной дымке яркое солнце.)

— Способная ученица, — сказал Робин.

Она снова преобразилась — на этот раз она не знала, чем станет, просто дала волю тому, что ощущала.

Дон пристально вгляделся в то серое и смутное, что возникло на месте деревца в яркой и пышной зелени, и, содрогнувшись, отвернулся.

— Не знаю, что это такое, но глаз не радуется, — сказал он.

Тогда она позволила своему телу принять подлинную форму, обрела свой истинный облик, и на мгновение ее сковала странная неловкость, неуклюжесть; новыми губами трудно было произносить земные слова, говорить же мыслями еще не удавалось, ведь она не знала языка Дона и Робина и только теперь поняла, что весь долгий путь в машине они молча переговаривались, а она не слышала их мыслей.

— Мне было как-то... печально, что ли... Оттого, что я улетаю.

— Пора, — сказал Робин.

И Дон помог ей подняться в ракету.

Уже в воздухе, глядя на быстро уходящие вниз и назад деревья, Дон сказал:

— Ты, должно быть, очень взволнована. Ведь тебя ждет столько нового.

Но сейчас, когда она отрывалась от Земли, в ней поднялось такое смятение, что не хватило сил ответить. Молча стояла она у иллюминатора, который затуманили низкие облака. Вот уже мутное клубящееся марево скрыло от нее лес. А ракета все набирала скорость. Холодные металлические стены смыкались вокруг нее, хотелось колотить по ним кулаками, но поздно, теперь уже не вырвешься. Дом остался далеко внизу, далеко-далеко, и под эти ее мысли уходил все дальше и дальше — такая даль, что уже не разглядеть, не различить, не удержать...

— Недалеко от мексиканского побережья ждет Большой Корабль, — сказал Робин. — Мы уже скоро будем там.

Ее мутило от быстрого подъема, хотелось за что-нибудь ухватиться. «Пройдет, — говорила она себе, — пройдет». Она думала о звездах, о своем новом обличье, и чужие еще губы шевелились, и она думала: это мое племя.

Ракета набрала высоту. И медленно повернула на запад. Время шло — то ли миг, то ли вечность, и облака остались позади, и еще дальше внизу — Великие Озера, словно тянулись из-за горизонта чьи-то руки и манили ее, и старались удержать.

И вот уже новые поля, и новые леса, новые ручьи и широкие равнины, и могучая река рассекает рыжую землю. Потом высоко взметнулись горы, — острозубые скалистые кряжи вонзались в грозовые облака, и облака цеплялись за их вершины. И на остроконечных пиках сверкал снег.

Ракета сотрясалась от скорости, ревом двигателей прощалась с уносящейся назад сушей. (Западное побережье... она видит его впервые и уже никогда больше не увидит, и над ним занимается заря.)

— Расскажите мне о планетах, — взмолилась она. — Скорей.

— Скоро ты все увидишь сама, — сказал Дон.

— Расскажите хоть что-нибудь, но прямо сейчас. Пожалуйста!

— Ну, на Кину оранжевые горы.

— А какие они? — допытывалась Бетти-Энн. (Нет, не надо ни о чем больше думать, только слушать!)

— Потерпи, это надо видеть своими глазами. Мы обычно проводим там целый день.

— День?..

— Для оранжевых гор это не так уж много, — сказал Дон.

— Нет, не то... Разве можно все как следует увидеть за один день? — спросила Бетти-Энн.

— Я не совсем тебя понимаю, — сказал Дон.

— Но мне хотелось бы по-настоящему узнать эти оранжевые горы. А реки там есть?

— Право, не знаю... Там есть реки, Робин?

Не отрываясь от пульта управления, Робин громко откашлялся.

— Что-то я не заметил.

— Тут все дело в красках, Бетти-Энн, ты разве не понимаешь? — сказал Дон. — Цвет сам по себе.

— Верно, — подтвердил Робин. — Краски. Это главное.

Под ними яростно дыбились густо-зеленые и серые воды океана, белая пена вскипала и пузырилась, точно в пасти бешеного пса. А дальше воды синели, хрустально искрились, потом густая синева

посветлела, успокоилась, простерлась нежно-голубой обманчивой гладью. Крошечный пароходик выпустил из трубы утренний дымок. А впереди, совсем близко, ждала ночь: ракета обогнала солнце.

— Всегда есть на что посмотреть, — вдруг сказал Дон. — На свете так много всего.

Бетти-Энн пошла в хвост корабля.

— Странная она, — безмолвно сказал Дон Робину.

Робин неотрывно глядел вниз, на океан, освещенный луной.

— Вижу Большой Корабль, — сказал он.

И круто направил ракету вниз. Навстречу взревел океан. Робин выровнял ракету.

— Входной люк открыт, я вижу, — заметил Дон.

Бетти-Энн посмотрела вниз, на серебряный корабль. Он легко покачивался на волнах, огромный входной люк зиял, точно жадная разверстая пасть, и весь он — гладкая и сверкающая тюрьма, готовая ее поглотить.

Окажись она сейчас дома, она сказала бы Дейву и Джейн, что почувствовала себя плохо, заняла у Джун денег и поскорей поехала домой, потому что боязно болеть в колледже, среди чужих. А потом, когда придет письмо, она разорвет его и скажет, что все уже прошло, и вернется в колледж. Она пропустит всего неделю или около того, и ей разрешат продолжать ученье, только сперва пожурят, скажут, что она очень глупая, — если заболел живот, надо было обратиться в студенческую амбулаторию, а не ехать больной чуть ли не через весь континент, вдруг бы это оказался аппендицит! Притвориться больной несложно, ведь она теперь хорошо владеет своим телом и сумеет изобразить любой симптом.

И тут она поняла, какая удивительная сила заложена в ней. Пока, за эти немногие часы, она узнала еще только самую малость. Что таится в глубине ее существа? Много ли ей ведомо такого, о чем доктора и не подозревают? Такого, чего даже и вообразить не могут художники? Такого... Она подумала о старике Кларке — о том, что так грозно, неотвратимо растет у него внутри.

Быть может, ей ведомо и это?

Какая же сила дана ей теперь, когда она познала себя! Необоримое волнение поднялось в ней. Впервые за эти часы еще смутным, но ошеломляюще несомненным предстало перед ней будущее, она поняла, в чем ее роль, ее предназначение... и ее обдало жаром.

Но теперь уже поздно.

Внизу без конца и края простерся океан, отрезая ей все пути; она взглянула на Дона, на Робина, безмерная печаль охватила ее — за них и за себя тоже, а внизу бескрайний неодолимый океан катил свои воды к далеким горизонтам.

Робин ввел ракету-разведчик в лоно Большого Корабля и закрепил ее там.

К Бетти-Энн подошел Дон.

— Не плачь, — сказал он. — Мы уже на месте. — Он улыбнулся. — Пойдем. Мы на Большом Корабле. Ты наконец дома. И сейчас мы отправимся в путь.

— Правда? — спросила она.

Они вышли из ракеты в огромный ангар.

— Я подожду закрывать люк, сначала справлюсь в рубке, все ли разведчики вернулись, — сказал Робин.

Дон наклонился и стал осматривать какую-то деталь в корпусе их ракеты.

Вернулся Робин.

— Все уже дома. Сейчас закрою люк.

— Я скажу Бетти-Энн. Ей, наверно, захочется посмотреть из рубки, как мы взлетим.

Шаги Робина затихли. Тяжелая крышка люка со звоном захлопнулась. Опять шаги. И голос Робина:

— Что случилось?

— Как странно. Только что она была здесь. Бетти-Энн! Откликнись, Бетти-Энн!.. Да где же она?.. Бетти-Энн!

— Уж наверно ей захочется посмотреть взлет, — сказал Робин.

— Бетти-Энн! — крикнул Дон, но отозвалось одно только гулкое эхо.

Они озадаченно переглянулись, покачали головами.

— Бетти-Энн! — снова позвал Дон.

— Куда она девалась, черт побери? — сказал Робин.

За стенами Большого Корабля низко над горизонтом повисла луна, и, точно утомленный любовник, лениво дышал океан, и сверкали во тьме далекие звезды. А над умиротворенными водами, широко раскинув могучие крылья, летела навстречу дню большая одинокая птица.

РАКЕТА МЯУСА

«Прерываем наши передачи, слушайте экстренное сообщение...»

— Джек! Ну что ты вскинулся как ужаленный? И пепел у тебя сыплется.

— Ох, Айрис, дай послушать!

«...тело, первоначально принятое за комету, продолжает беспорядочный полет в стратосфере, временами снижаясь до...»

— Джек, ты мне действуешь на нервы! Нельзя быть таким рабом радио. Ты бы лучше мне уделял столько внимания...

— Дорогая, я готов все это обсудить и уделять тебе сколько угодно внимания, на все готов, только после. Ради бога, дай послушать!!!

«...телям восточного побережья предлагается следить за приближением этого...»

— Айрис, не надо!

ЩЕЛК!

— Ну, знаешь, это просто невежливо, это уж такое...

— Хватит, Джек Герри! Приемник не только твой, но и мой. Захотела — и выключила, имею полное право.

— Скажи, пожалуйста, а почему тебе понадобилось именно сейчас его выключать?

— Потому что, если сообщение важное, его повторят еще сто раз, и ты каждый раз будешь на меня шипеть, а мне это не интересно, и так все уши прожужжали, хватит. Вечно ты слушаешь какую-то

ерунду, которая нас ни капельки не касается. А главное, еще кричишь на меня!

— Ничего я не кричал.

— Нет, кричал! И сейчас кричишь!

— Мама! Папа!

— Молли, детка, мы тебя разбудили...

— Бедный детеныш... эй, а почему ты босиком?

— Сегодня не холодно, пап. А чего там по радио?

— Что-то летит в небе, малышка, я не слышал до конца.

— Спорим, космический корабль!

— Вот видишь, забил ей голову своей научной фантастикой...

— По-твоему, это фантастика? Молли рассуждает куда разумнее тебя.

— А ты рассуждаешь, как семилетний ребенок. И... и еще па... настраииваешь ее против ме... меня!

— Ой, мам, ну чего ты плачешь!

И в эту минуту словно какой-то великан сшиб кулаком двухкомнатный мезонин приморского коттеджа и расшвырял обломки по пляжу. Лампы погасли, а снаружи весь берег озарила яростная вспышка голубого слепящего света.

— Джек, милый, ты ранен?

— Мам, у него кровь!

— Джек, родной, скажи хоть слово! Ну, пожалуйста!

— Уф! — послушно отозвался Джек Герри и сел; с него, шурша, посыпалась дранка и обвалившаяся штукатурка. Осторожно, обеими руками он взялся за голову и присвистнул: — Дом рухнул.

— Не совсем, милый. — Жена обняла его, попыталась стряхнуть пыль с его волос, погладила по затылку. — Я... мне страшно, Джек.

— Страшно? — Он неуверенно огляделся; в комнату едва сочился лунный свет, все казалось смутным. И вдруг затуманенный взгляд наткнулся на яркое сияние в самом неожиданном месте. Он стиснул руку Айрис. — Верх снесло!.. — выговорил он хрипло и, шатаясь, через силу поднялся на ноги. — Комнату Молли... Молли!

— Я тут, пап. Ой! Ты меня раздавишь!

— Счастливая семейка, — дрожащим голосом сказала Айрис. — Проводим лето в тихом домике у моря, чтоб папочка без помех писал статьи о технике, а мамочка успокаивала нервы... Телефона нет, до кино сто лет добираться, а теперь еще крыша улетела. Джек... Что это в нас попало?

— Одна из тех самых штук, про которые ты не желаешь слушать, — язвительно ответил Джек. — Ты же их не признаешь, потому что они нас никак не касаются. Припоминаешь?

— Это про нее говорили по радио?

— Возможно. Давай-ка выберемся отсюда. Пожалуй, дом еще рухнет на нас или сгорит, мало ли.

— И-на-с-у-бьет! — пропела Молли.

— Замолчи, Молли! Айрис, я пойду погляжу, что к чему. А ты бы присмотрела место, где можно поставить палатку... если только я ее отыщу... Тише, Молли!

— А я молчу.

МЯ-А-У!

— Разве это не ты мяукаешь?

— Не я, пап, честно!

— Как будто кошку придавило, — сказала Айрис. — Только откуда тут взяться кошке? Они умные, они сюда не полезут.

УУ-УУА-АУ!

— Ну и воет, прямо жуть берет!

— Джек, это не кошка...

ММММ-АУ МММММ... МММ.

— Не знаю, что там за зверь, но уж, наверно, не очень большой, если он так мяукает, — сказал Джек. — И совершенно нечего трусить.

Он сжал локоть Айрис, потом осторожно перешагнул через груды обломков и начал всматриваться. Молли полезла туда же.

Вой больше не повторялся, и за пять минут они ни до чего не доискались. Джек вернулся к жене, она шарила среди обломков и мусора в гостиной, бесцельно поднимала и расставляла опрокинутые стулья.

— Я ничего не нашел...

— Ух!!

— Молли! Что такое?

Молли копошилась в кустах у самого дома.

— Ой... ой, пап, иди скорей!

Это прозвучало так, что отец стремглав выбежал наружу. Молли стояла, вся вытянувшись в струнку, и старалась запихнуть себе в рот оба кулака разом. А у ее ног лежал на земле человек с кожей серебристо-серого цвета; рука у него была сломана, он поглядел на Джека и замаяукал.

«...Военно-морское министерство дало отбой тревоги. Пилот почтового самолета сообщил, что неизвестный предмет скрылся в зените. В последний раз сго заметили в восемнадцати милях восточнее Нор-

манди-Бич, штат Нью-Джерси. По сообщениям из этого района, он летел очень медленно, издавая громкий свистящий звук. Хотя несколько раз неизвестный предмет снижался до каких-нибудь четырех-пяти футов над землей, по имеющимся сведениям, никакого ущерба он не причинил. Расследование продолжа...»

— Надо же, — фыркнула Айрис, выключая транзистор. — Это называется «никакого ущерба».

— Угу. И раз никто не видел, как эта штука ударила в наш дом, значит, никакие расследователи сюда не явятся. Так что смело можешь удалиться в палатку и залечь, никто не пристанет к тебе с вопросами.

— Ложиться спать? Ты с ума сошел! Спать в тоненькой палатке, когда тут валяется это чудовище и мяукает?

— Ну, что ты, мам! Он больной. Он никого не тронет.

Они сидели у веселого костра, который разожгли дранкой с крыши. Джек без особого труда поставил палатку. Серебристо-серый человек дремал, растянувшись поодаль в тени, и порой тихонько стонал.

— Обожаю, когда ты болтаешь глупости, лапочка, — усмехнулся Джек, глядя на Айрис. — До чего ловко ты ему вправила руку, любо-дорого было смотреть. Пока ты с ним нянчилась, ты вовсе не думала, что он чудовище.

— Вот как? Может быть, чудовище — не то слово. Знаешь, Джек, у него в предплечье только одна кость.

— Что? Чепуха, дружок. Наука такого не допускает. Тут нужно гибкое сочленение, иначе кисть не будет подвижной.

— Кисть у него подвижная.

— Посмотрим, — пробормотал Джек, взял фонарик и направился к расprostертой на земле долговязой фигуре.

В луче фонаря мигнули серебристо-серые глаза. Какие-то они были странные. Джек посветил фонарем поближе. В луче зрачки были не черными, а темно-зелеными. И очень узкими — просто еле заметные щелочки, сдавленные с боков, точно у кошки. Джек перевел дух. Потом осветил тело лежащего. Надето на нем было что-то вроде широченного купального халата, ярко-синее, с желтым поясом. У пояса — пряжка: по виду словно две пластинки желтого металла лежат рядом, совершенно непонятно, как они скреплены. Просто держатся вместе — и все. Когда они нашли этого человека и он сразу лишился чувств, Джеку пришлось пустить в ход всю свою силу, чтобы разнять эти пластинки.

— Айрис!

Она поднялась и подошла.

— Не мешай бедняге, пускай спит.

— Айрис, какого цвета был его балахон?

— Красный с... да он синий!

— Теперь синий. Айрис, что за чертовщина такая на нас свалилась?

— Не знаю... не знаю. Какой-то несчастный сбегал из приюта для... для...

— Для кого?

— А почему я знаю? — огрызнулась Айрис. — Наверно, если вот такие рождаются, их куда-нибудь отдают.

— Люди такими не рождаются. Айрис, он не урод. Просто совсем другой.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Сама не знаю почему, но понимаю. Только вот что я тебе скажу... — она запнулась и молчала так долго, что Джек

в недоумении обернулся. Айрис медленно закончила: — Он такой странный, такой безобразный, я должна бы его бояться, но... я не боюсь.

— А я тоже не боюсь!

— Молли, ложись сейчас же!

Молли скрылась в палатке.

Серый человек замяукал.

— Чего ты, приятель?

Здоровой рукой человек потрогал стянутое лубками предплечье.

— Ему больно, — сказала Айрис, опустилась на колени подле раненого и отвела его руку от повязки.

Он не сопротивлялся, только лежал и смотрел на Айрис, щурия страдающие глаза.

— У него шесть пальцев, — сказал Джек, опустил на колени рядом с женой и осторожно взял запястье раненого. И удивленно присвистнул: — Еще какая подвижная кисть!

— Дай ему аспирина.

— Это мысль... Постой-ка, — Джек озадаченно выпятил губу. — Думаешь, можно?

— А почему нет?

— Мы же не знаем, откуда он. Понятия не имеем, какой у него обмен веществ. Мало ли, как на него могут подействовать наши лекарства.

— Он... то есть как это — откуда?

— Айрис, дай ты себе труд хоть немного подумать, — с досадой сказал Джек. — Не станешь же ты и теперь закрывать глаза на очевидное и уверять, что этот человек с нашей Земли! Что ты, анатомии не знаешь? Где ты видела уродов с такой кожей и с такими костями? А эта пряжка? А одежда? Что это за материя? Будет тебе, право. Не цепляйся за старые предрассудки, шевельни мозгами, сделай милость.

— Ах, оставь! Этого просто не может быть!

— Вот так же рассуждали до Хиросимы... Так рассуждал в старину какой-нибудь воздухоплаватель, сидя в корзине аэростата, когда ему толковали про аппараты тяжелее воздуха. Так рассуждали...

— Ну, довольно, Джек! Я знаю все, что ты скажешь. Поспал бы лучше, сколько осталось до утра... А угодно философствовать — пожалуйста. Все, что ты говоришь, относится к людям. Покажи мне любой новый пластик, новый металл, новую невиданную машину, пускай я в них ничего не пойму, но они не вызовут у меня противодействия, потому что их изобрели люди. А этот... этот человек или уж не знаю кто...

— Понимаю, — сказал Джек мягче. — Это страшно, потому что чужое, а где-то в глубине души у нас всегда сидит: чужое — значит, опасное. Поэтому мы с чужими ведем себя лучше, чем с друзьями... И все-таки, по-моему, не стоит давать этому серому аспирин.

— Но он дышит тем же воздухом, что и мы. И в пот его бросает. И говорить он, наверно, умеет...

— Пожалуй, ты права. Что ж, надо попробовать, может, хоть немного снимет боль. Дай ему только одну таблетку.

Айрис отошла к колонке, налила воды в алюминиевый стаканчик. Опустилась на колени подле своего пациента и, одной рукой поддерживая серебристую голову, осторожно сунула ему в рот таблетку аспирина и поднесла к губам стакан. Он жадно выпил воду и вдруг весь обмяк.

— Ах, черт... вот этого я и опасался!

Айрис приложила ладонь к груди больного — послушать сердце.

— Джек!!!

— Неужели он... что с ним, Айрис?

— Нет, не умер. Но послушай...

Джек приложил рядом свою ладонь. Сердце билось тяжело, медленно — каких-нибудь восемь ударов в минуту. А за этими размеренными ударами, совершенно не в такт, частили другие — резкие, страшно быстрые, должно быть, около трехсот в минуту.

— У него какой-то сердечный приступ, — сказал Джек.

— Да, и с двумя сердцами сразу!

Неожиданно этот странный человек вскинул голову и испустил протяжный, пронзительный, с переливами вой. Глаза распахнулись во всю ширь, в них трепетала, то затягивая, то вновь открывая зрачок, прозрачная пленка. Он лежал совершенно неподвижно и все вопил, захлебываясь криком. И вдруг схватил руку Джека и поднес к губам. Молнией сверкнул острый светло-оранжевый язык, дюйма на четыре длиннее, чем полагается, и лизнул ладонь. Потом удивительные глаза закрылись, вопли перешли в слабое хныканье, а там и вовсе утихли, и он мирно свернулся калачиком.

— Уснул, — сказала Айрис. — Ох, надеюсь, мы ничего плохого не натворили.

— Что-то мы с ним явно сотворили. Будем надеяться, что это не очень опасно. Во всяком случае, рука его сейчас не мучает. А мы того и добивались.

Айрис подложила подушку под серую, непривычной формы голову, проверила, удобно ли незнакомцу лежать на надувном матрасе.

— Какие у него красивые усы, — сказала она. — Совсем серебряные. С виду он очень старый и мудрый, правда?

— Вроде филина. Иди ложись.

Джек проснулся рано; ему снилось, что он с зонтиком вместо парашюта выбросился из летающего мотоцикла и, пока падал, зонтик обратился в леденец на палочке. Он приземлился среди острых зубчатых скал, но они спружинили мягко, как губка. Его тотчас окружили русалки, очень похожие на Айрис, кисти рук у них были в форме шестеренок. Но во сне ему было все нипочем. Проснулся он улыбаясь, необычайно веселый и довольный.

Айрис еще спала. Где-то звонко смеялась Молли. Джек сел, огляделся — раскладушка Молли была пуста.

Тихонько, стараясь не разбудить жену, он сунул ноги в шлепанцы и вышел из палатки.

Молли стояла на коленях напротив странного гостя, а он сидел на корточках и...

Они забавлялись детской игрой в ладошки: кто не успеет отдернуть руку, получает шлепок.

— Молли!!!

— Да, пап?

— И не совестно тебе? Ведь у него сломана рука!

— Ой, я забыла! Ты думаешь, ему больно?

— Не знаю. Очень может быть, — сердито сказал Джек Герри. Он подошел к гостю, взял его за здоровую руку. Тот поднял голову и улыбнулся. Очень славная, обаятельная у него оказалась улыбка. А зубы острые, до странности редко расставленные.

— Иии-у мау мадибу Мяус, — сказал он.

— Это его так зовут, — живо пояснила Молли, наклонилась и потянула пришельца за рукав: — Мяус! Эй, Мяус!

И ткнула себя пальцем в грудь.

— Моолн, — сказал Мяус. — Моолн Геери.

— Видишь, пап, видишь? — в восторге закричала Молли. И ткнула пальцем в отца: — А это папа. Па-па.

— Баа-ба, — сказал Мяус.

— Не так, глупый! Папа!

— Баба.

— Да папа же!

Джек, тоже увлекшись, показал на себя пальцем:

— Джек Герри!

— Шек Гери, — повторил пришелец.

— Недурно. Молли, он просто не выговаривает «п» и «ж». Это еще не так плохо.

Джек осмотрел лубки. Айрис очень толково их наложила. Поняв, что вместо двух костей — локтевой и лучевой, как должно быть у обыкновенного человека, — у Мяуса только одна, Айрис закрепила ее в нужном положении при помощи двух дощечек вместо одной. Джек усмехнулся. Умом Айрис не допускает самого существования Мяуса; но как нянька и сиделка она не только признала его странную анатомию, но и умело вышла из положения.

— Наверно, он очень вежливый, — сказал Джек смущенной дочери. — Раз тебе вздумалось играть с ним в шлепки, он будет терпеть, даже если ему больно. Не надо пользоваться его добротой, ничуга.

— Не буду, пап.

Джек развел костер, и, когда из палатки вышла Айрис, на перекладине из свежесрезанных палок уже бурлила в котелке вода.

— Понадобилось стихийное бедствие, чтобы ты взялся готовить завтрак, — проворчала жена, стараясь скрыть довольную улыбку. — Как наш больной?

— Процветает. Они с Молли утром состязались в шлепки-ладошки. Кстати, балахон на нем опять стал красный.

— Слушай, Джек... Откуда он взялся?

— Я еще не спрашивал. Когда я научусь мяукать или он научится говорить, может быть, мы это выясним. Молли уже дозналась, что его зовут Мяус. — Джек усмехнулся. — А он меня зовет Шек Гери.

— Вот как? Он шепелявит?

Айрис занялась стряпней, а Джек пошел осматривать дом. Все оказалось не так уж плохо — честь и слава нелепой постройке. Мезонин в две комнатки, видимо, надстроенный позже, попросту насадили сверху на старый одноэтажный домишко. Старая крыша, обнажившаяся после того, как слетела сбита на скорую руку верхотура, выглядела вполне солидно. Они с Айрис прекрасно разместятся в гостиной, а постель Молли можно поставить в кабинете. В гараже есть инструмент и доски, денек выдался теплый и безоблачный, и Джек Герри, как всякий литератор, радовался тяжелой работе, за которую не заплатят ни гроша, — лишь бы только не писать. К тому времени, когда Айрис позвала его завтракать, он почти очистил крышу от обломков и составил план действий. Главное — перекрыть дыру там, где еще недавно была лестничная площадка, да еще проверить крышу, не протекает ли. Ну, это мигом покажет первый же хороший дождь.

— А как быть с Мяусом? — спросила Айрис, подавая мужу благоухающую яичницу с ветчиной. — Вдруг от нашего меню с ним опять случится припадок?

Джек посмотрел на гостя. Сидя по другую сторону костра, бок о бок с Молли, тот круглыми глазами уставился на еду.

— Сам не знаю. Дадим немножко, пусть попробует.

Мяус одним духом проглотил «пробу» и жалобно взвыл, прося добавки. Он уплел и вторую порцию, а когда Айрис отказалась жарить еще яичницу, накинулся на подсушенный хлеб с джемом. Каждое новое блюдо он сперва пробовал очень осторожно: отщипнет крошку-другую, мигнет раза два и потом уписывает за обе щеки. Единственным исключением оказалось кофе. Хватило одного глотка. Он поставил чашку на землю и с величайшей осторожностью перевернул ее вверх дном.

— Ты сумеешь с ним поговорить? — спросила вдруг Айрис.

— Он умеет говорить со мной, — объявила Молли.

— Это я слышал, — сказал Джек.

— Да нет, я не про то! — горячо запротестовала Молли. — Я ничего не разберу, что он лопочет.

— А про что же ты?

— Я... я не знаю, мам. Просто... просто он мне говорит, вот и все.

Джек и Айрис переглянулись.

— Наверно, это какая-то игра, — сказала Айрис.

Джек покачал головой и внимательно поглядел на дочку, будто видел ее впервые. Но не нашелся, что сказать, и встал.

— По-твоему, дом можно залатать?

— Ну конечно!

Молли и Мяус пошли за ним по пятам к дому и, стоя рядышком, во все глаза смотрели, как он поднимается по приставной лестнице.

— Пап, ты чего делаешь?

— Обвожу края этой дыры, где лестница выходит прямо под ясное небо. А потом подравняю края пилой.

— А-а.

Джек поторопился очертить куском угля квадрат, обрубил топориком, где можно было, торчащие углы и зазубрины и огляделся в поисках пилы. Пила осталась в гараже. Он спустился по приставной лестнице, взял пилу, снова вскарабкался наверх и начал пилить. Через двадцать минут пот лил с него в три ручья. Джек устроил передышку: спустился вниз, к колонке, подставил голову под струю, закурил сигарету и опять полез на крышу.

— А почему ты не прыгаешь туда и обратно?

Работа кровельщика оказалась тяжелой и день жарче, чем думалось полчаса назад, а пыл Джека — обратно пропорционален обоим этим обстоятельствам.

— Не говори глупостей, Молли, — проворчал он.

— Но Мясус хочет знать!

— Вон что. Скажи ему, пускай сам попробует.

Он снова взялся за работу. Через несколько минут, когда он разогнулся, чтобы перевести дух, Молли с Мясусом нигде не было видно. «Наверно, пошли в палатку и путаются под ногами у Айрис», — подумал он, берясь за пилу.

— Папа!

К этому времени у папы с непривычки отчаянно ломило руку и плечо. Пила то увязала в мягкой древесине, то шла вкось. И он спросил с досадой:

— Чего тебе?

— Мясус говорит, иди сюда. Он тебе что-то покажет.

— Что покажет? Мне сейчас некогда играть, Молли. И пусть Мясус подождет, сперва надо починить крышу.

— Но это же для тебя!

— Что именно?

— Та штука на дереве.

— А, ладно.

Движимый не столько любопытством, сколько ленью, Джек слез с крыши. Внизу у лестницы ждала Молли. Мяуса не было.

— Где он?

— Под деревом, — с необычайной кротостью сказала Молли и взяла отца за руку. — Идем. Это близко.

Она повела его вокруг дома, потом — через ухаби-стую, шишковатую полосу земли, из вежливости именуемую дорогой. По ту сторону дороги лежало поваленное дерево. Джек оглянулся и увидел, что по прямой линии между упавшим деревом и проломленной крышей его дома есть и другие сломанные деревья; словно что-то сорвалось с неба и промчалось наискось, задевая вершины, постепенно опускаясь, а потом снесло верх его дома и опять взмыло ввысь, все выше... куда?

Минут десять они шли дальше и дальше в лес, порой огибая обломанную ветвь или снесенную напроць макушку дерева, и наконец увидели Мяуса — он стоял, прислонясь к стволу молодого клена. Мяус улыбнулся им, показал пальцем на вершину клена, потом на свою руку, потом на землю. Джек озадаченно смотрел на него.

— Он свалился с этого дерева и сломал руку, — сказала Молли.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, просто это так было.

— Очень приятно. А теперь можно мне вернуться к работе?

— Он хочет, чтоб ты достал эту штуку!

Джек поднял голову. В развилке ветвей, примерно в двух третях высоты клена, что-то блеснуло —

палка длиной около пяти футов с какими-то обтекаемой формы придатками на концах вроде топливных баков на крыльях самолета.

— Это еще что такое?

— Не знаю... не могу объяснить. Он мне говорил, только я все равно не знаю. Но это для тебя, чтобы ты не... не... — Молли оглянулась на Мяуса. Серебряные усы прищельца словно бы распушились — ...чтоб не надо было столько лазить по лестнице.

— Молли... а как ты это поняла?

— Просто он мне сказал. Ох, пап, не злись. Честное слово, не знаю, как. Просто он сказал, вот и все.

— Хоть убей, не понимаю, — пробормотал Джек. — Ну, ладно. А для чего мне эта штука с дерева? Чтобы тоже сломать руку?

— Сейчас не темно.

— То есть?

Молли пожала плечами:

— Спроси его.

— А, кажется, дошло. Он упал с дерева, потому что было темно. Он думает, я могу влезть и достать эту штуку, и ничего со мной не стрясется, потому что сейчас светло и видно, куда лезешь... А все-таки чего ради мне доставать эту штуку?

— Э-э... чтоб ты мог прыгать с крыши.

— Глупости. Впрочем, надо ее разглядеть. Поскольку его корабль улетел, нам больше не по чему судить об их технике... Разве еще по одежде...

— А какая это техника?

— Троюродная тетушка потехе. Ну, старт!

Джек уцепился за нижний сук и подтянулся. Ему уже много лет не приходилось лазить на деревья, и теперь, осторожно высматривая, за какую ветку дальше хвататься, он мельком подумал, что существуют,

наверно, более удобные способы набирать высоту. Хотя бы эскалатор. И почему это при деревьях не растут эскалаторы?

Клен начал вздрагивать и качаться под его тяжестью. Джек глянул было вниз и тут же решил больше этого не делать. Глянул вверх — и с удовольствием убедился, что цель уже совсем близка. Взобрался еще на три фута и ужаснулся тому, как до нее далеко, потому что ветки тут были совсем тонкие. Весь извиваясь, он вскарабкался еще немного, протянул руку, и пальцы его скользнули по блестящей палке. Он заметил, что близко к ее середине с двух сторон укреплено по кольцу, достаточно широкому, чтобы продеть руку до плеча. Одно кольцо наделось на сук. Джек напрягся так, что едва не лопнули мышцы, еще чуть подтянулся одной рукой, а другой ухватил кольцо.

Подтягиваться одной рукой не так-то просто. Джек почувствовал, что непривычные мышцы слабеют. Он повис уже на обеих руках и своей тяжестью сдернул зацепившееся кольцо. Вокруг радостно затрещали ломающиеся ветки. Падая, Джек прикусил язык. Невольно он продолжал сжимать блестящую штуковину, хоть она и соскочила с того сука. Он падал и всем существом ждал: вот сейчас рухнет наземь и переломает себе все кости...

Ничего подобного не случилось.

Сперва он падал камнем, а потом непонятная штука, которую он все еще сжимал в руке, держала его. Он подумал, что каким-то чудом она опять зацепилась. Ничего подобного! Он опускался плавно, наподобие пушинки одуванчика, свисая с блестящей палки, которая невесть как и почему держалась в воздухе. Два веретенца, торчащие под прямым углом

по концам палки, тоненько, негромко свистели. Джек поглядел вниз, смигнул пот, катившийся со лба, поглядел еще. Мясус расплылся в счастливой улыбке, Молли рот раскрыла от изумления.

Чем ниже, тем медленней он спускался. Кажется, вечность миновала, пока он наконец блаженно ощутил под ногами твердую почву, и тут ему пришлось встать и с некоторым усилием притянуть палку книзу. Она поддавалась не вдруг, точно электрический тормоз на вихревых токах. Под веретенцами, пристроенными по концам, плясали и кружились сухие листья.

— Ой, пап, до чего здорово!

Джек дважды с трудом глотнул — в горле пересохло — и вернул на место вылезшие на лоб глаза.

— Угу. Забавно... — насилу выговорил он.

Подошел Мясус, взял у него из рук палку и отпустил. Оставаясь в строго горизонтальном положении, она медленно снизилась и легла наземь. Мясус показал на палку, на дерево и ухмыльнулся.

— Прямо как парашют! Вот здорово!

— Держись от этой штуки подальше, — сказал Джек, услышав в голосе дочери хорошо знакомые нотки. — Кто знает, что это такое. Еще взорвется, мало ли.

И с опаской покосился на загадочную палку. Она мирно лежала на земле, наконечники больше не свистели. Мясус вдруг наклонился и одной рукой высоко поднял ее. Потом преспокойно поджал ноги и повис. Палка бережно опустила его и усадила наземь, в вихрь крутящихся листьев, потому что, едва он ее поднял, из веретенец на концах снова ударили воздушные струи.

— В жизни не видал такого дурацкого механизма. Ну-ка, посмотрим...

Палка парила на уровне его пояса. Джек нагнулся и стал разглядывать одно веретенце. Оно заканчивалось маленьким круглым отверстием, затянутым мельчайшей сеткой. Джек протянул было руку. Мяус поспешно перехватил ее и покачал головой. Видимо, соваться ближе к этим наконечникам было небезопасно. И вдруг Джек Герри понял: это какие-то крохотные, но мощные реактивные двигатели. Если их мощности хватило, чтобы выдержать вес взрослого человека, то, конечно, тяга у них бешеная, — наверно, из ладони просто выхватит кусок, пробьет сквозную дыру, точно огромным компостером в билете.

Но что управляет этим аппаратом? Каким образом подъемная сила его соразмеряется с весом груза и с высотой? Без особого удовольствия Джек припомнил, что с клена он поначалу падал очень быстро, а чем ближе к земле, тем медленней. Но когда Мяус поднял палку над головой, она тотчас удержала его на весу и опустила медленно и осторожно. И потом... откуда такая устойчивость? Почему эта штука не перевернется и не врежется вместе с пассажиром в землю?

С возрастающим почтением Джек посмотрел на Мяуса. Видно, там, откуда он явился, наука ушла далеко вперед. Вот если бы разузнать у гостя подробнее об их технике... Но еще удастся ли его понять? Правда, Молли как будто нашла с ним общий язык...

— Он хочет, чтобы ты взял это на крышу, — сказала Молли.

— Как же этот выходец из сочинений Каттнера мне поможет?

Мяус мигом перехватил «палку», поднял, пырнул под нее и продел руки в кольца, так что она легла

ему на спину, как коромысло. Потом он огляделся, стал лицом к просвету среди деревьев и на глазах у ошеломленной публики подскочил вверх футов на тридцать, описал в воздухе широкую дугу и мягко приземлился за добрых двадцать ярдов от Джека с Молли.

Молли запрыгала на одном месте и захлопала в ладоши, она даже онемела от восторга. Джек Герри тоже не находил слов...

Мяус стоял и ждал их, улыбаясь своей милой, поряющей улыбкой. А когда они подошли совсем близко, опять подскочил, взмыл вверх и плавно полетел дальше к дороге.

— Ну что с ним делать? — пробормотал Джек. — К кому с этим пойдешь и как про это расскажешь?

— Пап, давай оставим его у нас! Он ведь ручной!

Джек взял ее за руку, и они пошли вдогонку серебряно-серому человеку, который опять и опять взлетал и парил впереди. Ручной! Пришелец из какого-то чужого мира, из какой-то неведомой цивилизации и уж, конечно, выдающийся пилот и ученый, ведь заурядная личность едва ли совершила бы такое путешествие. Как он сюда попал? Быть может, он только прокладывал путь и за ним придут другие? Или... или он единственный, кто уцелел, последний из всего своего народа? Откуда он — с Марса, с Венеры?

Они так и не догнали его, пока не подошли к дому. Он стоял возле приставной лестницы. Станный летательный аппарат мирно лежал на земле. Мяус с увлечением подбрасывал мячик Молли. Увидав отца с дочерью, он отшвырнул мячик, подобрал с земли свой аппарат, пристроил за плечи, подпрыгнул и взлетел на крышу.

— Иии-йю-у! — сказал он с выражением и, даже не обернувшись, не глядя, прыгнул с крыши. «Коромысло» так надежно держалось в воздухе, что, пока Маяс опускался, его длинное тело раскачивалось взад и вперед.

— Очень мило, — сказал Джек. — Впечатляющее зрелище. А теперь мне пора браться за дело.

И он направился к лестнице.

Маяс бросился за ним, схватил за руку; он хныкал и присвистывал, пытаясь что-то объяснить на своем непонятном языке. Потом взял «коромысло» и протянул Джеку.

— Он хочет, чтоб ты прыгнул с этой леталкой, — сказала Молли.

— Нет, спасибо, — сказал Джек (у него слегка закружилась голова — отзвук ощущений, испытанных недавно на дереве). — Уж лучше я поднимусь по лестнице.

И взялся рукой за ступеньку.

Маяс, подпрыгивая от досады, метнулся мимо него и опрокинул лестницу. Падая, она ударилась о ящик и заодно больно стукнула Джека по щиколотке.

— Пап, ты лучше прыгни с этим... с летательным поясом.

Джек посмотрел на Маяса. Серебряный человек глядел так приветливо, как только можно при такой странной физиономии; и потом, разумно ли перечить — доставим ему это удовольствие... Для начала у нас под ногами твердая почва, и не беда, если эта фантастическая штука не сработает. А если свалиться с крыши... в конце концов дом не такой уж высокий.

Рассудив так, Джек продел руки в кольца. Маяс показал пальцем на него, на крышу и слегка подпрыгнул. Джек набрал полную грудь воздуха, старательно

нацелился и, от души надеясь, что аппарат не срабotaет, прыгнул.

Он взвился вверх совсем близко к дому... чересчур близко. И с треском ударился о карниз ногой, тем самым местом, по которому его уже хлопнула упавшая лестница. Но это почти не замедлило взлета. Мгновение Джек не дыша парил высоко над крышей, потом начал спускаться. Он отчаянно болтал ногами в надежде найти точку опоры на дальнем конце крыши. Но промахнулся — самую малость. И только изо всей силы грóхнул все тем же местом, той же злополучной щиколоткой о карниз по другую сторону крыши. Он снижался и яростно сыпал проклятиями и наконец стал обеими ногами... в корзину с только что выстиранным бельем. Айрис как раз повесила что-то на веревку, обернулась — и они очутились лицом к лицу.

— Джек! Что ты здесь делаешь? Грязными ногами — прямо на белье...

Он хотел отскочить и сейчас же очутился в воздухе. На этот раз ему больше повезло. Он перемахнул через крыло дома, где помещалась кухня, и опустился на землю возле Молли и Мяуса.

— Пап, ты прямо как птица!

Из-за угла появилась Айрис. Пока он продирался сквозь хаос в гостиной к парадной двери, до него донесся радостный возглас Молли:

— Папа побежал вон туда!

Джек прыгнул. На сей раз он рассчитал безошибочно и легко перемахнул через дом, хотя чуть было не уселся верхом на веревку с бельем. Когда из дома, задыхаясь, выбежала разъяренная Айрис, Джек усердно развешивал мокрые простыни.

— Ты что делаешь? — спросила она голосом, не предвещавшим ничего доброго.

— Да вот, помогаю тебе развесить белье, дорогая.

— Что это за... штука у тебя на спине?

— Еще одно доказательство того, что изобретения научной фантастики вездесущи, — учтиво объяснил Джек. — Сие есть многоканальный, действующий в трех измерениях переносчик массы, или так называемый палкашют. С его помощью я могу парить чайкой, избегая земных тревог...

Айрис не выдержала и расхохоталась.

Джек вздохнул с облегчением:

— Извини, родная. Я совсем одурел от страха, пока болтался на этой штуке. Я просто не заметил корзины, а если бы и заметил, наверно, не сумел бы свернуть в сторону.

— А что это такое, Джек? Как оно действует?

— Понятия не имею. На концах что-то вроде ракетных двигателей. Когда солидный груз тянет к земле, они работают вовсю. Чем ниже, тем сильнее. А когда тяжесть ослабевает, они сбавляют обороты. Как это получается, отчего, на какой энергии они работают — в толк не возьму. С виду они просто верхним концом всасывают воздух, а из нижнего выбрасывают его сильной струей. Да, и еще: как эту палку ни верти, они всегда направлены вниз.

— Откуда ты ее взял?

— Снял с дерева. Это аппарат Мяуса. Видно, Мяус на нем спускался, как на парашюте. Пока спускался, одно кольцо наделось на сук и аппарат соскользнул, а Мяус упал и сломал руку.

— Что мы будем с ним делать, Джек?

— Ума не приложу. Не в цирк же его продать. — Джек помолчал в раздумье. — Безусловно, у него есть

много такого, что очень пригодилось бы людям. Да что там, один этот аппарат может преобразить весь мир! Нет, ты послушай: я вешу сто семьдесят фунтов. Я свалился на эту штуку совершенно неожиданно, когда сорвался с дерева, — и она тут же меня удержала. Судя по виду, Мясус весит еще больше моего. И она удержала его на весу, когда он просто поднял ее над головой и поджал ноги. Тогда, значит, этот аппарат или такой же, но покрупнее может служить двигателем для самолета, а пожалуй, и таким самолетным парашютом при аварии. А если и нет, так уж наверняка мощности этих маленьких двигателей хватит, чтобы вращать турбину.

— А белье эта штука стирать будет? — хмуро спросила Айрис.

— Вот это я и имею в виду! Штука легкая, портативная, мощность прямо баснословная — конечно же, она будет стирать. И заменит моторы, и генераторы, и... Айрис, что полагается делать, когда на тебя свалится открытие такой важности?

— Пожалуй, надо позвонить в какую-нибудь газету.

— И чтоб сюда заявилось сто тысяч зевак и любопытных, и конгресс начнет расследование и еще невесть что? Бр-р!

— А может, посоветуешься с Хемфри Зинсером?

— Черт возьми, ты попала в самую точку! Хемфри наверняка сообразит, что делать. Сейчас к нему съезжу.

— Ничего подобного! Не починив крышу? Пока ты обернешься, будет уже темно.

Меньше всего Джеку хотелось лезть сейчас на крышу и подпиливать ощеренные края треклятой дыры. Но приходилось считаться еще и с логикой, и

с угрозой в голосе Айрис. Он вздохнул и отошел, бормоча себе под нос, что счастливейший и ни с чем не сравнимый в истории человечества шаг вперед откладывается из-за женской прихоти. Он совсем позабыл, что на плечах у него высотонаборный аппарат Мяуса, и только первые два шага прошел по земле. Айрис неудержимо расхохоталась, глядя, как он неуклюже вышагивает по воздуху. Наконец он вернулся на твердую почву, стиснул зубы и с легкостью махнул на крышу.

— Доберись-ка до меня теперь! — поддразнил он и взялся за пилу.

За работой он не сразу обратил внимание на шум внизу.

— Ба-аба! Мр-рру элю-у...

Он со вздохом отложил пилу.

— Что у вас там?

— Мяус хочет свой летательный пояс!

Джек оглядел крышу, примыкающий к дому невысокий сарай и решил, что хоть он и достиг солидного возраста, но еще способен слезть отсюда и без лестницы. Он взял реактивное «коромысло» и сбросил вниз. Оно падало, держась в воздухе строго горизонтально, ничуть не быстрее и не медленнее, чем в тот раз, когда он сам на нем спускался. Мяус подхватил «коромысло», ловко продел в кольцо сломанную руку, потом здоровую и прыгнул на крышу к Джеку.

— Что скажешь, приятель?

— Уо-он йю-у уии.

— Вполне разделяю ваши чувства...

Джек понимал: серебристый человек пытается что-то объяснить, но как тут поможешь? Он ответил широкой улыбкой и снова взялся за пилу. Мяус

отобрал пилу и швырнул с крыши, старательно примеряясь, чтоб не задеть Молли.

— Это еще зачем?

— Деллийюу хинн, — сказал Мяус. — Бенто дее нюмниью ххэ. — И показал на «летательный пояс» и на дыру в крыше.

— По-твоему, лучше мне не работать, а улететь на этой штуке? Верно, брат. Но, боюсь, придется мне все-таки...

Мяус повел рукой вокруг дыры в крыше, потом опять показал на свой аппарат, на один из ракетных накопечников.

— Не понимаю, — сказал Джек.

Мяус, видимо, уловил смысл сказанного, и на подвижном лице его мелькнуло изумление. Он опустился на колени, сбоку взялся здоровой рукой за один из ракетных моторчиков, нажал два крохотных штифта — и кожух раскрылся. Внутри оказалось очень компактное, наглухо закрытое и с виду необыкновенно простое устройство — должно быть, это и был двигатель. Видимо, он ничем больше не закреплялся. Мяус вынул его и протянул Джеку. Величиной и формой эта штука походила на электрическую бритву. Сбоку была кнопка. Мяус показал на нее, нажал что-то сзади, потом повернул руку Джека так, чтобы маленький механизм был направлен в сторону от них обоих. Готовый к чему угодно — что вовсе ничего не произойдет или, напротив, вырвется «ослепительная вспышка яростной, всесжигающей энергии», столь милая сердцу писателей-фантастов, — Джек нажал кнопку.

Машинка засвистела, и отдача мягко вжала ее в ладонь Джека.

— Прекрасно, — сказал Джек. — А что же с этим делать?

Мяус показал на то место, где пилил Джек, потом на машинку.

— Вот оно что, — сказал Джек.

Он нагнулся, нацелил машинку туда, где кончался распил, и нажал кнопку. Снова свист, легкая равномерная отдача — и доску прорезала тонкая черта. Разрез был вдвое тоньше того, что оставила пила, чистый, ровный и, пока у Джека не дрогнула рука, безукоризненно прямой. Над крышей поднялось и развеялось по ветру облачко тончайшей древесной пыли.

На пробу Джек поднес машинку ближе к доске, потом отвел подальше. Выяснилось: чем ближе, тем тоньше разрез. Чем дальше отводить руку, тем шире разрез и тем медленнее режет машинка, а примерно в восемнадцать дюймов от доски она совсем перестает резать. Вот это здорово! Джек быстро обошел дыру кругом и подровнял края. Мяус смотрел и улыбался до ушей. Джек широко ухмылялся в ответ, отлично понимая, какое у него самого было бы чувство, если бы он познакомил с пилой дикаря, который пытается перепилить дерево ножом.

Кончив работу, Джек отдал машинку серебряному гостю и похлопал его по плечу.

— Большущее спасибо, Мяус!

Тремя быстрыми, ловкими движениями Мяус вложил крохотный моторчик в кожух, взялся одной рукой за «коромысло», шагнул с крыши и все с той же удивительной легкостью, точно пух одуванчика, опустился на землю. И, едва став на ноги, бросил «коромысло» обратно. Джек с испугом смотрел, как оно летит вверх, словно самая обыкновенная палка. Попытался ухватить его на лету, промахнулся. «Коромысло» достигло вершины своей траектории, начало

падать — и в этот миг включились двигатели и мягко опустили его к ногам Джека. Он продел руки в кольца и слетел к Мяусу.

Серебряный гость пошел за ним в гараж, где у Джека хранились кое-какие доски и дощечки. Джек отобрал несколько сосновых досок толщиной в дюйм и выволок наружу: надо отмерить и отрезать куски пужной длины, а потом он сколотит самую простую крышку, вроде как для чердачного люка, и прикроет ею ненужный теперь лестничный проем. Мяус с большим интересом наблюдал за его работой.

Джек поднял «летательный пояс» и попытался открыть обтекаемый кожух, чтобы достать резак. Ничего не получилось. Он давил, крутил, тянул, поворачивал. Аппарат не поддавался никаким ухищрениям, лишь засвистал тихонько, когда Джек в какую-то минуту опустил его пониже.

— Ээк, Шек, — сказал Мяус.

Отобрал у Джека аппарат, надавил в нужном месте. Джек внимательно следил. Потом улыбнулся Мяусу и взял резак.

В два счета он распилил доски, с язвительной ухмылкой поглядывая на пилу, праздно висевшую на стене. Потом скрепил доски вместе двумя поперечинами и одной косою планкой между ними, аккуратно подпиллил неровности по краям и, отступив на шаг, полюбовался делом рук своих. И тут же сообразил, что крышка слишком тяжела, одному ее не дотащить, тем более не взгромоздить на крышу дома. Вот если бы у Мяуса обе руки были целы или если бы... Джек почесал в затылке.

— Пап, а ты отвези ее на летательном поясе.

— Молли! Как ты до этого додумалась?

— Мязус сказал... То есть... я...

— А ну, давай в конце концов разберемся! Как это Мязус с тобой разговаривает?

— Не знаю, пап. Я вроде вспоминаю, что он сказал... только не... не словами. Просто я... просто... — Молли окончательно запуталась, потом сказала с жаром:

— Ну, я не знаю, пап! Вот честное слово!

— А сейчас что он говорит?

Молли смотрела на Мязуса. Опять Джек заметил, как странно распушились у того серебряные усы. Девочка сказала:

— Ты положи эту дверку на летательный пояс и подними. На поясе она будет падать медленно, а ты ее толкай вперед, пока... пока она падает.

Джек поглядел на дверку, на аппарат — и понял. Стал подсовывать аппарат под дверку; Мязус нагнулся и помог ему. Вся конструкция всплыла в воздух, и Мязус, придерживая ее, чтоб сохраняла равновесие, вывел ее из гаража, прежде чем она окончательно опустилась наземь. Еще раз подняли, еще раз без труда подтолкнули — и так прошли еще футов тридцать. Таким манером они добрались до самого дома; Молли со смехом вприпрыжку бежала за ними, упрасивала ее прокатить и на все лады восхваляла Мязуса, а он широко улыбался.

У дома Джек сказал:

— Ну-с, Эйнштейн-младший, а как нам теперь поднять все это на крышу?

Мязус поднял с земли мячик и, ловко подкидывая и ловя его, направился за угол дома.

— Эй!

— Он не знает, пап. Ты уж сам придумай.

— Так что ж, по-твоему, он сумел изобрести такой хитрый фокус, чтоб дотащить крышку сюда, а теперь у него мозги отказали?

— Ага, наверно.

Джек Герри посмотрел вслед серебристому человеку и покачал головой. Он уже приготовился получить от Мяуса совет, продиктованный разумением, превосходящим человеческое, хоть и несколько иным. Но Мяус попросту отмахнулся от задачи — это не укладывалось у Джека в голове. Конечно же, такой знающий и находчивый человек, остроумно подсказавший, как притащить сюда тяжелую крышку, не мог не понимать, что это только половина дела.

Пожав плечами, Джек вернулся в гараж, достал небольшой блок и веревки. Надо было еще ввернуть по большому крюку в скат крыши и в будущую крышку люка: немалого труда стоило втянуть груз наверх, еще больше пришлось попрыгать, пока удалось перетащить его через карниз и приладить на место. Мяус, видно, потерял к работе Джека всякий интерес. Два часа спустя Джек довернул последний винт, с облегчением разогнулся, и вдруг внизу послышались уже знакомые пронзительные вопли. Джек выронил инструменты, второпях пристроил за плечи «коромысло» и прыгнул с крыши.

— Айрис! Айрис! Что случилось?

— Не знаю... Этот Мяус... Он...

Джек ринулся за угол, к парадному крыльцу. На земле в каком-то судорожном припадке валялся Мяус: Он лежал на спине, выгнувшись дугой, пятки ушли глубоко в дерн, голова запрокинулась под невыносимым углом, он только и опирался на пятки да на лоб. Здоровой рукой он колотил по земле, но та, что в лубках, лежала спокойно! Губы кривились, испус-

кая пронзительный, прерывистый, поистине ужасающий вой. Мясус, видимо, способен был одинаково громко вопить и на вдохе и на выдохе.

Рядом стояла Молли и не сводила с него зачарованного взгляда. Она улыбалась. Джек опустился на колени и попытался сдержать дергающееся в конвульсиях тело.

— Молли! Перестань смеяться над беднягой.

— А он не бедняга, пап. Он счастливый.

— Что-о?

— Глупый, ты разве не видишь? Ему очень хорошо. Он смеется!

— Айрис, что с ним творится, как по-твоему?

— Одно могу сказать: он опять глотал аспирин.

— Четыре штуки съел, — вставила Молли. — Он их очень любит.

— Что делать, Джек?

— Понятия не имею, — озабоченно сказал Джек. — Оставим его в покое, как-нибудь само пройдет. Дать рвотного или снотворного опасно — не ровен час, совсем его отравим.

Приступ слабел и неожиданно прекратился, Мясус обмяк и затих. И опять, положив руку ему на грудь, Джек ощутил странное двойное биение сердца.

— Обморок, — сказал он.

Каким-то не своим, приглушенным голосом Молли возразила:

— Нет, пап. Он смотрит сны.

— Сны?

— Там небо оранжевое, — сказала Молли. Джек вскинул голову. Глаза девочки были закрыты. — Много Мясусов, целые толпы... и они большие. Как мистер Торндайк. (Торндайк, старый знакомый семейства Герри, редактор городской газеты, мог похвастать ро-

стом в шесть футов и семь дюймов.) Дома круглые, и большие самолеты, и... и у них вместо крыльев палки.

— Не говори глупостей, Молли! — тревожно сказала мать.

Джек поспешно зашипел на нее, чтоб не перебивала.

— Ну-ну, малышка, что там еще?

— Какое-то место... комната. Это... тут Мяус, и еще, их много. Они все линиями... рядами. Один большой, в желтой шапке. И он... держит их в рядах. А вот Мяус. Не в ряду. Прыгнул из окна со своей леталкой.

Молли умолкла. Мяус тихонько простонал.

— Ну?

— Ничего не видно, пап... ой, погоди! Все такое... мутное... Теперь какая-то штука, вроде подводной лодки. Только не в воде, а на земле. Дверь открыта. И Мяус... он внутри. Много кнопок и часов. Нажимает на кнопки. Толкнул какую-то... ой... ой! Больно!

Молли прижала к вискам стиснутые кулаки.

— Молли!!!

Девочка открыла глаза.

— Ты не волнуйся, мам, — преспокойно заявила она. — Это все ничего. Просто от той штуки во сне стало больно, только не мне. Был целый веник огня, и... и вроде спать захотелось, только очень-очень сильно. И больно.

— Джек, он погубит ребенка!

— Сомневаюсь, — сказал Джек.

— И я тоже, — с недоумением произнесла Айрис и прибавила чуть слышно: — А почему я это сказала?

— Мяус спит, — неожиданно объявила Молли.

— А снов больше не видит?

— Не, не видит. Ух, как это было... чудно!

— Пойдем перекусим чего-нибудь, — сказала Айрис, голос ее слегка дрожал.

Она ушла с Молли в дом. Джек посмотрел на Мяуса, тот блаженно улыбался во сне. Может, следовало бы уложить это странное существо в постель? А впрочем, день теплый, трава густая, лежать ему мягко... Джек покачал головой и тоже вошел в дом. Огляделся по сторонам.

— Да ты просто волшебница!

Вокруг все преобразилось. Мусора, щепок, обвалившейся штукатурки как не бывало, на столике, на спинках дивана и кресел победоносно сверкали салфетки и накидки — рукоделье Айрис. Она сделала реверанс:

— Вы очень любезны, милорд.

Они подсели к круглому столику и принялись уничтожать сэндвичи с языком.

— Джек!

— М-м?

— Что это было? Телепатия?

— Да, наверно. Что-то в этом роде. Ого, вот я расскажу Зинсеру! У него глаза на лоб полезут!

— Ты прямо сегодня поедешь на аэродром?

— Ясно! Пожалуй, и Мяуса прихвачу.

— Перепугаешь там всех. Уж очень у него вид... такое не каждый день встретишь.

— Ни черта! Посидит с Молли на заднем сиденье.

— Джек... а не опасно Молли общаться с этим... с этим существом?

— Нет, конечно! Ты беспокоишься?

— Я... да, Джек. И не из-за Мяуса. Из-за себя. Беспокоюсь потому, что как-то слишком мало беспокоюсь... понимаешь?

Джек наклонился и поцеловал ее.

— Вот что значит материнское сердце, — усмехнулся он. — Мясус — существо чужое, непривычное, значит, надо его опасаться. А при этом он беспомощный и безобидный, и где-то в глубине души ты готова его опекать и нянчить.

— М-может быть... — задумчиво протянула Айрис. — Он такой же огромный и безобразный, как ты, и, вне всякого сомнения, гораздо умней тебя. Но тебя мне вовсе не хочется нянчить.

— Еще чего! — усмехнулся Джек, залпом проглотил кофе и встал из-за стола. — Ешь скорей, Молли, и поди вымой лицо и руки. А я погляжу, как там Мясус.

— Значит, едешь в аэропорт? — спросила Айрис.

— Если Мясус пришел в себя. Я очень много всякого хочу выяснить, и многого мне просто не понять, не хватит мозгов. Зинсер вряд ли на все сумеет ответить. Но вдвоем мы хотя бы сообразим, как с этим быть дальше. Айрис, это же грандиозно!

Полный самых смелых предположений и дерзких замыслов, он вышел на лужайку перед домом. Мясус сидел в траве и самозабвенно созерцал гусеницу.

— Мясус!

— Баб?

— Как насчет того, чтобы прокатиться?

— Хоррршо, шшалуста, Шек!

— Боюсь, что ты меня не совсем понял. Пошли.

И Джек махнул рукой в сторону гаража. Очень бережно и нежно Мясус опустил гусеницу на травинку, поднялся и пошел следом, и тут в гараже раздался дикий грохот и треск. На миг все застыли, потом завизжала Молли — опять и опять, да так, что

волосы у Джека стали дыбом. Он сам не заметил, как домчался к гаражу.

— Молли! Что случилось?

При звуке его голоса девочка сразу замолчала, будто повернули выключатель.

— Молли!

— Я здесь, пап, — голос ее прозвучал на удивление тихо и смиренно. Она стояла возле отцовского автомобиля, и в эту минуту выражением всего ее существа была выпяченная, дрожащая нижняя губа. Машина застряла носом в дыре, пробитой в задней стенке гаража.

— Пап, я не хотела... я только хотела помочь тебе вывести машину. Ты меня отшлепаешь? Пап, ну, пожалуйста, я ведь не...

— Что на тебя нашло? Почему ты это сделала? Ты же прекрасно знаешь, что я не велю трогать стартер!

— Пап, я понарошку... будто это подводная лодка, только она умеет летать... Ну, как Мяус улетел. С некоторым усилием Джек сообразил, о чем речь.

— Поди сюда, — сказал он сурово.

Молли подошла крохотными шажками, еле передвигая ноги, прижав руки к тому месту, где, как она догадывалась, они ей сейчас больше всего пригодятся.

— Надо бы тебя выдрать, — сказал Джек.

— Ага... — дрожащим голосом согласилась Молли. — Наверно, надо. Только разочка два — и хватит, а, пап?

Джек закусил изнутри щеки, но не выдержал и ухмыльнулся. «Ах ты, хитрюга!» — подумал он.

— Вот что я тебе скажу, — проворчал он, оглядывая машину. По счастью, гаражик был отнюдь не капитальной постройки, несколько новых вмятин на

капоте и крыльях будут недурно гармонировать со старыми. — Тебе причитается три увесистых разá. Я их приплюсую к следующему дёру.

— Хорошо, пап.

Она взобралась на заднее сиденье, подальше от отца, и села там прямо и чинно, как пай-девочка. Джек как мог расчистил щепки и обломки, сел за руль и осторожно, задом вывел свой старый тарантас из протыранного сарая.

Мяус стоял в почтительном отдалении, серебряные глаза со страхом уставились на рычащий автомобиль.

— Прошу, — сказал ему Джек и поманил пальцем.

Мяус попятился.

— Мяус! — окликнула Молли, выглянув из машины.

— Йоук! — отозвался Мяус и тотчас подошел.

Молли отворила заднюю дверцу, он забрался внутрь и... скорчился на полу. Хохоcha во все горло, Молли заставила его сесть как следует. Джек объехал дом, остановился, подобрал ракетное коромысло Мяуса, послал в окно воздушный поцелуй Айрис — и они покатили.

До аэродрома ехали сорок минут, и все сорок минут не утихали восторги: Молли трещала, как пулемет, подмечая и разъясняя все чудеса проносящихся мимо земных ландшафтов. Мяус ее слушал как зачарованный, с круглыми глазами и раскрытым ртом, порой тихонько взвизгивал, изумленно мяукал и вопросительно попискивал... в иные минуты Джек готов был поклясться, что серебряный человек понимает каждое слово девочки.

Джек остановился на краю летного поля.

— Ну, — сказал он, — вы оба пока посидите в машине. Я поговорю с мистером Зинсером, может быть, он выйдет познакомиться с Мяусом. Молли, сумеешь ты объяснить Мяусу, что он должен сидеть в машине и не высовываться? Понимаешь, если его увидят чужие люди, они станут задавать всякие глупые вопросы, а зачем же смущать Мяуса, верно?

— Конечно, пап. Мяус будет послушный. Мяус! — она обернулась к своему соседу, посмотрела на него в упор, глаза в глаза. Серебряные усы распушились и задрожали. — Мяус, ты будешь послушный, правда? Ты не будешь высовываться?

— Шек, — сказал Мяус. — Шек мр-реди.

— Он говорит, ты — старший.

Джек вылез из-за баранки, засмеялся.

— Так и говорит? («Любопытно, вправду она что-то знает или это больше игра?») Ну вот, сидите спокойно. Я скоро вернусь.

И, прихватив коромысло, он скрылся в дверях.

У Зинсера, как всегда, дел было по горло. Аэродром был невелик, но им постоянно пользовались владельцы собственных машин и доставляли Зинсеру, который ведал взлетом и посадкой, немало хлопот. Он как раз говорил по телефону и, увидев Джека, свободной рукой прикрыл трубку.

— А, Герри! Что новенького? — весело проскрипел он. — Садитесь, я сейчас. — И, не переставая улыбаться Джеку, так же весело загудел в трубку. Джеку не сиделось и не терпелось, но что поделаешь, надо было подождать.

— Ну? — сказал Зинсер, положив трубку, и тотчас же телефон вновь зазвонил.

Едва раскрыв рот, Джек с досадой его закрыл. Зинсер положил трубку, но тут раздался новый

звонок. Зинсер снял трубку полевого телефона, пристроенного на краю стола.

— Зинсер слушает. Да...

«Ну, хватит», — подумал Джек. Поднялся, пошел к двери и тихонько прикрыл ее, чтобы никто не помешал. Взял коромысло и, к изумлению Зинсера, залез на стол, встал во весь рост, поднял коромысло над головой и шагнул в пустоту. Из крохотных ракет со свистом ударили воздушные струи. Джек повис на руках, коромысло мягко, неторопливо опускало его; он оглянулся через плечо. Лицо Зинсера было точно багровая луна в снежном вихре взметенных докладных, входящих и прочих бумаг и бумажонок, накопившихся за последние две недели.

Когда Зинсеру удалось перевести дух, он первым делом повесил трубку.

— Так я и думал, что это подействует, — ухмыльнулся Джек.

— Вы... вы... что это у вас такое?

— Разговорный поляризатор, — сказал Джек, становясь на ноги. — При помощи сего аппарата можно беседовать с аэродромным начальством, которое иначе не оттащишь от телефона.

Необычайно легко и проворно большой толстый Зинсер выскочил из-за стола и очутился перед Джеком.

— Дайте-ка посмотреть.

Джек подал ему аппарат.

— Смотри, Мясус! Самолет садится!

Оба внимательно следили, как машина скользнула вниз, и радостно завизжали, когда из-под шасси взви-

лись и тотчас развёялись подхваченные ветром облачка пыли.

— А вот еще один! Этот сейчас взлетит!

По полю пробежала легкая спортивная машина, голубая, с низко расположенными крыльями, развернулась, с ревом понеслась прямо на них, круто взмыла вверх — протяжный вой ввинтился в небо и замер.

Молли громко загудела, подражая взревавшему над головой мотору.

Мяус в точности изобразил свист прорезающих воздух плоскостей. Молли хлопала в ладоши и завизжала от восторга. Над полем уже описывал круг еще один самолет. Оба жадно следили за ним.

— Выйдем, взгляните на него, — предложил Джек. Зинсер посмотрел на часы.

— Не могу. Кроме шуток, я обязан проторчать у телефона еще самое малое полчаса. Надеюсь, с ним ничего не случится. Ведь на поле, можно считать, никого нет.

— Думаю, не страшно. С ним Молли, а я ведь говорил, что они отлично ладят. Вот в этом я тоже хотел бы разобраться — что тут за телепатия. — Джек неожиданно рассмеялся. — Ох, уж эта Молли! Знаете, какую она сегодня штуку удрала?

И рассказал Зинсеру, как Молли выводила машину из гаража через заднюю стену.

— Вот бесенок! — фыркнул Зинсер. — Все детишки одинаковы. Наверно, каждый мальчишка и каждая девчонка хоть раз да схватятся за какую-нибудь баранку и крутанут не в ту сторону. Вот у моего брата сынишка на днях пошел пылесосом косить лужайку перед домом... — Зинсер еще посмеялся. — Так вот,

о вашем... как его... Мяусе и этой его игрушке. Джек, этим надо заняться вплотную. Понимаете, ведь он сам, его одежда и этот аппаратик — единственные ключи, по которым можно будет дознаться, что он такое и откуда к нам попал.

— Да я-то понимаю. Но послушайте, ведь он очень умен. Он наверняка сумеет многое нам сообщить.

— Еще бы не умен! — подхватил Зинсер. — Надо полагать, на своей планете он был не из середнячков. Не всякого пошлют в такое странствие. Вот жалость, что к нам не попал его корабль!

— Возможно, корабль еще вернется за ним. А как вы считаете, откуда он?

— Может, с Марса?

— Ну, бросьте. Конечно, на Марсе есть атмосфера, но очень разреженная. Живому существу ростом с Мяуса там потребовались бы легкие громадного объема. Нет, Мяус привык к атмосфере, очень похожей на нашу.

— Тогда Венера тоже отпадает.

— Здесь он превосходно себя чувствует в своей одежде. Очевидно, у его планеты не только атмосфера, очень схожая с земной, но и климат такой же. Почти всякая наша еда ему подходит, хоть кое-что он и не принимает... а от аспирина становится пьяный в дым. На него нападает этакое буйное веселье.

— Вот оно что?.. Дайте подумать. Он не мог явиться с Юпитера — не такое у него сложение, чтоб выдержать тамошнюю силу тяжести. Внешние планеты слишком холодные, на Меркурии слишком жарко. — Зинсер откинулся на спинку кресла, рассеянно утер платком лысину. — Джек, этот малый родом явно не из нашей солнечной системы!

— Ух, черт! Пожалуй, вы правы. Хемфри, как по-вашему, что собой представляет эта реактивная игрушка?

— Судя по вашим рассказам о том, как она пилит доски... кстати, нельзя ли на это поглядеть?

— Извольте!

Джек Герри взялся за наконечник «коромысла». Нашел нужные кнопки, разом нажал. Кожух легко раскрылся. Джек вынул внутренний механизм и, действуя с величайшей осторожностью, отпилил от верхней доски зинсера стола крохотный уголок.

— В жизни не видал такого странного инструмента! — сказал Зинсер. — Дайте поглядеть поближе.

Он повертел машинку в руках.

— Не видно, чтобы тут использовалось какое-либо топливо, — раздумчиво сказал он.

— По-моему, горючим служит воздух, — сказал Джек.

— А как этот воздух сюда загружается?

— Воздухом. Нет-нет, я не шучу. По-моему, этот аппаратик каким-то способом разлагает часть воздуха, и высвобожденная энергия приводит в действие крохотное реактивное устройство. Если это устройство заключить в футляр, чтоб один конец всасывал воздух, а из другого выбрасывалась струя, вся эта штука будет работать как вакуумный насос, пропускающая все больше и больше воздуха.

— Или как прямоточный воздушный реактивный двигатель, — сказал Зинсер и заглянул в решетчатое отверстие.

У Джека кровь застыла в жилах.

— Ради всего святого, не нажимайте ту кнопку!

— Не нажму. А знаете, вы правы... Там концентрическая трубка. Черт подери, хотел бы я понять, как

это делается! Атомный реактор, который умещается в кулаке и ничего не весит!

— Я весь день над этим голову ломаю, — сказал Джек Герри. — И нашел только один ответ. Можете вы принять совершенно фантастическое объяснение, если оно логично?

— Ну, вы же меня знаете, — усмехнулся Зинсер и ткнул рукой в книжную полку, забитую старыми журналами и сборниками научной фантастики. — Валяйте.

— Так вот, — осторожно выбирая слова, начал Джек. — Вы ведь знаете, что такое энергия связи. Благодаря ей не распадается на части атомное ядро. Если я не запутался в тех крохах, которые мне известны из теории атома, мне кажется, возможно создать вполне устойчивую, нераспадающуюся сферу из этой самой энергии связи.

— Сферу? А что будет внутри?

— Та же энергия связи... а может быть, просто ничего... Пустота. Так вот, если эту сферу окружить другой — силовым полем, которое способно проникнуть во внутреннюю сферу, либо пропустить в нее материю извне, то, насколько я понимаю, все постороннее, что попадет во внутреннюю сферу, будет разрушено. Во внутренней сфере возникнет огромное давление. И если проникающее силовое поле позволит высвободить это внутреннее давление, произойдет выброс материи. Теперь заключите комбинацию сфер в механизм, способный контролировать количество материи, поступающей внутрь с одной стороны внешней сферы, и способный менять ширину отверстия, дающего выход рвущейся наружу энергии, с другой ее стороны, и все это окружите оболочкой, которая обеспечит вам поступающую внутрь сильную струю

Воздуха — вроде вакуумного насоса, который мы тут поминали, — тогда вот это самое у вас и получится!

И Джек постучал пальцем по крохотному реактивному двигателю. Зинсер покачал головой.

— Очень остроумно, — сказал он. — Даже если вы и ошибаетесь, это остроумнейшая теория. В сущности, ваши слова означают: надо только открыть природу энергии связи да найти способ прочно удерживать ее в сферической форме — и мы построим такую же машинку. А затем надо еще установить природу поля, способного пронизывать энергию связи и пропускать сквозь нее любую материю, да притом пропускать в одном определенном направлении. — Зинсер развел руками. — Только и всего. Научитесь, мол, практически использовать то, что еще и не снилось даже премудрым теоретикам, — и все в порядке.

— Чепуха! — возразил Джек. — Мясус нам подскажет, что и как.

— Надеюсь. Герри, а ведь это будет настоящая революция в промышленности!

— И не только, — усмехнулся Джек.

Зазвонил телефон. Зинсер посмотрел на часы.

— Ага, вот этого я и ждал.

Он сел за стол, снял трубку и повел длинный подробный разговор с какой-то, видимо, важной персоной о счетах за погрузку, о прокате машин и об ограничениях в торговле между штатами; а Джек, прислонясь к подпиленному углу стола, предавался мечтам. Мясус — великий посланец великой цивилизации, бесконечно обогнавшей земную, — поможет человечеству выбиться на верный путь, вырваться из оков несовершенной техники и расточительной экономики... Любопытно, каков Мясус у себя дома, среди своего

удивительного народа. Наверно, он еще молод, но, конечно, это уже зрелый ум, человек богато и разносторонне одаренный — не даром же он избран посланником на Землю, к молодому, бурно развивающемуся человечеству. Ну, а космический корабль? Сбросив Мяуса на Землю, возвратился ли он со своим пилотом в загадочный уголок Вселенной, откуда прибыл? Или кружит где-то в пространстве, терпеливо ожидая вестей от смелого посланца?

Зинсер положил телефонную трубку, облегченно вздохнул и поднялся.

— Честь и слава моему самообладанию, — сказал он. — Совершается величайшее событие в моей жизни, а я все-таки довел работу до конца. Чувство такое, как у малыша в канун елки. Ну, пойдем, поглядим на него!

— Уиииийoooу-у! — пронзительно взвыл Мяус, когда над ними пронесся, набирая высоту, еще один самолет.

Молли в восторге запрыгала на сиденье: уж очень выразительная у Мяуса была физиономия.

Гибким движением серебряный человек перегнулся вперед, через спинку водительского сиденья, чтобы лучше видеть, что делается за углом ближнего ангара. Туда недавно подкатила приземлившаяся спортивная машина, до нее было рукой подать, пропеллер еще вращался.

Молли облокотилась на спинку переднего сиденья, вытянула шею, ей тоже хотелось поглядеть. Мяус нечаянно задел ее, с головы у нее слетела панамка. Мяус нагнулся за панамкой, стукнулся головой о приборную доску, и тут распахнулось отделение для

перчаток. Мясус сунул туда руку, зрачки его сузились, в глазах затрепетала тонкая пленка. Не успела Молли опомниться, как он выскочил из машины и бегом помчался прочь; он высоко подпрыгивал, выпускал какие-то странные крики и через два-три прыжка, покачиваясь, наклонялся и колотил по земле здоровой рукой.

В ужасе Молли вылезла из машины и побежала вдогонку.

— Мясус! Мясус! Иди сюда сейчас же!

Широко раскинув руки, он поскакал ей навстречу.

— Мрр-рауу! — завопил он и пронесся мимо. Приподняв одну руку и опустив другую, точно самолет на вираже, он пробежал широким полукругом, перескочил через низенькую бетонную ограду и помчался к ангару.

Задыхаясь, всхлипывая, Молли остановилась и топнула ногой.

— Мясус! — охрипшим голосом беспомощно позвала она. — Папа не велел...

Два механика, стоявшие неподалеку от машины с невыключенным мотором, обернулись на странный звук: как будто африканская виверра вздумала подражать воинственному кличу диких индейцев. Обернулись — и увидели длинноногий призрак с серебристо-серым лицом, серебристо-белыми усами и глазами-щелочками, облаченный в ярко-алый, отливающий синим, балахон. Даже не ахнув, оба разом повернулись и кинулись бежать со всех ног. А Мясус, издав напоследок устрашающий радостный вопль, вскочил в самолет и скрылся внутри.

Молли прижала к губам стиснутые кулаки, отчаянно вытаращила глаза,

— Ой, Мясус! — прошептала она. — Что ты наделал!

Позади затопали, и Молли обернулась. К ней бежал отец, за ним вперевалку мистер Зинсер.

— Молли! Где Мясус?!

Она без слов показала на самолет, и, словно это был условный знак, маленькая машина затарахтела и поползла прочь от ангаров.

— Эй! Стой! Стой!!! — тщетно воззвал Джек Герри, пускаясь вдогонку.

Маленькая машина уже катила вперевалку далеко по полю, и вдруг мотор взревел на полных оборотах. Хвост оторвался от земли, и машина ринулась прочь от них — наперерез ветру, поперек взлетной дорожки. Джек обернулся к Зинсеру, на лице толстяка застыл невыразимый ужас. Джек проследил за его взглядом: на посадку шел другой самолет, большая многоместная машина.

Никогда за всю свою жизнь Джек Герри не ощущал такого бессилия. Сейчас две машины столкнутся в воздухе. Тут никто и ничто не поможет. Он смотрел не мигая, каким-то отрешенным взглядом. Машины неслись на огромной скорости, а казалось — еле ползут. Мгновение длилось целую вечность. А потом в каких-то двадцати футах над землей Мясус сбавил газ и накренил крыло. Скорость упала, машина развернулась по ветру и проскользнула под встречной почти вплотную, — будь на одной из них лишний слой краски, им бы уже не разминуться.

Джек сам не знал, сколько времени простоял, затаив дыхание; с трудом он перевел дух.

— Что-что, а летать он умеет, — прошептал Зинсер.

— Еще бы не уметь! — огрызнулся Джек. — Такая допотопная древность, как самолет, для него — детская игрушка. Просто детская игрушка...

Маленький самолет устремился вверх. На высоте сотни футов его круто занесло вбок, так что у зрителей душа в пятки ушла, и вдруг он описал мертвую петлю и ринулся вниз, прямо на них. Мяус промчался над ними вниз головой на бреющем, так низко, что Зинсер ничком бросился наземь. Джек и Молли стояли как истуканы и смотрели остановившимися глазами. На полторы нескончаемые минуты все вокруг заволокла густая туча пыли. Потом они опять увидели самолет уже на высоте полутораста футов, он нелепо болтался из стороны в сторону.

И вдруг Молли закрыла лицо руками и пронзительно закричала.

— Молли! Что ты, девочка?!

Она обхватила отца за шею и зарыдала так, что Джек ощутил за нее рвущую боль в горле и в груди.

— Перестань! — прикрикнул он, потом спросил с нежностью: — Ну что ты, родная?

— Ему страшно! Мяусу очень, очень страшно, — дрожащим голосом жалобно выговорила Молли.

Джек поднял голову. Самолет рыскнул, завалился на крыло.

— Скорость! — надрывно закричал Зинсер. — Скорость!! Прибавь обороты, болван!

Мяус выключил мотор.

Безжизненный самолет перевернулся кверху брюхом и рухнул вниз. И — вдребезги.

— Все Мяусины картинки пропали, — очень спокойно сказала Молли и, теряя сознание, тихо опустилась наземь.

Его доставили в больницу. Это была работа не для белоручек — вытащить его из груды обломков, перенести в карету скорой помощи...

Больше всего на свете Джеку хотелось, чтобы Молли этого не видела; но она как раз пришла в себя, села и громко заплакала, когда Мяуса проносили мимо. И пока они с Зиңсером шагали по приемной из угла в угол, каждый в своем направлении, Джек думал, что, когда всё это кончится, с девочкой будет немало хлопот.

Вытирая руки полотенцем, в приемную вышел врач — маленький толстоносый человечек.

— Кто из вас привез сюда этого... летчика, который разбился?

— Мы вдвоем, — отозвался Зиңсер.

— Что это за... кто он такой?

— Один мой приятель. Он... он выживет?

— Откуда я знаю? — резко ответил врач. — За всю свою практику не видал ничего подобного. — Он шумно фыркнул носом. — У этого молодца двойная система кровообращения. Две замкнутые кровеносные системы, у каждой свое сердце. И кровь в артериях выглядит как венозная, вся синяя. Как его уго раздило разбиться?

— Он съел полкоробки аспирина из моей аптечки, — сказал Джек. — От аспирина он пьянеет. Ну и вот... схватил машину и полетел.

— Пьянеет от аспирина? — Врач внимательно посмотрел на Джека, потом на Зиңсера. — Не стану спрашивать, не дурачите ли вы меня. Всякий врач почувствует себя дурак-дураком, стоит только посмотреть на этого... на это существо. Давно у него рука в лубке?

Зиңсер посмотрел на Джека.

— Примерно восемнадцать часов, — ответил Джек.

— Ча-сов?! — врач покачал головой. — Я бы сказал, восемнадцать дней, все отлично срослось. — И, прежде чем Джек успел вставить хоть слово, прибавил: — Ему нужно сделать переливание крови.

— Но вы же не можете!.. То есть... у него такая кровь...

— Знаю. Сделал анализ. У меня там два лаборанта стараются получить плазму, более или менее подходящую по химическому составу. Они не поверили ни единому моему слову. Но переливание необходимо. Я дам вам знать.

И он вышел.

— Удаляется сбитый с толку медик, — пробормотал Джек.

— Он хороший доктор, — сказал Зинсер, — я давно его знаю. А вам каково было бы в его шкуре?

— Господи, ну, конечно, я бы тоже растерялся! Хемфри, я просто не знаю, что буду делать, если Мюус погибнет.

— Вы так к нему привязались?

— И привязался, конечно. Но подойти вплотную к встрече с новой культурой, с иным разумом, и тут же остаться ни с чем — это уж чересчур.

— Да, эта его ракета... Джек, если не будет Мюуса, чтобы растолковать нам, как она устроена, я думаю, ни одному ученому не создать такую. Все равно, как... как, скажем, вручили бы оружейному мастеру из древнего Дамаска, допустим, вольфрам и сказали — сделай нить для лампочки накаливания. Останется у нас этот аппарат и будет посвистывать, когда тянешь его к земле... точно в насмешку.

— А телепатия? Наши ученые-психологи ничего бы не пожалели, лишь бы в ней разобраться!

— И потом, откуда он? — взволнованно подхватил Зинсер. — Он ведь не из нашей солнечной системы. Значит, они там нашли какую-то энергию для межзвездных перелетов или даже научились искривлять пространство и время, вон как наши фантасты пишут...

— Он должен жить, — сказал Джек. — Должен, вот и все, или нет на свете никакой справедливости. Нам столько всего надо узнать! Слушайте, Хемфри... раз он на Земле... Значит, когда-нибудь с его планеты прилетят и другие.

— Гм... А почему они раньше не прилетали?

— Может, и прилетали...

— Слушайте, — сказал Зинсер, — надо нам докопаться...

Тут вернулся врач.

— Похоже, что он выкарабкается.

— В самом деле?!

— Как сказать. В этом красавце нет ничего всамделишного. Но, судя по всем признакам, он поправится. Отлично поддается лечению. Что ему можно есть?

— Да то же, что и нам, я думаю.

— Ах, думаете. Кажется, вам не так уж много про него известно.

— Совсем мало, — сказал Джек. — Он только недавно явился. Откуда явился, понятия не имею. Это вы у него самого спросите.

Врач почесал в затылке.

— Он родом не с Земли. В этом я уверен. По-видимому, взрослый, но все переломы, кроме одного, — в сущности, не переломы, а односторонние надломы, так бывает у трехлетних детей. Прозрачная пленка на глазах... Чего вы смеетесь?

Джек сперва просто хихикнул втихомолку, но сдержаться не удалось. Он захохотал во все горло.

— Прекратите, Джек, — сказал Зинсер. — Тут все-таки больница...

Джек оттолкнул его руку.

— Я... мне просто необходимо, — беспомощно вымолвил он и опять покатился со смеху.

— Что необходимо?

— Отсмеяться, — задыхаясь, сказал Джек. И отрезвел. Даже больше, чем отрезвел. — Условимся, что это очень забавно, Хемфри. Ничего другого я не допущу.

— Какого черта...

— Послушайте, Хемфри. Мы насочиняли столько теорий насчет Мяуса — про его культуру, и про технику, и откуда он родом... так вот, мы никогда ничего не узнаем!

— Почему? Вы думаете, он нам не расскажет?

— Нет. То есть да. Наговорит-то он с три короба. Но что толку? Сейчас объясню. Он одного роста с нами, он явно прилетел на космическом корабле, при нем есть вещичка, какие могли появиться, безусловно, только при очень высоко развитой цивилизации... и по всему по этому мы вообразили, что он сам — создатель этой цивилизации, выдающаяся личность, посланец внеземного разума.

— Так ведь иначе просто быть не может.

— Ах, не может? Уж не скажете ли вы, Хемфри, что Молли изобрела автомобиль?

— Нет, но...

— Но она села за руль и проломила стенку гаража.

На круглой, как луна, физиономии Зинсера забрезжил свет догадки.

— Вы хотите сказать...

— Все сходится! Вспомните, Мясус сообразил, как перетащить тяжелую крышку для люка, а потом бросил задачу на полдороге! Вспомните, он до самозабвения увлекся мячиком Молли! А как они друг друга понимают! Ни с кем другим у него не получилось такой поразительной близости. По-вашему, это не проясняет дела? А как к нему отнеслась Айрис — почти по-матерински, хотя она и сама не могла понять, откуда это берется!

— Бедный малыш, — прошептал Зинсер. — Может, он думал, что опустился на своей планете?

— Да, бедный малыш, что и говорить... — Джек не выдержал и опять засмеялся. — Сумеет Молли рассказать нам, как работает двигатель внутреннего сгорания? Сумеет она объяснить, что такое ламинарное обтекание самолетного крыла? — Он покачал головой. — Вот увидите, Мясус нам расскажет примерно столько, сколько рассказала бы Молли: «Мы с папой ехали в машине и делали шестьдесят миль в час».

— Но как же он к нам попал?

— А как Молли проехала сквозь стену гаража? Врач безнадежно пожал плечами.

— Тут я ничего вам не могу сказать. Но биологически его организм на все реагирует, как детский... а если он в самом деле ребенок, все ткани восстановятся очень быстро, и я ручаюсь, что он будет жить. Зинсер даже застонал.

— Не очень-то много нам от этого радости, и бедному малышу тоже. Всякому ребенку свойственно верить, что все взрослые — умные и сильные. Он, должно быть, ни капельки не сомневается, что мы уж как-нибудь доставим его домой. А у нас ничего для этого нет и еще когда-то будет... Мы так мало знаем,

мы понятия не имеем, с чего начать, чтобы сработать такую ракету-парашют... а на его планете это просто детская игрушка!

— Пап...

— Молли! Разве ты не с мамой?..

— Пап, ты только снеси это Мяусу, — она подала отцу старый, потрепанный мячик. — Ты скажи, я его жду. Скажи, пускай скорей поправится, мы с ним будем играть.

Джек Герри взял мячик.

— Скажу, дружок.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Ужас пришел в Черрибелл после полудня в один из невыносимо жарких дней августа.

Возможно, некоторые слова тут лишние: л ю б о й августовский день в Черрибелле, штат Аризона, невыносимо жарок. Черрибелл стоит на 89-й автомагистрали, миль на сорок южнее Тусона и миль на тридцать севернее мексиканской границы. Две бензозаправочные станции (по обе стороны дороги — чтобы ловить проезжающих в обоих направлениях), универсальный магазин, таверна с лицензией на вино и пиво, киоск-ловушка для туристов, которым не терпится поскорей обзавестись мексиканскими сувенирами; пустующая палатка, в которой прежде торговали рублеными шницелями, да несколько домов из необожженного кирпича, обитатели которых — американцы мексиканского происхождения, работающие в Ногалесе, пограничном городке к югу от Черрибелла, и бог знает почему предпочитающие жить здесь, а на работу ездить (причем некоторые — на дорогах фордах), — вот что такое Черрибелл. Плакат над дорогой возвещает: Черрибелл, Нас с. 42, — но, пожалуй, плакат преувеличивает: Нас умер в прошлом году, тот самый Нас Андерс, который в ныне пустующей палатке торговал рублеными шницелями; и правильной теперь была бы цифра 41.

Ужас явился в Черрибелл верхом на ослике, а ослика вел древний, седобородый и замурзанный крот-старатель, назвавшийся потом Дейдом Грантом. Имя ужаса было Гарвейн. Ростом примерно в девять футов, он был худ как щепка, так худ, что весил навер-

няка не больше ста фунтов, и, хотя ноги его волочились по песку, нести на себе эту ношу ослику старого Дейда было, по-видимому, совсем не тяжело. Как выяснилось позднее, ноги Гарвейна бороздили песок на протяжении пяти с лишним миль, однако это не принесло ни малейшего ущерба его ботинкам, больше похожим на котурны, кроме которых на нем не было ничего, если не считать голубых, как яйцо малиновки, плавок. Но не рост и не сложение делали его страшным: ужас вызывала его кожа, красная, точно сырое мясо. Вид был такой, как если бы кожу с него содрали, а потом надели снова, но уже вывернутой наизнанку. Его череп и лицо были, как и весь он, продолговатыми и узкими; во всех других отношениях он выглядел человеком или, по крайней мере, похожим на человека существом. Если только не считать мелочей — вроде того, что его волосы были под цвет его плавок, голубых, словно яйцо малиновки, и такими же были его глаза и ботинки. Только два цвета: кроваво-красный и светло-голубой.

Первым заметил их на равнине, приближающихся со стороны восточного хребта, Кейси, хозяин таверны, который только что вышел через заднюю дверь своего заведения, чтобы глотнуть пусть раскаленного, но все же чистого воздуха. Они в это время были уже ярдах в ста от него, и фигура верхом на ослике сразу же поразила его своим странным видом. Сначала — только странным; ужас охватил его, когда расстояние уменьшилось. Челюсть Кейси отвисла и оставалась в таком положении до тех пор, пока странная тройца не оказалась от него ярдах в пятидесяти; тогда он медленно двинулся к ней. Некоторые люди бегут при виде неизвестного, другие идут навстречу. Кейси принадлежал к числу последних.

Они были еще на открытом месте, в двадцати ярдах от задней стены его маленькой таверны, когда он подошел к ним вплотную. Дейд Грант остановился и бросил веревку, на которой он вел ослика. Ослик остановился и опустил голову. Человек, похожий на жердь, встал — то есть просто уперся ногами в землю и поднялся над осликом. Потом он перешагнул через него одной ногой, на мгновение замер, упираясь обеими руками в его спину, а потом сел на песок.

— Планета с высокой гравитацией, — сказал он. — Долго не простоишь.

— Где бы мне, приятель, водички раздобыть для ослика? — спросил у Кейси старатель. — Пить, верно, хочет, бедняга. Бурдюки и другое пришлось оставить, а то бы разве довез... — И он ткнул оттопыренным большим пальцем в сторону красно-голубого страшилища.

А Кейси только теперь начал понимать, что перед ним самое настоящее страшилище. Если издали сочетание этих цветов пугало лишь слегка, то вблизи кожа казалась шершавой, покрытой сосудами и влажной, хотя влажной вовсе не была, и провалиться бы ему на этом самом месте, если она не выглядела содранной со страшилища, вывернутой наизнанку и снова надетой. А то просто содранной — и все. Кейси никогда не видел ничего подобного и надеялся, что ничего подобного больше никогда не увидит.

Он услышал позади себя какое-то движение и обернулся. Это были другие жители Черрибелла — они тоже увидели и теперь шли сюда, но ближайшие из них, двое мальчишек, были еще в десятке ярдов от Кейси.

— Muchachos, — крикнул он им, — agua por el burro. Un pozal. Pronto *

* — Мальчики, воды для ослика. Одно ведро. Быстро (*исп.*).

Потом он вновь повернулся к пришельцам и спросил их:

— Кто вы такие?

— Меня звать Дейд Грант, — ответил старатель, протягивая руку, которую Кейси машинально взял. Когда Кейси ее выпустил, она, взметнувшись над плечом старателя, показала большим пальцем на сидевшего на песке.

— А его, говорит, звать Гарвейн. Космач, что ли, и какой-то министр.

Кейси кивнул человеку-жерди и был рад, когда в ответ последовал кивок, а не протянутая рука.

— Мое имя Мэньюэл Кейси, — сказал он. — Что он там говорит насчет космача какого-то?

Голос человека-жерди оказался неожиданно глухим и звучным:

— Я из космоса. И я полномочный министр.

Как это ни удивительно, Кейси обладал довольно широким кругозором и знал оба эти выражения; что же касается второго из них, то Кейси, вероятно, был единственным человеком в Черрибелле, кому был понятен его смысл. Тот факт, что он поверил обоим этим заявлениям, был, учитывая внешность его собеседника, менее удивительным, чем то обстоятельство, что Кейси вообще знал, о чем идет речь.

— Чем я могу быть вам полезен, сэр? — спросил он. — Но прежде всего, не перейти ли нам в тень?

— Благодарю вас, не надо. У вас немного прохладнее, чем мне говорили, но я чувствую себя великолепно. На моей планете так бывает прохладными весенними вечерами. А если говорить о том, что вы могли бы для меня сделать, то вы можете сообщить вашим властям о моем прибытии. Думаю, что это их заинтересует.

Да, подумал Кейси, тебе посчастливилось напасть на человека, полезнее которого в этом смысле не найдешь и на двадцать миль вокруг. Мэньюэл Кейси был наполовину ирландец, наполовину мексиканец, и у него был сводный брат, наполовину ирландец, наполовину всякая всячина, и этот брат был полковником на военно-воздушной базе Дэвис-Монтан под Тусоном.

— Одну минуточку, мистер Гарвейн, я сейчас позвоню. А вы, мистер Грант, не хотите под крышу? — сказал Кейси.

— По мне так пусть жарит. Все равно день-деньской на солнышке. Вот, значит, этот самый Гарвейн и говорит мне: не откалывайся, покуда я не кончу дела. Сказал, даст мне какую-то диковину, если пойду с ним. Чего-то ликтронное...

— Портативный электронный рудоискатель на батарейном питании, — уточнил Гарвейн. — Несложный прибор, устанавливает наличие рудных залежей на глубине до двух миль, указывает вид руды, содержание в ней металла, объем месторождения и глубину залегания.

Кейси судорожно глотнул воздух, извинился и через собирающуюся толпу протолкался в свою таверну. Через минуту он уже говорил с полковником Кейси, но потребовалось еще пять минут, чтобы убедить полковника, что он, Мэньюэл Кейси, не пьян и не шутит.

Через двадцать пять минут в небе послышался шум, который все нарастал — и замер, когда четырехместный вертолет сел и отключил роторы в десяти ярдах от существа из космоса, ослика и двух мужчин. Только у Кейси хватило пока смелости подойти к пришельцам из пустыни вплотную; остальные любопытствующие предпочитали держаться на расстоянии.

Полковник Кейси, а за ним майор, капитан и лейтенант, пилот вертолета, выскочили из кабины и побежали к маленькой группе. Человек, похожий на жердь, встал и выпрямился во все свои девять футов; усилия, которых это ему стоило, говорили о том, что он привык к гравитации гораздо меньшей, нежели земная. Он поклонился, повторил свое имя и опять назвался полномочным министром из космоса. Потом он извинился за то, что снова сядет, объяснил, почему он вынужден это сделать, и сел.

Полковник представился и представил трех своих спутников.

— А теперь, сэр, что мы можем для вас сделать?

Человек, похожий на жердь, скорчил гримасу, которая, по-видимому, означала улыбку. Зубы его оказались такими же голубыми, как глаза и волосы.

— У вас часто можно услышать фразу: «Я хочу видеть вашего шефа». Я этого не прошу: мне необходимо оставаться здесь. В то же время я не прошу, чтобы кого-нибудь из ваших шефов вызвали сюда ко мне: это было бы невежливо. И я согласен рассматривать вас как их представителей, говорить с вами и дать вам возможность задавать вопросы мне. Но у меня к вам просьба. У вас есть магнитофоны. Прошу вас распорядиться, чтобы, прежде чем я начну говорить или отвечать на ваши вопросы, сюда был доставлен магнитофон. Я хочу быть уверенным в том, что послание, которое получают ваши руководители, будет передано им точно и полно.

— Превосходно, — сказал полковник и повернулся к пилоту. — Лейтенант, ступайте в кабину, включите рацию и передайте, чтобы нам моментально доставили магнитофон. Можно на парашюте... нет,

пожалуй, долго провозятся с упаковкой. Пусть при-
шлют на стрекозе.

Лейтенант повернулся, готовый идти.

— Да, — сказал полковник, — и еще пятьдесят яр-
дов шнура. Придется тянуть до таверны Мэнни.

Лейтенант сломя голову бросился к вертолету.

Остальные сидели, обливаясь потом, и ждали.
Мэньюэл Кейси встал.

— Ждать придется с полчаса, — сказал он, — и
если уж мы собираемся оставаться на солнце, кто
за бутылку холодного пива? Как вы на это смотрите,
мистер Гарвейн?

— Это ведь холодный напиток? Я немного мерзну.
Если у вас найдется что-нибудь горячее...

— Кофе, он уже почти готов. Могу я принести
вам одеяло?

— Благодарю вас, не надо. В нем не будет нужды.

Кейси ушел и скоро вернулся с подносом, на ко-
тором стояло с полдюжины бутылок холодного пива
и чашка дымящегося кофе. Лейтенант был уже
здесь. Кейси поставил поднос и начал с того, что
подавал чашку человеку-жерди, который, сделав гло-
ток, сказал:

— Восхитительно.

Полковник Кейси откашлялся.

— Теперь, Мэнни, обслужи нашего друга стара-
теля. Что касается нас, то, вообще говоря, пить во
время дежурства запрещено, но в Тусоне было 112
по Фаренгейту в тени, а тут еще жарче и к тому же
никакой тени. Так что, джентльмены, считайте себя
в официальном увольнении на время, которое вам
понадобится, чтобы выпить бутылку пива, или до тех
пор, пока нам не доставят магнитофон. То ли, дру-
гое ли случится первым — ваше увольнение закончено.

Сначала кончилось пиво, но, допивая его, они уже видели и слышали второй вертолет. Кейси спросил человека-жердь, не желает ли тот еще кофе. Человек-жердь вежливо отказался. Кейси посмотрел на Дейда Гранта и подмигнул; старый крот ответил ему тем же, и Кейси пошел еще за бутылками, по одной на каждого из двоих штатских землян. Возвращаясь, он столкнулся с лейтенантом, который тянул шнур к таверне, и Кейси повернул назад и проводил лейтенанта до самого входа, чтобы показать ему, где розетка.

Когда Кейси вернулся, он увидел, что второй вертолет, кроме магнитофона, доставил еще четырех человек — больше в нем не умещалось. Вместе с пилотом прилетели сержант технической службы (он уже возился с магнитофоном), а также подполковник и младший лейтенант, то ли решившие совершить воздушную прогулку, то ли заинтригованные странным приказом срочно доставить по воздуху магнитофон в Черрибелл, штат Аризона. Теперь они стояли и тараторжили на человека-жердь, перешептываясь между собой.

Хотя слово «внимание» полковник произнес громко, сразу же наступила мертвая тишина.

— Рассаживайтесь, джентльмены. Так, чтобы был круг. Сержант, нас хорошо будет слышно в микрофон, если вы поместите его в центре такого круга?

— Да, сэр. У меня уже почти все готово.

Десять человек и человекоподобное существо из космоса сели в круг, в середине которого установили небольшой треножник с подвешенным к нему микрофоном. Люди обливались потом; человекоподобного слегка знобило. За кругом, понутив голову, стоял ослик. Постепенно пододвигаясь все ближе, но пока еще футах в пяти от круга, толпились все жители

Черрибелла, оказавшиеся в тот момент дома; палатки и бензозаправочные станции были брошены.

Сержант нажал на кнопку; кассеты завертелись.

— Проверка... проверка — сказал он. Нажав на кнопку «обратно», он через секунду отпустил ее и дал звук. «Проверка... проверка...» — сказал динамик громко и внятно. Сержант перемотал ленту, стер запись и дал «стоп».

— Когда я нажму на кнопку, сэр, — обратился он к полковнику, — начнется запись.

Полковник вопросительно посмотрел на человека-жердь, тот кивнул, и тогда полковник кивнул сержанту.

— Мое имя Гарвейн, — отдельно и медленно говорил человек-жердь. — Я прибыл к вам с одной из планет звезды, не упоминаемой в ваших астрономических справочниках, хотя шаровое скопление из 90 000 звезд, к которому она принадлежит, вам известно. Отсюда она находится на расстоянии свыше 4000 световых лет по направлению к центру Галактики.

Однако сейчас я выступаю не как представитель своей планеты или своего народа, но как полномочный министр Галактического Союза, федерации передовых цивилизаций Галактики, созданной во имя всеобщего блага. На меня возложена миссия посетить вас и решить на месте, следует ли приглашать вас вступить в нашу федерацию.

Теперь вы можете задавать мне любые вопросы. Однако я оставляю за собой право отсрочить ответ на некоторые из них до тех пор, пока не приду к определенному решению. Если решение окажется положительным, я отвечу на все вопросы, включая те, ответ на которые был отложен. Вас это устраивает?

— Устраивает, — ответил полковник. — Как вы сюда попали? На космическом корабле?

— Совершенно верно. Он сейчас прямо над нами, на орбите радиусом в 22 000 миль, где вращается вместе с Землей и таким образом все время остается над одним и тем же местом. За мной наблюдают оттуда, и это одна из причин, почему я предпочитаю оставаться здесь, на открытом месте. Я должен проигнорировать, когда мне понадобится, чтобы он спустился и подобрал меня.

— Откуда у вас такое великолепное знание нашего языка? Благодаря телепатическим способностям?

— Нет, я не телепат. И нигде в Галактике нет расы, все представители которой были бы телепатически одаренными; но отдельные телепаты встречаются в любой из рас. Меня обучили вашему языку специально для этой миссии. Уже много столетий мы держим среди вас своих наблюдателей (говоря «мы», я, конечно, имею в виду Галактический Союз). Совершенно очевидно, что я, например, не мог бы сойти за землянина, но есть другие расы, которые могут. Кстати говоря, они не замышляют против вас ничего дурного и не пытаются воздействовать на вас каким бы то ни было образом; они наблюдают — и это все.

— Что даст нам присоединение к вашему Союзу, если нас пригласят вступить в него и если мы такое приглашение примем?

— Прежде всего — краткосрочный курс обучения основным наукам, которые положат конец вашей склонности драться друг с другом и покончат с вашей агрессивностью. Когда ваши успехи удовлетворят нас и мы увидим, что оснований для опасений

нет, вы получите средства передвижения в космосе и многие другие вещи — постепенно, по мере того как будете их осваивать.

— А если нас не пригласят или мы откажемся?

— Ничего. Вас оставят одних; будут отозваны даже наши наблюдатели. Вы сами предопределите свою судьбу: либо в ближайшее столетие вы сделаете свою планету совершенно необитаемой, либо овладеете науками сами и тогда с вами опять можно будет говорить о вступлении в Союз. Время от времени мы будем проверять, как идут ваши дела, и, если станет ясно, что вы не собираетесь себя уничтожить, к вам обратятся снова.

— Раз вы уже здесь, к чему так спешить? Почему вы не можете пробыть у нас достаточно долго для того, чтобы наши, как вы их называете, руководители смогли лично поговорить с вами?

— Ответ откладывается. Не то чтобы причина спешки была важной, но она достаточно сложная, и я просто не хочу тратить время на объяснения.

— Допустим, что наше решение окажется положительным; как в таком случае установить с вами связь, чтобы сообщить вам о нем? По-видимому, вы достаточно информированы о нас и знаете, что я не уполномочен брать на себя такую ответственность.

— Мы узнаем о вашем решении через своих наблюдателей. Одно из условий приема в федерацию — опубликование в ваших газетах этого интервью полностью, так, как оно записывается сейчас на этой пленке. А потом все будет ясно из действий и решений вашего правительства.

— А как насчет других правительств? Ведь мы не можем единолично решать за весь мир.

— Для начала остановились на вашем правительстве. Если вы примете приглашение, мы укажем способы побудить других последовать вашему примеру. Кстати, способы эти не предполагают какого-либо применения силы или хотя бы угрозы такового.

— Хороши, должно быть, способы, — скривился полковник.

— Иногда обещание награды значит больше, чем любая угроза. Вы думаете, другие захотят, чтобы ваша страна заселяла планеты далеких звезд еще до того, как они смогут достичь Луны? Но это вопрос сравнительно маловажный. Вы вполне можете положиться на наши способы убеждения.

— Звучит это прямо-таки сказочно прекрасно. Но вы говорили, что вам поручено решить сейчас, на месте, следует или нет приглашать нас вступить в вашу федерацию. Могу я спросить, на чем будет основываться ваше решение?

— Прежде всего я должен (точнее, был должен, так как я уже это сделал) установить степень вашей ксенофобии. В том широком смысле, в каком вы его употребляете, слово это означает страх перед чужаками вообще. У нас есть слово, не имеющее эквивалента в вашем языке; оно означает страх и отвращение, испытываемые перед физически отличными от нас существами. Я, как типичный представитель своей расы, был выбран для первого прямого контакта с вами. Поскольку я для вас более или менее человекоподобен (точно так же, как более или менее человекоподобны для меня вы), я, вероятно, вызываю в вас больший ужас и отвращение, чем многие совершенно отличные от вас виды. Будучи для вас карикатурой на человека, я внушаю вам больший ужас, не-

жели какое-нибудь существо, не имеющее с вами даже отдаленного сходства.

Возможно, вы сейчас думаете о том ужасе и отвращении, которые вы испытываете при виде меня. Но поверьте мне, это испытание вы прошли. Есть в Галактике расы, которым никогда не стать членами федерации, как бы они ни преуспели в других областях, потому что они тяжело и неизлечимо ксенофобичны; они никогда не смогли бы смотреть на существо какого-либо другого вида или общаться с ним; они или с воплем бросились бы прочь от него или попытались бы тут же с ним расправиться. Наблюдая вас и этих людей, — он махнул длинной рукой в сторону гражданского населения Черрибелла, столпившегося неподалеку от круга сидящих, — я убеждаюсь в том, что мой вид вызывает в вас отвращение, но, поверьте мне, оно относительно слабое и, безусловно, излечимое. Это испытание вы прошли удовлетворительно.

— А есть и другие?

— Еще одно. Но, пожалуй, пора мне...

Не закончив фразы, человек-жердь навзничь упал на песок и закрыл глаза.

В один миг полковник был на ногах.

— Что за черт?!.. — вырвалось у него. Обойдя треножник с микрофоном, он склонился над неподвижным телом и приложил ухо к кроваво-красной груди.

Когда он выпрямился, лохматый седой старатель Дейд Грант смеялся.

— Сердце не бьется, полковник, потому что его нет. Но я могу оставить вам Гарвейна в качества сувенира, и вы найдете в нем вещи куда более интересные, чем внутренности и сердце. Да, это марионетка,

которой я управлял, как ваш Эдгар Берген* управляет своим... как же его зовут?.. ах да, Чарли Маккарти. Он выполнил свою задачу и деактивирован. Займите свое место, полковник.

Полковник Кейси медленно отступил назад.

— Для чего все это? — спросил он.

Дейд Грант сорвал с себя бороду и парик. Куском ткани он стер с лица грим и оказался красивым молодым человеком. Он продолжал:

— То, что он сказал вам (или, вернее, то, что вам было через него сказано), — все правда. Да, он только подобие, но он точная копия существа одной из разумных рас Галактики — расы, которая, по мнению наших психологов, показалась бы вам, будь вы тяжело и неизлечимо ксенофобичны, ужаснее любой другой. Но подлинного представителя этого вида мы не привезли с собой потому, что у этих существ есть своя собственная фобия, агорафобия — боязнь пространства. Они высокоцивилизованы и пользуются большим уважением в федерации, но они никогда не покидают своей планеты.

Наши наблюдатели уверяют, что такой фобии у вас нет. Но им не вполне ясно, насколько велика ваша ксенофобичность, и единственным способом установить ее точную степень было привезти вместо кого-то что-то, на чем можно было бы ее испытать, и заодно, если это окажется возможным, установить с вами первый контакт.

Вздых полковника слышали все.

* Эдгар Берген — американский комик и чревовещатель, ставший популярным благодаря своей знаменитой кукле Чарли Маккарти, а потом и другой, которую он назвал Мортимером Спердом. — *Прим. перев.*

— По совести говоря, в одном смысле это приносит мне огромное облегчение. Мы, безусловно, в состоянии найти общий язык с человекоподобными, и мы найдем его, когда в этом возникнет необходимость. Но, должен признаться, это большая радость — узнать, что все-таки господствующая раса Галактики — настоящие люди, а не какие-то там человекоподобные. Второе испытание?

— Вы уже ему подвергаетесь. Зовите меня... — он щелкнул пальцами. — Как зовут другую марионетку Бергепа, которую он создал после Чарли Маккарти?

Полковник заколебался, но за него дал ответ сержант-техник:

— Мортимер Снерд.

— Правильно. Тогда зовите меня Мортимером Снердом. А теперь мне, пожалуй, пора... — И он повалился навзничь на песок и закрыл глаза точно так же, как за несколько минут до этого человек-жердь.

Ослик поднял голову и просунул ее в круг через плечо сержанта.

— С куклами все, — сказал он. — Так что вы там говорили, полковник, будто господствующей расой должны быть люди или хотя бы человекоподобные? И вообще что это такое — господствующая раса?

МАРСИАНИН

Я хочу поведать вам о событии, которое до сих пор известно лишь немногим; я и сам узнал о нем совершенно случайно. К сожалению, нашего героя сейчас уже почти невозможно разыскать. Вот беда! Исчезновение этой личности — невосполнимая утрата для науки. Вы только подумайте: к нам с Марса прибыло живое существо! Какие мы могли бы получить сведения, насколько расширились бы наши представления о Вселенной после одной-единственной беседы с ним!

Однако буду последователен. Показания свидетелей его появления абсолютно достоверны: все это за протоколировано.

2 сентября 196... года в 21.00 крестьянин Йохен Кнёзер, выйдя из деревенского кабачка, неожиданно услышал резкий свистящий звук. Он огляделся вокруг. Маленькая немецкая деревушка Гумбиц, затерянная в глубине страны, спала мирным сном. Но свист не прекратился, а, напротив, усилился, и Кнёзеру пришла в голову мысль, что, пожалуй, следует взглянуть на небо. И верно, со стороны горизонта на довольно большой высоте летел какой-то таинственный плоский предмет, светящийся в темноте. Летательный аппарат — так, видимо, следует его называть — с каждой минутой все увеличивался, оставляя позади себя сверкающий шлейф, затем начал снижаться, выпустил яркий снап огня и рухнул где-то за деревней.

«Что за черт!» — произнес Йохен Кнёзер и озадаченно почесал затылок. Потом набил трубку, ибо

лучше соображал, затягиваясь табаком, и когда, закури́в, поразмыслил, то принял решение вернуться в кабачок «У старой ивы». Там еще сидели его приятели, с которыми он недавно пропустил пару-другую кружек пива. Кнѣзер снова подсел к ним, сделал несколько сильных затяжек из своей трубки и сказал:

— За деревней большая тарелка упала. Вся в огне. И светится. Вдруг там беда с кем!

У него, верно, не все дома, ответили ему, и вообще он плохо переносит пиво, так что лучше бы ему прекратить свои глупые шутки. Но Кнѣзер не унимался. Еще раз набив трубку, он рассказал, на сей раз обстоятельнее, о том, что увидел. Наконец ему удалось расшевелить двух приятелей, которые поверили ему настолько, что решились пойти вместе с ним.

Уже по дороге они заметили красноватое зарево над крышами. Когда же вскорости достигли поляны за окраиной деревни, их глазам предстало необычное зрелище.

На поляне еще пылали обломки таинственного летательного аппарата — зеленые, голубые, красные языки пламени лизали его изуродованную поверхность. Жар был уже невелик, и все трое подошли поближе. Некоторые части аппарата обуглились настолько, что рассыпались при первом же прикосновении. Друзья собирались вернуться в кабачок, чтобы обсудить происшествие, как вдруг возле обломков заметили длинное темное тело. Приблизившись, они поняли, что это человек, но не было ясно, жив ли он. Они приподняли его и убедились, что он еще дышит. Тогда его отнесли в ближайший дом и, объяснив все хозяевам, уложили в постель. После этого приятели вернулись в кабачок и сообщили остальным потре-

сающую новость. В ту ночь они еще долго не расходились.

Когда на следующее утро пострадавший очнулся, он увидел перед собой толпу крестьян. Глаза незнакомца забегали по лицам, выражая крайнее недоумение.

— Не хотели бы вы поесть? — спросила хозяйка, но незнакомец ответил на непонятном для всех языке.

— Иностранец! — воскликнули крестьяне. — Карл, поди-ка сюда. Ты же был в плену у англичан, вот и поговори с ним...

Карл, преисполненный чувства собственного достоинства, подошел к постели:

— Хау ду ю ду, мистер? Ар ю, э-э, больны? Андестенд? Ай эм э фармер. Ар ю, э-э, летчик, э-э, забыл уж, как по-ихнему летчик. Сейчас. Ар ю пайлот?

Собравшиеся в комнате напряженно прислушивались.

Незнакомец покачал головой и заговорил:

— Глюм. Эвиллия унте крама. Глюм.

Он приподнялся, ткнул себя в грудь указательным пальцем тонкой, бледной руки и повторил: «Глюм!»

Крестьяне переглянулись и постучали пальцами по лбу.

— Он явно голову ушиб... — пробормотал один, а другой добавил:

— Надо бы сдать его в полицию.

Так они и сделали. Незнакомец, чудом оставшийся в живых после катастрофы, был передан полиции, и его отправили в окружной центр, где сдали властям. Там от него прежде всего потребовали разрешения на въезд, но ничего не добились. Его передавали из инстанции в инстанцию, пока в дело не вмешался магистрат.

И незнакомец предстал перед магистратом. О том, как проходило заседание, я могу сообщить подробно со слов свидетеля, служащего магистрата Иоганнеса Бёкля.

Незнакомца ввели. Жестом предложили ему расположиться на одном из стульев напротив комиссии, и члены магистрата, среди которых были и филологи, начали допрос, который я привожу дословно.

— Как нам стало известно, молодой человек, вы называете себя Глюмом, и мы выяснили точно, что имени у вас нет. Что вы на это скажете?

— Бримм!

— Так. Вы стенографируете, коллега? Запишите! Итак, господин Глюм, сообщите нам, пожалуйста, когда и где вы родились, кто вы по профессии. Делали ли вам прививку оспы? Не больны ли вы какой-нибудь заразной болезнью?

Незнакомец долго и сосредоточенно молчит, потом очень долго говорит. Никто ничего не понимает. Когда он закончил, слово взял бургомистр:

— Поскольку в настоящее время с так называемым господином Глюмом нет возможности достигнуть взаимопонимания, предлагаю создать специальную комиссию по обучению данного индивидуума немецкому языку, что должно, однако, сопровождаться строжайшим контролем, ибо пока не установлено, не является ли так называемый Глюм симулянтом или вообще преступником, скрывающимся от правосудия. Прошу голосовать. Кто за это предложение?

Проголосовали единогласно. Так называемого Глюма увели.

Через два месяца незнакомец настолько освоил немецкий язык, что появилась возможность с ним объясняться.

И вот он снова предстал перед магистратом. Я и на этот раз воспользуюсь протоколом, любезно предоставленным мне коллегой Иоганнесом Бёклем, которому приношу свою сердечную благодарность. Особенно хотелось бы мне остановиться на второй, наиболее примечательной части беседы. Вопросы задавал коллега Цурре из юридического отдела. Я опускаю предпосланное им вступление и начну сразу же с его вопросов.

— Итак, господин Глюм, мы уже наслышаны, что вы достигли определенных успехов в немецком языке, и поэтому просим вас ответить на наши вопросы. Гм... Так откуда вы прибыли?

— Я с далекой планеты. Имя ее Марс...

— С Марса, значит. Так-так. Ну, что же, по этому поводу вопросов больше не имею. Перейдем к следующим. Скажите, пожалуйста, а что вас здесь, на Земле, интересует?

— На Марсе все люди болеют. Каждый день умирают десять раз десять тысяч. Из космоса, с других звезд прилетают большие мухи...

— О да! Мухи иногда здорово докучают, не правда ли, коллеги? Ха-ха! Но вернемся к нашему вопросу. Вы не увиливаете. Итак, чего вы добиваетесь в нашем округе?

— Я, Глюм, и другие, мы давно уже летаем. С звезды на звезду. Как только начинается болезнь, мы садимся в ракеты и улетаем...

— М-да, от так называемой ракеты ничего не осталось. Вся рассыпалась. Видно, материал некачественный. И все-таки, господин Глюм, скажите нам наконец, что вам здесь нужно?

— Я, Глюм, прочь из темного пространства. Лишь бы с Марса прочь. Прочь от огромных мух. Я летать

дни и дни и еще дни. Потом мой компас гр... агл... капут! Да. Звезда недалеко. Я, Глюм, на звезду править. Она все больше, больше, вижу моря, сушу, зелень... Я плакать от счастья. Все ниже лететь, все ниже... Тут трение воздуха, другой воздух, чем у нас на Марсе, и вот я, Глюм, наконец у вас.

— Да, тянулось все довольно долго. Я полагаю, что парень просто свихнулся, так что зря мы ожидали какой-то сенсации. А он всего-навсего перелетел... Так что нам с ним теперь делать, коллеги? Как вы полагаете, Бирмайстер? Послать обратно? Разумеется, это было бы проще всего, но, боюсь, из этого ничего не выйдет. У нас же, коллеги, средства не запланированы, понимаете?! Мы не можем позволить себе дорогостоящие эксперименты. А вы что скажете, коллега Маркер? Послать в Берлин? А кто возьмет на себя ответственность? Со всякой чушью соваться в Берлин! К тому же не забывайте об экономии, коллеги! Кто возместит наши убытки? Никто! Самое лучшее — дать ему временное удостоверение, и пусть он где-нибудь устроится на работу. Э-э, Глюм, господин Глюм, вы кто по профессии?

— Я, Глюм, делать аппараты, чтобы свет слушать и звук видеть. Я так делать искусство. В большом театре...

— Нестоящее дело! К чему мне слушать свет? С меня достаточно, что я его вижу. Так какую же работу мы ему дадим? Ну, Шипке, вам нужен человек для контроля за уличным освещением? Великолепно, возьмите этого Глюма! Здесь он и знания свои применить сможет. Для блага общества. Коллега Глюм, я вас поздравляю. Вы будете работать с нами, будете служить нашему народу и прогрессу. Поста-

райтесь повышать показатели и становитесь полноценным членом нашего общества!

На этом протокол прерывается. Марсианина действительно назначили ответственным за уличное освещение, и он стал «инспектором по свету». Поначалу он чувствовал себя не совсем уверенно в новом амплуа, возможно, его томила тоска по родине. Хотя коллега Цурре считал, что он просто всем голову морочит. Вечерами человека с далекой планеты, которого теперь звали «коллега Глюм», можно было видеть на улице. Запрокинув голову, он долго смотрел в небеса. Но прошло время, и инспектор Глюм привык к своей службе. Он быстро усвоил язык и все профессиональные тонкости. Он даже научился играть в «козла» и в карты и частенько после очередного собрания сживал со своими коллегами, потягивая пиво, и резался в «скат» или «дурака». Он вступил в профсоюз, а после выборов стал казначеем магистрата.

После того как он прошел курсы по повышению квалификации, магистрат назначил его начальником отдела по вопросам освещения. На новом поприще Глюм добился таких успехов, что ему предложили пост главного инспектора округа по свету. Он занимался тем, что ездил по городам и селам и контролировал освещение. Ничто не ускользало от его внимания: ни малейшая тень, ни едва заметный перебор энергии; он тотчас реагировал, регулировал, устранял неполадки, и все вновь представало в надлежащем свете.

Лишь иногда, поздним вечером или теплой ночью, когда веял мягкий ветерок и от земли и деревьев тянуло одурманивающим запахом, а он шел по улице или просто сидел в ресторанчике за картами и

случайно устремлял взор в окно, глаза его затуманивались и взгляд становился загадочным, неземным. Тогда кто-либо из приятелей подталкивал его и говорил:

— Давай, Глюм, тебе ходить. Черви козыри!

И Глюм делал первый ход, а уж если главный инспектор по свету делал первый ход, то проигрывал он редко.

Впервые эту историю я услышал в деревеньке Гумбиц, где осенью 196... года проводил отпуск. Я следовал по стопам Глюма, пока мог. Потом я растерял все нити, ибо выяснилось, что его затребовало какое-то министерство для более важных дел. В моем распоряжении среди прочих доказательств сохранилась его случайная фотография. На фотографии изображен человек в мешковатом костюме, с узким и весьма невыразительным лицом; лишь в уголках рта да в глазах запечатлена какая-то непонятная мне грусть.

В заключение я хотел бы поблагодарить всех тех, кто помог мне собрать материал для этого сообщения. Без их участия судьба Глюма, марсианина и инспектора по свету, осталась бы незамеченной в кипении трудовых будней нашей эпохи.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КРОКОДИЛА

Двадцать третьего марта в десять часов утра, когда я был дома один, прозвенел звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой... крокодила.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить, что необычный гость одет в новый темно-коричневый костюм и белую рубашку с голубыми полосками. На голове у него красовалась темная велюровая шляпа, а на носу — очки в черепаховой оправе. Я успел также заметить ослепительно-зеленый галстук и черные ботинки. А затем... затем мои руки сами захлопнули дверь и набросили цепочку.

Я журналист и привык к всевозможным посетителям. Но, признаться, визит крокодила, к тому же без предварительного уведомления, был для меня несколько неожиданным.

«И зачем мы только держим привратницу! — с досадой подумал я. — Мало того, что она целыми часами считает, сколько раз чихнули жильцы квартир на первом и втором этаже, так ей еще вздумалось пускать в парадное обитателей зоопарка».

— Синьор, — прошептал из-за двери почти человеческий голос, — выслушайте меня, пожалуйста, прошу вас, не судите по внешнему виду.

— Я принимаю только по предварительной договоренности, — твердо ответил я.

— Конечно, конечно. Но вы мне крайне нужны...

— Ничуть не сомневаюсь. Однако советую вам выбрать на завтрак другого жильца. Я донельзя худ, во мне всего пятьдесят семь килограммов, и то с одеждой. К тому же моя жена очень дорожит

персидским ковром. Когда вы меня съедите и по обыкновению начнете плакать, слезы испортят бесценный ковер. А с моей женой, учтите, шутки плохи.

— Синьор, жальтесь надо мной, впустите. Меня преследуют.

— Еще бы! Надеюсь, сторожа зоопарка наконец поймают вас и отведут в бассейн.

— Клянусь вам, я не из зоопарка. Кстати, вы слышали когда-нибудь, чтобы крокодил в зоопарке говорил человеческим голосом?

— Нет, — вынужден был признать я.

— Вот видите. Одно это должно было вас успокоить.

— При закрытой двери и заряженном пистолете я чувствую себя вполне спокойно.

На самом деле пистолет мирно покоился в ящике письменного стола, но мой испуганный посетитель, понятно, не мог знать, что я блефую.

— Умоляю вас, откройте, мне грозит смерть.

Его голос звучал столь жалобно, что я дрогнул.

— Подождите минуту, — сказал я.

— Ради бога, поторопитесь!

Я подбежал к письменному столу, вынул пистолет, проверил, заряжен ли он, и вернулся в коридор.

— Откройте, иначе будет слишком поздно.

— Для меня никогда не поздно, — отпарировал я, снимая цепочку.

Крокодил молниеносно проскользнул в дверь. Я заметил, что под мышкой у него зажат большой кожаный портфель, а из кармашка пиджака выглядывает кончик лилового платка.

— Благодарю вас, — сказал крокодил, плюхнувшись на диван и утирая пот своим ужасным носовым платком. — Поверьте, вы не пожалеете о своем бла-

городном поступке. Моя компания весьма могущественна, и она не забывает оказанных ей услуг.

— Значит, вы не один? — похолодев от ужаса, спросил я. — Уж не собираетесь ли вы сообщить мне, что все нильские крокодилы высадились в Италии и в кармане у каждого мой адрес?

— Я не с Нила, уважаемый синьор. Я с планеты Дзерба.

— Ах вот как! Следовательно, вы, если так можно выразиться, космический крокодил?

— Ваше удивление мне понятно. Я знаю, что у вас крокодилы ведут бездумную жизнь в реках и в бассейнах зоопарков. А на планете Дзерба мы, крокодилы, за тысячелетия достигли высокого уровня цивилизации.

— Ну, а люди?

— На Дзербе нет людей. Вся планета принадлежит нам, крокодилам.

— Рад за вас. Я смотрю, вы там выпускаете отличные галстуки.

— Мы делаем галстуки всех цветов, но лично я ношу только зеленые. Это мой фирменный знак.

— А, так вы занимаетесь торговлей?

— Я представитель фирмы «Дзербини», производящей знаменитый мыльный порошок для стиральных машин. Наш девиз: «Где пройдет «Дзербини», грязи нету и в помине». Я прибыл на Землю со специальным заданием — изучить перспективы продажи землянам нашей продукции. Разумеется, речь идет о предварительном зондаже. Мне поручено изучить возможности сбыта, цены, потенциальных конкурентов и так далее.

— Начинаю догадываться, — прервал я его, — за вами охотятся наши фирмы, выпускающие мыльный

порошок. Быть может, они хотят, воспользовавшись вашим, прошу прощения, не слишком привлекательным внешним видом, упрятать вас в зоопарк? Увы, дорогой мой, мы живем в печальное время, когда в конкурентной борьбе все средства хороши.

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Я не подвергаюсь подобного рода опасности, по крайней мере в данный момент. Я материализовался всего полчаса назад на чердаке вашего дома. Вы — первый из землян, с кем я установил контакт. По чистой случайности и, разумеется, в силу крайней необходимости. Опасность исходит от обитателей планеты Морва.

Я подскочил в кресле, словно в ягодицу мне вонзилась игла.

— Неужели еще на одной планете властвуют крокодилы?

— Увы, нет, синьор. На Морве вся власть принадлежит чудовищам. И, что еще хуже, морвиане тоже выпускают мыльный порошок. По качеству он весьма уступает нашему, уж поверьте мне, специалисту с двадцатипятилетним стажем. Но морвиане тоже вознамерились проникнуть на земные рынки.

— Похоже, во Вселенной за нами, землянами, утвердилась репутация грязнуль, — не без сарказма заметил я.

Однако посланец планеты Дзерба не уловил иронии. Он сказал, что всего несколько минут назад едва избежал засады двух морвиан.

— Если они меня схватят, я погиб, а Земля пропала.

— Вы хотите сказать — пропала для вашей фирмы?

— Нет, пропадет вся Земля. Вы, земляне, не знаете морвиан. Уговорами и силой они заставят вас по-

купать фантастическое количество их отвратительного мыльного порошка. Ваша экономика придет в полный упадок. Начнется голод, войны, восстания. И тогда...

— А знаете, вы любопытный субъект, — прервал я его. — К вашему сведению, у нас самих есть отменный мыльный порошок, и мы не нуждаемся ни в крокодилах с Дзербы, ни в... Кстати, какие животные правят на Морве?

— Там пра...

Но тут резко задребезжал звонок.

— Они, — прошептал крокодил, вскочив с кресла. — Умоляю, спрячьте меня.

— Да, но это может быть почтальон или газовщик.

— Нет, это они! Я узнаю их по запаху. Ради всех святых, спрячьте меня в шкафу!

— Послушайте, мне пришла в голову чудесная идея! Разденьтесь, и я посажу вас в ванну. На ваше счастье, я как раз собирался принять ванну и уже налил воды. Я скажу, что вы мой личный крокодил. У многих есть собственные крокодилы. Законом это не запрещено. Доверьтесь мне, другого выхода у вас нет.

Крокодил покраснел.

— Мне так стыдно раздеваться догола. Это же неприлично.

— Нашли время рассуждать о приличиях! Потопитесь, уважаемый.

А звонок заливался вовсю. Я провел крокодила в ванную и пошел к двери.

— Что вам угодно, синьоры? — позевывая, спросил я. Пусть непрощенные гости думают, что я только-только проснулся.

На лестничной площадке стояли два индюка. Я сразу это понял, хотя они были в красных фраках и в желтых цилиндрах.

— Очевидно, вы привыкли к визитам индюков? — насмешливо спросил один из них.

— Только на рождество, — ответил я. — Но я привык видеть их хорошо прожаренными, с картофельным гарниром и кремонской горчицей.

— Весьма остроумно и крайне неправдоподобно, — сказал второй морвианин. — Впрочем, тот факт, что вы ничуть не удивились, облегчает дело. Ясно, что вы нас ждали. Следовательно, вы были заранее предупреждены и, значит, представитель фирмы «Дзербини» находится в вашем доме. Немедленно укажите, где он прячется. Любая попытка помешать нашей миссии будет пресечена самым решительным образом.

— Что вы намерены предпринять? — вновь широко зевнув, спросил я.

Второй морвианин, не удостоив меня ответом, проскользнул в прихожую и стал осматривать квартиру.

— Послушайте, это называется нарушением неприкосновенности жилища! Предъявите разрешение на обыск.

Но тут в комнату вошел первый морвианин. Он втянул в себя воздух и решительно направился в ванную.

— Кто там укрывается? — грозно спросил он, дергая дверь, которую предусмотрительный дзербинин запер изнутри.

— Там моется мой крокодил. И вообще вас это не касается.

— Ах так, ваш крокодил? Браво, браво! С каких это пор крокодилы, моясь в ванне, запирают дверь на ключ?

— Мой всегда. Ему неприятно, если кто-то из посторонних входит в ванную, когда он моется. Он на редкость стыдлив.

Морвианин буквально испепелил меня гневным взглядом. Он коснулся двери клювом, и та в мгновение ока превратилась в горстку дымящейся золы.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул я. — Мало того, что вы нарушили неприкосновенность жилища, вы еще привели дверь в полную негодность! Да за такие вещи в тюрьму сажают! Вы ско...

Я умолк на полуслове — в ванне мирно плескался розовый слоненок. Он старательно тер спину щеткой с длинной ручкой. Слоненок радостно затрубил, приветствуя меня, и обдал морвианина мощной струей мыльной воды.

— У вас это называется крокодилом? — прохрипел первый морвианин, вытирая глаза цилиндром.

— Нет, это слон! — признал я. — Но его имя Крокодил. Что в этом удивительного? С таким же успехом я мог бы назвать его Юмбо, Дум-Дум или Навуходоносор.

— Надо забрать их обоих, — сказал второй морвианин. — Этот тип явно темнит.

— Нет у нас времени заниматься слонами, — ответил второй морвианин. — Проклятый дзербинии снова улизнул. Но он не мог удрать далеко.

— А дверь? Кто мне заплатит за дверь? — запротестовал я, провожая их к выходу.

— Пошлите счет фирме «Дзербинии», — с ухмылкой ответил старший из морвиан. Я готов бы придушить его за эти слова.

Распроставшись с индюками, я бегом вернулся в ванную. В зеркале отразились мои округлившиеся глаза и разинутый от изумления рот. Да и весь вид

у меня был самый идиотский: розовый слоненок исчез.

Очнулся я от трели звонка.

— Кто там еще? — в ярости завопил я. — Здесь нет ни крокодилов, ни индюков, ни слонов, ни бегемотов!

Но открыть все же пришлось. Крокодил с Дзербы протиснулся в дверь и пробормотал:

— Извините, я забыл у вас портфель.

— Кстати, — я схватил его за пиджак, — вы же были в ванне?

— Да, но они бы меня там схватили! Я вылез через окно на чердак.

— А маленькая розовая пахидерма?

— Простите, как вы сказали?

— Я сказал, что в ванне сидел слоненок, которому я, кстати, не давал разрешения пользоваться моей щеткой.

Крокодил опустил на ковер и горько заплакал.

— Теперь мне нельзя возвращаться на Дзербу.

— Послушайте, имею я право знать, что происходит в моей ванной? Объясните, что все это значит.

— Слон — агент фирмы «Песс» с планеты Дзокка. Они сущие негодяи. Мы трудимся, ищем, находим новый рынок сбыта, подготавливаем почву. А потом появляются эти пройдохи и продают свой мыльный порошок за полцены.

Дзербианин горько плакал. Внезапно я с ужасом заметил, что он роняет слезы на любимый персидский ковер жены.

— Несчастный! Что вы наделали! Убирайтесь, и чтоб я вас больше не видел!

Он уже спустился с лестницы, когда я его догнал.

— Скажите, а почему все-таки морвиане не узнали в слоне своего конкурента с планеты Дзокка?

— Дзоккиане не слоны. Они леопарды. Одному мне известны их трюки с перевоплощениями. Но много ли мне от этого прибыли?! Прощайте, синьор, прощайте.

Впоследствии выдвигалось множество гипотез по поводу того, что произошло с Землей, но я-то точно знаю, с чего начались все наши беды. Все началось с моего дома.

Увы, то, что случилось дальше, знаете и вы.

Фирмы морвиан, дзербиан и дзоккиан пришли к выводу, что лучше прекратить конкурентную борьбу и объединиться. Они и поделили между собой нашу Землю. И теперь ее, бедняжку, не узнать!

Дзербиане получили в монопольное владение Европу и Африку. Полюбуйтесь, во что они превратили Альпы! Где Монблан и Червино? На месте старых неприступных гор, могучих ледников, прекрасных горных долин красуется вырезанная в скале гигантская надпись: «Где пройдет «Дзербини», грязи нету и в помине». Ночью ее видно даже с Луны. Что поделаешь, эра межпланетной рекламы!

Морвиане и дзоккиане подвергли такому же поруганию остальные континенты. Вся Земля превратилась в гигантский рекламный шар.

Ночью звезды выстраиваются на небе в строгом порядке, чтобы прославить в одной-единственной фразе продукцию фирмы «Дзермодзок», выпускающей новый тип воска для натирки полов. Созвездия Большой Медведицы более не существует, ковш подпилили, чтобы легче было разобрать мудрое изречение фирмы, которое каждый вечер загорается на Млечном Пути:

«ОСЧАСТЛИВИТ ВСЮ СЕМЬЮ ВОСК-ВОЛШЕБНИК ПИРИПЬЮ».

КАРПИАНЕ И ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ

Утром четвертого июня Карлетто Палладино по обыкновению крутился на площади, предлагая туристам купить значки с изображением Пизанской башни и саму башню в миниатюре. В какой-то момент он в пылу спора о цене воздел глаза к небу и увидел таинственный предмет, приближавшийся к Земле с пугающей быстротой.

— Смотрите! Летающее блюдо!

Все задрали головы и тоже закричали:

— Вот он, вот!

— Это марсиане!

— Надо бежать, пока не поздно!

— Они спускаются прямо на площадь! — кричали все, разумеется, на разных языках, но решение приняли одно: буквально в несколько секунд площадь опустела.

Убежали все, кроме Карлетто Палладино. Он продавал фигурки падающей башни, сделанные из мрамора, гипса и алебаstra. Крохотные башенки мирно лежали в лотке, который он всегда носил с собой.

«А вдруг я споткнусь и упаду? — подумал он. — Если я разобью товар, кто мне потом возместит убытки? Никто. Это же безумие — бежать с полным лотком! Пусть их прилетают. Если вы, господа марсиане, желаете полюбоваться на нашу башню, — вот она. Кривая и все-таки прекрасная. А может, купите сувенирчик?»

Пока Карлетто не торопясь обдумывал создавшееся положение, летающее блюдо остановилось, замерло метрах в двухстах от поверхности Земли, за-

тем слегка качнулось и стало плавно снижаться. Открылся люк, и оттуда показался незнакомец в серебристом скафандре. Очевидно, пришелец был необыкновенно хорошо воспитан, ибо на чистейшем итальянском языке он произнес:

— Уважаемые дамы и господа, покорнейше просим извинить нас за причиненное беспокойство. Мы прилетели с планеты Карпа, которая находится от вас на расстоянии тридцати семи световых лет, и рассчитываем пробыть на Земле всего несколько минут. У нас нет оружия, нет никаких агрессивных намерений.

«Молодцы, — подумал Карлетто. — Сразу все стало ясно и понятно. Но интересно, откуда у него миланский акцент?»

Голос, усиленный невидимым громкоговорителем, несколько раз повторил свое обращение к землянам. Туристы, продавцы сувениров, ребятишки и просто зеваки повылезали из своих убежищ и нерешительно приблизились.

Внезапно послышался рев сирены, затем еще и еще. Кто-то позвонил в полицию, кто-то, столь же предусмотрительный, — пожарным. Пожарные и полицейские молниеносно оцепили летающее блюдо плотным кордоном. Они пропустили лишь мэра Пизы, который примчался, чтобы лично разобраться в происходящем.

Мэр смело вышел вперед и обратился к пришельцам с краткой речью.

— Дорогие гости, мы рады приветствовать вас в древнем и знаменитом городе Пиза. Мы ценим благородство ваших намерений и весьма сожалеем, что вы так торопитесь. Если б нас предупредили заранее, мы организовали бы прием, достойный..»

— Спасибо, — ответил карпианин в серебристом скафандре. — Вы напрасно беспокоитесь. Дел у нас максимум минут на пятнадцать.

И он легко прыгнул на землю. За первым инопланетянином появились еще четверо. Все они направились к Пизанской башне и принялись ее выстукивать, словно желая удостовериться, не полая ли она.

Они переговаривались между собой на каком-то непонятном языке. Судя по скафандрам, пришельцы выглядели вполне прилично: две ноги, две руки, одна голова. Возможно, у карпиан были антенны, но разглядеть их пока что никому не удалось.

Мэр подошел к первому инопланетянину (похоже, он был переводчиком) и спросил:

— Не хотели бы вы установить контакт с нашим правительством, с нашими учеными и журналистами?

— А, собственно, зачем? — в свою очередь спросил тот. — Вряд ли есть необходимость беспокоить столь важных лиц. Мы просто заберем башню и улетим.

— Заберете... что?

— Башню.

— Синьор полицейский комиссар! — крикнул мэр. — Подойдите поближе. Вы слышали, что он сказал?

Полицейский комиссар, который все отлично слышал, снял шляпу, а затем в сильнейшем замешательстве снова водрузил ее на голову.

— Простите, синьор карпианин... Я могу вас так называть?

— Разумеется, ведь мы и в самом деле карпиане.

— Так вот, я не уверен, что правильно вас понял. Вы хотели сказать, что вас интересует наша башня, вас и ваших друзей. Вам хотелось бы осмотреть ее, подняться наверх...

— Неужели вы думаете, что мы совершили столь далекое путешествие только затем, чтобы взглянуть на вашу Пизанскую башню? Мы прилетели, чтобы забрать ее и доставить на Карпу. Видите вон ту госпону?

Он показал на одного из четырех пришельцев, которые неторопливо обходили башню, точно желая ее измерить.

— Это госпожа Болл. Она живет в городе Дзуп, столице Карпианской республики.

Синьора, услышав свое имя, мгновенно обернулась и направилась прямо к мэру и полицейскому комиссару, возбужденно жестикулируя и что-то восклицая.

— Она говорит, что башня на редкость красива, — пояснил переводчик. — Куда красивее, чем на снимках.

— Все это так, но какое отношение имеет госпожа Болл к теме нашего разговора?

— Самое непосредственное, — ответил карпианин. — Именно из-за нее мы прилетели сюда. С вашего позволения, я расскажу все по порядку.

— Так, пожалуй, будет лучше.

— Прежде всего вы должны знать, — продолжал карпианин, — что все мы, кроме госпожи Болл, работаем на фирму «Брик», выпускающую знаменитые гренки для не менее знаменитого бульона Брик. В прошлом году наша фирма организовала конкурс вопросов и ответов. Госпожа Болл набрала тысячу очков и получила вторую премию. А по условиям конкурса тому, кто занял второе место, в награду полагается Пизанская башня. Мы на планете Карпа отлично изучили Землю, ее страны и города. Ведь уже триста лет наши летающие блюдца постоянно

за вами наблюдают. Пизанскую башню у нас очень хорошо знают. И когда башня будет установлена в саду госпожи Болл, на нее, несомненно, примчатся посмотреть любопытные со всей Карпы.

На протяжении всего рассказа переводчика мэр стоял с разинутым от изумления ртом. И только когда тот умолк, он (правда, не сразу) опомнился. Сунув в рот трубку не тем концом, он досадливо сплюнул и наконец сказал:

— Неужели вы хотели украсть у нас башню, чтобы отдать ее этой балаболке? Комиссар, выполняйте свой долг: арестуйте этих господ и отвезите их в надежное место.

— Спокойно, спокойно, — сказал карпианин. — Вы не в состоянии помешать нашим планам. Взгляните наверх.

А наверху, в двухстах метрах от Земли, мирно покачивалось летающее блюдце.

— Мы безоружны, — продолжал инопланетянин, — но у сопровождающих нас лиц имеется самое совершенное оружие всех типов. Разумеется, атомное. По первому же моему сигналу город будет превращен в кучу пепла. Вас это устраивает?

— Ну и дела! — пробормотал Карлетто Палладино. Пока велись переговоры, он снял лоток с перевязи и поставил его на землю.

— Ну как, договорились? — спросил переводчик, повысив голос.

Мэр и полицейский комиссар испуганно переглянулись, а вся толпа подавленно молчала. Слышно было лишь, как чуть поодаль какая-то полная женщина громко звала: «Джорджина! Ренато!» Эти благословенные чада то и дело ускользали от бдительного материнского ока.

И тут произошло неожиданное событие: падающая башня исчезла. Толпа дружно ахнула от изумления.

— Убедились? — сказал переводчик-карпинин. — Как видите, все очень просто.

— Что вы сделали с башней? — сдавленным голосом крикнул мэр.

— Вот она. Мы только уменьшили ее в размерах, чтобы облегчить перевозку. По прибытии на Карпу мы вернем башне прежний вид.

Там, где еще секунду назад во всей своей величественной красоте возвышалась падающая Пизанская башня, стояла маленькая башенка, очень похожая на сувениры, которыми торговал Карлетто Палладино.

А потом случилось вот что.

Прежде чем карпинане успели взять башню и положить ее в карман, через полицейский кордон прорвался толстенький человечек и с воплем бросился на жалкое подобие знаменитой башни. Точно так же верные собаки с воем припадают к трупам умерших хозяев. Застигнутые врасплох карпинане не сразу успели отреагировать должным образом. Но уже в следующий миг они схватили нарушителя порядка, силой подняли его и вырвали из рук башню. А затем снова опустили на землю — пусть себе плачет.

Карлетто поднялся как ни в чем не бывало, встряхнул пиджак и тут же исчез.

— Ну все, дело сделано, — сказал карпинин-переводчик. — Мы получили башню, но у вас осталось множество красивых памятников. Миссия, возложенная на нас фирмой «Брик», выполнена. Нам остается лишь попрощаться с вами.

— Убирайтесь к черту! — не удержался мэр. — Это самый настоящий бандитизм. Когда-нибудь вы глубоко раскаетесь в содеянном. И у нас со временем будут летающие блюда.

— Бульон и конкурс с премиями у нас уже есть, — крикнул кто-то из толпы.

— Вы еще раскаетесь, — повторил мэр.

Карпиане направились было к своему кораблю, когда к ним приблизился Карлетто Палладино.

— Синьоры инопланетяне, — робко сказал он.

— Вы желаете нам что-нибудь сообщить? — вежливо спросил переводчик.

— У меня к вам просьба... Коль скоро госпожа Болл уже получила свою премию... быть может, вы согласитесь...

— На что именно?

— Понимаете, у меня с давних времен сохранилась мраморная модель башни. Не могли бы вы увеличить ее до натуральной величины? Тогда у нас останется хотя бы зримое воспоминание о нашей дорогой башне.

— Но ведь это будет не подлинная башня! — изумленно воскликнул переводчик.

— Что поделаешь, на худой конец сойдет и такая.

Переводчик объяснил своим коллегам, в чем заключается просьба этого чудака, и те громко расхохотались.

Посмеявшись вволю, они взяли модель башни, поставили ее на место, навели свои приборы, и — щелк! — в мгновение ока выросла падающая башня в натуральную величину.

— Позор, гнусная насмешка! Зачем нам фальшивая башня? Это все равно, что вместо кофе пить цикорий! — возмутился мэр.

Но Карлетто потянул его за рукав и что-то прошептал на ухо. А карпиане ничего не заметили и ни о чем не догадались — они уже сели в свой корабль и через минуту взмыли в голубое небо.

И тут на глазах у изумленной толпы почтенный мэ́р города пустился в пляс.

— Бедняга, он тронулся от потрясения! — сокрушались туристы.

— Глупцы, недотепы! — закричал Карлетто. — Да неужели истинный пизанец допустит, чтобы у него из-под носа увели башню? Вы даже не заметили, что я ее подменил. Притворился, будто плачу, а сам им свой сувенирчик подсунил. За двести лир, а со скидкой за сто пятьдесят. Эта же наша, настоящая Пизанская башня! Посмотрите на нее внимательно, потрогайте руками, прочтите все имена, которые вы нацарапали на стенах.

— А ведь верно, он правду говорит, — раздался из толпы женский голос. — Вот имена моих детей: Джорджины и Ренато. Они их только сегодня утром нацарапали, разбойники.

Надо ли добавлять, что толпа с триумфом пронесла Карлетто Палладино по площади. Туристы, не торгуясь, раскупили все его сувениры.

Только мэ́р никак не мог успокоиться. При одной мысли, что эти простофили с Карпы продавали путь в миллиарды километров, чтобы увезти с Земли грошовый сувенир находчивого Карлетто, его снова душил смех.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вс. Ревич. Война миров и мир миров</i>	5
<i>Хол Клемент. Огненный цикл. Перевод с англ. С. Бережкова и С. Победина</i>	15
<i>Станислав Лем. Крыса в лабиринте. Перевод с польск. Д. Брускина</i>	238
<i>Крис Невил. Бетти-Энн. Перевод с англ. Р. Облонской</i>	287
<i>Теодор Старджон. Ракета Мяуса. Перевод с англ. Н. Галь</i>	347
<i>Фредрик Браун. Кукольный театр. Перевод с англ. Р. Рыбкина</i>	400
<i>Гюнтер Кунерт. Марсианин. Перевод с нем. В. Куприянова</i>	415
<i>Джанни Родари. Все началось с крокодила. Перевод с итал. Л. Вершинина</i>	423
<i>Джанни Родари. Карпиане и Пизанская башня. Перевод с итал. Л. Вершинина</i>	432

ОГНЕННЫЙ ЦИКЛ

Редактор *И. Я. Хидекель* Художник *В. Янкилевский*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Н. А. Турсукова*, Г. Б. Алюлина
Корректор *А. Я. Шехтер*

Сдано в производство 25/XII 1969 г. Подписано к печати 26/V 1970 г.
Бумага № 1 70×108¹/₃₂=6,88 бум. л. Печ. усл. л. 19,25. Уч.-изд. л. 17,92,
Изд. № 12/5446. Цена 95 коп. Зак. 456.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР», Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.

